

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА РАО В.П. МАКСАКОВСКОГО

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ:

теория, методология и практика преподавания

Материалы научно-практической конференции

«ТРЕТЬИ МАКСАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

г. Москва, 18 мая 2018 г.

Под общей редакцией Д.В. Зайца

Москва

2018

УДК 372.891
ББК 74.262.68
С69

Главный редактор:

Д.В. Заяц, доцент кафедры экономической и социальной географии им. академика РАО В.П. Максаковского МПГУ, научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат географических наук

Редакционная коллегия:

Е.А. Антипова, заведующая кафедрой экономической и социальной географии Белорусского государственного университета, доктор географических наук, профессор;

С.А. Горохов, доцент кафедры экономической и социальной географии им. академика РАО В.П. Максаковского МПГУ, доктор географических наук;

В.А. Колосов, заведующий кафедрой географии мирового хозяйства МГУ им. М.В. Ломоносова, заместитель директора Института географии РАН, доктор географических наук, профессор;

А.А. Лобжанидзе, заведующий кафедрой экономической и социальной географии им. академика РАО В.П. Максаковского МПГУ, доктор педагогических наук;

Д.Л. Лопатников, профессор кафедры экономической и социальной географии им. академика РАО В.П. Максаковского МПГУ, доктор географических наук;

Т.И. Потоцкая, заведующая кафедрой социально-экономической географии и природопользования Смоленского государственного университета, доктор географических наук, профессор.

С69 Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Третьи Максаковские чтения», г. Москва, 18 мая 2018 г. / под общ. ред. Д.В. Зайца; Московский педагогический государственный университет. Географический факультет. – М.: МПГУ, 2018. – М.: Издательство «Перо», 2018. – 281 с.

ISBN 978-5-00122-331-3

Издание подготовлено в соответствии с решением ученого совета МПГУ о проведении ежегодной научно-практической конференции «Максаковские чтения» в Москве 18 мая 2018 г. В сборнике представлены материалы, посвященные современным проблемам социально-экономической географии, проводится анализ перспектив развития географии как науки и учебной дисциплины.

ISBN 978-5-00122-331-3

УДК 372.891
ББК 74.262.68

© МПГУ, 2018
© Коллектив авторов, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора-составителя

7

Раздел 1. Мировое хозяйство и региональное развитие в условиях глобализации

<i>Абрамович А.А., Абрамович О.К.</i> Основные тенденции регионального развития территории Беларуси, обозначенные на основе картографического метода исследования	10
<i>Адамайтыс С.А.</i> Возможности развития высокотехнологичных производств в городах Центрального экономического района	13
<i>Акимова В.В.</i> Солнечно-энергетический комплекс: особенности территориальной организации	19
<i>Бахчиева О.А.</i> Современные тренды региональной специфики машиностроения мира	24
<i>Галимов М.А.</i> Особенности развития транспорта приграничных Зеленовского и Бурлинского районов Западно-Казахстанской области	31
<i>Жигальская Л.О.</i> Трансформация территориальной структуры электроэнергетики Республики Беларусь	36
<i>Казаков Н.А., Доронина К.А.</i> Транспорт, использующий мускульную силу человека и животных	41
<i>Коновалова А.В.</i> Современное состояние социальной инфраструктуры на Юге России: региональный аспект	46
<i>Лавров Н.А.</i> Динамика исследования нанотехнологий по странам мира в начале XXI в.	51
<i>Леоненко Н.С.</i> Факторы и особенности размещения розничной сети «Магнит» в рамках завоевания рынка России сетевыми компаниями	56
<i>Лопатников Д.Л.</i> Концепция устойчивого развития: pro et contra	59
<i>Михайлов А.А.</i> Крупные иностранные компании как фактор изменения диспропорций социально-экономического развития регионов России	63
<i>Нагирная А.В.</i> Этапы распространения Интернета	68
<i>Панкратов А.А.</i> Особенности реализации федеральной кластерной политики в Российской Федерации	74
<i>Петрова А.С.</i> Ведущие космические комплексы мира и их географические особенности	80
<i>Петрова С.И.</i> География танкерных потоков в бассейне Тихого океана	85
<i>Роготень Н.Н.</i> Развитие военно-технического сотрудничества России и Беларуси	90

<i>Романов М.С.</i> Перспективы укрепления роли юаня как мировой валюты	96
<i>Самусенко Д.Н.</i> Роль Китая в международном движении прямых инвестиций	100
<i>Фахрисламова М.И.</i> Особенности туристского рынка, как рынка услуг	104

Раздел 2. Современные проблемы географии населения: анализ и решения

<i>Абдуллина М.Ф.</i> Особенности рынка труда России	109
<i>Агафшин М.М., Горохов С.А., Дмитриев Р.В.</i> Компоненты динамики численности христианского населения Европы в начале XXI в.	113
<i>Боголюбов А.В.</i> Тенденции миграционного движения городского населения Республики Башкортостан	118
<i>Гусаков Т.Ю.</i> Республика Крым: городская революция	122
<i>Емельянов Д.А., Емельянов А.С.</i> Территориальная подвижность населения как индикатор этносоциальной ситуации в Ярославском Верхневолжье	127
<i>Закиров И.В., Закирова А.И.</i> Медико-демографическая характеристика населения России: современные тренды	132
<i>Захаров И.А.</i> Буферная зона конфессионального пространства Африки в XX – начале XXI веков	137
<i>Лобжанидзе А.А.</i> Географические факторы распространения подростковой преступности в России	139
<i>Музафина М.Д.</i> Основные регионы привлечения рабочей силы в мире	144
<i>Романова Э.П., Аршинова М.А.</i> Продовольственные экосистемные услуги в городах Европы	147
<i>Соколов С.Н.</i> Оценка демографического потенциала Нижневартковского района	152
<i>Титов А.Н.</i> Процессы демографического старения в монопрофильных городах Беларуси на современном этапе развития	158
<i>Тихоцкая И.С.</i> Старение населения: опыт Японии	164
<i>Ткаченко А.А.</i> Кафедра экономической географии МГПИ и становление отечественной географии населения	169
<i>Эрдэнэсүх Сарнайцэцэг, Гончиков Ц.Д.</i> Особенности внутренней миграции населения Монголии	174

Раздел 3. Историческая и политическая география: глобальные и региональные проблемы

<i>Богатуров Д.С., Фелисеева А.А.</i> Этнополитическая ситуация в Республике Дагестан	179
<i>Василенко Т.С.</i> Аффрин – оливковая столица Сирии в курдских горах	184
<i>Ключников М.И.</i> География современного терроризма в Нигерии	187
<i>Кузнецов В.В., Сафронова Л.Е.</i> Политическая карта современного мира: развитие и проблемы	191
<i>Кузьмин Г.В.</i> Исторические этапы формирования жилых районов Москвы	194
<i>Куликова Н.Ю.</i> Сельские исторические поселения Русского севера, как культурные ландшафты	200
<i>Лобанов Г.В.</i> Изменение географического образа Брянска в научно-справочной, научно-популярной и учебной литературе	205
<i>Паршина Л.С.</i> Индия: предложения создания новых штатов – причины и стимулы	210
<i>Соколов А.С.</i> Принцип наследования границ и его роль в возникновении конфликтов в новых независимых государствах	213
<i>Ушаков Е.А.</i> Электоральное микрорайонирование крупного города (на примере Владивостока)	218
<i>Яшков И.А., Иванов А.В.</i> Некоторые проблемы урбанизации и эволюции сети поселений Казахстана в XX–XXI веках	224

Раздел 4. Актуальные проблемы преподавания общественной географии в школе и вузе

<i>Воробьев В.В.</i> Развитие и формирование геолого-геоморфологических понятий в линии учебников по географии «Вентана-Граф – Дрофа»	231
<i>Завада Д.Ю., Пономарева З.В.</i> Использование контурных карт при обучении географии	235
<i>Коваль П.А.</i> Методические подходы к изучению геотнического образа России на уроках географии	238
<i>Коновалова В.А.</i> «Кроссенс» как один из приемов формирования географического образа территории	241
<i>Обедков А.П.</i> Научно-исследовательские направления комплексного изучения стран и регионов	245
<i>Осипенко Г.Л.</i> Профессиональная направленность социальных компетенций при преподавании географических спецкурсов в вузах	251

<i>Острикова Н.И.</i> Образовательный потенциал геоэтического образа территории	253
<i>Паневина Г.Н.</i> Интерактивное обучение географии в старшей школе: особенности организации	258
<i>Таможняя Е.А., Беловолова Е.А.</i> Подходы к изучению регионального раздела курса «География России»	262
<i>Тиханьчик К.А., Сологуб Н.С.</i> Визуализация учебного материала как одно из средств активизации учебной деятельности в преподавании географии Беларуси	267
<i>Эмирова М.Е.</i> Некоторые методические приемы организации практической деятельности младших школьников с геоизображениями	273
Алфавитный список авторов	276

ОТ РЕДАКТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ

«Максаковские чтения» проходят на географическом факультете Московского педагогического государственного университета уже третий год кряду. Они посвящены памяти многолетнего руководителя кафедры экономической и социальной географии Владимира Павловича Максаковского (1924–2015). Как принято по уже сформировавшейся традиции, четные чтения проводятся в дистанционной электронной форме, а нечетные – с организацией очного форума, на который приглашаются все достойные внимания исследования.

На «Третьи Максаковские чтения» принято 57 материалов, многие из которых написаны в соавторстве и сотворчестве, поэтому участников форума несколько больше – 71 человек. Основная их часть представляет Москву, но на страницах сборника звучат и города Европейской России (Санкт-Петербург, Воронеж, Уфа, Сыктывкар, Краснодар, Ярославль, Владимир, Чебоксары, Тверь, Брянск, Саратов), и даже Сибири и Дальнего Востока (Омск, Нижневартовск, Улан-Удэ, Владивосток). Как всегда приятно видеть в едином профессиональном сообществе гостей из ближнего зарубежья – белорусских географов из Минска и Гомеля, участника из казахстанского Уральска.

Материалы «Максаковских чтений» столь же многообразны и полимасштабны, как были многолики и разносторонни научные интересы их идейного вдохновителя – В.П. Максаковского. Участники чтений в своих исследованиях затрагивают насущные проблемы географии России и зарубежных стран, говорят о методике преподавания географии, рассуждают о миссии учебной дисциплины в современном обществе.

Самым большим по объему выдался раздел «Мировое хозяйство и региональное развитие в условиях глобализации», в котором можно найти и отраслевые исследования (география Интернета, пространственные аспекты космического комплекса, проблемы танкерных перевозок, тренды развития мирового машиностроения, материалы о солнечной энергетике, сети розничной торговли, нанотехнологиях, туристском рынке), и статьи о географии регионов России (развитие высокотехнологичных производств в городах Центрального экономического района, состояние социальной инфраструктуры Юга России), стран нового российского порубежья (Белоруссия, Казахстан), отдельных стран мира (Китай). Авторы заботят и такие серьезные вопросы, как концепция устойчивого развития и диспропорции социально-экономического развития регионов России.

Раздел «Современные проблемы географии населения: анализ и решения» включил в себя исследования о демографических и миграционных проблемах отдельных регионов России – Ярославского, Нижневолжья, Республики Крым, Республики Башкортостан, Нижневартовского района. Проблема старения населения рассматривается на примерах двух разных по духу и культуре стран мира – Японии и

Белоруссии. Изучаются вопросы и конфессиональной географии на примерах Европы и Африки. Большой интерес вызывают материалы, посвященные географическим факторам распространения подростковой преступности в России и продовольственным экосистемным услугам в городах Европы.

В разделе «Историческая и политическая география: глобальные и региональные проблемы» собраны исследования, посвященные современным сложным и противоречивым политическим процессам, протекающим на Ближнем Востоке (Сирийский Курдистан), Северном Кавказе (Дагестан), Южной Азии (Индия), Западной Африке (Нигерия). Они перекликаются с материалами, раскрывающими исторические корни современных глобальных и локальных пространственных процессов, будь то формирование политической карты мира или постсоветского пространства, эволюция сети поселений Казахстана, развитие культурных ландшафтов Русского севера или же исторических зон застройки Москвы.

Наконец, раздел «Актуальные проблемы преподавания общественной географии в школе и вузе» призван познакомить читателей с географическим образованием в современных средних и высших учебных заведениях. Материалы раздела имеют широкий диапазон от методики комплексного изучения стран и регионов мира, рекомендаций к изучению курса отечественной географии, программы интерактивного обучения в старшей школе до отдельных приемов, способствующих усилению познавательного интереса школьников на уроках путем использования контурных карт, картографических ресурсов, «кроссенсов», геоэтнических и геопоэтических образов территории.

Материалы участников «Максаковских чтений» в рамках разделов приведены в алфавитном порядке. Это сделано намеренно: в едином клубе единомышленников и почитателей таланта В.П. Максаковского нет ни грандов, ни новичков, мнения и научные результаты каждого исследователя ценны и самобытны.

Главный редактор сборника
Д.В. Заяц

**Раздел 1. Мировое хозяйство и
региональное развитие в условиях
глобализации**

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ
ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ, ОБОЗНАЧЕННЫЕ НА ОСНОВЕ
КАРТОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ
*THE MAIN TRENDS OF REGIONAL DEVELOPMENT OF THE TERRITORY OF BELARUS
ARE SPECIFIED ON THE BASIS OF CARTOGRAPHIC METHOD*

Абрамович А.А., Абрамович О.К.
Abramovich A.A., Abramovich O.K.

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины,
г. Гомель (Республика Беларусь)
Gomel State University F. Skoriny, Republic of Belarus

Аннотация. На основе картографического метода исследования проанализирована возможность возникновения геодинамической опасности и геодинамического риска на территории Республики Беларусь. Отмечено соответствие результатов инструментальных съемок прогнозным данным. Выводы имеют прикладное значение.

Abstract. *On the basis of the cartographic method of research the possibility of geodynamic hazard and geodynamic risk occurrence in the territory of the Republic of Belarus is analyzed. The correspondence of the results of instrumental surveys to forecast data is noted. The conclusions are of practical importance.*

Ключевые слова: геодинамика, визуальный анализ, оценка, нестабильность, риск, катастрофа.

Keywords: *geodynamics, visual analysis, estimation, instability, risk, catastrophe.*

Одна из особенностей современного этапа развития цивилизации связана с возрастанием риска природных и техногенных катастроф, влекущих за собой значительные социально-экономические и экологические последствия. Примером тому может служить авария на Чернобыльской АЭС.

Для обеспечения геодинамической безопасности территории и своевременного принятия соответствующих организационных, технологических и других мер по снижению возможного ущерба от проявления геодинамических событий необходимо иметь представления о масштабах, формах и уровне проявления современных геодинамических процессов. Имеются в виду как природные тектонические процессы, активно проявляющиеся в современный период (порядка десятков лет), так и техногенно-индуцированные геодинамические процессы, проявляющиеся в районах интенсивной хозяйственной деятельности.

К естественным (природным) смещениям относятся: гидротермические микродвижения; микронаклоны земной поверхности; колебания земной поверхности, обусловленные лунно-солнечными приливами; микродвижения, связанные с океаническими приливами и

сгонно-нагонными явлениями. К техногенным (антропогенным) смещениям относятся: оседания земной поверхности, связанные с проходкой подземных горных выработок; оседания земной поверхности из-за откачек подземных или других жидких и газообразных полезных ископаемых; смещения горных пород под влиянием взрывов, работы машин, движения поездов и др.; смещения горных пород в результате изменения природного давления при вскрытии строительных котлованов или при возведении различных сооружений; смещения земной поверхности, связанные с искусственными изменениями гидротермического режима горных пород и т. п. Все перечисленные факторы имеют место на территории Беларуси.

В проблеме природно-техногенных катастроф основное внимание следует уделять многоступенчатым катастрофам, когда первичные процессы некатастрофического масштаба могут породить последующие более сильные процессы с катастрофическим исходом. Основано это на известных фактах, когда небольшое по величине природное, либо техногенное воздействие на напряженную геологическую среду, находящуюся в состоянии неустойчивого равновесия, может привести к сильным и даже катастрофическим геодинамическим событиям. Исследования показали, что современные природно-техногенные геодинамические события инициируют комбинации нескольких факторов, которые создают условия благоприятные для их возникновения. Существует понятие геодинамической опасности, например, когда территория подвержена воздействию современной аномальной геодинамики недр, которая при определенных обстоятельствах может привести к негативным последствиям для человека и среды его обитания, то есть при определенных условиях геодинамическая опасность превращается в геодинамический риск. Уязвимость объекта риска имеет двоякий смысл. Если рассматривать аварийные ситуации на объектах, то уязвимость может быть вероятностью того, что современные аномальные деформационные процессы выведут из строя тот или иной объект или вероятностью того, что тектонические процессы превысят по величине установленный норматив на допустимый уровень современной динамической активности земной поверхности, а это приведет к необходимости затрат на защитные и профилактические работы.

Территория основных регионов Беларуси была проанализирована на возможность проявления аномальных движений земной поверхности, вызванных природными и техногенными факторами. Для районирования использовался картографический метод исследования, основанный на коммуникативной функции карт по хранению и передачи пространственной информации. Для выявления влияния природных факторов были рассмотрены следующие карты: тектоническая, масштаба 1:1 250 000, общего сейсмического районирования, масштаба 1:5 000 000, магнитных аномалий, масштаба 1:3 000 000, гравитационных аномалий, масштаба 1:3 000 000, сеймотектоническая карта, масштаба 1:4 000 000, современных вертикальных движений земной коры, масштаба 1:4 000 000,

наблюдаемой плотности теплового излучения, масштаба 1:4 000 000, современных геологических процессов, масштаба 1:3 000 000, геодинамическая, масштаба 1:3 000 000, районирования по проявлению экстремальных геоморфологических процессов, масштаба 1:3 000 000. Самыми неблагоприятными по суммарному влиянию оказались Мозырский и Светлогорский районы Гомельской области.

Для выявления влияния техногенных факторов рассмотрены карты: полезных ископаемых дочетвертичных отложений и четвертичных отложений масштабов 1:2 000 000, эксплуатационных запасов пресных подземных вод, масштаба 1:3 000 000, водохранилищ, масштаба 1:4 000 000, сельскохозяйственного освоения земель, масштаба 1:2 000 000, осушения земель, масштаба 1:2 000 000, антропогенного воздействия на окружающую среду, масштаба 1:3 000 000, промышленности, масштаба 1:2 000 000, транспортной сети, масштаба 1:1 250 000.

Самым загруженным в техногенном отношении оказался участок Солигорск – Светлогорск – Жлобин. Можно разработать шкалу подобных оценок. Если проанализировать результаты нивелирования государственных опорных сетей на территории основных регионов Беларуси, то на основании ведомости сопоставления превышений за разные периоды возможно определить участки с динамикой, не позволяющей строительство в этих районах сооружений прецизионного класса. Территория северо-западнее, севернее и северо-восточнее города Бреста подвержена значительным колебаниям земной поверхности вследствие разведки и добычи месторождений углеводородов в Брестско-Подляской впадине, имеющей продолжение на территории Польши. Территория севернее и северо-восточнее города Пинска также характеризуется значительными колебаниями земной поверхности, которые связаны с добычей калийной соли, каменной соли и другого сырья химической промышленности. Территория западнее и северо-западнее города Гомеля подвержена значительным колебаниям земной поверхности вследствие разведки и добычи на месторождениях углеводородов. Территория восточнее, северо-восточнее и юго-восточнее города Бобруйска является нестабильной вследствие активных природных факторов. Она испытывает значительные колебания земной поверхности, так как располагается на границе тектонических структур (седловины и впадины). Данные инструментальных съемок соответствуют результатам визуального анализа по серии карт и могут быть учтены при проектировании промышленного, а также и гражданского строительства на территории основных регионов Беларуси.

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ
ПРОИЗВОДСТВ В ГОРОДАХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РАЙОНА
*OPPORTUNITIES OF HIGH TECH INDUSTRIES DEVELOPMENT IN THE CITIES
OF CENTRAL ECONOMIC REGION OF RUSSIA*

Адамайтис С.А.
Adamaitis S.A.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва
Lomonosov Moscow State University

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы высокотехнологичного и инновационного развития России. При помощи методов главных компонент и корреляций Пирсона выделены факторы, влияющие на деятельность высокотехнологичных фирм в городах Центрального экономического района, а затем создан индекс высокотехнологичного потенциала.

Abstract. *This article is focused on problems of high tech and innovative development of Russia. By means of principle components and Pearson correlation coefficients the factors influencing on activity of high tech firms in cities of Central economic region of Russia were distinguished and then the integral index of high tech development potential was created.*

Ключевые слова: высокие технологии, инновации, высокотехнологичное развитие, факторы высокотехнологичного развития.

Keywords: *high technologies, innovations, high tech development, factors of high tech development.*

Развитие высоких технологий – один из приоритетов экономической политики в РФ. В современном быстроменяющемся мире преимущество в этих отраслях обеспечивает и экономическое лидерство. При этом инновационное и высокотехнологичное развитие тесным образом связано с перетоками знаний между людьми и организациями, а наиболее эффективно эти процессы идут в крупных городах. С этой точки зрения Центральный экономический район (далее – ЦЭР) представляет особый интерес для исследований: долгое время его важнейшая роль в хозяйственной и политической жизни России обуславливала приоритетность в создании и внедрении инноваций, но с переходом к рыночной экономике ряд областей откатились в развитии к предыдущим технологическим этапам и стали депрессивными.

Для выделения высоких технологий чаще всего используется отраслевой подход, предложенный Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в 1984 г. и дополненный в 2009 г. [10]. В его основе лежит доля затрат на НИОКР в общей стоимости продукции. Выделяются две группы: отрасли высокотехнологичные и

среднетехнологичные высокого уровня. К высокотехнологичным (доля НИОКР – более 8% затрат) относятся фармацевтика, производство вычислительной техники, электронных компонентов, теле- и радиоаппаратуры, медицинских изделий, измерительных и оптических приборов, фото- и кинооборудования, летательных и космических аппаратов. В 2013 г. Росстат ввел классификацию, основанную на систематизации ОЭСР.

Существенное число исследований, касающихся инноваций и высоких технологий, проведено американскими учеными. Р. Солоу преобразил производственную функцию Кобба-Дугласа, сделав технический прогресс фактором экономического роста, как труд и капитал. Р. Флорида разработал теорию креативного класса, по которой ключевым фактором экономического роста становятся творческие люди. Ц. Грилихес и Д. Ромер факторами экономического роста считали размер средств, затраченных на НИОКР, человеческий капитал и уровень накопленных знаний. П. Кругман попытался применить географический подход и выделил агломерационные эффекты как один из факторов развития [5, 6, 7, 8].

Исследованиями высоких технологий в России занимается ряд ученых. Можно выделить экономистов С.Ю. Глазьева, философов А.М. Кулькина и А.Н. Авдулова. Из географов крупными специалистами являются В.Л. Бабурин, А.П. Горкин и С.П. Земцов [1, 2]. В ряде работ говорится о существенных проблемах России в этой сфере: доля страны на мировом рынке высокотехнологичной продукции составляет всего 0,4% [3].

Выборка для исследования состоит из городов с населением более 20 тыс. чел. и наличием хотя бы одной высокотехнологичной фирмы. Москва в исследовании не рассматривалась. Из отобранных 108 городов 56 расположены в Московской обл. Это косвенно говорит о высоком влиянии Москвы как основного центра распространения инноваций и рынка сбыта. В городах с населением более 20 тыс. чел. зарегистрировано 1171 из 1332 компаний ЦЭР (87,9%), занятых, согласно коду ОКВЭД, высокотехнологичными и средневысокотехнологичными видами деятельности.

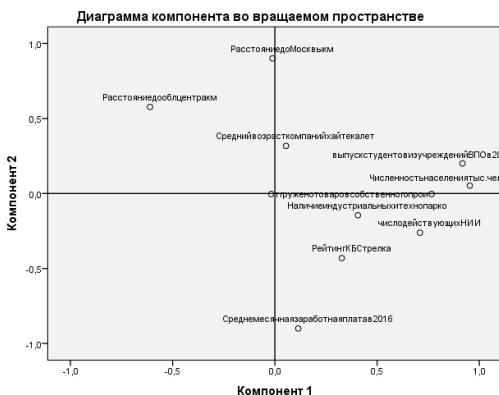
В большинстве обследованных городов (57%) зарегистрировано не более пяти высокотехнологичных компаний, лишь в трех городах (3,7%) зарегистрировано более 50 фирм. Среди лидирующих по этому показателю групп городов можно выделить областные центры (Рязань, Ярославль, Тула, Брянск, Орел, Калуга), большие индустриальные города (Рыбинск, Коломна и др.), наукограды и пригороды Москвы (Дубна, Обнинск, Мытищи, Долгопрудный и др.). В аутсайдерах – малые города, особенно расположенные за пределами Московской обл.

Проанализировав ряд работ по тематике высоких технологий, автор сделал предположение, что на развитие инновационных видов бизнеса на городском уровне влияет несколько групп факторов: качество человеческого капитала, имеющийся уровень научно-технологического и экономического развития, наличие соответствующей инфраструктуры,

качество городской среды и агломерационные эффекты (с учетом экономико-географического положения).

В результате для целей исследования было отобрано 11 показателей. Качество человеческого капитала оценено через число студентов, выпущенных из учреждений ВПО, и среднюю заработную плату в муниципальном образовании, в котором расположен город. Уровень развития оценен посредством количества НИИ, объема отгруженной продукции в муниципальном образовании и среднего возраста зарегистрированных высокотехнологичных компаний. Наличие индустриальных или технологических парков в городе отражает наличие необходимой инфраструктуры. Для отражения агломерационных эффектов и ЭГП использованы численность населения и расстояние до областного центра и Москвы. Наконец, для оценки качества городской среды взят интегральный индекс, составленный КБ «Стрелка» [9, 11, 12].

Для целей дальнейшего исследования были использованы методы факторного анализа (путем выделения главных компонент) и парных корреляций Пирсона. Было выделено два основных компонента. Первый объясняет 35% дисперсии, второй – еще 23,7% (рис. 1). Всего объясняется 58,7% совокупной дисперсии, что не слишком много, но позволяет делать достаточно точные выводы. В первом компоненте в повернутой матрице наибольшая нагрузка приходится на численность населения (0,953), выпуск студентов (0,917), отгрузку товаров собственного производства (0,766) и число действующих НИИ (0,710). Во втором компоненте высоко значимы расстояния до Москвы (0,901) и областного центра (0,577). Остальные показатели оказались не столь значимыми.

*Рис. 1. Диаграмма компонент во вращаемом пространстве.
Составлено автором по данным [9, 11, 12]*

Для подтверждения полученных результатов была построена также матрица парных корреляций. В большинстве случаев взаимосвязи между показателями подтверждаются. Тем не менее зависимость числа компаний

от расстояния до столицы, согласно данной матрице, не прослеживается, из-за чего с высокой надежностью в дальнейшем ее применять нельзя. Среди оставшихся показателей сильнее всего вновь влияют выпуск студентов из вузов и численность населения города. С другой стороны, показатель населения демонстрирует слишком сильную корреляцию с числом студентов (0,893), что может говорить о наличии автокорреляции.

Полученные данные свидетельствуют, что на муниципальном уровне наибольшую роль в развитии высоких технологий играют человеческий капитал и возможности для диффузии инноваций, лучше представленные в более крупных городах. Немаловажным является и накопленный ранее потенциал – как научный, так и производственный. Остальные же группы факторов оказались не столь существенными. Факторная нагрузка и корреляция с наличием индустриальных или технологических парков (показатель инфраструктурной обеспеченности) слабые, а влияние ЭГП значимо и относительно велико лишь при удалении от областного центра. Качество городской среды преимущественно не играет существенной роли, как и возраст компаний.

Для более точного определения возможностей для развития высоких технологий в отдельных городах автор считал необходимым создать интегрирующий показатель, на основе которого можно провести более глубокую и обоснованную типологию исследуемых городов. Применяемые показатели должны адекватно отражать различные факторы, при этом не должно быть автокорреляции.

Результаты факторного анализа и проверки матрицей парных корреляций позволяют учесть вышеуказанные условия и создать интегральный индекс, оценивающий благоприятность города для высокотехнологичных производств, используя наиболее значимые показатели. К таким относятся выпуск студентов, отгрузка товаров собственного производства и число действующих НИИ. Также в индексе применен показатель расстояния до областных центров, обладающий достаточно высокими значимостью и корреляцией. Для данных индикаторов (I) было проведено линейное масштабирование по формуле:

$$I = (X_n - X_{\min}) / (X_{\max} - X_{\min}),$$

где X_n – значение показателя для города, X_{\min} – его минимальное значение, X_{\max} – максимальное. Для расстояния до областных центров полученный индекс был «перевернут» (вычтен из единицы), поскольку в данном случае близость является положительным фактором.

В соответствии с факторной нагрузкой для полученных индексов были подобраны веса. Итоговый индекс представлен ниже:

$$C_{ht} = (0,92I_{st} + 0,77I_{pr} + 0,71I_{sc} + 0,61I_{dis}) / 4,$$

где C_{ht} – интегральный индекс высокотехнологичного потенциала, I_{st} – индекс студентов, выпущенных из учреждений ВПО, I_{pr} – индекс объема обрабатывающих производств, I_{sc} – индекс научного потенциала (число НИИ), I_{dis} – индекс расстояния до областного центра.

На основе значений индекса отобранные для исследования города были типологизированы (рис. 2). Методом естественных интервалов в среде ArcGIS выделено пять групп городов по потенциалу высокотехнологичного развития:

1) очень благоприятные – значения индекса более 0,39 (максимальные – в Рязани – 0,624) характерны для большинства областных центров, представлен один город из Московской обл. (Мытищи);

2) благоприятные – значения индекса от 0,25 до 0,32, представлены преимущественно пригородами Москвы и тремя наукоградами (Черноголовка, Обнинск и Пущино), также в этой группе находится Кострома;

3) средней благоприятности – значения индекса от 0,169 до 0,23, сюда относится большинство оставшихся городов Московской обл. и вторые города других регионов (Ковров, Рыбинск);

4) неблагоприятные – значения индекса от 0,1 до 0,16, в эту группу попало около четверти городов Московской обл. (отдаленных от столицы) и средние города других областей (например, Щекино, Александров, Ярцево);

5) очень неблагоприятные – значения индекса ниже 0,1 (самое низкое в Гагарине – 0,017), характерны для малых городов всех областей, кроме Московской, многие из этих городов сильно удалены от Москвы.

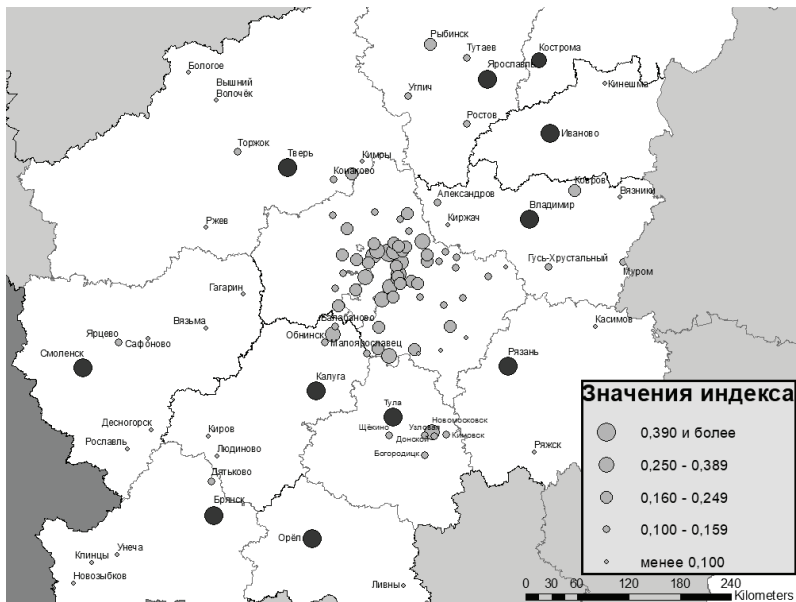

Рис. 2. Типология городов Центрального экономического района по потенциалу высокотехнологичного развития.

Составлено и рассчитано автором по данным [12]

Какие можно сделать выводы?

Во-первых, имеется очень заметная дифференциация «инновационного пространства» района. Наилучшие условия для высокотехнологичных предприятий складываются в крупных городах – областных центрах и пригородах Москвы, где уже расположены важнейшие заводы, связанные с этой сферой. Отмечается зависимость между размером города и его возможностями для развития инновационных производств, к которым относятся высокотехнологичные. Это можно объяснить большим разнообразием видов деятельности, нарастающим с увеличением города. Для малых городов чаще характерна монопрофильность, не способствующая появлению инноваций [4].

Во-вторых, несмотря на отсутствие корреляции между расстоянием от Москвы и числом высокотехнологичных компаний, можно проследить закономерность, что наиболее удаленные от столицы города обычно имеют наименьший индекс. Это прослеживается даже на уровне областных центров – в Костроме и Орле значение индекса меньше, чем в Твери, Калуге, Туле и Рязани.

В-третьих, факторный и корреляционный анализы показывают, что влияние инфраструктурной обеспеченности и качества городской среды в России еще не столь велико, как в странах Запада. Возможно, эти факторы важны при сравнении крупных городов, однако для малых не являются решающим конкурентным преимуществом.

В-четвертых, на фоне большого количества работ, посвященных сравнению инновационного или высокотехнологичного развития регионов России, была предпринята одна из первых попыток оценки на более локальном уровне. Тем не менее низкое качество муниципальной статистики оставляет много вопросов, и продолжение исследований в этом направлении необходимо.

Литература

1. Авдулов А.Н., Кулькин А.В. Научные и технологические парки, технополисы и регионы науки // М.: ИНИОН РАН, 2005. – 148 с.
2. Земцов С.П., Баринаева В.А., Мурадов А., Имодженов У. Факторы инновационной активности регионов России: что важнее – человек или капитал? // Форсайт. 2016. – № 2. – С. 29-42.
3. Карачаровский В.В. Высокотехнологичное развитие от СССР до современной России: проблемы, достижения, возможности // От СССР к РФ: 20 лет – итоги и уроки. Материалы Всероссийской научной конференции 25.11.2011. – М.: Научный эксперт, 2012.
4. Henderson V., Kuncoro A., Turner M. Industrial development in cities // *Journal of Political Economy*. – 1995. – № 5. – Т. 103. – С. 1067-1090.
5. Florida R. *The Rise of the Creative Class. And how it's Transforming Work, Leisure and Everyday Life* // Basic Books, 2002.
6. Krugman P. Increasing Returns and Economic Geography // *Journal of Political Economy*. – 1991. – Vol. 99. – P. 483-499.

7. Romer D., Mankiw G., Weil D. Contribution to the Empirics of Economic Growth // NBER Working Paper. – 1990. – December. – № 3541.

8. Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // The Quarterly Journal of Economics. – 1956. – February. – Vol. 70. – № 1. – P. 65-94.

9. Индекс качества городской среды КБ «Стрелка» – <http://индекс-городов.рф>

10. Организация экономического сотрудничества и развития – <http://www.oecd.org>

11. Система «СПАРК-Интерфакс» – <http://www.spark-interfax.ru>

12. Федеральная служба государственной статистики – www.gks.ru

СОЛНЕЧНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС:
ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
SOLAR ENERGY COMPLEX: SPECIFICS OF ITS TERRITORIAL ORGANIZATION

Акимова В.В.

Akimova V.V

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

г. Москва

Lomonosov Moscow State University

Аннотация. Статья представляет собой географический анализ солнечно-энергетического комплекса. В рамках исследования разработано определение этой части мирового ТЭКа, выявлены основные особенности и закономерности формирования его территориальной организации. Исследование, проведенное на основе оригинальных источников и официальных документов, позволило сделать вывод о том, что результатом развития солнечно-энергетического комплекса является его пространственная экспансия и возникновение полицентрической модели территориальной структуры отрасли.

Abstract. *The article is dedicated to a geographical analysis of the solar energy complex. In this study the definition of this object of the world fuel and energy complex was developed, and the main features and patterns of the formation of its territorial organization were revealed. The research conducted on the basis of original sources and official documents made it possible to conclude that the result of the development of the solar energy complex is its spatial expansion and the emergence of a polycentric model of the territorial structure of the industry.*

Ключевые слова: экономическая география, возобновляемые источники энергии, солнечная энергетика, солнечно-энергетический комплекс.

Keywords: economic geography, renewable energy sources, solar energy, solar energy complex.

В условиях ограниченности традиционных источников энергии, нестабильности их цен на мировом рынке, а также обеспокоенности экологическими последствиями использования ископаемых источников энергии, все больше стран пытаются найти способы обеспечения национальной энергетической безопасности. Одним из эффективных ответов на глобальный энергетический вызов является солнечная энергетика.

На данный момент солнечная энергетика присутствует более чем в 75 странах мира, а в ряде стран способна составить самую серьезную конкуренцию традиционной энергетике, особенно в условиях достижения сетевого паритета. За последние пять лет суммарные установленные мощности солнечной энергетики увеличились в 5,8 раз, что более чем в два раза выше, нежели у ее главного конкурента – ветровой энергетики (2,2) [3]. Ни одна отрасль промышленности в мире, включая телекоммуникации и производство компьютеров, не имела таких темпов роста. В отдельных странах солнечные установки уже вырабатывают 4-8% потребляемой электроэнергии. Таким образом, солнечная энергетика приобретает большее значение в обеспечении национальной энергетической безопасности и представляет интерес для экономико-географического исследования.

В последнее время наблюдается усиление роли технологий, увеличение доли наукоемких производств, что в результате приводит к стиранию границ между различными традиционными секторами экономики и, как следствие, – появлению межсекторальных комплексов: агропромышленного, военного, медицинского и многих других. Такое группирование различных отраслей экономики не могло не коснуться и энергетического сектора, особенно в отношении новых энергетических направлений, а именно возобновляемой энергетике.

По результатам проведенного комплексного исследования автор предлагает ввести понятие солнечно-энергетического комплекса (СЭК). Под данным термином понимается интегрированная система различных видов деятельности, относящихся к разным секторам экономики (первичному, вторичному, третичному), но объединенных целевой функцией в экономике и обществе (в нашем случае – производством различных видов энергии) и характером слагающих элементов [2]. То есть солнечно-энергетический комплекс включает в себя все виды деятельности, направленные на создание конечной солнечной установки и ввода ее в эксплуатацию: от производства поликремния до оказания услуг населению по проектированию, выбору дизайнера и рекламе солнечных установок, тем самым объединяя природный, экономический, институциональный, социальный аспекты человеческой деятельности, интегрируя

экономический вектор производства с социальным вектором потребления товаров и услуг.

Несмотря на то, что солнечно-энергетический комплекс представляет собой целостную многокомпонентную систему, обладающую функциональным единством, входящие в его состав подсистемы обладают своей производственной спецификой, что обуславливает необходимость их дифференцированного изучения в рамках настоящего исследования и разделения солнечно-энергетического комплекса на два подтипа: фотовольтаический СЭК и гелиотермальный СЭК. В гелиотермальном солнечно-энергетическом комплексе для выполнения целевой функции используются технологии преобразования солнечной энергии в тепло (с помощью солнечных коллекторов) и технологии концентрирования солнечной энергии с ее последующим преобразованием в электроэнергию, а в фотовольтаическом СЭК – технология прямого преобразования солнечной энергии в электроэнергию. В свою очередь, фотовольтаический СЭК имеет два сектора: промышленный и индивидуальный. Гелиотермальный также имеет два сектора: в индивидуальном секторе применяются солнечные коллекторы, в промышленном – концентрирующие солнечные установки.

В результате проведенного исследования было выявлено, что развитие мирового солнечно-энергетического комплекса сопровождается его пространственной экспансией. Если на ранних этапах развития солнечной энергетики ее территориальная структура носила ярко выраженный «евромонацентрический» характер, то наблюдаемый в настоящее время процесс появления новых полюсов роста привел к возникновению полицентрической модели территориальной структуры. В этой модели выделяются три главных центра: *европейский* во главе с Германией (на протяжении последних десяти лет сохранявшей за собой статус мирового лидера), Испанией (лидер в концентрирующей солнечной энергетике), Италией и с недавних пор Великобританией; *американский* – с США и *азиатский*, в котором основными полюсами роста являются две страны – Китай (с 2015 г. мировой лидер по суммарным установленным мощностям, 43 ГВт) и Япония (где в результате остановки всех действующих ядерных реакторов в связи с аварией на АЭС «Фукусима-1» в 2011 г. с 2012 г. наблюдается настоящий «солнечный бум», призванный восполнить дефицит энергетических мощностей) [1].

Наряду с динамичным развитием крупных центров, возникает масса менее значимых, способствующих изменению структуры размещения объектов отрасли. В будущем, возможно, именно эти новые центры станут локомотивами развития мировой солнечной энергетики. Так, в Северной Америке в состав «солнечного клуба», включающего до недавнего времени только США, вошла и Канада, в Европе к Германии, Италии, Франции и Испании присоединились Великобритания и Бельгия, в перспективе в лидеры могут выйти также Болгария, Чехия и Румыния.

В странах Южной Америки и Африки солнечная энергетика пока не получила широкого распространения, но в перспективе эти регионы представляют собой один из основных полигонов развития данной отрасли в связи с наличием спроса, высоким уровнем солнечной радиации на большей части территории и экологическим фактором.

Несмотря на пространственную экспансию, солнечно-энергетический комплекс характеризуется высокой степенью территориальной концентрации на различных уровнях: внутривнутристрановом, страновом и макрорегиональном. На уровне макрорегионов 45% фотовольтаических мощностей приходится на Европу, в геотермальной энергетике (без КСЭ) – 73% на страны АТР, в концентрирующей – более 50% на Европу.

На страновом уровне мировым лидером в фотовольтаике является Китай, на который приходится 19% всех электроэнергетических мощностей, в геотермальной – также Китай (около 70%), в концентрирующей – Испания (50%). Все данные по состоянию на 2015 г.

Особенно заметна тенденция к увеличению территориальной концентрации на внутривнутристрановом уровне, где ядро образуют 3-4 региона, в отдельных случаях 1-2: Ганьсу, Цинхай, Цзянсу, Внутренняя Монголия – в Китае; Бавария, Баден-Вюртемберг и Северный Рейн – Вестфалия – в Германии; Эстремадура и Андалусия – в Испании; Калифорния, Северная Каролина и Аризона – в США; Оита, Айти, Аомори и Хоккайдо – в Японии.

Важнейшей тенденцией территориального развития мирового солнечно-энергетического комплекса в последние годы является его ускоренный рост в странах Восточной Азии и так называемый дрейф на восток. За период 2012–2015 гг. доля азиатских стран в мировых фотовольтаических мощностях выросла с менее 20% до 38%, а в геотермальной энергетике – с 68% до 74%, тогда как европейских упала с 69% до 42% и с 17% до 11% соответственно. Аналогичная смена вектора развития наблюдалась в производстве комплектующих и оборудования для отрасли, а также в сфере услуг (дизайн, мониторинг, реклама и т. п.), то есть в секторах, где зачастую действуют одни и те же компании.

Основным мировым центром производства солнечных установок и комплектующих для них стал Китай, с которым конкурируют европейские страны и США. Китай занимает лидирующие позиции за счет того, что технологии по использованию энергии Солнца, впервые появившиеся в развитых странах Европы и США, в китайском исполнении оказываются гораздо дешевле (разница цен составляет около 20-25%).

В результате на Китай приходится более 60% мирового производства фотоэлементов, 70% солнечных модулей. В сложившейся ситуации европейским и американским компаниям ничего другого не остается, кроме как искать новые высокотехнологичные решения выхода из сложившейся ситуации, например, за счет специализации на производстве тонкопленочных солнечных модулей с меньшей эффективностью преобразования, но и с меньшими капитальными затратами.

Европа и США еще сохраняют свои позиции на рынке поликремния, так как его производство – очень технологически сложный процесс. В результате, в условиях снижения цен на поликремний, Китай пока еще не может производить одновременно и качественный, и дешевый продукт, и, как следствие, не может обеспечивать выпуск поликремния в достаточном объеме для того, чтобы доминировать и в этом производственном сегменте.

Китай является бесспорным лидером и на рынке солнечных коллекторов, при этом он специализируется на производстве самых совершенных и технологически сложных их разновидностей, в то время как Европа и США активно развивают производство простейших дешевых гелиоустановок. Это связано с тем, что европейские и американские компании не выдерживают ценовую конкуренцию с Китаем в рамках производства технологически сложных коллекторов, которые благодаря своим техническим характеристикам наиболее эффективны для применения в самом Китае (кроме того, они требуют меньших денежных вложений в течение срока эксплуатации системы по сравнению с газовыми аналогами, что и предопределяет их популярность в стране).

Концентрирующая солнечная энергетика – еще очень молодая отрасль, поэтому лидеры на мировом рынке еще не закрепились и меняются в зависимости от технологии и проекта. Тем не менее, концентрирующая солнечная энергетика является перспективной отраслью именно для развивающихся стран. Причины этого носят экономический и географический характер. Концентрирующая солнечная энергетика наиболее эффективна при размещении в районах тропического пояса с высоким уровнем солнечной радиации, выигрывает от эффекта масштаба и не имеет потребности в дорогих фотовольтаических материалах.

Таким образом, солнечная энергетика действительно является одной из самых быстроразвивающихся отраслей экономики. Сочетание традиционного ресурсного вектора (использование солнечной энергии) и новых технологий позволило солнечной энергетике на равных конкурировать с традиционной углеводородной энергетикой и постепенно начать выигрывать государственные и индивидуальные потребительские предпочтения у своего главного конкурента – ветровой энергетике. Результатом активного развития солнечно-энергетического комплекса является его пространственная экспансия. Если на ранних этапах развития его территориальную структуру можно было охарактеризовать как «евромонацентрическую», то в последние десятилетия наблюдается процесс появления новых полюсов роста (особенно в Азиатской части), которые плавно превращают структуру комплекса в полицентрическую с тремя главными центрами: европейским (Германия, Италия, Испания, Великобритания), североамериканским (США) и азиатским (Япония и Китай).

Литература

1. Акимова В.В., Тихоцкая И.С. Новое японское «чудо»... Солнечное! // Азия и Африка сегодня. – 2014. – № 9. – С. 18-25.
2. Акимова В.В. Типология стран по уровню развития солнечной энергетики // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2015. – № 4. – С. 89–95.
3. Jäger-Waldau A. PV status report 2016: Research, Solar Cell Production and Market Implementations of Photovoltaics – European Commission, Joint Research Centre, Institute for Energy and Transport, Italy, 2016. – 90 p.

СОВРЕМЕННЫЕ ТRENДЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ МАШИНОСТРОЕНИЯ МИРА *MODERN TRENDS OF THE REGIONAL SPECIFICITY OF MACHINE-BUILDING IN THE WORLD*

Бахчиева О.А.
Bakhchieva O.A.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», г. Москва
Moscow State University of Psychology & Education

Аннотация. В статье рассмотрены подходы к машиностроению как ведущей отрасли промышленного производства. Основные «игроки» на рынке машиностроительной продукции в течение продолжительного периода продолжают занимать ключевые позиции в мировой экономике. Вместе с тем, инновационная политика, направленная на повышение эффективности машиностроения как основы общественного производства, вносит свои коррективы в региональную специфику машиностроения. В статье рассмотрены региональные лидеры и специфика машиностроения в них.

Abstract. *The article considers modern approaches to mechanical engineering as a leading branch of industrial production. The main "players" in the market of machine-building products for a long period continue to occupy key positions in the world economy. At the same time, the innovative policy aimed at improving the efficiency of mechanical engineering as the basis of social production makes its own adjustments to the regional specifics of mechanical engineering. The article discusses the regional leaders and the specifics of mechanical engineering in them.*

Ключевые слова: глобализация, машиностроение, региональная география, отраслевая структура, инновации.

Keywords: *globalization, mechanical engineering, regional geography, branch structure, innovations.*

В настоящее время в мире складывается новая макроэкономическая парадигма, предполагающая ряд качественных трансформаций в глобальном хозяйстве.

При низких темпах роста Зоны евро и развитых государств в целом фиксируется рост экономик Китая, отдельных стран Ближнего Востока и Северной Африки, Южной Азии [4].

Наряду с этим экономики передовых стран переходят на более высокий технологический уклад, а это ведет к изменению роли отдельных отраслей, а также объемов инвестиций в науку, технику и образование.

В 2016 г. в Давосе был представлен доклад, в котором были выделены факторы, определяющие степень готовности стран мира к участию в четвертой промышленной (технологической) революции. На основе рейтинга относительной готовности государств к требованиям складывающегося очередного технологического уклада было отмечено, что ни одна развивающаяся страна не вошла в топ-20 государств – лидеров. Это еще раз подтверждает, что разрыв между развитыми и развивающимися странами будет только увеличиваться (рис. 1).

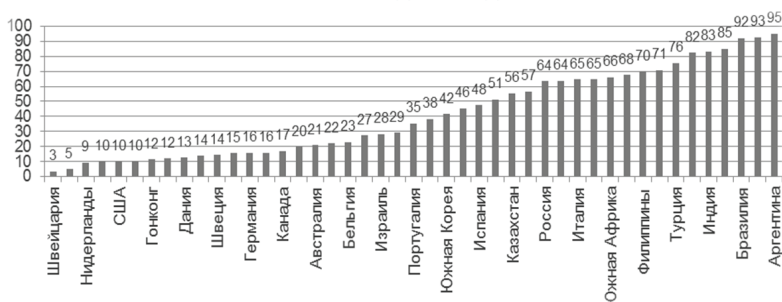

Рис. 1. Рейтинг относительной готовности стран к четвертой промышленной революции на основе сводного индекса

Следующая позиция – изменение корпоративной карты мира. Традиционно занимавшие верхушку глобального бизнеса энергетические и промышленные ТНК («Эксон Мобил», «Шелл», «Шеврон», «Дженерл Электрик», «Тойота», «Дженерал Моторс» и др.) уступили первые места корпорациям, связанным с высокими технологиями и находящимися на пике научно-технического прогресса. Первую мировую тройку по размерам капитализации образовали «Эпл», «Альфавет», «Майкрософт». Капитализация в 1,4 трлн долл. (2016 г.) сопоставима с ВВП Испании. Смена лидеров в списке ведущих корпораций акцентировала ослабление позиций развивающихся государств, чьи компании (за исключением ряда китайских гигантов) резко сократили свое представительство в элите глобального бизнеса [5].

Таким образом, в мире происходит перегруппировка экономических сил, которая на данном этапе обещает основные дивиденды развитым

государствам, продолжающим мощно задействовать свое научно-образовательное и технологическое превосходство [1].

В этих условиях меняются акценты в отраслевых характеристиках. Современное машиностроение имеет ряд принципиальных отличий от отраслей машиностроения за весь период его существования.

Во-первых, ныне приоритет отдан высоким технологиям, то есть тому, что мы называем наукоемким фактором. Развитие отрасли зависит не только от объемов потребляемой электроэнергии и ресурсов, но и от совершенства внедренных технологий.

Во-вторых, ключевой задачей современного машиностроения является повышение качества услуг в короткие сроки с минимальными материальными затратами. При этом требования к конечной продукции остаются высокими, среди них – надежность материалов, точность изготовления.

В-третьих, для современной машиностроительной отрасли необходим обслуживающий персонал соответствующего уровня подготовки. Теперь это должны быть высокопрофессиональные специалисты-инженеры, владеющие всем технологическим процессом, способные принять правильное решение при возникновении аварийной ситуации. Модернизация в производственной сфере влечет за собой и соответствующие изменения в образовательной сфере.

Остановимся на характеристиках мирового машиностроения и места России в нем.

Решающее воздействие на уровень развития производительных сил общества оказывает промышленность. В свою очередь, главной отраслью мировой промышленности является машиностроение [1]. В начале XX в. доля крупнейших стран в мировом промышленном производстве выглядела следующим образом: США – 36%, Германия – 16%, Великобритания – 14%, Франция – 6%, Россия – 4%, Япония – 1%. Спустя 100 лет эти страны остаются в когорте лидеров.

Общей тенденцией в мировой хозяйственной системе является перенесение производств низкой и средней сложности из развитых стран в развивающиеся. Этому процессу существенно способствуют транснациональные компании (ТНК). Они создают разветвленную сеть своих филиалов в развивающихся странах по всему миру. В странах базирования остаются в основном структуры НИОКР и сложные производства, требующие высокой квалификации работников.

По прогнозам экспертов, в среднесрочной перспективе в мировом машиностроении будет происходить дальнейшее усиление позиций развивающихся стран. Касается это, прежде всего, Китая. Общий объем производимой машиностроительной продукции в Китае возрастет с 530 млрд долл. в 2010 г. до 930 млрд долл. к 2025 г. Ежегодный прирост составит 3,8%.

Ввиду того, что машиностроение занимает главную позицию относительно источников роста китайской экономики, Китай признается

лидером мирового рынка. Номенклатура продукции машиностроения насчитывает свыше 53 тысяч изделий. Таким образом, данной стране удастся успешно удовлетворять потребности внутреннего рынка в таких видах оборудования, как железнодорожный подвижной состав и металлорежущие станки. Использование дешевой рабочей силы, государственной поддержки и иностранных технологий в совокупности служит той фундаментальной основой, на которой осуществляется рост китайского машиностроения. Более того, максимально возможный выпуск продукции производственных единиц Китая в минимальные сроки достигли мировых стандартов.

На сегодняшний день Китай признан крупнейшим производителем промышленного оборудования во всем мире. Китайское машиностроение занимает второе место после электроники по темпам прироста экспортных поставок, а в 2007 г. Китай достиг статуса крупнейшего экспортера машиностроительной продукции в мире, обойдя Германию.

Производителям промышленного оборудования практически бессмысленно конкурировать с китайскими компаниями в вопросах цены. Основным конкурентным преимуществом КНР является недорогая рабочая сила и государственная поддержка. Благодаря реформе образования, в Китае возросло число специалистов. Так, в 2000 г. институты по всей стране выпустили почти 200 тыс. молодых инженеров, а в 2010 г. – уже более 700 тыс. Это качественно стимулирует развитие китайского машиностроения. Китайское правительство активно поддерживает развитие машиностроения: выделяет субсидии, повышает возвраты НДС при экспорте, снижает проценты на займы [2].

С 1990 г. Китай стал лидером по объему получаемых иностранных инвестиций среди всех развивающихся стран. Иностранные технологии, нередко в нарушение прав интеллектуальной собственности, а чаще вследствие мобильности человеческих ресурсов, стали попадать в руки местных компаний. Среди иностранных компаний, достигших успеха в Китае на рынке высокотехнологичной продукции машиностроения, стоит отметить «Rolls-Royce» и «General Electric».

Успех китайских компаний в экспорте своей продукции дает им возможности для активного освоения других рынков и развития собственного имени. После того, как экспорт оборудования из Китая сравнялся с импортом в 2004 г., началась массовая экспансия китайских производителей. В частности, «Sany» сделала огромный шаг по развитию мирового рынка, открыв производство в Индии. В 2007 г. китайский производитель открыл офис в США, а также инвестировал в строительство завода и исследовательского центра в Германии. В 2010 г. компания инвестировала в производственную базу в Бразилии, а также открыла еще один завод в Индии. «Sany» расширяет свое присутствие на рынках Индонезии, России и ЮАР.

Более того, ведущий производитель в данной отрасли «Zoomlion» приобрел итальянскую компанию «CIFA», тем самым вдвое увеличил

собственные иностранные инвестиции, предназначенные для развития рынков США, Бразилии и Индии.

Традиционным центром развития мирового машиностроения принято считать страны Евросоюза. При этом государства Европы переносят машиностроительные мощности на Восток, а именно в КНР, для минимизации удельных трудовых издержек. Цифра среднегодового прироста выпуска машиностроительной продукции варьируется в пределах 1%, при этом численность занятых, начиная с 2000 г., снижается до 1-1,5% в год.

Относительно валового выпуска машиностроительной продукции США занимают 3-е место после Китая и стран Евросоюза. В США создается около 40% стоимости продукции обрабатывающих отраслей. Стоит отметить, что за последнее время развитие машиностроения в США осуществлялось низкими темпами – менее 1,5% в год. В результате объем произведенной условно-чистой продукции в 2015 г. в постоянных ценах был на 17% ниже уровня 2000 г. Занятость в данной отрасли составляет около 2/5 всех работающих в промышленности, число которых постоянно сокращается.

Высокая наукоемкость и производительность труда являются главными характеристиками машиностроения США. Особое внимание при этом уделяется разработке и внедрению новых технологий в военную, ядерную, медицинскую, телекоммуникационную, ракетно-космическую сферы, а также в области программного обеспечения. Но, несмотря на это, США отстают от Германии в области экологических технологий, а от Японии и Китая – в автомобилестроении. Авиационная и ракетно-космическая промышленность имеют большое значение для экономики США (известные компании «Boeing» и «Lockheed»).

Высокие темпы наблюдаются в развитии электроники и электротехники. Крупнейшей компанией в данной отрасли принято считать компанию «IBM». Для развития внутреннего рынка предназначено около 60% машиностроения. Темпы роста экспорта значительно превышают показатели роста импорта. А такие страны, как Канада, Мексика, страны Южной Америки и Азии, являются основными направлениями для экспорта.

Около 20% всех НИОКР и 17% численности ученых и инженеров приходится на отрасль машиностроения в США. США каждый год осуществляют инвестиции в научные исследования в данной области около 2,0–2,5% ВВП, государства ЕС – 3% ВВП. Через контролирование антимонопольной деятельности и осуществление реализации федеральных программ в США происходит регулирование отрасли машиностроения на государственном уровне. До 50% стоимости проектов финансируются со стороны государства. Оказывается содействие расконсервированию и адаптации новейших достижений военной и ракетно-космической отраслей для потребностей машиностроения. Минобороны США сформировало список 22 особо важных технологий, 70% из которых адаптировано,

профинансировано и реализовано в машиностроении и других отраслях. Таким образом, все вышеперечисленное оказывает влияние на увеличение темпов инновационного развития экономики государства в целом.

Лидерство по производству роботов, станков с числовым программным управлением (ЧПУ), продукции «чистой керамики», сверхбольших интегральных схем, отдельных видов микропроцессоров, а также по практическому применению прогрессивных видов оборудования, включая гибкие производственные системы (ГПС) и гибкие автоматизированные системы (ГАС) принадлежит Японии. Более того, Япония остается лидером и в области мирового автомобилестроения, производства электроники и электротехники, выплавки стали и производства химической продукции. Но при этом Япония уступает Китаю и США по стоимости промышленной продукции [3].

«Мицубиси», «Тойота», «Мацусита» – вот те известные японские концерны, которые являются крупнейшими на сегодняшний день в представлении интересов ведущих финансово-промышленных групп (ФПГ). Около 99% общего числа промышленных предприятий, 74% занятых и около 52% стоимости произведенной продукции в стране приходится на мелкие и средние предприятия.

Как уже было отмечено ранее, автомобилестроение является ведущей отраслью машиностроения Японии. Около половины производимых легковых автомобилей направляется на экспорт. Автомобили Японии собираются и эксплуатируются по всему миру. Кроме того, стоит отметить низкие издержки производства автомобилестроения страны, а принцип работы «поставки точно в срок» позволяет японским компаниям бороться с ценовой конкуренцией и с конкуренцией на внешних рынках.

По производству промышленных станков и оборудования Япония занимает 2-е место, после Китая. Удельный вес составляет 19,6%. Основные силы в станкостроении направлены на производство оборудования с ЧПУ, особенно высокоточных и высокопроизводительных обрабатывающих центров (ОЦ). В общем объеме произведенных станков их доля в 2015 г. составила 97%. Общая доля азиатских стран в заказах экспорта составила 56,6% (Китай – 36,5%), США – 24,2%, стран ЕС – 13,9%. В структуре экспорта около 98% приходится на металлорежущие станки с ЧПУ из дорогостоящего материала.

В сфере роботостроения Япония является безусловным мировым лидером. На долю Японии, по данным Международной федерации роботостроения (International Federation of Robotics – IFR) за 2015 г., приходилось 26,2% существующих в мире промышленных роботов, что значительно превышает показатели конкурентов в лице США (с Канадой – 17%) и Германии (14%). Робототехническая продукция также направляется и на внешние рынки, что составляет более 2/3 продукции от общего числа производства.

Китай, США и некоторые страны Латинской Америки являются основными направлениями для экспорта. Таким образом, всем известное

«японское экономическое чудо», обусловленное исторически рекордным ростом японской экономики, может быть объяснено активным участием и поддержкой государства в развитии новейших направлений научно-технического прогресса страны.

Удельный вес промышленности в ВВП России составляет 29%. Нефтегазовый комплекс и сырьевые отрасли страны создают около 28-30% ВВП, а машиностроение – только 3-6% ВВП. Ресурсоемкость ВВП в 2 раза превышает уровень США и в 4 раза – уровень стран ЕС. Объем промышленного производства все еще не достиг уровня 1991 г. (89%).

Автомобильная промышленность имеет наиболее высокую величину доходности в машиностроительной отрасли. Крупнейшими производителями автомобилей являются «АвтоВАЗ» (легковые автомобили), «ГАЗ» (малые грузовики и фургоны), «КАМАЗ» (большие грузовики и самосвалы), «ЛиАЗ» (автобусы). С 2005 г. по настоящее время объем выпуска отечественных машин сократился более чем на 40%, а выпуск иностранных производств вырос почти в 60 раз. Работают они по так называемому принципу «отверточной сборки» [2].

Предприятия почти всех отраслей (70%) предпочитают закупку за рубежом машин и оборудования другим видам инноваций. Лишь 8% предприятий проявляют заинтересованность в закупке лицензий и патентов. Для успешной деятельности машиностроительных производств необходимо предусматривать не менее 60% локализованных компонентов в собираемых деталях.

В отличие от экономического мейнстрима, машиностроение базируется не столько на рыночной либерализации и прямых иностранных инвестициях, но и на интервенционистской политике государства. Фундаментом инновационного развития государства является развитие, сбалансированное отечественное машиностроение, в максимальной степени реализующее перспективную схему полного производственного цикла.

Литература

1. Бахчиева О.А. Актуализация содержания школьной географии в условиях глобализации современного мира [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2017. – № 6. URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=27120> (дата обращения: 03.02.2018).

2. Герасимчук В.И. Факторы лидерства на мировом рынке машиностроительной продукции // Маркетинг и менеджмент инноваций. – 2015. – № 3. – С. 84-104.

3. Кондратьев В. Глобальная экономика и ее отрасли в 2014 году // Портал Фонда исторической перспективы. Центр исследований и аналитики [Электронный ресурс] –

URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/amerika/globalnaja_ekonomika_i_jeje_otrasli_v_2014_g_2014-01-28.htm (дата обращения: 03.02.2018).

4. The World Bank. Global Outlook Summary: January 2016 Forecasts. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.worldbank.org> (дата обращения: 03.02.2018).

5. UBS. Extreme automation and connectivity: The global, regional, and investment implications of the Fourth Industrial Revolution. January 2016. [Электронный ресурс] – URL: <https://www.ubs.com/ru/ru.html> (дата обращения: 03.02.2018).

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТА ПРИГРАНИЧНЫХ
ЗЕЛЕНОВСКОГО И БУРЛИНСКОГО РАЙОНОВ
ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ
*FEATURES OF DEVELOPMENT OF TRANSPORT SYSTEM IN ZELENOVSKY AND
BURLINSKIY BORDER AREAS IN WEST-KAZAKHSTAN REGION*

Галимов М.А.
Galimov M.A.

Западно-Казахстанский государственный университет им. М. Утемисова,
г. Уральск, Республика Казахстан
Makhambet Utemisov West Kazakhstan State University, Uralsk, Republic of Kazakhstan

Аннотация. В статье изучается развитие транспорта приграничных районов Западно-Казахстанской области (ЗКО). Рассматривается железнодорожный, автомобильный и трубопроводный транспорт. Оценены объемы перевозок грузов и пассажиров в Бурлинском и Зеленовском районах. С помощью коэффициента Энгеля (Юдзуру Като) рассматривается развитие автомобильного транспорта вышеуказанных районов.

Abstract. *The article focuses in development of transport system in the border territory of West Kazakhstan region. The research considers transport ways (railways, roads and oil pipelines). There has been shown volume of transportation of goods and passengers in Burlinsky and Zelenovsky districts. The research shows development of road transport by usage coefficient of Engel.*

Ключевые слова: коэффициент Энгеля (Юдзуру Като), густота железнодорожной сети, автомобильный транспорт, трубопроводный транспорт.

Keywords: *Coefficient of Engel [Youdzuru Kato], railway network density, road transport, pipeline transport.*

Железнодорожный транспорт является наиболее экономичным видом сухопутного транспорта. Длина железных дорог в Западно-Казахстанской области до начала XXI в. составляла 417 км. В 2001 г. была построена

железная дорога от станции Казахстан до Карачаганакского месторождения и протяженность дорог по области увеличилась до 431 км. По протяженности железных дорог Западно-Казахстанская область занимает последнее место в Казахстане. На 1000 км² в области приходится 2,8 км железных дорог, тогда как в целом по республике этот показатель составляет 5,4 км.

Длина железнодорожной линии, которая проходит на западе Зеленовского района составляет около 50 км. На 1000 км² района приходится 6,7 км железных дорог. Железная дорога протяженностью 87 км проходит в Бурлинском районе с запада на восток и делит территорию на северную и южную часть. На 1000 км² района приходится 15,5 км железных дорог.

Самая первая железная дорога на территории области была проложена в 1893 г. от станции Озинки до Уральска, к 1894 г. эту дорогу с узкой колеёй продолжили до Покровской Слободы (ныне г. Энгельс). От Уральска до станции Соль-Илецк дорога была построена в 1938 г. и обеспечила выход к важной железнодорожной магистрали Оренбург – Ташкент.

В связи с тем, что область слабо обеспечена железными дорогами, на ее территории большое значение имеет автомобильный транспорт, при помощи которого осуществляется 98% всех грузовых перевозок. В 2016 г. объем перевезенных грузов в ЗКО составил 39,4 млн т и по сравнению с 2012 г. вырос на 10,1%.

В 2016 г. в Зеленовском районе перевезено 8,6 тыс. т грузов, что составило 0,02% от областного показателя. В Бурлинском районе было перевезено 79,3 тыс. т грузов, что составило 0,2% от областного показателя.

Самый высокий показатель объема перевезенных грузов в 2016 г. имела территория Уральской городской администрации – 549,3 тыс. т, что составило 1,4% от областного показателя.

В 2016 г. в ЗКО было перевезено 434,3 млн пассажиров, по сравнению с 2012 г. показатель вырос на 8%. В 2016 г. в Зеленовском районе перевезено 16,1 тыс. пассажиров, что составило 0,004% от областного показателя. В Бурлинском районе было перевезено 273,6 тыс. пассажиров, что составило 0,06% от областного показателя.

Самый высокий показатель перевезенных пассажиров в 2016 г. имела территория Уральской городской администрации – 45,2 млн пассажиров, что составило 10,4% от областного показателя [6].

Общая протяженность автомобильных дорог Западно-Казахстанской области равна 6531 км, из них 4719 км имеют твердое покрытие, что составляет 72,3% протяженности дорог. В среднем по республике этот показатель составляет 89,6%. По густоте автомобильных дорог с твердым покрытием (31,2 км на 1000 км²) Западно-Казахстанская область близка среднереспубликанскому показателю (31,8 км на 1000 км²).

Автодороги без твердого покрытия (грунтовые) значительно распространены среди дорог местного и областного значения, что приводит

к потерям и порче продукции сельского хозяйства и снижению эффективности сельскохозяйственного производства.

По территории Зеленовского и Бурлинского районов Западно-Казахстанской области проходят автомагистрали Саратов – Уральск – Актобе, Уральск – Оренбург, которые являются международными автомагистралями с высокой грузонапряженностью. Автомагистраль на участке Таскала – Уральск имеет твердое покрытие, недавно проведен ее капитальный ремонт.

На территории Зеленовского района проходят автодороги республиканского значения Самара – Уральск – Атырау и Уральск – Бузулук, они имеют не очень хорошее покрытие, что приводит к преждевременному износу автомобилей.

Существуют количественные показатели для характеристики территориальной дифференциации транспортной сети. Среди этих показателей есть довольно простые (густота сети относительно территории и относительно населения) и более сложные (среди них – коэффициент Энгеля и Успенского).

Коэффициент Энгеля (Юдзуру Като) – d :

$$d = \frac{L}{\sqrt{SP}},$$

где L – протяженность сети в километрах; S – площадь ареала в сотнях квадратных километров; P – население ареала в десятках тысяч человек.

Территория ЗКО составляет 151,3 тыс. км². Численность населения на 1 января 2017 г. достигла 641,5 тыс. чел. [5]. Протяженность автомобильных дорог области равна 6531 км. Коэффициент Энгеля (Юдзуру Като) района составил $d = 0,02$.

Протяженность автомобильных дорог областного и районного значения в Зеленовском районе составляет 510 км, а протяженность дорог республиканского значения следующая: Уральск – Атырау – 42 км, Уральск – Самара – 56 км, Уральск – Бузулук – 33 км, Уральск – Саратов – 50 км.

Площадь Зеленовского района составляет 7421 км², а численность населения на 1 января 2017 г. – 56 149 чел. Коэффициент Энгеля (Юдзуру Като) района составил $d = 0,02$, что соответствует среднеобластному значению.

Протяженность автомобильных дорог областного и районного значения в Бурлинском районе составляет 430 км, а протяженность дорог республиканского значения – 124 км (дорога Уральск – Оренбург).

Площадь Бурлинского района составляет 5600 км², а численность населения на 1 января 2017 г. – 55 388 чел. Коэффициент Энгеля (Юдзуру Като) района составил $d = 0,02$, что соответствует среднеобластному значению.

Через территорию Западно-Казахстанской области проходит международный транзит нефти и газа. Это трубопроводы Узень – Атырау – Самара, Средняя Азия – Центральная Россия, Оренбург – Западная граница

СНГ, Оренбург – Новопопков. Область получает газ из газопроводов Средняя Азия – Центральная Россия и Оренбург – Новопопков. В настоящее время газифицированы многие поселки области и два ее города.

По территории Зеленовского района проходят нефтепроводы Узень – Атырау – Самара, Карачаганак – Большой Чаган – Атырау, Чинаревское нефтегазоконденсатное месторождение – станция Белес (Ростоши) и газопроводы Оренбург – Западная граница СНГ, Оренбург – Новопопков.

В 2008 г. был построен транзитный нефтепровод Чинаревское нефтегазоконденсатное месторождение – Ростоши, а также нефтеперекачивающая станция на Чинаревском месторождении. Общая протяженность нефтепровода составила 120 км. Нефть отправляется на терминал «Ростоши» для дальнейшей отправки в пункт назначения. Терминал «Ростоши» находится на железнодорожном пути Уральск – Саратов [3].

В 2011 г. был построен газопровод (относится к системе магистральных газопроводов «Интергаз Центральная Азия»), предназначенный для подачи подготовленного попутного газа с площадки установки комплексной подготовки газа (УКПГ) от Чинаревского месторождения в магистральный газопровод Оренбург – Новопопков [1]. Длина трубопровода – 15,4 км. Пропускная способность газопровода – до 3,5 млрд м³/год.

С освоением Карачаганакского месторождения был построен газопровод от места добычи до Оренбурга для доставки природного газа на газоперерабатывающий завод. В 2002 г. был построен 635-километровый экспортный трубопровод, который соединил месторождение с нефтепроводом Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) в Атырау. В 2004 г. первая партия сырой нефти по нефтепроводу Карачаганак – Большой Чаган – Атырау и далее по системе КТК была отправлена на Новороссийский нефтеналивной терминал.

На Карачаганакском месторождении добычу, подготовку и переработку углеводородов производят на трех основных установках: 1) Карачаганакском перерабатывающем комплексе (КПК); 2) установке комплексной подготовки газа УКПГ-2; 3) УКПГ-3. Система внутрипромысловых трубопроводов для сбора и распределения продукции (протяженностью 2000 км) соединяет между собой все основные производственные объекты, в том числе скважины и установки.

«Карачаганак петролеум оперейтинг» (КПО) экспортирует стабильные жидкие углеводороды по маршруту Карачаганак – Атырау. К системе транспортировки «Карачаганак – Атырау» (СТКА) относятся две насосные станции. Сооружение для приема и хранения продукции на терминале КПО в Атырау также относится к СТКА.

В 2009 г. построен газопровод Карачаганак – Уральск для газификации Бурлинского и Теректинского районов. Его протяженность 147 км, диаметр трубы – 500 мм, проложен по территории Бурлинского, Теректинского, Зеленовского районов. Продолжается работа по газификации населенных пунктов области [2].

В 2015 г. на месторождении было добыто 10,8 млн т нефти и конденсата, из них 10,1 млн т нефти поставляется по трубопроводу Атырау – Самара и на Каспийский трубопроводный консорциум (КТК) по трубопроводу Карачаганак – Атырау; 677 тыс. т нестабильных жидких углеводородов (конденсат) направляется на Оренбургский ГПЗ и мини-НПЗ. Около 94% добытой стабилизированной нефти в 2015 г. было отправлено на западные рынки по КТК и трубопроводу Атырау – Самара в трубопроводную систему «Транснефть».

Нефть КПО по трубопроводу КТК отправляют в черноморской порт Новороссийск. Трубопровод Атырау – Самара доставляет нефть в порт Усть-Луга на Балтийском море. Расширение КТК в 2015 г. помогло КПО экспортировать 9,4 млн т нефти. В том же году по трубопроводу Атырау – Самара было отправлено 0,7 млн т. Компания «Конденсат» была создана в июне 1992 г. для строительства малотоннажного завода по переработке нестабильного газового конденсата мощностью 400 тыс. т в год на Карачаганакском месторождении. Строительство завода началось в августе 1993 г. В августе 1998 г. завод был построен и запущен в эксплуатацию [4].

Таким образом, по структуре транспорта Бурлинский и Зеленовский районы похожи. По их территории проходят железнодорожные и автомобильные дороги международного значения, а также нефте- и газопроводы. Коэффициент Энгеля автомобильных дорог Бурлинского и Зеленовского района одинаков.

Литература

1. АСУ ТП газопровода ЧНГКМ – система магистральных газопроводов ИЦА. [электронный ресурс] URL: http://www.sinetic.kz/ru/projects3_2.htm (дата обращения: 21.10.15).

2. Зайцева В. Газопровод Карачаганак – Уральск: Премьер-министр дал старт первой нитке // Деловой Казахстан. – 2009. – № 50. [электронный ресурс] URL: <http://thenews.kz/2009/12/25/206961.html> (дата обращения: 21.10.15).

3. Завершено строительство транзитного нефтепровода в Западном Казахстане. [электронный ресурс] URL: <http://www.newskaz.ru/economy/20081229/110432.html> (дата обращения: 20.10.15).

4. Отчет об устойчивом развитии на Карачаганаке 2015. – Аксай, 2016. – 118 с.

5. Статистический ежегодник Западно-Казахстанской область в 2016 г. – Уральск: Департамент статистики ЗКО, 2017. – 164 с.

6. Услуги, транспорт и связь в Западно-Казахстанской области 2012-2016 гг. Статистический сборник. – Уральск: Департамент статистики ЗКО, 2017. – 47 с.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
*TRANSFORMATION OF THE TERRITORIAL STRUCTURE OF ELECTRIC POWER
INDUSTRY OF THE REPUBLIC OF BELARUS*

Жигальская Л.О.
Zhigalskaya L.O.

Белорусский государственный университет,
г. Минск, Республика Беларусь
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В статье анализируются процессы трансформации территориальной структуры электроэнергетики Беларуси на основе изучения динамики отраслевой и территориальной структуры установленных мощностей. Проведена типология районов Беларуси по характеру отраслевой структуры установленных мощностей электроэнергетики, которая позволила сделать выводы о нарастающих процессах территориальной и отраслевой диверсификации в электроэнергетике, несмотря на сохранение отраслевой моноструктурности в большинстве районов страны.

Abstract. *The article is analyzed the processes of transformation of the territorial structure of the electric power industry of Belarus on the basis of studying the dynamics of the sectoral and territorial structure of the installed capacities. A typology of the regions of Belarus was carried out based on the nature of the sectoral structure of the installed capacities of the electric power industry, which made it possible to draw conclusions about the growing processes of territorial and sectoral diversification in the electric power industry, despite the preservation of sectoral monostructure in most regions.*

Ключевые слова: электроэнергетика, Беларусь, установленные мощности, отраслевая структура, территориальная структура, типология.

Keywords: *electric power industry, Belarus, installed capacities, sectoral structure, territorial structure, typology.*

В электроэнергетической отрасли Беларуси с начала XXI в. имеют место тенденции, характерные для глобального электроэнергетического комплекса: увеличение потребления электроэнергии, диверсификация отраслевой структуры за счет роста использования возобновляемых источников энергии, повышение энергоэффективности, развитие инновационных технологий, которые, в конечном счете, приводят к изменению отраслевой и территориальной структуры электроэнергетики.

Изучение процессов трансформации территориальной структуры электроэнергетики страны основано на пространственном анализе показателей территориальной концентрации и динамики отраслевой структуры установленных мощностей электроэнергетической системы.

Динамика установленных мощностей электрических станций Беларуси имеет положительный тренд. За период 2000–2016 гг. прирост установленных мощностей составил 26% – с 7839 до 9915 МВт (рис. 1).

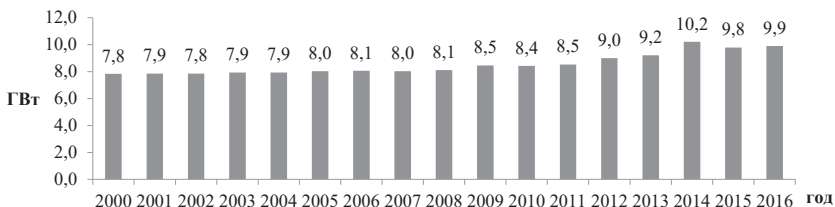

Рис. 1. Динамика установленных мощностей электростанций в Республике Беларусь (составлено автором по данным [4])

В региональной структуре (на уровне областей) установленных мощностей электроэнергетической системы Беларуси с 2000 по 2017 гг. существенных изменений не произошло: в настоящее время наибольшая часть установленных мощностей находится в Витебской области – до 36%, 26% всех мощностей сосредоточены в Минской области, 14% – в Брестской, 11% – в Гомельской, 7% – в Могилевской, 5% – в Гродненской.

Анализ динамики установленных мощностей электроэнергетической системы Беларуси на уровне административно-территориальных районов (рис. 2) показал, что за период 2000–2017 гг. фактически не изменились крупнейшие районы по доле электрогенерирующих мощностей (более 10%): Минский, Чашникский и Березовский районы. Районы с удельным весом электроэнергетических мощностей от 1 до 10% также удерживают свои позиции, за исключением Оршанского района, доля которого сократилась с 1,2% в 2000 г. до 0,9% в 2017 г. Модернизация электроэнергетики и ввод в строй новых мощностей возобновляемых источников энергии способствовали переходу районов из малых (менее 0,1% установленных мощностей) в средние (от 0,1 до 1%) по удельному весу установленных мощностей и расширению географии электроэнергетической отрасли (27 районов в 2000 г., 74 – в 2017 г.).

Для отраслевой структуры электроэнергетической системы Беларуси характерен процесс диверсификации, но данный процесс с разной интенсивностью проявляется на разных территориальных уровнях. Так на уровне областей этот процесс не способствовал серьезным структурным сдвигам. Из таблицы видно, что наиболее диверсифицировалась структура в Гродненской области, так как здесь существенно снизилась доля установленных мощностей тепловых электростанций (ТЭС) с 99,2% в 2000 г. до 82,7% в 2017 г. Отметим, что основная роль в структурной трансформации принадлежит возобновляемым источникам энергии, в первую очередь солнечным электроустановкам (СЭС) (Гродненская и Гомельская области) и ветроэнергетическим установкам (ВЭС)

(Могилевская область), также растет доля мощностей гидроэлектростанций (ГЭС) и биоэлектроэнергетических установок (БиоЭУ).

Согласно рис. 3, отраслевая структура электроэнергетики в пределах административно-территориальных районов за период 2000–2017 гг. испытывает трансформацию: происходит реструктуризация установленных мощностей в районах их первоначальной концентрации с традиционной электроэнергетикой, а также появление районов с преобладанием в структуре альтернативных источников энергии (ветровой, солнечной, биогазовой). К настоящему времени существенно расширилась география электроэнергетической системы Беларуси, как за счет государственных предприятий электроэнергетики (восстановление и строительство новых ГЭС), относящихся к ГПО «Белэнерго», так и за счет подключения к сети возобновляемых электрогенерирующих установок других государственных, а также частных производителей.

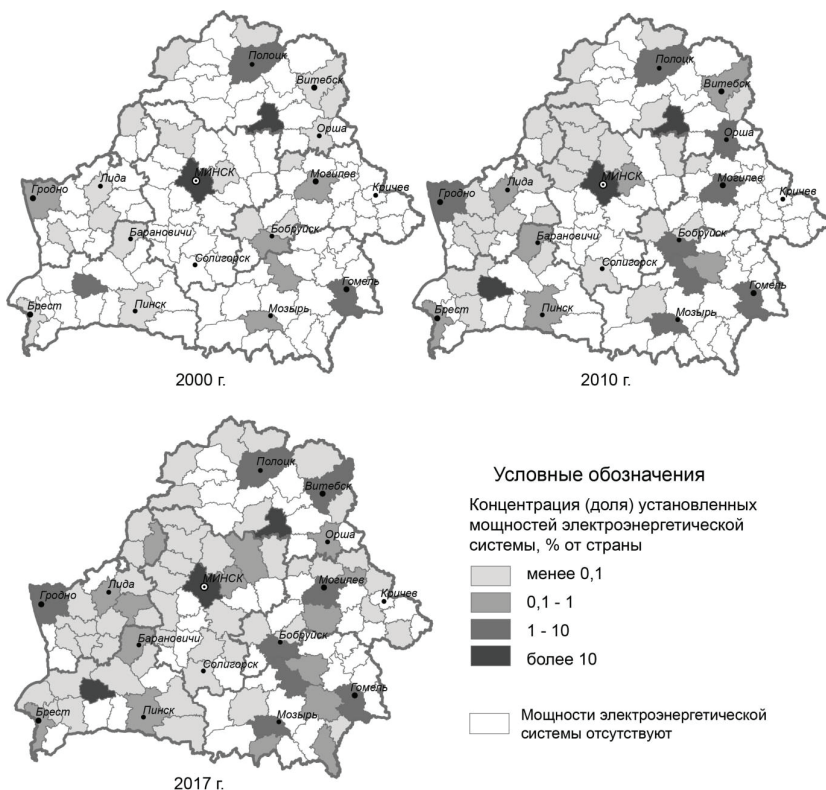

Рис. 2. Концентрация установленных мощностей электроэнергетической системы Республики Беларусь по районам (составлено автором по данным [1, 2, 3])

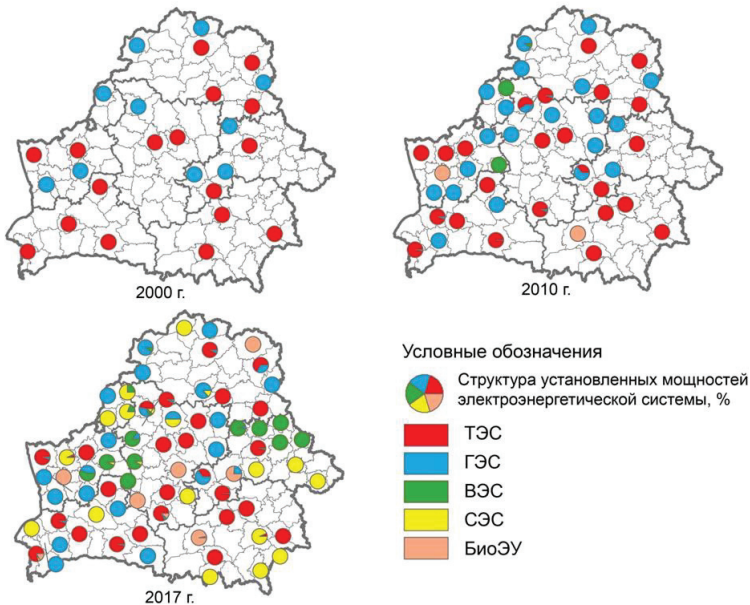

Рис. 3. Структура установленных мощностей электроэнергетической системы Республики Беларусь по районам (составлено автором)

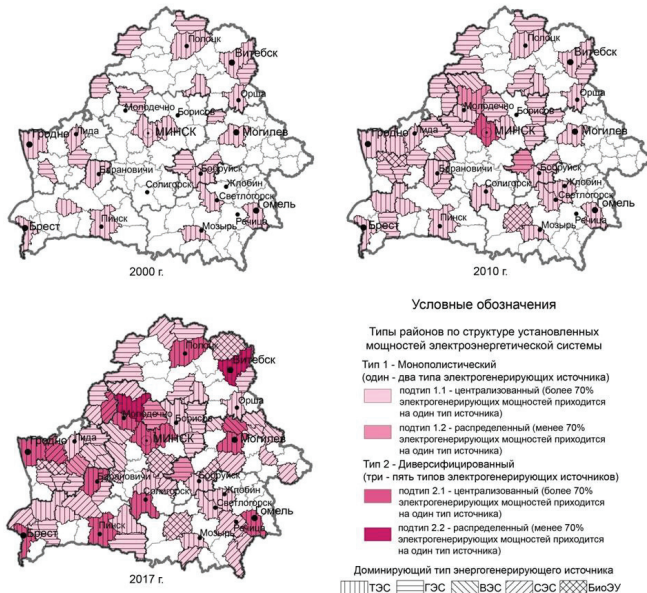

Рис. 4. Типология районов Республики Беларусь по структуре установленных мощностей электроэнергетики (составлено автором)

**Таблица. Отраслевая структура установленных мощностей
электроэнергетики по областям Республики Беларусь
(составлена автором)**

Области	2000 г.					2017 г.				
	ТЭС	ГЭС	ВЭС	СЭС	Био ЭУ	ТЭС	ГЭС	ВЭС	СЭС	Био ЭУ
Брестская	100,0	–	–	–	–	99,4	0,2	–	0,1	0,3
Витебская	99,9	0,1	–	–	–	98,0	1,9	–	–	0,1
Гомельская	100,0	–	–	–	–	90,8	–	–	9,0	0,2
Гродненская	99,2	0,8	–	–	–	82,7	4,6	5,8	6,3	0,6
Минская	99,9	0,1	–	–	–	98,7	0,2	0,2	0,3	0,6
Могилевская	99,3	0,7	–	–	–	87,8	0,6	7,8	3,1	0,7
Республика Беларусь	99,9	0,1	–	–	–	96,2	1,0	0,9	1,6	0,3

Для определения сдвигов в отраслевой структуре электроэнергетики была выполнена типология районов, в соответствии с которой было выделено два основных типа районов: с монополистической и диверсифицированной отраслевой структурой. У районов с монополистической отраслевой структурой имеется один-два типа электрогенерирующих источников, у районов с диверсифицированным типом – от трех до пяти. Кроме того, были выделены два подтипа: централизованный (более 70% установленных мощностей приходится на один тип электрогенерирующего источника) и распределенный (менее 70% установленных мощностей приходится на один тип электрогенерирующего источника). На рис. 4 видно, что еще в 2000 г. все районы, концентрирующие предприятия электроэнергетики, относились к монополистическому типу и централизованному подтипу, причем в районах был зачастую только один тип источника: тепловые электростанции (17 районов) или гидроэлектростанции (10 районов). В дальнейшем заметен переход районов от монополистического к диверсифицированному типу и от централизованного к распределенному подтипу. В 2017 г. 74% районов (55 районов) относятся к подтипу 1.1, 4% (3 района) – к подтипу 1.2, 19% (14 районов) – к подтипу 2.1, 3% (2 района) – к подтипу 2.2. Среди доминирующих типов электрогенерирующих источников в лидерах остаются тепловые электростанции (35% районов от общего числа), за которыми следуют гидроэлектростанции (24%), в 15 районах (21%) преобладают установленные мощности солнечных электростанций, в 12% всех районов ведущими являются ветровые установки, в 8% преобладают мощности биоэлектроэнергетических установок.

Литература

1. Информационный бюллетень Государственного кадастра возобновляемых источников энергии / Республиканское научно-

исследовательское унитарное предприятие «Бел НИЦ «Экология»». – Минск, 2016. – 104 с.

2. Реестр выданных сертификатов о подтверждении происхождения энергии по состоянию на 28.09.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.minpriroda.gov.by/uploads/files/Reestr-sertifikatov-na-20092017.docx.

3. Сайт ГПО «Белэнерго» [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.energo.by/news/p11.htm>.

4. Энергетический баланс Республики Беларусь: стат. сб. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь; редкол.: И.В. Медведева (председ. редкол.) [и др.]. – Минск, 2017. – 150 с.

ТРАНСПОРТ, ИСПОЛЬЗУЮЩИЙ МУСКУЛЬНУЮ СИЛУ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ *TRANSPORT USING MUSCULAR STRENGTH OF MAN AND ANIMALS*

Казakov Н.А., Доронина К.А.
Kazakov N.A., Doronina K.A.

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова», г. Чебоксары
Chuvash State University, Cheboksary

Аннотация. Использование мускульной силы человека и животных на транспорте уходит в прошлое. Но и сегодня мы можем встретиться с данной категорией транспорта на территориях с очень сложной орографией, в местах, куда затруднена доставка топлива для современных транспортных машин, в аграрных регионах, где господствует или сохраняются элементы традиционной экономики. В экономически развитых странах поощряется развитие лишь такого транспортного средства, приводимого в движение мускульной силой человека, как велосипед.

Abstract. *The use of muscular strength of man and animals on transport becomes obsolete. But we can still meet this category of transport in territories with very complex orography, as well as in places where fuel delivery for modern transport vehicles is difficult, in agrarian regions where elements of the traditional economy dominate or are preserved. In economically developed countries only the development of a vehicle is difficult, in agrarian regions where elements of the traditional economy dominate or are preserved. In economically developed countries only the development of a vehicle such as a bicycle is promoted, which is set in motion by the muscular power of man.*

Ключевые слова: транспорт, мускульная сила человека, транспортные животные, Чувашия.

Keywords: transport, the muscular strength of man, transport animals, Chuvashia.

Транспорт, использующий мускульную силу человека и животных, – самый древний. Первым транспортным средством в истории человечества был сам человек. Человек переносил грузы на себе, или использовал носилки: в специальных носилках, паланкинах (портшезах) переносили и людей. Этот транспорт, давно уже отдав первенство другим видам, сохранился до наших дней. Используется он, как правило, в отдельных особо труднодоступных местах. Например, профессия носильщика (портера) широко распространена в горных районах Непала. Носильщиков нанимают для доставки товаров в горные деревни, на местные рынки, а также для переноски снаряжения путешествующих в горах туристов и альпинистов. Представители одного из народов Непала – шерпы (самоназвание «шаркхомбо»), активно работая носильщиками-проводниками, передали профессии горного носильщика-проводника свое этническое имя – шерп [5].

В городах и пригородах стран Восточной, Южной и Юго-Восточной Азии до середины XX в. действовал такой вид транспорта, как рикша – повозка (обычно двухколесная), в оглобли которой впрягался человек. Несмотря на официальные запреты, рикши и сегодня продолжают свою работу, превращаясь в экономически благополучных регионах в туристский аттракцион [6].

К категории наземного транспорта, использующего мускульную силу человека, относятся и велосипеды. Велосипед (и производный от него веломобиль) используется и как индивидуальный транспорт, и как транспорт, перевозящий пассажиров (велорикши) и небольшие грузы, почту. Сегодня во многих городах мира создают условия для развития велосипедного транспорта. Развивается сеть велодорожек, связывающих отдельные части города, специализированные стоянки, пункты проката велосипедов. В Европе родился и осуществляется проект сети велосипедных трасс, которые должны связать регионы и страны – «EuroVelo», он должен способствовать развитию не только велотуризма, но и местного велосипедного сообщения.

Мускульная сила человека двигала не только повозки, но и суда. Долгое время в качестве вспомогательного, реже основного, движителя на транспортных судах использовались весла. Нельзя здесь не вспомнить и о бурлаках, на которых обращали внимание и иностранцы, путешествующие по России. В 1858 г. путешествуя по России Александр Дюма (отец) писал: «Начиная с деревни Лысково, нам стали встречаться представители какой-то новой народности. Они ходили на цыган и говорили на особом языке – не русском, не татарском и не калмыцком. Единственное занятие этих несчастных – тянуть волоком торговые суда, идущие вниз и вверх по Волге. За 12 часов труда они получают 12 копеек, приблизительно 10 су. Они называются чуваша, и у них, по уверению капитана «Лоцмана», есть

столица, именуемая Чебоксарами...» [2]. Конечно, Дюма ошибается, чуваша поголовно не занимались бурлачеством, но все же многие были вовлечены в данный промысел, как и в других приволжских регионах. Сегодня в Угличе попытались использовать ушедший в прошлое, но известный нашим современникам бурлацкий промысел в туристских целях. Был создан однодневный тур, в котором участникам предлагают попробовать вручную загрузить небольшое речное судно и протянуть его против течения.

Продолжает человечество использовать в транспортных целях и мускульную силу животных – лошадей, ослов, быков, верблюдов, лам, слонов, оленей, собак и др. Верховой, выючный и гужевой транспорт и сегодня часто незаменим на территориях с очень сложной орографией, в местах, куда затруднена доставка топлива для современных транспортных машин, в аграрных регионах, где господствуют или сохраняются элементы традиционной экономики.

Среди транспортных животных выделяется осел. Он способен нести груз, достигающий 60% его собственного веса (а то и более). Средняя рабочая нагрузка выючных ослов – около 80 кг. Одного погонщика достаточно на 10–15 выючных ослов. Скорость движения по ровной дороге – около 4 км/ч. Нормальная продолжительность суточной работы – 8 ч [1].

В пустынях и полупустынях Евразии и Северной Африки в качестве транспортного средства продолжает использоваться верблюд. Верблюд переносит груз массой до 40% своего живого веса. Средняя нагрузка верблюда равняется 125–180 кг. Средняя скорость движения верблюдов под выюками или в запрежке – 3,5–4 км/ч. Величина нормального суточного перехода с грузом – до 30–35 км [1].

В условиях Заполярья Евразии, народы от чукчей на северо-востоке Азии до саамов на севере Европы в транспортных целях используют северных оленей. Зимой олень может работать в нартовой (санной) упряжке, летом под выюком. В грузовые нарты запрягаются три оленя, в легковые – четыре. На одну нарту можно положить не более 150 кг груза. Скорость движения – до 6 км/ч по дороге; при тяжелой дороге и вне дорог – до 4 км/ч. Длина нормального суточного перехода по хорошим дорогам – до 36 км, по тяжелым дорогам и вне дорог – до 25–30 км [1].

Но самым распространенным транспортным животным, конечно, остается лошадь. По назначению (специализации) различают верховых (верховых, верхово-упряжных, верхово-выючных), упряжных (легкоупряжных, тяжелоупряжных) лошадей и лошадей неспециализированных (местных) пород. При использовании легкоупряжных лошадей в пароконной повозке вес перевозимого груза не должен превышать 500 кг, на одноконной – 250 кг. В многолошадных запрежках нагрузка на лошадей распределяется неравномерно, и поэтому масса перевозимого груза не будет возрастать прямо пропорционально увеличению числа используемых лошадей. Средняя скорость движения обозов на конной тяге – 4–5 км/ч. Протяженность нормального суточного

перехода – 30–36 км. Верхом в среднем в сутки можно преодолевать большие расстояния – около 50 км, при средней скорости движения 7 км/ч и продолжительности 7–8 ч. Специально подготовленные лошади и всадники, участвующие в четырех звездных дистанционных конных пробегах, могут проходить за сутки до 160 км. Под выюком лошадь способна переносить груз массой до трети собственного веса. В горах вес выюка не должен превышать 25% от живого веса лошади. При работе на высотах более 2000 м над уровнем моря вес выюка должен быть уменьшен на 20%, на высотах от 3000 м – на 25%. Нормальный суточный переход в горах по маршруту средней сложности составляет 24–26 км [1].

Относительный показатель обеспеченности транспортными животными ($Об_{гж,i}$) может быть рассчитан, как отношение поголовья (LP_i) к численности населения (P):

$$Об_{гж,i} = \frac{LP_i}{P} 100$$

Но сегодня по нему уже нельзя судить о степени обеспеченности населения транспортными средствами.

В Чувашии с 1932 г. поголовье лошадей сократилось более чем в 10 раз, со 134,7 тыс. [7] до 12,5 тыс. (2006 г.) [3]. А число только грузовых автомобилей в республике за восемьдесят лет выросло с 38 (1932 г.) до 6566 (2012 г.), то есть более чем в 172 раза. Надо отметить, что скорость автомобилизации существенно опередила скорость падения поголовья транспортных животных. Если в 1932 г. на 100 жителей Чувашии приходилось почти 11 лошадей, то в 2010 г. – лишь 1.

В большинстве административных районах республики поголовье лошадей уменьшилось более чем на 90%. Исключение составляет юго-восток Чувашии, в административных районах которого падение поголовья лошадей, как правило, не превышало 75% (рис. 1). В этих же районах сохраняются относительно высокие показатели обеспеченности населения транспортными животными (лошадьми): более 5 голов на 100 человек в Шемуршинском районе, более 4 голов на 100 человек в Яльчикском и Батыревском районах (рис. 2).

Правда, лошадь ныне уже выращивается не только, а, возможно, и не столько для транспортных и рабоче-пользовательских целей, сколько для производства мяса и молока. Транспортное и рабоче-пользовательское коневодство сменяется продуктивным. Традиционное употребление в пищу конины и продуктов переработки кобыльего молока характерно для многих проживающих на территории Чувашии татар. Если сопоставить современное расселение татар по территории республики с распространением лошадей, то значение корреляции составит 0,66, что указывает на значимую связь между численностью татарского населения и развитием коневодства в административном районе [4].

Рис. 1. Убыль поголовья лошадей в Чувашской Республике в 1932–2006 гг., %

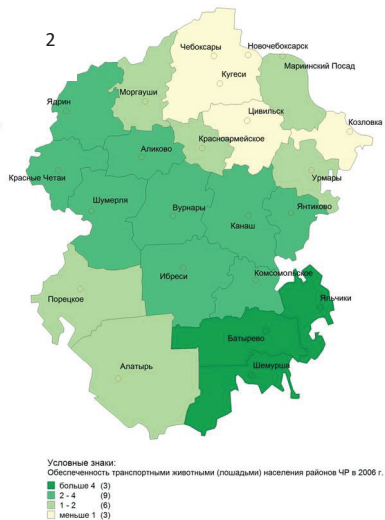

Рис. 2. Обеспеченность лошадьми населения районов Чувашской Республики в 2006 г., голов на 100 чел. населения

Использование лошадей (как и других животных) в качестве транспорта уходит в прошлое, а в экономически развитых странах и регионах почти ушло. В них лошадь, как транспортное животное, еще находит ограниченное применение в военно–полицейской и туристской сферах. На смену лошади (и другим транспортным животным) пришел железнодорожный и автомобильный транспорт. Трамваи заменили конки, автобусы – дилижансы и omnibusы. Под термином «кабриолет» мы понимаем автомобиль со съёмной или убирающейся крышей, а не одноконный экипаж.

Литература

1. Военно-ветеринарная служба: учебное пособие. – М.: Военное издательство Министерства Обороны Союза ССР, 1956. – 319 с.
2. Дюма А. Путевые впечатления в России. – М.: Ладомир, 1993. – Т. 3.
3. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: Стат. сборник / Чувашстат – Чебоксары, 2008 – 170 с.
4. Население городских округов и муниципальных районов по национальности и владению русским языком / Итоги ВПН 2010 года по Чувашской Республике. URL: <http://www.chuvash.gks.ru> (дата обращения: 31.03.2018).

5. Непальские дневники. Носильщики-шерпы. URL: <http://www.interestmir.ru/nepalskie-dnevniki-nosilshhiki-sherpyi-chast-1> (дата обращения: 31.03.2018).

6. Рикши в Индии. URL: <https://indiada.ru/fakty-ob-indii/rikshi-v-indii.html> (дата обращения: 31.03.2018).

7. Экономико-статистический справочник Чувашской АССР за 1932 и 1933 годы. Чебоксары: Чувашское Государственное Издательство, 1934. – 439 с.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ
НА ЮГЕ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ
*THE CURRENT STATE OF SOCIAL INFRASTRUCTURE
IN THE SOUTH OF RUSSIA: REGIONAL ASPECT*

Коновалова А.В.

Konovalova A.V.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,

г. Краснодар

Kuban State University, Krasnodar

Аннотация. Состояние социальной инфраструктуры и перспективы ее развития являются важным аспектом оценки уровня социально-экономического развития региона. В статье рассматриваются основные показатели уровня развития социальной инфраструктуры, определенные Министерством экономического развития России (показатели, характеризующие уровень развития образования и здравоохранения в регионах), формулируются основные проблемы отрасли.

Abstract. *The condition of social infrastructure and the prospect of its development are important aspect of assessment of level of social and economic development of the region. In article such key indicators of the level of development of social infrastructure determined by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (the indicators characterizing the level of development of education and health care in regions) are considered, the main problems of branch are formulated.*

Ключевые слова: инфраструктура, социальная инфраструктура, социальная сфера, образование, здравоохранение, социальная обеспеченность, Юг России, Южный федеральный округ, Северо-Кавказский федеральный округ.

Keywords: *infrastructure, social infrastructure, social sphere, education, health care, social security, South of Russia, Southern Federal District, North Caucasian Federal District.*

Согласно методике комплексной оценки уровня социально-экономического развития регионов Российской Федерации, разработанной Министерством экономического развития, уровень развития социальной инфраструктуры рекомендуется рассчитывать на основе четырех первичных индикаторов:

- а) обеспеченность дошкольными образовательными учреждениями;
- б) выпуск специалистов высшими и государственными средними учебными заведениями;
- в) обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями;
- г) обеспеченность врачами и средним медицинским персоналом [3].

По показателю обеспеченности дошкольными образовательными учреждениями регионы Юга России сильно дифференцированы. Так, уровень развития образовательного комплекса в Северо-Кавказском федеральном округе в целом остается низким. По обеспеченности детей местами в детских дошкольных учреждениях указанный федеральный округ занимает среди прочих округов Российской Федерации последнее место. Для Южного федерального округа значение данного показателя близко к среднему значению по РФ (рис. 1).

Численность воспитанников на 100 мест в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми, в регионах ЮФО и СКФО превышает норму. Особенно остро данная проблема стоит в Чеченской Республике, где на 100 мест претендует 146 человек, то есть треть детей не обеспечена дошкольными образовательными учреждениями [1]. В Астраханской и Волгоградской областях и Ставропольском крае ситуация противоположная. Например, в Астраханской области обеспеченность дошкольными образовательными учреждениями достигает 100%, а Волгоградская область и Ставропольский край обеспечивают себя на 95% (рис. 2).

В системе дошкольного образования особого внимания заслуживает проблема повышения уровня профессиональной подготовки педагогов и воспитателей детских дошкольных учреждений.

Среди наиболее актуальных проблем средних общеобразовательных школ – острая нехватка педагогических кадров и устаревшая материально-техническая база.

Среди многообразия уровней образования в регионах Юга России главная роль отведена высшим учебным заведениям. По количеству организаций высшего и среднего образования регионы Юга России дифференцированы. Так, в ЮФО образовательных организаций в 1,5-2 раза больше, чем в СКФО. Наибольшее количество образовательных учреждений в ЮФО сосредоточено в Ростовской области, Краснодарском крае и Волгоградской области, в СКФО – в Ставропольском крае и Республике Дагестан. Низкая обеспеченность образовательными

учреждениями в ЮФО характерна для Калмыкии и Адыгеи, в СКФО – для Карачаево-Черкесии и Ингушетии.

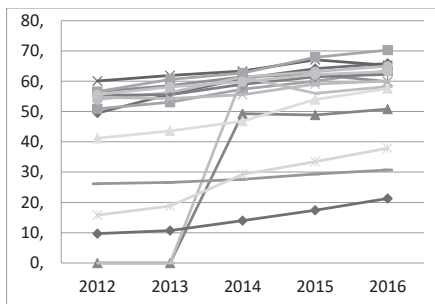

Рис. 1. Охват детей дошкольным образованием (значение показателя за год), %

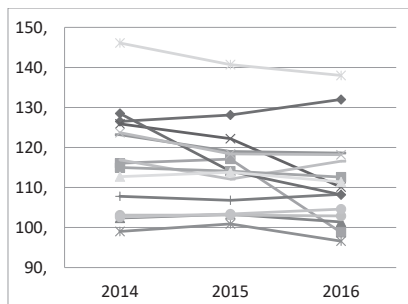

Рис. 2. Численность воспитанников, приходящихся на 100 мест в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми (человек, значение показателя за год)

Примечание. Условные обозначения к рисункам:

◆ Республика Адыгея	— Республика Дагестан
■ Республика Калмыкия	◆ Республика Ингушетия*
▲ Республика Крым	■ Кабардино-Балкарская Республика
× Краснодарский край	◆ Карачаево-Черкесская Республика
* Астраханская область	◆ Республика Северная Осетия-Алания
● Волгоградская область	* Чеченская Республика*
+ Ростовская область	● Ставропольский край
— Город федерального значения Севастополь	

Полностью обеспеченных амбулаторно-поликлиническими учреждениями регионов на Юге России нет. В каждом субъекте федерации региона имеется нехватка больничных коек. В среднем по регионам ЮФО на 1 больничную койку претендует 123 человека, в СКФО этот показатель выше и составляет 135 человек [1]. Наиболее остро проблема обеспеченности больничными койками в регионах ЮФО стоит в Республике Адыгея и Ростовской области, в СКФО – в Ингушетии, Чечне и Дагестане (рис. 3).

Обеспеченность врачами и средним медицинским персоналом была изучена при рассмотрении нагрузки на работников сферы здравоохранения. Анализ данного показателя подтвердил имеющуюся в регионах Юга России проблему нехватки врачей. Так, в среднем по ЮФО на 1 врача приходится 231 человек, в СКФО – 240 человек, что превышает среднее значение по стране [1]. Ситуация со средним медицинским персоналом лучше: его не хватает лишь в отдельных регионах: в ЮФО – это Республика Адыгея,

Краснодарский край и Ростовская область; в СКФО – Дагестан, Ингушетия, Чечня и Ставропольский край (рис. 4).

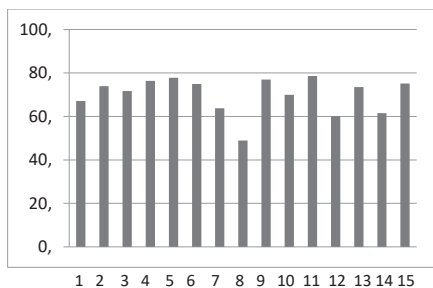

Рис. 3. Обеспеченность больничными койками на 10 тыс. населения (по данным 2016 г.)

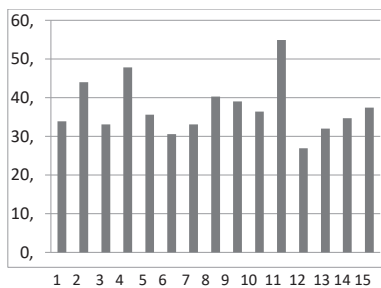

Рис. 4. Обеспеченность врачами на 10 тыс. человек населения (по данным 2016 г.)

Примечание. Условные обозначения к рисункам:

1 – Республика Адыгея	9 – Кабардино-Балкарская Республика
2 – Республика Калмыкия	10 – Карачаево-Черкесская Республика
3 – Краснодарский край	11 – Республика Северная Осетия – Алания
4 – Астраханская область	12 – Чеченская Республика
5 – Волгоградская область	13 – Ставропольский край
6 – Ростовская область	14 – г. Севастополь
7 – Республика Дагестан	15 – Республика Крым
8 – Республика Ингушетия	

Обеспеченность жилыми помещениями и культурными объектами также является важным показателем состояния инфраструктуры. Для ЮФО характерен ряд проблем в жилищной сфере и жилищно-коммунальном хозяйстве. Так, по показателю общей площади жилых помещений, приходящихся в среднем на 1 жителя, ЮФО (21,6 м² на человека) отстал от среднероссийского значения (22,4 м²). Для округа характерен более высокий показатель доли ветхого и аварийного жилищного фонда в общей его площади – 4,6% (в среднем по России – 3,2%). Отмечаются также низкие значения по некоторым показателям обеспеченности жилья отдельными видами благоустройства, в частности, лишь 68,4% общей площади жилья оборудовано водоотведением (канализацией), в то время как в среднем по Российской Федерации – 73,3%.

Основной социальной проблемой, в равной степени присущей всем субъектам Российской Федерации, входящим в Северо-Кавказский федеральный округ, является низкий уровень обеспеченности жильем. Наиболее благоприятная ситуация наблюдается в Республике Северная Осетия – Алания, где обеспеченность жильем составляет 26,1 м² на человека (по Российской Федерации – 22,4 м² на человека). В Ставропольском крае и Карачаево-Черкесской Республике этот показатель составляет 21,2 и 20,1 м²

на человека соответственно. Более сложная ситуация с жилым фондом наблюдается в Кабардино-Балкарии и Дагестане. В Ингушетии и Чечне обеспеченность жильем одни из самых низких в Российской Федерации – 10,9 м² и 13,4 м² на человека соответственно.

Наблюдается также резкая и неуменияющаяся поляризация урбанизированных и сельских районов по уровню развития культуры. Социальная и территориальная доступность в социокультурной сфере снизилась, что в первую очередь обусловлено изменением структуры расселения, сокращением количества малых и средних городов, а также поселков городского типа наряду с демографическими трендами и проблемами расселения (растущая дисперсность, мелкоселенность), что привело к существенному несоответствию сетей социального обслуживания и системы расселения.

Таким образом, анализ современного состояния социальной инфраструктуры показал, что в регионах Юга России имеется ряд проблем, нуждающихся в оперативном решении:

- нехватка мест в дошкольных образовательных учреждениях;
- сокращение числа высших и средних учебных заведений, и как следствие сокращение выпуска специалистов;
- нехватка амбулаторно-поликлинических учреждений;
- острая нехватка врачей и среднего медицинского персонала [2].

Решение основных проблем будет осуществляться в рамках основных направлений социального развития регионов, имеющих общесистемный характер. Кроме того, с учетом специфики социальной сферы потребуются реализации особых подходов к развитию социальной инфраструктуры, основными составляющими которой выступают учреждения образования, здравоохранения, культуры, физкультуры и спорта, социального обслуживания и жилищно-коммунального хозяйства.

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 1402 с.– Режим доступа: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 07.03.2018).
2. Коновалова А.В. Состояние и перспективы развития социальной инфраструктуры в Северо-Кавказском федеральном округе / А.В. Коновалова, Д.В. Сидорова // Развитие регионов в XXI веке: материалы II Международной научно-практической конференции; под общ. ред. А.У. Огоева. – Владикавказ: СОГУ, 2017. – С. 133-136.
3. Словарь географических названий Краснодарского края: в 3 т. Т. 2: Экономическая география / под ред. М.Ю. Беликова, В.В. Миненковой, С.А. Шатилова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017.

ДИНАМИКА ИССЛЕДОВАНИЯ НАНОТЕХНОЛОГИЙ ПО СТРАНАМ
МИРА В НАЧАЛЕ XXI В.
*WORLD DYNAMICS OF RESEARCH IN THE FIELD OF NANOTECHNOLOGY
AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY*

Лавров Н.А.
Lavrov N.A.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва
Moscow State Pedagogical University

Аннотация. В работе выявлены особенности динамики исследовательской активности стран мира в сегменте нанотехнологий в начале XXI в. Произведено сравнение стран по выданным патентам в сегменте нанотехнологий за последние 5 лет XXI в. Установлено, что систематический рост публикационной активности характерен для Северной Америки и ЮАР с перманентным преимуществом США. Ученые разных стран стремятся зарегистрировать свои патенты на территории США или Европы, что подтверждается большим количеством иностранных заявок по статистическим данным специализированных ведомств.

Abstract. *The paper identifies the features of the dynamics of the world's research activity in the nanotechnology segment at the beginning of the 21st century. A comparison of countries on patents issued in the nanotechnology segment over the last 5 years of the 21st century is made. It is established that systematic growth of publication activity is characteristic for North America and RSA with the permanent advantage of the USA. Scientists of different countries seek to register their patents in the US or Europe, which is confirmed by the large number of foreign applications on the statistics of specialized agencies.*

Ключевые слова: инновации, нанотехнологии, nanoиндустрия, ВОИС, ПТО, ЕПО, ЯПО, исследования, публикации.

Keywords: *innovation, nanotechnology, nanoindustry, WIPO, PTO, EPO, JPO, research, publications.*

Согласно Ведомству по патентам и товарным знакам США, которое с недавнего времени сосредоточило в себе сбор статистических данных не только в пределах Нового Света, но и по международным организациям, тематика нанотехнологий становится все более распространенной в научных публикациях и становится предметом значительного числа заявленных патентов. Данные, предоставленные USPTO (ПТО), включают в себя все патентные заключения по США, а также членов Трехстороннего патентного бюро: Японского (ЯПО) и Европейского (ЕПО) патентных ведомств, а значит позволяют говорить о мировых трендах, опираясь на опыт мировых лидеров инновационной активности. Кроме того,

рассмотренные данные соответствуют статистике, представленной Всемирной Организацией интеллектуальной собственности (ВОИС).

Общее число выданных патентов и опубликованных заявок в патентном бюро США в сегменте технологических инноваций составило 334 674 и 381 792 соответственно, что почти в три раза больше абсолютного числа патентов, выданных в Европейском офисе в 2016 г. и значительно выше показателей Японского филиала [3]. Суммарно на весь мир за 2016 г., по данным Трехстороннего патентного бюро, приходится менее 500 000 выданных патентов. Из них менее 10 500 составляют патенты в сегменте нанотехнологий, что в 1,5-2 раза меньше числа выданных патентов в новейших отраслях экономики (15 000 – 20 000 выданных патентов для отраслей цифровой связи, компьютерных технологий, электрооборудования и прочего) [1]. Приведенные данные позволяют говорить, что нанотехнологии не являются приоритетным направлением научных разработок мировой общественности. При среднем приросте патентных заявок в 1,2% в год с 2010 по 2015 гг., общемировые темпы увеличения исследовательской активности по всем направлениям составляют до 2% [1]. По мнению экспертов, это связано с ограниченными материальными ресурсами, поскольку значительная часть инвестиций направляется владельцами капитала в перспективные разработки с точки зрения рыночного спроса, в то время как наноиндустрия на данном этапе предлагает дорогостоящие и/или долгосрочные разработки, либо фундаментальные работы.

Как отмечают специалисты, со второй декады XXI в. первая десятка мировых лидеров по заявленным и выданным патентам не менялась, за исключением незначительных перестановок в пределах одной позиции на европейских и азиатских площадках. Более важным фактом является ослабление позиций Азии и Африки с течением времени, что является прямым доказательством гравитационного эффекта привлекательной инфраструктуры американского патентного права: доля США в мировом фонде выданных патентов в сегменте нанотехнологий с течением времени демонстрирует устойчивый рост в пределах 1% в год при значительном превосходстве в абсолютном исчислении (первенство на протяжении 39 лет по общему числу выданных патентов, первенство по выданным патентам в сегменте нанотехнологий на протяжении всего рассматриваемого периода) [2]. Подробный анализ недостатков Договора о патентной кооперации (РСТ), Гаагской и Мадридской систем в рамках охраны интеллектуальной собственности представляет собой отдельное глубокое исследование.

Если же говорить о патентах в рамках нанотехнологий, то по тем же данным на 2016 г., общее их число составило всего 10 490 (8 484 выданных патентов по USPTO и 2 006 по ЕРО и JPO), которые распределились по странам следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Число выданных патентов USPTO в сегменте нанотехнологий по некоторым странам мира на начало 2017 г. (составлено автором по материалам [3])

Ранг	Страна	Выданные патенты в сегменте нанотехнологий	Доля страны от общего количества патентов в мире в сегменте нанотехнологий, %	Доля сегмента нанотехнологий от общего количества выданных патентов в стране, %
1	США	4316	50,87	2,54
2	Республика Корея	914	10,77	4,04
3	Япония	819	9,65	1,55
4	Тайвань	514	6,06	4,01
5	Китай	416	4,90	3,79
6	Германия	301	3,55	1,82
7	Франция	210	2,48	3,13
8	Нидерланды	136	1,60	3,21
9	Великобритания	123	1,45	2,51
10	Канада	106	1,25	2,09
13	Индия	52	0,61	5,72
21	Россия	12	0,14	5,00
36	Украина	3	0,04	17,65
	Мир	8484	100	2,54

Таблица 1. Число выданных патентов ЕРО и JPO в сегменте нанотехнологий по некоторым странам мира на начало 2017 г. (составлено автором по материалам [3])

Ранг	Страна	Выданные патенты в сегменте нанотехнологий	Доля страны от общего количества выданных патентов в сегменте нанотехнологий, %	Доля нанотехнологий от общего количества выданных патентов в стране, %
1	США	577	28,76	2,56
2	Германия	289	14,41	1,48
3	Франция	208	10,37	2,86
4	Япония	188	9,37	1,20
5	Республика Корея	105	5,23	3,23
6	Великобритания	81	4,04	2,56
7	Швейцария	75	3,74	1,72
8	Нидерланды	71	3,54	2,29
9	Китай	59	2,94	2,27
10	Италия	49	2,44	1,47
18	Индия	15	0,75	5,93
27	Россия	6	0,30	5,26
	Мир	2006	100	1,46

Опираясь на полученные данные можно уверенно сказать, что важным источником патентов для США становятся привлекаемые из-за рубежа ученые. Таким образом, речь идет об «утечке мозгов» из менее развитых стран в передовые страны с точки зрения охраны интеллектуальной собственности. Опираясь на данные международной организации, было выявлено, что при огромном превосходстве с точки зрения выданных патентов в сегменте нанотехнологий, США даже не входят в первую десятку стран по публикациям ISI (Web of Science) в той же отрасли.

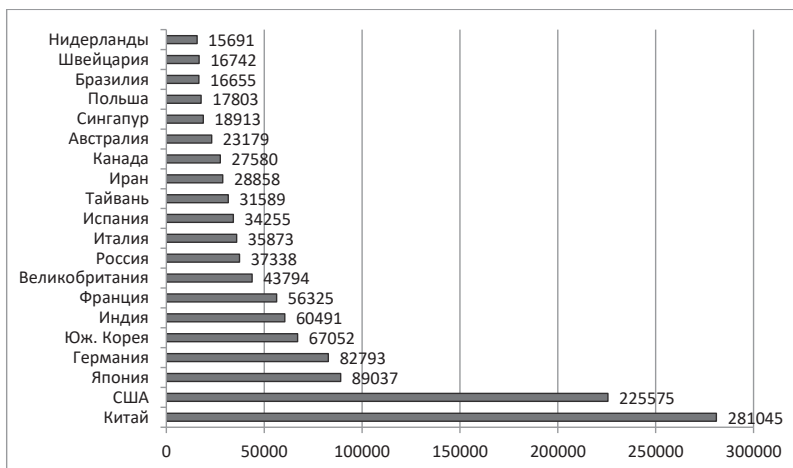

Рис. 1. Общее число публикаций в сегменте нанотехнологий по странам мира за 2011-2015 гг. (составлено автором по материалам [4])

Таблица 3. Индекс Хирша по статьям в сегменте нанотехнологий по странам мира за 2011-2015 гг. (составлено автором по материалам публикаций [2])

Ранг	Страна	Индекс Хирша
1	США	264
2	Китай	237
3	Германия	153
4	Сингапур	147
5	Республика Корея	142
6	Великобритания	138
7	Япония	133
8	Австралия	116
9	Франция	114
10	Канада	113
16	Индия	93
22	Россия	66
30	Украина	36

Американские издания все же остаются самыми цитируемыми, однако это не раскрывает происхождение авторов, поскольку, как и в случае с оформлением патентного права, многие исследователи издаются за рубежом, что является продуктом более привлекательной системы охраны авторского права и политики привлечения квалифицированных кадров из менее обеспеченных стран. Своими социальными условиями привлекают, разумеется, не только власти государств Нового Света, но и некоторых государств Европы, однако именно в Америке это получило большие масштабы.

Представленные материалы позволяют сформировать начальное представление об инвестиционной привлекательности и об инновационном потенциале тех или иных регионов мира с точки зрения развития nanoиндустрии: при довольно рассредоточенной географии «генерации идей» мы имеем на деле малочисленные полюса внедрения инноваций (фактически речь идет о крупном пионере отрасли – США при нескольких «спутниках»).

Литература

1. Всемирная Организация интеллектуальной собственности [электронный ресурс] URL: www.wipo.int
2. Специализированно ведомство по сбору статистических данных о глобальном развитии nanoиндустрии [электронный ресурс] URL: <http://statnano.com>
3. Ведомство по патентам и товарным знакам США [электронный ресурс] URL: <https://www.uspto.gov>
4. Web of Science [электронный ресурс] URL: <http://webofknowledge.com>
5. Балабанов В.И. Нанотехнологии. Наука будущего. Серия: «Открытия, которые потрясли мир». – М.: Эксмо, 2009.
6. Новые материалы и нанотехнологии. Нанокристаллическая основа высокотехнологического будущего. – «Глобальные технологические тренды» – Трендлеттер № 14 – М.: Министерство образования и науки Российской Федерации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2015.
7. Прогноз научно-технологического развития России: 2030. Новые материалы и нанотехнологии // Под ред. Л.М. Грохберга, А.Б. Ярославцева. – М.: Министерство образования и науки Российской Федерации, НИУ «Высшая школа экономики», 2014. – 52 с.

ФАКТОРЫ И ОСОБЕННОСТИ РАЗМЕЩЕНИЯ РОЗНИЧНОЙ СЕТИ
«МАГНИТ» В РАМКАХ ЗАВОЕВАНИЯ РЫНКА РОССИИ
СЕТЕВЫМИ КОМПАНИЯМИ
*FACTORS AND FEATURES OF PLACING THE RETAIL COMPANY "MAGNIT"
IN CONDITION OF DISTRIBUTION OF OTHER RETAIL COMPANIES
IN THE MARKET OF RUSSIA*

Леоненко Н.С.
Leonenko N.S.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва
Lomonosov Moscow State University

Аннотация. Политика розничной сети «Магнит» по распространению своего влияния, происходящее в том числе за счет населенных пунктов с невысокой численностью населения, идет вразрез с политикой других сетевых компаний. Более того, «Магнит» в меньшей степени подвержен влиянию таких сдерживающих факторов, как географические и институциональные барьеры. Выбранная стратегия позволила розничной сети «Магнит» стать крупнейшей в Российской Федерации.

Abstract. *The policy of retail chain "Magnit" of spreading its influence, including that due to settlements with a low population, is not like policies of other retail companies. Moreover, "Magnit" less influenced by different categories, such as geographical, institutional barriers. The chosen strategy has allowed the retail chain "Magnit" to become the largest retail company in the Russian Federation.*

Ключевые слова: розничная торговля, географические барьеры, институциональные барьеры.

Keywords: *retail trade, geographical barriers, institutional barriers.*

Исследование проводилось по данным 2017 г., в соответствии с которыми «Магнит» является крупнейшей сетью розничной торговли в России. Присутствие сети наблюдается в 2 337 населенных пунктах, где представлено 10 842 магазина, а годовая выручка превышает 1 трлн руб. Кроме того, «Магнит» занимал 23-е место в списке 100 самых инновационных компаний мира по версии «Forbes». Эти черты делают компанию уникальной, что дополняется высокой степенью самостоятельности: в компании существует собственная дистрибьюторская сеть, автотранспортное предприятие, собственное производство реализуемой продукции и т. д.

В числе традиционных факторов, влияющих на размещение, выделяются объем платежеспособного спроса, институциональные и

географические барьеры. Сеть «Магнит» в ходе своего развития сталкивалась с воздействием каждого из этих факторов.

Наибольшее распространение универсамов «Магнит» зафиксировано в Краснодарском крае, Московской, Ростовской и Свердловской областях. Причина концентрации в данных субъектах РФ обусловлена высоким объемом платежеспособного спроса: это регионы с самой большой численностью населения и относительно высокими средними доходами на душу населения. В случае с Краснодарским краем дополнительно действует субъективный фактор: это регион происхождения основателя компании.

На карте распространения универсамов «Магнит» отчетливо выделяется географический барьер – граница между Западной и Восточной Сибирью. Компания вплоть до 2017 г. не могла войти в зону Восточной Сибири (в 2018 г. универсамы появились на территории Красноярского края). Впрочем, для многих других сетевых компаний труднопроходимым барьером является более западная граница между Уралом и Западной Сибирью.

Сеть «Магнит» также не представлена в некоторых республиках Северного Кавказа (Дагестан, Чечня и Ингушетия), что обусловлено институциональными барьерами. В случае с Ненецким АО действует фактор крайне низкого платежеспособного спроса и невысокой транспортной доступности, в связи с чем в регионе нет ни одного универсама сети (Рис. 2).

Рис. 2. Распространение универсамов «Магнит» по субъектам Российской Федерации [1]

Число универсамов на 10 тыс. чел. позволяет понять, в каких субъектах РФ еще существует потенциал для увеличения присутствия. В данном случае проявляется граница между Уралом и Западной Сибирью:

в регионах к востоку от Уральских гор число универсамов на 10 тыс. чел. значительно ниже, чем в других субъектах РФ. До сих пор в Москве и Московской области не достигнута высокая концентрация универсамов из-за высокой численности населения и высокой конкуренции с другими сетевыми компаниями (Рис. 3).

Распространение сети «Магнит» характеризуется еще одной уникальной особенностью. Выход на рынок нового субъекта РФ производится, как правило, через небольшие населенные пункты. По этой причине в географии сети «Магнит» фигурирует большое количество сельских территорий, что нетипично для крупной компании, деятельность которой охватывает большую часть территории России. Такая политика существовала и ранее, а теперь при переходе через границу Восточная Сибирь – Западная Сибирь можно наблюдать следующее: в Республике Хакасия и Красноярском крае магазины «Магнит» появились именно в административных центрах этих регионов и в формате гипермаркетов, а не универсамов.

Рис. 3. Распределение универсамов «Магнит» относительно численности населения [1]

Таким образом, на основе данных о географии и концентрации универсамов розничной сети «Магнит» можно говорить, что для нее существуют географические и институциональные барьеры, но они имеют не такую силу, как для большинства других компаний. В числе особенностей выделяется также и то, что более серьезным барьером для компании является не расстояние, а наличие границ (в частности, с сопредельными государствами, из-за чего розничная сеть не представлена в Калининградской области и Республике Крым).

Процесс расширения сети связан, в первую очередь, с фактором соседства, а затем с иерархией городов и регионов. Центры же, вокруг которых происходит расширение сети, – это логистические терминалы.

Вероятно, «Магнит» может стать первой сетью, которая охватит своим присутствием всю территорию России с запада на восток благодаря высоким темпам роста выручки и количества универсамов, высокой эффективности за счет собственной логистики, производства и транспорта, если политика компании не изменится в связи со сменой собственников, произошедшей в 2018 г.

Литература

1. Официальный сайт розничной сети «Магнит» [электронный ресурс]: <http://magnit-info.ru/buyers/adds/> (04.04.2018)

КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: PRO ET CONTRA *SUSTAINABLE DEVELOPMENT CONCEPT: PRO ET CONTRA*

Лопатников Д.Л.
Lopatnikov D.L.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва
Moscow State Pedagogical University

Аннотация. В статье дается оценка концепции «устойчивого развития». Прослеживается ее генезис и показываются основные движущие силы и факторы ее современной популярности. Выявляется невозможность однозначной оценки концепции, ряд ее ключевых тезисов рассматриваются как дискуссионные.

Abstract. *The article gives an assessment of the concept of "sustainable development". It traces its genesis and shows the main driving forces and factors of its modern popularity. The inability of an unambiguous evaluation of the concept is revealed, a number of its key theses are considered controversial.*

Ключевые слова: устойчивое развитие, глобальные проблемы, экология, мирохозяйственные кризисы.

Keywords: *sustainable development, global problems, ecology, world economic crises.*

Термин «устойчивое развитие» вошел в широкий научный, околонучный и политический обиход в 1980-е годы и получил широкое распространение после публикации доклада «Наше общее будущее», подготовленного для ООН в 1987 г. международной комиссией по окружающей среде и развитию, возглавляемой бывшим премьер-министром Норвегии Гру Харлем Брундтланд. В русском издании этой книги английский термин «*sustainable development*» переведен как «устойчивое

развитие», хотя в англо-русских словарях имеются и другие его значения: поддерживаемое, самоподдерживаемое, непрерывное развитие и др.

Основная идея концепции состоит в обеспечении развития человечества не в ущерб будущим поколениям. Родившись как некая попытка конструктивного ответа на грозный алармистский доклад «Пределы роста» (1973 г.) [1], концепция «устойчивого развития» стала восприниматься как некая конструктивная мегаидея, способная отвести человечество от очередного апокалипсиса, который, согласно докладу, грядет как результат глобальных демографического, ресурсного и экологического кризисов.

За следующие десятилетия концепция «устойчивого развития» была принята ООН как официальная. При этом список индикаторов такого развития непрерывно рос и детализировался, далеко выйдя за рамки трех названных глобальных проблем. Появились экономический, социальный и политический блоки. Вот краткий список главных «блоков» индикаторов, разработанных Комиссией по устойчивому развитию ООН (КУР).

Индикаторы «устойчивого развития» разбиты на группы:

- индикаторы социальных аспектов устойчивого развития;
- индикаторы экономических аспектов устойчивого развития;
- индикаторы экологических аспектов устойчивого развития (включая характеристики воды, суши, атмосферы, других природных ресурсов, а также отходов);
- индикаторы институциональных аспектов устойчивого развития (программирование и планирование политики, научные разработки, международные правовые инструменты, информационное обеспечение, усиление роли основных групп населения).

ООН выделяет три категории индикаторов с учетом их целевой направленности:

- индикаторы – движущие силы, характеризующие человеческую деятельность, процессы и характеристики, которые влияют на устойчивое развитие;
- индикаторы состояния, характеризующие текущее состояние различных аспектов устойчивого развития;
- индикаторы реагирования, позволяющие осуществлять политический или какой-либо другой способ реагирования для изменения текущего состояния. [7]

Появился даже индикатор с амбициозным названием «индикатор подлинного прогресса» (англ. *genuine progress indicator, GPI*), призванный стать альтернативой традиционному ВВП и его производным.

Нельзя спорить с тем, что поиск ответа не вопрос «Как вывести человечество на долгосрочный путь, который не приведет к общепланетарной катастрофе?», естественен и необходим. Трудно спорить и с тем, что жить одним днем куда более рискованно. Ведь речь идет о судьбе мира и нашей планеты, не больше и ни меньше. Вместе с этим, наука по своей природе критична. И в этом отношении с концепцией

«устойчивого развития» не все гладко и ясно. В процессе своего вызревания и расширения «сферы интересов» за несколько десятилетий она плавно переключалась из сферы научных исследований и дискуссий в штабы зеленых партий и кабинеты чиновников. К сожалению, это редко способствует поиску истины, так как переходит в область «интересов». А сегодня они явно выражены и масштабны.

Во-первых, это немалые голоса избирателей на выборах, особенно в высокоразвитых странах (например, в Германии, партия зеленых получает голоса в Бундестаг и ландтаги, сопоставимые с нашими КПРФ и ЛДПР) [8]. С подачи политиков-популистов, уверовав в антропогенную природу глобального потепления (а большинством «зеленых политиков» это трактуется как доказанный факт), избиратели идут голосовать, проникнутые идеей, что они способны отвести от мира страшную угрозу.

Во-вторых, под программы, принимаемые на международном и национальном уровнях в рамках борьбы за «устойчивое развитие», выделяется немалое финансирование, в частности по линии ООН. И управляют распределением этого финансирования бюрократы различных уровней.

Ни в коей мере не ставлю под сомнение необходимость конструктивно действовать в сфере управления мировым развитием с целью обеспечения достойного будущего следующих поколений, но тем не менее в рамках рассматриваемой концепции еще есть немало дискуссионных тем, требующих неангажированных беспристрастных исследований.

Среди таковых можно назвать несколько.

1. Первый вопрос – есть ли пределы возможностей глобального управления такой сверхсложной системой, как мегасистема «человечество – биосфера»? Это одна из ключевых тем кибернетики, синергетики, философии. Сегодня нет однозначного ответа на этот вопрос у тех, кто им занимается профессионально.

2. Глобальный демографический переход, современниками которого мы являемся, в долгосрочной перспективе неизбежно приведет к кардинальной переоценке всех футурологических сценариев развития человечества. Если затухание роста планетарного населения пойдет по уже наметившейся траектории, все проблемы «устойчивого развития» приобретут другое качество. Высока вероятность того, что речь идет о нескольких ближайших десятилетиях. Развитие человечества в условиях прекращения роста численности населения, путь даже на огромной цифре, которая, возможно, будет превышать 10 млрд человек, кардинально изменится. Главное – оно станет относительно стабильным. Оценивая «емкость биосферы», в новой реалии на первый план выйдет не количество народонаселения, а качество этого населения и хозяйственных систем будущего.

3. Тезис об «исчерпании природных ресурсов» в том варианте, который был представлен в достопамятном докладе «Пределы роста», в целом, не оправдался. Во всяком случае, серьезных подтверждений ему нет. К

сожалению, не оправдались прогнозы о скором исчерпании углеводородов, что сегодня скорее выступает фактором торможения технического прогресса, чем поддержания общемировой экономической безопасности. Один из знаковых трудов, посвященных проблеме исчерпания природных ресурсов, – книга Дж. Саймона «Неисчерпаемый ресурс» [3]. Ее главная заслуга в том, что она вернула тему «исчерпания природных ресурсов» из алармистского невроза в поле научных дискуссий.

4. Одна из самых «раскрученных» тем в рамках борьбы за «устойчивое развитие» – антропогенное глобальное потепление климата. Не оспаривая относительно достоверные данные мониторинга климата Земли за последние полтора столетия, они не указывают однозначно на вину человека. Антропогенное глобальное потепление – серьезная научная гипотеза, но ни в какой мере не доказанный научный факт. И науке ставить точку в этой теме рано.

5. Концепция «устойчивого развития» вступает в определенное противоречие с теориями цикличности мирохозяйственного развития и периодически наблюдаемыми мирохозяйственными кризисами. В более широком контексте правомочно говорить и о цикличности общемировых системных кризисов [5]. Возможно ли совместить концепцию «устойчивого развития» с этими теориями – большой вопрос. Например, по мнению В.А. Шупера, этого не получается сделать [4].

Разнообразие трактовок и «смыслов», расплывчатость проблематики, вкладываемой в концепцию «устойчивого развития» учеными, политиками, управленцами, бизнесменами и домохозяйками, неясность механизмов ее реализации требуют дальнейшей научной работы над ее основными идеями и возможностями.

Литература

1. Медоуз Д. и др. Пределы роста / Пер. с англ.; Предисл. Г.А. Ягодина. – М.: Изд-во МГУ, 1991.
2. Медоуз Д. и др. Пределы роста. 30 лет спустя = Limits to growth. The 30-year update. – М.: Академкнига, 2007.
3. Саймон Дж. Неисчерпаемый ресурс. – М.: Социум, 2012.
4. Шупер В.А. Инновационное развитие в свете евразийской концепции Л.Н. Гумилева // Политическая концептология – 2012. – № 4. – С. 123-130.
5. Яковец Ю.В. Система долгосрочных целей устойчивого развития цивилизаций. – М.: Международный институт Питирима Сорокина – Николая Кондратьева, Институт экономических стратегий, 2017.
6. Мировой Центр данных по геоинформатике и устойчивому развитию [электронный ресурс] URL: <http://wdc.org.ua>
7. Комиссия ООН по устойчивому развитию [электронный ресурс] URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/csd.html>
8. Выборы в Бундестаг Германии 2017 г. [электронный ресурс] URL: <https://www.bundeswahlleiter.de/en/bundestagswahlen/2017/ergebnisse.html>

КРУПНЫЕ ИНОСТРАННЫЕ КОМПАНИИ КАК ФАКТОР ИЗМЕНЕНИЯ
ДИСПРОПОРЦИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
РЕГИОНОВ РОССИИ
*LARGE INTERNATIONAL COMPANIES AS A FACTOR OF CHANGE OF REGIONAL
SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT DISPARITIES IN RUSSIA*

Михайлов А.А.
Mikhaylov A.A.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва
Lomonosov Moscow State University

Аннотация. В статье раскрываются региональные следствия развития крупнейших иностранных компаний, ведущих деятельность на территории России. Результаты представлены в виде типологии регионов России по характеру и степени представленности региональных подразделений рассматриваемых фирм.

Abstract. *The paper reveals regional consequences of development of large foreign companies conducting business activities in Russia. The results are presented in a way of typology of Russian regions according to the characteristics and degree of representation of considered firms' regional affiliates.*

Ключевые слова: территориальное развитие компании, иностранная компания, региональные диспропорции.

Keywords: *territorial development of a company, foreign company, regional disparities.*

Крупнейшие иностранные компании, ведущие деятельность на территории России, являются важными участниками инвестиционного процесса. Логично предположить, что осуществление вложения капитала тем или иным образом сказывается на неоднородности экономического ландшафта страны, а в долгосрочной перспективе – на изменении диспропорций в социально-экономическом развитии городов и регионов.

Несмотря на возрастание актуальности по мере развития процесса глобализации, рассматриваемая тематика не получила широкого освещения в отечественных научных кругах. К примеру, она затрагивается в работах А.В. Кузнецова и А.С. Субботина, хотя стоит отметить, что в обоих случаях анализ проводится с позиции частного инвестора. В западной научной среде вопросы взаимосвязи крупного бизнеса и территории, на которой он осуществляет свою деятельность, нашли отражение в работах П.Х. Пелленбарга, Я. Юхансона, Р.Б. Макни, Л. Хокансона, Р. Шлунце и многих других исследователей. Аспекты влияния деятельности крупного бизнеса на региональное развитие нашли широкое отражение в работах И.В. Гришиной, Н.В. Зубаревич, О.В. Кузнецовой и А.С. Четвериковой, а также некоторых других ученых.

Основная гипотеза данного исследования заключается в наличии взаимовлияния крупного иностранного бизнеса и территории, на которой он осуществляет свою деятельность. Целью работы является выделение территориальных аспектов и следствий деятельности зарубежных компаний.

В качестве объекта исследования работе использовалась выборка из 50 транснациональных фирм, входящих в рейтинг «50 крупнейших иностранных компаний в России», составленный специалистами журнала «Форбс» за 2017 г. Основным критерием отбора компаний в рейтинге является совокупный объем выручки российского подразделения. В списке присутствуют компании 11 стран и 13 отраслей экономики. В соответствии с целью работы представляется, что высокая степень дифференциации выборки по отраслевому и страновому признакам при анализе территориальных структур компаний позволит в конечном счете перейти к закономерностям размещения региональных подразделений, характерных для иностранных компаний в целом.

Примененная в работе методика анализа деятельности рассматриваемых компаний имеет следующий вид.

1. *Сбор и обработка статистических данных о размещении региональных подразделений компаний из выборки.* Основным источником информации о территориальном развитии выбранных компаний стал портал по работе с иностранными инвесторами «Invest in Russia». Кроме того, в отдельных случаях использовались данные официальных сайтов исследуемых фирм.

2. *Выделение принципов размещения региональных подразделений отдельных функциональных типов.* Под такими подразумеваются центры дистрибуции, объекты логистической, производственной и инженерно-научной инфраструктуры, административно-офисные представительства, головные офисы фирм). В большинстве случаев при выделении принципов размещения учитывался временной аспект появления конкретных региональных филиалов.

3. *Обобщение полученных результатов в региональном разрезе.* В первую очередь, внимание уделялось числу компаний из выборки, представленных в субъектах РФ. Кроме того, для каждого региона была составлена функциональная структура представленных на его территории подразделений по всем компаниям в совокупности. В связи с тем, что большинство фирм начинает выход на рынок региона с создания центров дистрибуции, особо рассматривалось расположение подразделений недистрибуторского назначения.

4. *Типологизация регионов с точки зрения представленности крупнейших иностранных компаний.* Особое внимание при составлении типологии уделялось представленным ранее числу и функциональной структуре размещенных подразделений, временным аспектам распространения компаний по территории России.

Полученная по итогам исследования типология регионов России представлена далее.

1. *«Ядерные» регионы компаний.* Подразделяются на две категории:

1.1. *Ключевые регионы.* Классическими примерами могут быть названы Москва, Московская область и Санкт-Петербург, концентрирующие наиболее значительное количество региональных подразделений различных типов. В данных регионах представлены практически все из рассмотренных компаний; многие из них отсюда начали экспансию на рынок страны, что соответствует концепции «ядерного» ареала Л. Хокансона.

1.2. *Регионы «проникновения» компаний на российский рынок.* В данную категорию стоит включить Калининградскую область и Приморский край, в силу приморского положения и особенностей их государственной поддержки также часто использовавшихся в качестве регионов первичной локализации (в первом случае примерами могут быть автоконцерн «KIA Motors» и многие немецкие автопроизводители, во втором – компании «Mars» и «Toyota»). По аналогичному принципу в данную категорию может быть включена Ленинградская область, в результате действия «эффекта соседства» со стороны Финляндии ставшая местом изначальной локализации финской компании «Nokian Tyres».

2. *Наиболее привлекательные регионы.* Включают в себя небольшое количество субъектов РФ, на территории которых располагаются крупногородские агломерации. В данных регионах располагается ряд инженерно-научных центров, созданных при участии крупных зарубежных инвесторов, а также большая часть объектов логистической инфраструктуры. К числу таких регионов можно отнести Самарскую, Свердловскую, Новосибирскую и Нижегородскую области, а также Республику Башкортостан.

3. *Макрорегиональные центры тяготения.* Представляют собой ряд субъектов РФ, размещение подразделений на территории которых позволяет покрыть рынок того или иного макрорегиона страны в целом. Данную категорию можно подразделить на следующие подгруппы:

3.1. *Крупные центры тяготения* (Республика Татарстан, Воронежская, Волгоградская и Ростовская области, Краснодарский и Красноярский края). Принципиальное отличие данных регионов от предыдущей группы состоит в большей роли подразделений дистрибуторской направленности, в то время как логистическая инфраструктура имеет более узкую специализацию. В функциональной структуре подразделений рассматриваемых компаний практически не представлено инженерно-научное направление.

3.2. *Центры тяготения второго порядка* (Липецкая и Кемеровская области, Хабаровский, Пермский и Алтайский края). Имеют примерно аналогичную функциональную структуру филиалов, но отличаются меньшим масштабом деятельности изучаемых иностранных компаний.

3.3. *«Изолированные» центры.* К ним можно отнести регионы, с точки зрения структуры сети региональных подразделений обладающие

признаками двух представленных выше подгрупп, но не имеющие зоны тяготения макрорегионального масштаба. Как правило, причиной тому является их относительная «изолированность», вызванная либо физической удаленностью их центров от рынков сбыта соседних субъектов (примером могут быть Мурманская область и Ханты-Мансийский автономный округ), либо низкой емкостью рынка последних (как в случае с Вологодской областью или Хабаровским краем).

4. Полупериферийные регионы. Данные субъекты РФ характеризуются относительной благоприятностью для размещения подразделений крупных зарубежных компаний, в первую очередь, в силу близкого расположения к более крупным центрам. Исходя из этого, они включают следующие подгруппы:

4.1. Относительно привлекательные регионы полупериферии. Как правило, расположены вокруг (Владимирская и Калужская области) или среди (Чувашская Республика, Саратовская область) наиболее привлекательных для иностранных компаний субъектов РФ. В ряде случаев отличаются концентрацией производств, вынесенных туда из близлежащих регионов, где располагаются крупногородские агломерации. В некоторых регионах, развивающихся по подобной модели, присутствуют научно-производственные центры, сформировавшиеся на базе производств (характерным примером является случай компании «Mondelez» во Владимирской области).

4.2. Менее привлекательные регионы полупериферии. Для них можно выделить аналогичную тенденцию, но в более слабом виде (Томская, Тверская, Новгородская области, Республика Карелия). Как правило, в функциональной структуре филиалов существенно преобладают центры розничной дистрибуции.

5. Периферийные регионы. Отличаются небольшим числом филиалов иностранных компаний. Преимущественно в их число входят субъекты РФ с невысокой инвестиционной привлекательностью, в том числе с неблагоприятными институциональными условиями и небольшой емкостью внутреннего рынка. К таким можно отнести Республики Алтай и Тыву, регионы Забайкалья, востока Северного Кавказа, севера Дальнего Востока, а также отдельные регионы «внутренней периферии» Европейской России и Урала (Тамбовская, Псковская и Курганская области, Республика Мордовия).

Вполне логично, что представленная типология отличается некоторой долей субъективности. Часть регионов, что типично для метода типологизации, может быть отнесена к двум различным категориям. К примеру, Архангельская область и Республика Коми, Курская и Брянская области, исходя из количества и структуры размещенных подразделений, могут перейти в категории регионов периферии и полупериферии соответственно. Несмотря на это, их положение относительно соседних регионов позволяет прийти к приведенным ранее заключениям.

Первый важный вывод, который можно сделать на основе проведенной типологии, – деятельность крупного зарубежного бизнеса, как правило, приводит к усилению межрегиональных социально-экономических диспропорций. Основной предполагаемой причиной данного процесса является большая, чем у отечественного бизнеса, «чувствительность» к действию объективных экономических факторов, вызванная малой осведомленностью иностранных компаний об устройстве региональной и локальной бизнес-среды.

Типология обнаруживает формирование у ряда регионов своеобразной «специализации» регионов. Зачастую центры различных уровней взаимодополняют или разделяют те или иные функции. К примеру, Липецкая и Воронежская области совместно выступают как своеобразные хабы для Центрально-Черноземного экономического района, причем первая из них скорее рассматривается как регион, привлекательный для размещения производств, а вторая – логистических центров. Еще в большей степени показательно разделение функций между Москвой и Санкт-Петербургом с окружающими их областями (при этом Московская область отличается выраженным преобладанием дистрибуторских подразделений, а Ленинградская скорее имеет производственную специализацию).

Третьим важным следствием является наличие существенных отличий географии размещения подразделений крупнейших иностранных компаний от географии накопления прямых иностранных инвестиций на территории России. Для компаний из выборки меньшее значение имеют так называемые «ресурсные» субъекты РФ и регионы с особым устройством институциональной среды. В то же время, большую роль играют макрорегиональные центры (примерами которых являются Воронежская и Волгоградская области).

Представляется, что итоги работы могут использоваться при решении широкого круга задач экономико-географической тематики, в частности в контексте региональных исследований и географии крупного бизнеса.

Литература

1. Гришина И.В. Анализ и прогнозирование инвестиционных процессов в регионах России. – М.: СОПС, 2005.
2. Зубаревич Н.В. Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы / аналитический доклад. – М.: Поматур, 2005. – 102 с.
3. Кузнецов А.В. Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект. – М.: КомКнига, 2007.
4. Кузнецов А.В. Прямые иностранные инвестиции: «эффект соседства» // МЭиМО. – 2009. – № 9. – С. 40-47.
5. Кузнецова О.В., Кузнецов А.В., Туровский Р.Ф., Четверикова А.С. Инвестиционные стратегии крупного бизнеса и экономика регионов / под ред. О.В. Кузнецовой. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 440 с.

6. Субботин А.К. Границы рынка глобальных компаний. – М.: УРСС, 2004. – 324 с.
7. Hakanson L. Towards a theory of location and corporate growth // Spatial analysis, industry and the industrial environment. – Vol. 1 (Industrial System), 1979. – P. 115-138.
8. Johanson J. The internationalization of the firm – four Swedish cases // Journal of management studies. – 1975. – № 12(3). – P. 305-323.
9. McNee R.B. A system approach to understanding the geographic behavior of organizations, especially large corporation // Spatial perspective on industrial organization and decision-making. – Wiley. – 1974. – P. 47-76.
10. Pellenbarg P.H., Wever E. International business geography: case study of corporate firms. – New York: 2007. – P. 285.
11. Schlunze R.D. Location adjustment of Japanese management in Europe. – Asian Business & Management. – 2002. – № 1(2). – P. 267-283.
12. Официальный сайт российского подразделения журнала «Форбс». Доступно по адресу: <http://www.forbes.ru> (дата обращения 28.01.2018).
13. Официальный сайт портала «Invest in Russia». Доступно по адресу: <http://ru.investinrussia.com> (дата обращения 07.02.2018).
14. Сайт ЦБ РФ. Доступно по адресу: <http://www.cbr.ru> (дата обращения 10.07.2017).

ЭТАПЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНТЕРНЕТА *STAGES OF THE INTERNET DIFFUSION*

Нагирная А.В.
Nagirnaya A.V.

ФГБУН «Институт географии Российской академии наук»,
г. Москва
Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow

Аннотация. Статья посвящена анализу распространения сети Интернет в мире в конце XX – начале XXI вв. Характеризуются этапы глобального распространения Интернета, анализируются сдвиги в его географии, произошедшие в начале XXI в.

Abstract. *The article is dedicated to the analysis of the global Internet development in the end of XX – beginning of XXI century. Milestones of the Internet global diffusion are characterized, shifts in its geography over the beginning of XXI century revealed.*

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, Интернет, география Интернета, цифровой разрыв.

Keywords: *telecommunications, Internet, Internet geography, digital divide.*

Глобальная сеть Интернет – ключевая инновация современности, на базе которой в результате конвергенции информационно-коммуникационных технологий сформировалась интегрированная система глобальных цифровых коммуникаций. Она является порождением современной эпохи глобализации, аналогично тому, как электрический телеграф сформировал первую глобальную информационную сеть в эпоху ранней глобализации (конец XIX – начало XX вв.) [6-8].

Распространение Интернета в мире происходит по принципу иерархической диффузии инноваций: от «центра» к «полупериферии» и «периферии». Современный уровень проникновения Интернета является результатом 25-летней диффузии этой инновации. Согласно теории Э. Роджерса, сегодня в большинстве стран мира Интернет, как инновация, уже находится на стадии массового признания, так как уровень его проникновения превышает 20 пользователей на 100 жителей (рис. 1).

Для оценки количественных диспропорций в уровне проникновения Интернета используется индекс «разрыва», который рассчитывается на основании средних значений по десяти группам (децилям) стран и представляет собой отношение среднего значения первого дециля к среднему показателю последнего. В 2000 г. в первом дециле стран насчитывался в среднем 41 пользователь Интернета на 100 жителей, в последнем – 0,05; индекс разрыва, таким образом, составлял 817 раз. В 2010 г. эти показатели увеличились соответственно до 83 пользователя и 1, а индекс разрыва снизился до 83 раз. В 2017 г. значения составили 94 и 7,5, индекс разрыва составил 13 раз. Таким образом, с начала XXI в. «цифровой разрыв» в сфере Интернет сократился в 65 раз.

Интернет в своем развитии и глобальной экспансии прошел к настоящему времени *три этапа*: ранний (1991-2000 гг.), этап экспансии (2001-2010) и зрелый (с 2011 г.) (табл. 1). На *раннем этапе* внедрение инновации начиналось с наиболее развитых стран и крупнейших городов, наблюдались самые высокие темпы роста мировой интернет-аудитории. Если в 1991 г. число пользователей во всем мире не превышало 10 тыс., то в 2000 г. оно составило почти 400 млн (6,5% мирового населения), из них три четверти – жители развитых стран). В Российской Федерации число интернет-пользователей в 2000 г. составляло около 3 млн человек, или 2% населения. В контент-пространстве мирового Интернета доминировали США (им принадлежало почти 90% всех веб-сайтов). В Интернете зарождались новые формы ведения бизнеса, США стали центром возникновения электронной торговли.

Этап стремительной экспансии Интернета пришелся на 2000-е годы. Число пользователей увеличилось в 2,5 раза, достигло в 2010 г. 2,3 млрд чел. и составило треть мирового населения, 60% из которых – жители развивающихся стран (с 2008 г. они стали составлять большинство пользователей). Объем глобального интернет-трафика увеличился в 240 раз. Интернет-торговля получила распространение и за пределами США – в развитых странах мира.

*Рис. 1. Распространение Интернета и крупнейшие межрегиональные потоки интернет-трафика (2000 г.).
Здесь и далее составлено по: [2, 4, 9]*

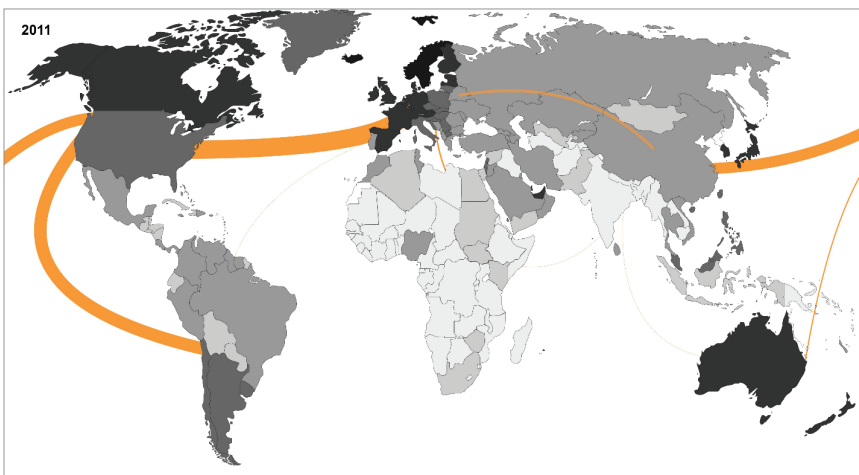

Рис. 2. Распространение Интернета и крупнейшие межрегиональные потоки интернет-трафика (2011 г.).

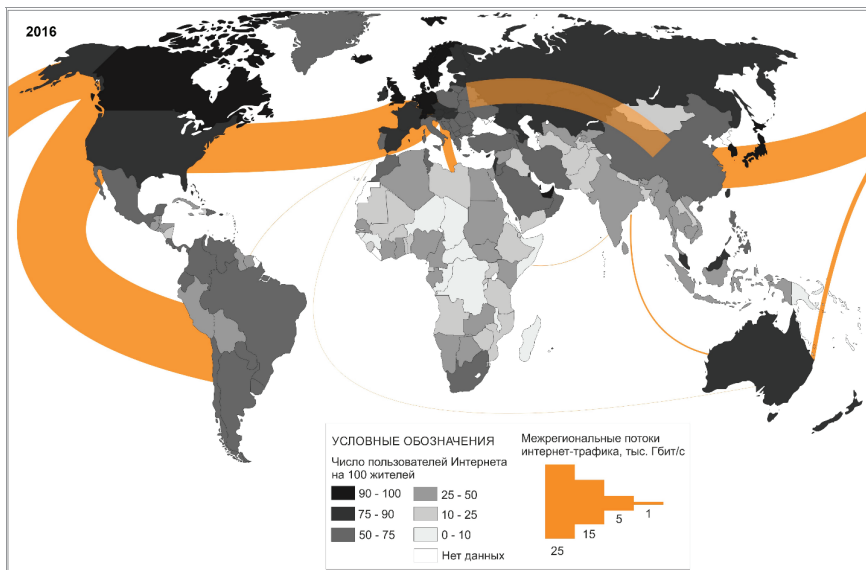

Рис. 3. Распространение Интернета и крупнейшие межрегиональные потоки интернет-трафика (2016 г.).

Современный этап развития Интернета (второе десятилетие XXI в.) характеризуется стремительным распространением смартфонов и мобильных технологий доступа, которые к настоящему времени потеснили персональные компьютеры в качестве основного средства подключения к Интернету и играют ключевую роль в его распространении, особенно в развивающихся странах. Так, если в начале 2010 г. в глобальном масштабе на мобильные устройства приходилось всего несколько процентов интернет-трафика, то в 2016 г. был преодолен рубеж 50%. Лидируют в мире по этому показателю развивающиеся страны: Нигерия, где с мобильных устройств осуществляется 81% интернет-трафика, Индия и ЮАР (соответственно 79% и 78%) и др. В развитых же государствах мобильный Интернет еще не достиг таких масштабов, что обусловлено высоким уровнем проникновения и инерцией более ранних технологий фиксированного доступа в Интернет: в США мобильный трафик составляет 37% всего интернет-трафика, а во Франции, Японии, Канаде и Германии – менее 30%.

К началу 2018 г. число пользователей Интернета в мире приблизилось к 4 млрд, что составляет уже более половины населения Земли. Таким образом, вопреки прогнозам начала века, территориальные диспропорции в уровне проникновения Интернета стремительно сглаживаются, и опасения в том, что Интернет останется привилегией развитых государств и не получит распространения в развивающихся, не оправдались. Если в 2000 г. в развивающихся странах проживало 26% всех интернет-пользователей

мира, то сегодня – уже 70%, то есть структура интернет-аудитории изменилась зеркально. С 2010 г. объем глобального интернет-трафика увеличился в 5 раз.

Таблица. Этапы глобального распространения Интернета, 1991–2017 гг.

Показатели \ Этапы	Ранний этап (1991–2000 гг.)	Этап экспансии (2001–2010 гг.)	Зрелый этап (2011 г. – н.в.)
Среднегодовые темпы прироста числа пользователей	68%	40%	37%
Число пользователей*	400 млн	2,3 млрд	3,9 млрд
Число пользователей на 100 жителей*	6,5	33	52
Соотношение числа пользователей, проживающих в развитых и развивающихся странах*	74:26	40:60	30:70
Индекс «разрыва» в глобальном Интернете*	817 раз	83 раза	13 раз
Доля сайтов, созданных в США*	89%	62%	63%
Объем глобального интернет-трафика*	84 Пбит/с	20151 Пбит/с	96054 Пбит/с
Доля электронной торговли в общем объеме розничных продаж в США*	0,9%	4,2%	8,2%

*На конец периода.

Составлено по: [1-4, 9-11]

Однако в контент-пространстве Интернета и сегодня продолжают доминировать США (63% всех сайтов в 2017 г.), а на развитые страны в целом приходится около 85%. В десятку лидеров, помимо США, входят Китай, Германия, Канада, Индия, Япония, Франция, Великобритания и Дания. При этом на страны БРИКС, где проживает 38% интернет-пользователей, приходится не более 10% сайтов.

На зрелом этапе развития Интернета явлением мирового масштаба становится интернет-торговля, причем с возрастающей ролью развивающихся стран. Североамериканский регион (прежде всего, США) потерял лидирующую роль по объемам электронной торговли, уступив ее Азиатско-Тихоокеанскому региону во главе с Китаем, где помимо огромного потенциала внутреннего рынка очень интенсивно развивается экспортная составляющая. США продолжают оставаться инновационным центром отрасли, а Великобритания – страной с наиболее трансформированным и цифровизованным сектором торговли: в 2016 г. там отмечен максимальный в мире показатель доли интернет-сектора в общем объеме розничных продаж – 14,5% [3]. При этом уже более половины общего числа интернет-покупателей мира проживает в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В первые десятилетия XXI в. произошла существенная децентрализация в распределении интернет-пользователей по регионам мира. Если в 2000 г. в североамериканском регионе было сконцентрировано около трети всех пользователей Сети, то сегодня – уже всего 8%, а половина интернет-аудитории теперь приходится на Азию; на Европу – 17%, Латинскую Америку – 10,5%, Африку – 10%, Ближний Восток – 3,7%, Австралию и Океанию – 0,7%. Однако по числу интернет-пользователей на 100 жителей развивающиеся страны все еще существенно отстают: в 2017 г. пользовались Интернетом 81% населения развитых стран и 41% развивающихся (в наименее развитых странах – всего 17,5%) [1].

В десятке стран-лидеров по абсолютному числу интернет-пользователей находятся страны БРИКС, где Интернет использует от 34% населения в Индии до 76% в России, а также другие крупные развивающиеся государства (Индонезия, Нигерия, Мексика и др.) и такие передовые страны, как США и Япония, где пользователями являются соответственно 88% и 94% населения. На первых местах расположились Китай, на долю которого приходится 19% всех интернет-пользователей мира (почти 740 млн), и Индия (460 млн, 12%). В России 110 млн пользователей, что составляет около 3% всей интернет-аудитории мира.

В географии глобальной сети Интернет в конце XX – начале XXI вв. произошли масштабные сдвиги, связанные с существенным сокращением количественных разрывов между странами мира и сглаживанием территориальных диспропорций в уровне проникновения Интернета. Однако в сфере информационного наполнения и управления Интернетом монополия развитых стран сохраняется. Другими словами, цифровой разрыв переместился в другую плоскость: не столько вопросы доступа и технической обеспеченности, сколько возможности по генерированию информации и управлению информационными потоками определяют сегодня расстановку сил в мировом хозяйстве.

Литература

1. Международный союз электросвязи (МСЭ). [Электронный ресурс]: <http://www.itu.int>
2. Мировая статистика по Интернету: <http://www.InternetWorldStats.com>.
3. Мяльдин Т.Н. Потребительская интернет-торговля: факторы пространственной дифференциации на глобальном и региональном уровне // Поляризация российского пространства: экономико-, социально- и культурно-географические аспекты / Под ред. В.Н. Стрелецкого. – М.: Институт географии РАН, 2018. – С. 319-327.
4. Нагирная А.В. Глобальные закономерности распространения информационно-коммуникационных технологий // Известия РАН. Серия географическая. – 2013. – № 5. – С. 30-40.
5. Нагирная А.В. Развитие Интернета в регионах России // Известия РАН. Серия географическая. – 2015. – № 2. – С. 41-51.

6. Нагирная А.В. География глобальной сети Интернет // География в школе. – 2012. – № 10. – С. 14-18.

7. Синцеров Л.М. Транспортно-коммуникационная парадигма мирового развития // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 5. – С. 122-128.

8. Синцеров Л.М. Первая глобальная информационная сеть // Известия РАН. Серия географическая. – 2004. – № 3. – С. 71-75.

9. TeleGeography's Global Internet Geography Report. Washington D.C., 2016.

10. The Domain Name Industry Brief. Vol. 14, Issue 4 // VERISIGN, 2017 [Электронный ресурс]: <https://www.verisign.com/assets/domain-name-report-Q32017.pdf>

11. The Zettabyte Era: Trends and Analysis // Cisco, 2017. [Электронный ресурс]: <https://www.cisco.com/c/en/us/solutions/collateral/service-provider/visual-networking-index-vni/vni-hyperconnectivity-wp.html>

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОЙ КЛАСТЕРНОЙ
ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
PECULIARITIES OF FEDERAL CLUSTER POLITICS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Панкратов А.А.
Pankratov A.A.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва
Lomonosov Moscow State University

Аннотация. Статья посвящена изучению опыта реализации федеральной кластерной политики в Российской Федерации. В статье рассматриваются основные нормативно-правовые документы, действующие в настоящее время в сфере кластерной политики, выявляются их сильные и слабые стороны, осуществляется критический анализ базовых понятий рассматриваемой сферы.

Abstract. *The article is dedicated to learning of the experience of federal cluster politics in the Russian Federation. The article describes key regulations, acting in the sphere of cluster politics nowadays, its strengths and weaknesses, gives critical analysis of basic concepts of sphere under consideration.*

Ключевые слова: кластерная политика, кластерная инициатива, инновационный территориальный кластер, промышленный кластер.

Keywords: *cluster politics, cluster initiative, innovating territorial cluster, industry cluster.*

В настоящее время кластерная политика в Российской Федерации представляет собой важный инструмент социально-экономического и территориального развития. В условиях современной политико-экономической ситуации ускоренное развитие инновационного и промышленного потенциала российской экономики, а также повышение ее конкурентоспособности на международном уровне становится наиболее актуальной и важной задачей. Проектирование промышленных и инновационных кластеров направлено на решение этой задачи, что определяет особый научный и исследовательский интерес к рассматриваемым объектам.

Отправной точкой в реализации мероприятий кластерной политики является закрепление основных понятий, концепций и направлений кластерной политики на законодательном уровне. Разработка эффективной нормативно-правовой базы в данной сфере является залогом успешной реализации кластерных инициатив в регионах Российской Федерации.

Целенаправленная федеральная кластерная политика в нашей стране стала проводиться с начала 2010-х годов, основным исполнителем и куратором которой выступило Министерство экономического развития Российской Федерации. В 2012 г. по поручению Президента Российской Федерации Министерством экономического развития в ходе конкурсного отбора были отобраны 25 пилотных инновационных территориальных кластеров (далее – ИТК) в разных отраслях и регионах страны [1]. В настоящее время инновационные территориальные кластеры поддерживаются в следующих отраслях: информационные технологии и электроника (Москва, Санкт-Петербург, Новосибирская и Томская области); новые материалы (Московская и Свердловская области, Республика Мордовия); производство летательных и космических аппаратов, судостроение (Архангельская, Самарская, Ульяновская области, Пермский и Хабаровский края); фармацевтика, биотехнологии и медицинская промышленность (Московская, Ленинградская, Калужская, Новосибирская, Томская области, Санкт-Петербург, Алтайский край), химия и нефтехимия (Нижегородская и Кемеровская области, Республики Татарстан и Башкортостан), ядерные и радиационные технологии (Московская, Нижегородская, Ульяновская области, Красноярский край).

После осуществления отбора ИТК Постановлением Правительства Российской Федерации № 188 от 06.02.2013 [4] был закреплен порядок распределения и представления субсидий из федерального бюджета на реализацию мероприятий кластерной политики. Так, в 2013 г. 11 регионам базирования ИТК были выделены 1,3 млрд рублей федеральных субсидий на реализацию программ развития пилотных ИТК [7]. Приказами Минэкономразвития также устанавливается перечень конкретных мероприятий, реализуемых в рамках ИТК, для поддержки которых выделяются целевые субсидии [5]. В 2014-2015 гг. общий объем федеральных субсидий на реализацию мероприятий кластерной политики составил 3,75 млрд рублей, число регионов локализации ИТК увеличилось

до 20, то есть государственную поддержку к 2015 г. получили все регионы базирования пилотных ИТК [8, 9].

Основными сложностями при формировании пилотных ИТК по линии Министерства экономического развития является отсутствие базовых (уровня Федеральных законов и Указов Президента) нормативно-правовых документов, содержащих важнейшие определения в сфере кластерной политики. Данная проблема прямым образом влияет на эффективность осуществляемых мероприятий, так как при отсутствии конкретных смысловых параметров очень сложно ответить на вопрос: отвечает ли то или иное мероприятие реальным целям проводимой кластерной политики или нет. По этой причине в исследовательском плане практически невозможно с высокой степенью определенности выявить конкретный кластерный эффект – определить вклад того или иного мероприятия кластерной политики в совокупное социально-экономическое развитие региона, муниципалитета, отрасли. Помимо этого, дополнительные сложности создает разноотраслевой подход при проектировании ИТК, когда в рамках одного кластера объединяются предприятия совершенно различных между собой отраслей и видов деятельности (например, «Инновационный кластер информационных и биофармацевтических технологий Новосибирской области» или «Фармацевтика, медицинская техника и информационные технологии Томской области»). В данной ситуации, как с исследовательской, так и управленческой точек зрения, сложно понять по какому принципу происходило формирование инновационного кластера, а также определиться с методиками сопоставления и анализа видов экономической деятельности, входящих в различные разделы ОКВЭД.

Ситуация стала меняться в лучшую сторону в связи с принятием Федерального закона о промышленной политике в 2014 г. [10] (вступил в силу в 2015 г.), закрепляющего основные определения объектов промышленной инфраструктуры, в том числе определение «промышленного кластера». Согласно данному документу, промышленным кластером является «совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного или нескольких субъектов Российской Федерации» [10]. Важной положительной особенностью данного понятия является то, что определение рассматриваемого понятия ограничивает область потенциальной кластеризации, которой в данном случае является сфера промышленного производства, включающая добычу полезных ископаемых, обрабатывающие производства, обеспечение электрической энергией, газом и паром и другие отрасли и виды деятельности. Таким образом, промышленные кластеры формируются только в отраслях, относящихся к сфере промышленного производства, что является значимым преимуществом по сравнению с инновационными территориальными кластерами, которые зачастую, как отмечалось выше, создаются сразу в нескольких секторах российской экономики.

В то же время, определение промышленного кластера в себе самом содержит следующее логическое противоречие: с одной стороны в нем указывается необходимость территориальной близости промышленных предприятий, с другой стороны – промышленные кластеры могут создаваться на территории одного или нескольких субъектов Российской Федерации, при этом какими должны быть эти субъекты по отношению друг к другу (пограничными или нет) ни в определении, ни в нормативно-правовом акте не указывается. Согласно формулировке определения, промышленный кластер теоретически может одновременно функционировать на территории Москвы, Красноярского края и Чукотского автономного округа, что противоречит классическим трактовкам понятия кластера, в которых фактор территориальной близости и ограниченности территории локализации предприятий является определяющим и основополагающим.

Исходя из положений закона о промышленной политике в целом и определения промышленного кластера в частности, Министерством промышленности и торговли Российской Федерации был инициирован процесс отбора региональных промышленных кластеров в целях применения к ним мер стимулирования деятельности в сфере промышленности. Для успешной реализации этого процесса были приняты Постановления Правительства Российской Федерации № 779 («О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров») [3] и № 41 («Об утверждении правил предоставления из федерального бюджета субсидий участникам промышленных кластеров на возмещение части затрат при реализации совместных проектов по производству промышленной продукции кластера в целях импортозамещения»). [2]

В Постановлении Правительства Российской Федерации № 779 приводятся основные определения и понятия в сфере проектирования промышленных кластеров (такие как: «цель создания кластера», «соглашение о создании кластера», «программа развития кластера», «инфраструктура кластера», «участник кластера» и др.). Также в постановлении указываются основные требования к промышленным кластерам и их управляющим (специализированным) организациям [3]. Таким образом, если в субъекте Российской Федерации у кооперированных между собой промышленных предприятий или уже сформировавшегося регионального кластера возникает инициатива получить статус федерального промышленного кластера, управляющая (специализированная) организация собирает и представляет в Министерство промышленности и торговли перечень необходимых документов, установленных в Постановлении Правительства. При соблюдении соответствия этих документов установленным требованиям кластер получает статус федерального промышленного и включается в реестр Минпромторга Российской Федерации, что впоследствии дает ему

возможность претендовать на финансовую поддержку со стороны государства.

Министерство промышленности и торговли каждый год производит отбор все новых промышленных кластеров, что дает возможность всем кооперированным субъектам в сфере промышленности получить искомый статус. Данный механизм отражает низовой самоорганизующийся характер кластерной инициативы, когда важнейшим фактором формирования кластерного образования является не инициатива государства и органов власти (механизм образования «сверху»), а первоначальное стремление субъектов в сфере промышленного производства создать промышленный кластер в целях получения государственной поддержки (механизм образования «снизу»).

В свою очередь Постановление Правительства № 41 определяет правила предоставления из федерального бюджета субсидий участникам промышленных кластеров при реализации совместных проектов по производству импортзамещающей промышленной продукции, то есть определяет те условия, при соблюдении которых промышленный кластер имеет возможность получить субсидии из федерального бюджета [2].

Инфраструктура промышленных кластеров (их количество, число регионов-участников и др.) получила более активное развитие по сравнению с инновационными территориальными кластерами. В настоящее время в нашей стране на территории 56 регионов созданы 130 промышленных кластеров, объединяющих около 4000 промышленных предприятий, генерирующих объем промышленной продукции на сумму около 500 млрд рублей (0,5% ВВП Российской Федерации) [6].

Таким образом, федеральная кластерная политика в Российской Федерации в настоящее время осуществляется в рамках двух основных направлений: по линии Министерства экономического развития (формирование и поддержка инновационных территориальных кластеров) и по линии Министерства промышленности и торговли (формирование промышленных кластеров). Преимуществом деятельности Минпромторга Российской Федерации является закрепление определения понятия «промышленный кластер» в Федеральном законе о промышленной политике, выполняющем функцию основополагающего документа при реализации федеральной кластерной политики в сфере промышленного производства. Помимо этого, инициативы создания промышленных кластеров основываются на реализации конкретных проектов, направленных на кооперацию промышленных предприятий и выпуск импортзамещающей продукции.

Литература

1. Перечень Поручений Президента Российской Федерации от 22.11.2011 г. № Пр-3484ГС по итогам заседания Президиума Государственного совета Российской Федерации 11.11.2011.

2. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.01.2016 г. № 41 «Об утверждении Правил предоставления из

федерального бюджета субсидий участникам промышленных кластеров на возмещение части затрат при реализации совместных проектов по производству промышленной продукции кластера в целях импортозамещения».

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.07.2015 г. № 779 «О промышленных кластерах и специализированных организациях промышленных кластеров».

4. Постановление Правительства Российской Федерации от 06.03.2013 г. № 188 «Об утверждении Правил распределения и предоставления субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию мероприятий, предусмотренных программами развития пилотных инновационных территориальных кластеров».

5. Приказ Минэкономразвития России от 19.11.2014 г. № 745 «Об утверждении перечня мероприятий, которые будут учитываться при определении размера субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию программ развития пилотных инновационных территориальных кластеров».

6. Промышленные кластеры – 2016. Отраслевой обзор, подготовленный Ассоциацией кластеров и технопарков, Москва, 2017.

7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.12.2013 г. № 2387-р.

8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 04.09.2015 г. № 1737-р «О распределении субсидий, предоставляемых в 2015 году из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на реализацию комплексных инвестиционных проектов по развитию инновационных территориальных кластеров».

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 06.12.2014 г. № 2480-р. Распределяются субсидии бюджетам 20 субъектов Федерации на общую сумму 2,5 млрд рублей. Средства пойдут на развитие инновационной, транспортной, энергетической, инженерной и социальной инфраструктуры кластеров.

10. Федеральный закон от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».

ВЕДУЩИЕ КОСМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ МИРА
И ИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
*LEADING SPACE COMPLEXES OF THE WORLD AND THEIR GEOGRAPHICAL
FEATURES*

Петрова А.С.
Petrova A.S.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва
Lomonosov Moscow State University

Аннотация. В статье говорится о роли космических комплексов в мировом хозяйстве, подробно анализируются ключевые космические комплексы мира. Выявлены факторы размещения предприятий космической индустрии и космодромов. Упор делается на географические аспекты развития космических комплексов. Рассматриваются основные тенденции развития космической отрасли.

Abstract. *The article deals with the role of space complexes in the world economy and analyzes in detail the main space complexes of the world. The factors of location of the space industry and spaceports are revealed. The emphasis is on the geographical aspects of the development of space complexes. The main trends in the development of the space industry are considered.*

Ключевые слова: космическая индустрия, космические комплексы, география, космодромы, космическая деятельность, космические запуски.

Keywords: *space industry, space complexes, geography, spaceports, space activities, space launches.*

Космическая индустрия – важная составляющая мировой экономики и одна из наиболее технически развитых сфер машиностроения с высокой степенью кооперирования и концентрации производства.

Положение космической индустрии сильно изменилось в XXI в. и речь здесь не только о технологических изменениях, но и о вовлеченности в международные отношения и мировую политику. Космическая отрасль отражает уровень развитости государств. Рост благосостояния развивающихся стран, диверсификация их экономики позволяет им выходить на мировую космическую арену в качестве новых игроков. В связи с этим происходит рост конкуренции на мировых рынках, меняется территориальная структура отрасли, хотя и традиционные космические гиганты не утрачивают своего значения.

Космическая отрасль является связующим звеном для государств даже в период политических разногласий. Несмотря на современную сложную геополитическую ситуацию, в космической сфере продолжается тесный международный диалог стран, направленный на комплексное и масштабное изучение космоса в мирных целях.

В соответствии с законом РФ «О космической деятельности» (КД), под КД подразумевается любая деятельность, относящаяся к проведению работ по изучению и использованию космического пространства, включая все небесные тела. [6]

Космическая промышленность – значимая отрасль мировой экономики, она во многом определяет социально-экономическое развитие стран. На космическую сферу приходится всего около 0,08% мирового ВВП, это объясняется тем, что она обладает следующими чертами: мелкосерийным масштабом производства, значительной долей специализированных предприятий и редкого оборудования, многолетними циклами создания космической продукции (от 5 до 7 лет), значительной наукоемкостью и сложностью.

Космическая отрасль наукоемкая и технически сложная, поэтому важнейшими факторами размещения ее предприятий служат наличие высококвалифицированных кадров и тяготение к важным научно-исследовательским центрам с развитой инфраструктурой. Эти принципы действуют для всех стран, но не всегда у государств есть возможность полностью следовать всем данным факторам.

В России промышленные предприятия, научно-исследовательские учреждения и конструкторские бюро космической отрасли, главные из которых – РКК «Энергия», ГКНПЦ им. М.В. Хруничева, Научно-производственное объединение им. С.А. Лавочкина, приурочены к крупным городам с высокой долей квалифицированных специалистов. Это в основном Москва и города Подмосковья (Королев, Реутов, Химки). [6] Все эти предприятия имеют филиалы и в других крупных промышленных центрах России.

В США ведущими районами развития космической промышленности являются штаты Калифорния (с центрами в Лос-Анджелесе, Сан-Диего, Сан-Хосе) и Вашингтон (с центром в Сиэтле). На Юге США можно выделить агломерацию Даллас – Форт-Уэрт (Техас) с наибольшей долей занятых в этой индустрии, а также Атланту (Джорджия), Хантсвилл (Алабама), главный космодром страны – Канаверал (Флорида). [10]

При размещении объектов космической промышленности рассматривается и фактор близости к космодромам, так как такое размещение снижает издержки на перевозку выводимой на орбиту космической продукции, а также предполагает присутствие высококвалифицированных кадров для стендовой сборки космической техники.

Нельзя забывать и о таком важном факторе, как военно-стратегический. Производства стараются не размещать у государственных границ с целью укрыть их от потенциальных противников.

Были выявлены следующие факторы размещения космодромов.

1. *Географическая широта места.* Чем ближе к экватору расположен космодром, тем ракета-носитель (РН) сможет наиболее полно использовать силу вращения Земли, что влечет за собой экономические выгоды –

удешевление вывода полезной нагрузки (ПН). Ближе всего к экватору расположены европейский космодром Куру во Французской Гвиане, космодром Алкантара (Бразилия) и плавучий космодром «Морской Старт», осуществляющий запуски прямо с экватора. [2]

2. *Удобство размещения и безопасность «полей падения»* – районов приземления ступеней и других частей ракет. Космодром и прилегающая к нему территория, особенно вдоль траектории запуска РН, должна быть либо вовсе не заселена, либо населена слабо. [2]

3. *Геофизические и климатические условия.* Космодромы стараются не располагать в сейсмоопасных районах. Климатические условия, такие как частота и обилие осадков, скорость ветра и прозрачность атмосферы, могут повлиять на запуск РН.

4. *Развитая инфраструктура.* Из экономических соображений выгоднее располагать космодромы вблизи научно-исследовательских центров и предприятий космической промышленности, поскольку сокращаются затраты на транспортировку.

5. *Удаленность от государственных границ.* [2] При этом иногда космодромы располагаются за пределами государственной территории страны, осуществляющей запуски, это происходит из экономических соображений или по историческим причинам, как, например, в случае российского космодрома Байконур в Казахстане.

В 2016 г. в мире насчитывалось 25 космодромов (из них 5 мобильного базирования). Около 50% всех запущенных в 2016 г. космических аппаратов пришлось на космодромы Канаверал (США), Куру (Европейское космическое агентство, ЕКА) и Байконур (Россия). Среди других космодромов можно выделить китайские Цзюцюань, Сичан, Тайюань и индийский Шрихарикота. [10] Они уже производят от 5 до 10 запусков в год, а в будущем планируется увеличение их мощностей (рис. 1).

Космическая отрасль является капиталоемкой и поэтому на начальных этапах своего развития была представлена государственными агентствами и корпорациями, так как нуждалась в особой поддержке и финансировании космических проектов. Сейчас же уровень развития техники и технологий позволил действовать в отрасли и частным компаниям.

В космической индустрии на сегодняшний день представлены государственные, полугосударственные (чаще всего это частные компании с государственным финансированием) и полностью частные компании.

После изучения соотношения государственных и коммерческих компаний в космической сфере ключевых стран было выделено два типа развития космической отрасли – западный и восточный. В странах западного типа (США, Западная Европа) предприятия отрасли характеризуются самостоятельностью, преобладанием частных негосударственных компаний (76% от общего числа в США). В странах восточного типа (Россия, Китай, Япония, Индия, Бразилия) наблюдается значительное влияние государства, основными участниками проектов являются национальные космические агентства, особенно велика роль

предприятий ВПК, частных компаний мало. Восточный тип характеризуется относительно меньшей развитостью, подвижностью, рентабельностью.

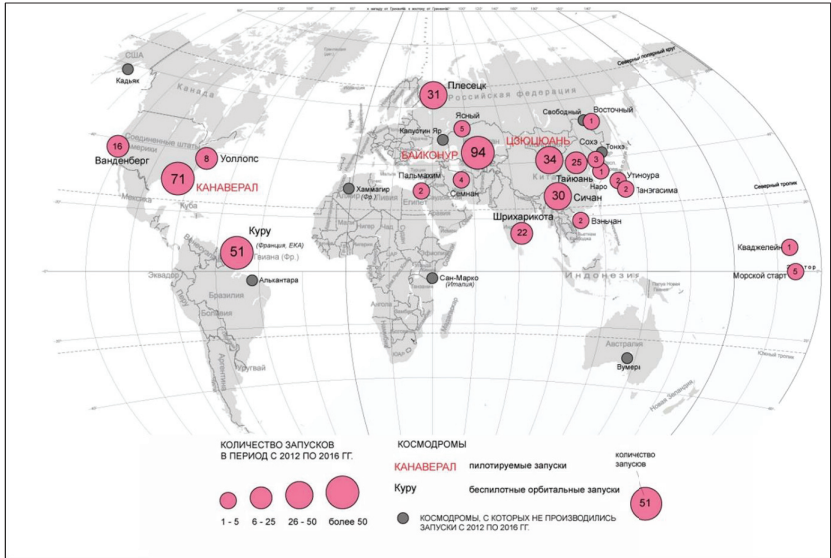

Рис. 1. Космодромы мира (2016 г.).

Государственные космические агентства действуют в 61 стране, всего 14 из них имеют возможность запусков космических аппаратов и всего 3 осуществляют пилотируемые запуски: CNSA (China National Space Administration, Китайское национальное космическое управление), NASA (National Aeronautics and Space Administration, Национальное Аэрокосмическое Агентство) и «Роскосмос».

Размер бюджета космических агентств также является важным показателем, определяющим развитие космической отрасли в стране. Так, бюджет NASA в 3 раза превосходит бюджет «Роскосмоса» и Европейского космического агентства, не говоря уже о других странах. [4]

Только Россия, США, ЕКА, Китай, Япония, Индия, Израиль, Республика Корея имеют научно-исследовательскую базу, конструкторские бюро и предприятия, обеспечивающие проектирование и создание космической продукции. [1]

Космическая отрасль служит крупным генератором инноваций, требует огромного научно-технического потенциала для производства высокотехнологической продукции и, соответственно, крупных затрат, в особенности – на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР). Страны с наиболее развитой космической промышленностью имеют высокий процент расходов на НИОКР – это

Республика Корея (4,3%), Израиль (4,1%), Япония (3,6%), США (2,8%), Китай (2,1%), некоторые страны ЕС. На их фоне сильно отличается Россия, доля расходов на НИОКР которой составляет всего 1,2%.

Частных космических компаний пока еще немного и распространены они только в США и в европейских странах, но картина меняется: с развитием и коммерциализацией отрасли в ней все больше создается частных компаний. [8] Успешной является американская «SpaceX», которая использует собственные РН серии «Falcon». Эта компания уже протестировала технологию многоразового использования ступеней ракет, что стало настоящим прорывом в космической области, так как себестоимость повторного использования первой ступени ниже 50% от производства новой.

За последние десятилетия космический рынок значительно вырос: если в 2007 г. объем рынка составлял 121,7 млрд долл., то в 2016 г. – 213,6 млрд долл., то есть наблюдается почти двукратное увеличение объема коммерческого сегмента космического рынка. [3] На увеличение объема мирового космического рынка в первую очередь повлиял рынок спутниковых услуг, что связано со стремительным развитием в последние десятилетия мобильной связи, сети Интернет, радиовещания и телевидения. Именно рынок спутниковых услуг увеличился почти вдвое – с 72,6 млрд долл. в 2007 г. до 132,8 млрд долл. в 2016 г.

В сегменте пусковых услуг действует жесткая конкуренция, Россия сейчас контролирует 30% мирового рынка РН в стоимостном выражении (2-е место). Ее главным конкурентом выступают США. [3] Также подтягивается и Китай, который производит более дешевые РН. В двигателестроении картина меняется: США планируют наладить собственное производство. Компания «General Dynamic» (ей до 1990-х годов принадлежали права на РД-180) провела новый тендер на производство новых ракетных двигателей.

Объемы производства космических аппаратов невелики, что обуславливает существование малого числа производителей. Основным производителем КА являются США, которые контролируют около 50% их мирового производства. [3] В США основными компаниями, производящими КА, являются «Boeing», «Lockheed Martin», «Orbital ATK», «SpaceX», «Sierra Nevada Corporation». В последнее время американские КА идут в развивающиеся страны, в основном в Китай, Индию и некоторые другие. В 2016 г. 26% экспорта авиакосмической техники США приходилось на Китай, около 9% – на Великобританию, по 4% – на Японию, Республику Корею и Россию. [11] В то же время 18% мирового рынка производства КА занимает Китай, в основном продукция изготавливается для удовлетворения внутренних потребностей государства.

Литература:

1. Алферов А.В., Комков Н.И., Фролов И.Э., Чусов А.В. Формирование рынка космической продукции как сегмента высокотехнологичных рынков // Проблемы прогнозирования. – 1999. – № 2.
2. Заяц Д.В. Космодромы мира // География. – 2011. – № 7. – С. 21–27.
3. Коммерческий космический рынок [Электронный ресурс]. URL: <http://esoruspace.me> (дата обращения 26.03.2017).
4. Окатьев Н.А. О роли финансовых инноваций в условиях глобализации мирового хозяйства // Оборонная техника. – 2011. – № 4-5. – С. 93–98.
5. Портер М. Международная конкуренция. – М.: Международные отношения, 1992. – 860 с.
6. Роскосмос [Электронный ресурс]. URL: <http://federalspace.ru> (дата обращения 24.01.2017).
7. European Space Agency [Электронный ресурс]. URL: <http://www.esa.int/ESA> (дата обращения 21.02.2017).
8. Geog Time [Электронный ресурс]. URL: <http://www.geogtime.ru/goas-594-3.html> (дата обращения 22.03.2017).
9. Space Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.spacefoundation.org> (дата обращения 16.03.2017).
10. The Shifting Geography of Global Value Chains: Implications for Developing Countries and Trade Policy. World Economic Forum, 2012, p. 16 [Электронный ресурс]. URL: <http://www3.weforum.org/docs> (дата обращения 11.12.2017).
11. The Satellite Industry Association [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sia.org> (дата обращения 02.02.2018).
12. UNCTAD, World Investment Report, 2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://unctad.org/en/Pages/statistics.aspx> (дата обращения 02.12.2017).

ГЕОГРАФИЯ ТАНКЕРНЫХ ПОТОКОВ В БАСЕЙНЕ ТИХОГО ОКЕАНА *GEOGRAPHY OF TANKER FLOWS IN THE PACIFIC BASIN*

Петрова С.И.
Petrova S.I.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва
Lomonosov Moscow State University

Аннотация. Важность надежности и безопасности систем перевозок нефтепродуктов морским транспортом обусловлена возросшей ролью танкерных перевозок в бассейне Тихого океана. В данной статье

рассмотрены основные танкерные потоки в бассейне Тихого океана в январе 2018 г. Исследованы основные характеристики танкеров, проанализированы потоки данного типа судов и их особенности. Выявлены и обоснованы типы танкеропотоков в бассейне Тихого океана.

***Abstract.** This article examines the main tanker flows in the Pacific Ocean basin in January 2018. The main characteristics of tankers were researched, tanker flows and their features were analyzed. The types of tanker flows in the Pacific Ocean basin were identified and substantiated. The importance of the problem of reliability and safety of transport systems for oil products by sea is due to the increased role of tanker traffic in the Pacific basin.*

Ключевые слова: дедвейт, танкер, потоки, танкеропотоки.

Keywords: deadweight, tanker, streams, tanker flows.

Актуальность темы исследования заключается в том, что ныне около половины добываемой нефти транспортируется танкерами. Достоинствами танкерных перевозок являются высокая экономическая эффективность (относительная дешевизна), неограниченная пропускная способность морских путей и относительно низкие экологические риски.

К середине XX в. нефть и продукты ее переработки стали ключевым элементом в экономике многих стран. Важнейшие нефтеносные районы располагались на большом удалении от мест потребления нефти, поэтому способы ее транспортировки стали иметь важное значение. В тот период на суше появились первые трубопроводы, но акватории морей и океанов являлись непреодолимой преградой для транспортировки жидких углеводородов.

Цель работы – изучить основные направления танкерных перевозок в пределах Тихоокеанского бассейна на примере одного месяца с максимальными объемами (взяты январь 2018 г.). Для ее достижения были поставлены следующие задачи:

- сформировать базу данных танкеров дедвейтом¹ более 25 тыс. т, курсирующих по акватории Тихого океана;
- рассмотреть основные характеристики танкерных судов: дедвейт, флаг регистрации, год постройки, тип перевозимого груза;
- составить карты, отображающие основные направления танкерных перевозок, и проанализировать географию танкерных перевозок в Тихом океане.

Январь, как период отслеживания танкерных потоков, выбран по той причине, что в зимнее время в Северном полушарии (там расположено большинство стран Тихоокеанского бассейна и они более развиты, чем страны Южного полушария) увеличивается энергопотребление и, соответственно, возрастает интенсивность перевозок энергоносителей.

¹ Дедвейт – полная грузоподъемность судна с включением веса всех необходимых для плавания запасов (топлива, технических жидкостей, питьевой воды и т. п.), а также других грузов и людей (экипажа и пассажиров). [3]

Указанная географическая неравномерность сезонного роста расхода топлива приводит к увеличению танкерных перевозок нефти, начиная с осени. [5]

Были изучены крупнейшие порты Тихоокеанского бассейна грузооборотом более 100 млн т, из которых отправлялись или в которые направлялись танкеры в течение января 2018 г. Наибольшая концентрация морских портов наблюдается в странах Восточной Азии, а именно в Китае. Благодаря быстрому росту китайской экономики, порты этой страны в 2010-е годы заняли первые места в рейтинге морских портов мира. [6] В течение последних лет портовое хозяйство КНР трансформировалось в сложный специализированный комплекс, в котором происходит тесное взаимодействие между транспортом и обрабатывающей промышленностью. Крупные скопления портов существуют в Республике Корея и Японии, что также объясняется их высокоразвитой экономикой и зависимостью от импортных ресурсов. Современное геополитическое положение Республики Кореи, неурегулированность конфликта с КНДР де-факто превратили страну в остров, что объективно увеличивает потребность в морском транспорте.

Была исследована загруженность портов по числу заходов и выходов танкеров (рис. 1). Самым загруженным среди всех портов Тихого океана является Сингапур: на него в январе 2018 г. приходилось 348 заходов и 363 выхода танкеров. В числе загруженных портов также являются Нинбо–Чжоушань (99 заходов / 78 выходов), Ульсан (93/82) и Далянь (68/61). Это объясняется наличием крупных нефтяных терминалов и НПЗ вблизи портов. Несовпадение числа заходов и выходов танкеров связано с тем, что в результате решения ОПЕК о сокращении добычи нефти, странами-импортерами стали закупать большие объемы углеводородов и заполнять нефтехранилища, ввиду чего стал наблюдаться «застой» танкеров в портах, так как портовые службы не успевают разгружать суда. [4] Особенно эта проблема актуальна для китайских портов, где танкер в ожидании разгрузки может находиться до 7-10 дней.

Крупнейшие потоки танкеров проходят через порт Сингапур и Сингапурский пролив. Это объясняется его выгодным положением на кратчайшем пути из Индийского океана в Тихий и уникальными конкурентными преимуществами. Одними из главных статей экспорта Сингапура являются нефть и нефтепродукты, при том, что на его территории отсутствуют месторождения углеводородов. Тем самым этот город-государство проявляет себя как реэкспортер нефти из стран Юго-Западной и Юго-Восточной Азии. На территории Сингапура действуют 5 крупных нефтеперерабатывающих заводов, что делает его одним из самых крупных центров нефтепереработки в мире. Танкеры идут по кратчайшему маршруту от районов добычи нефти в районы ее интенсивного потребления (Китай, Тайвань, Республика Корея, Япония), попутно оставляя часть своего груза в Сингапуре (рис. 1).

Анализ базы данных движения танкеров позволил обнаружить, что одним из самых важных маршрутов транспортировки сжиженного природного газа (СПГ) является путь Гладстон – Тяньцзинь. Австралия – крупный экспортер СПГ, а в Гладстоне расположен мощный завод по сжижению природного газа, в то время как к Тяньцзиню проходит магистральный газопровод, этот порт располагает крупным СПГ-терминалом. [2]

В Китае преобладают каботажные перевозки наливных грузов, здесь проходят крупные потоки нефти. К портам Нинбо–Чжоушань, Далянь, Циндао подходят крупные нефтепроводы и газопроводы.

Существенно менее крупные грузопотоки наливных грузов в судах-танкерах проходят в восточной части Тихого океана. Здесь крупными узлами являются Лос-Анджелес, расположенный в пределах Калифорнийского нефтегазоносного бассейна [1], и Бальбоа, порт у тихоокеанского окончания Панамского канала. Нефть из восточной части океана поступает как в порты США, так и в крупные порты Азии – Далянь и Ульсан.

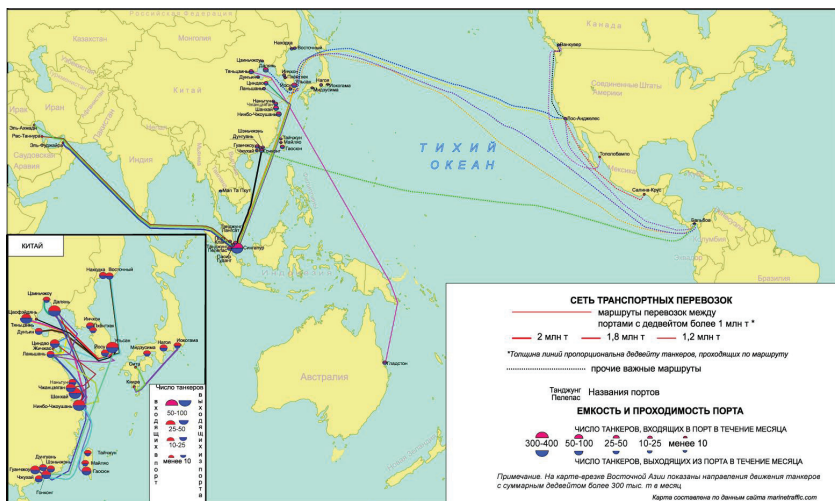

Рис. 1. Важнейшие потоки морских танкерных перевозок Тихоокеанского бассейна, январь 2018 г.

Исследованы ритмичность и скорость движения танкеров. В среднем, танкер находится в порту 2-3 суток, когда осуществляются разгрузочно-погрузочные работы. На прохождение маршрута от мест добычи нефти (ОАЭ, Кувейт, Саудовская Аравия) до мест ее потребления в порты Восточной Азии (Далянь, Ульсан), затрачивается около 21-23 суток, при этом Сингапур находится почти посередине этих маршрутов. На

преодоление расстояний от портов Восточной Азии до Лос-Анджелеса танкер тратит в среднем 18-20 дней. При этом самым длинным маршрутом танкера, по итогам исследования, стал путь Гонконг – Бальбоа, который составил 16 750 км и был пройден танкером за месяц.

Выявлены четыре типа танкеропотоков в акватории Тихого океана:

1) крупнейшие (дедвейт варьирует от 1 до 2,3 млн т, что составляет 10% от общего дедвейта танкеров Тихоокеанского бассейна), к ним относятся потоки из районов добычи нефти (Эль-Фуджайра, Рас-Таннура, Эль-Ахмади) в районы ее потребления (Гонконг, Ульсан, Циндао).

2) крупные (дедвейт 300 тыс. т – 1 млн т, 38% общего дедвейта танкеров Тихоокеанского бассейна), к ним преимущественно относятся каботажные потоки Китая;

3) средние (дедвейт 80–300 тыс. т, 40% общего дедвейта танкеров Тихоокеанского бассейна), к ним относятся потоки из Лос-Анджелеса и Бальбоа в крупные порты Китая и Республики Кореи;

4) остальные (дедвейт менее 80 тыс. т, 12% общего дедвейта Тихоокеанского бассейна).

Литература

1. Высоцкий И.В., Высоцкий В.И., Оленин В.Б. Нефтеносные бассейны зарубежных стран: [Учеб. для вузов по спец. «Геология нефти и газа»]. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Недра, 1990. – 404 с.

2. Евдокимов Г.П. Современные суда для перевозки сжиженных нефтяных газов: монография. Союз российских судовладельцев, Центральный научно-исслед. и проектно-конструкторский ин-т морского флота. – СПб: ЦНИИМФ, 2009. – 105 с.

3. Горкин А.П. Социально-экономическая география: понятия и термины. Смоленск: Ойкумена, 2013.

4. Информационное агентство России «ТАСС». Переговоры ОПЕК+ о сокращении добычи нефти. Досье [электронный ресурс] URL: <http://tass.ru/info/4765939> (дата обращения 25.01.2018)

5. Морское судоходство. Фрахтовый рынок. Морские перевозки, фрахтование судов, конъюнктура фрахтового рынка [электронный ресурс] URL: <http://freightmarkets.ru> (дата обращения 10.01.2018).

6. ЮНКТАД. Обзор морского транспорта, 2015 г. [электронный ресурс] URL: <http://unctad.org/en/Pages/Home.aspx> (дата обращения 11.01.2018).

РАЗВИТИЕ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА
РОССИИ И БЕЛАРУСИ
*THE DEVELOPMENT OF MILITARY-TECHNICAL COOPERATION BETWEEN
RUSSIA AND BELARUS*

Роготень Н.Н.
Rogoten N.N.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный
университет», г. Москва
Moscow State Pedagogical University

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-
педагогический университет», г. Москва
Moscow State University of Psychology and Education

Аннотация. Военно-техническое сотрудничество имеет стратегическое значение для Беларуси и России. История двустороннего сотрудничества в военной сфере насчитывает 25 лет и требует дальнейшего развития и совершенствования в новых геополитических условиях.

Abstract. *Military-technical cooperation is of strategic importance for Belarus and Russia. History for bilateral cooperation in the military sphere for about 25 years and requires further development and improvement in the new geopolitical conditions.*

Ключевые слова: военно-техническое сотрудничество, оборонно-промышленный комплекс, вооружения и военная техника.

Keywords: *military-technical cooperation, military-industrial complex, armament and military equipment.*

Начало формированию системы военно-технического сотрудничества РФ положено в конце 2000 г., когда был образован Комитет РФ по военно-техническому сотрудничеству с иностранными государствами. В настоящее время РФ имеет соглашения о ВТС с 91 государством, в том числе твердые военные контракты заключены с 62 странами. За последние 10 лет экспортные поставки российских вооружений и военной техники (ВВТ) выросли до 15,6 млрд долл. Портфель заказов выглядит еще солиднее – почти 50 млрд долл. Эти показатели обеспечивают РФ 2-е место (27%) на мировом рынке вооружений, после США (31%) [3]. Следует отметить, что, во-первых, структура и география поставок российских ВВТ мало изменилась (рис. 1). Во-вторых, рост объемов продаж проходил на фоне разных проблем. С одной стороны, из-за падения цены на нефть, отмечается сокращение расходов на закупку ВВТ главными импортерами вооружений. С другой, реальная угроза терроризма и успехи российского оружия против «Исламского государства» в Сирии, способствовали активизации торговли с традиционными партнерами и привели к появлению новых заказчиков.

Участниками системы ВТС являются ГК «Ростех» и 33 акционерных общества, в том числе «Рособоронэкспорт» [4].

История ВТС Беларуси и РФ отсчитывается с 1992 г., с заключения Договора о координации деятельности в военной области. Позже появилось Соглашение о Стратегических силах, временно размещенных на территории Республики Беларусь. По этому документу, в Беларуси оставались две российские воинские части: одна ВКС России, обеспечивающая функционирование Отдельного радиотехнического узла «Ганцевичи» (СПРН), вторая – узел связи ВМФ для постоянной радиосвязи Главного штаба флота с кораблями и подводными лодками под Вилейкой. Осталось и Военное представительство по приемке продукции, производимой предприятиями Беларуси по оборонному заказу РФ.

Рис. 1. Товарная (а) и географическая (б) структуры поставок российских вооружений и военной техники.

В настоящее время основой военно-политического и военно-технического сотрудничества России и Беларуси служат несколько базовых документов (табл. 1).

Таблица 1. Нормативно-правовая база ВТС Беларуси и России

Документ, год принятия	Направления сотрудничества
Договор между РФ и РБ о военном сотрудничестве, 1998	Обеспечение безопасности двух государств
Соглашение между РФ и РБ «О совместном использовании объектов военной инфраструктуры РФ и РБ в интересах обеспечения безопасности государств», 1998	Порядок совместного использования объектов военной инфраструктуры (пунктов управления войсками, мест дислокации войск, систем инженерного оборудования местности, позиций и объектов сил и средств ПВО, аэродромов, узлов и линий связи, полигонов, арсеналов, баз, складов, предприятий по ремонту военной техники и др.)
Соглашение между РБ и РФ о совместном обеспечении региональной безопасности в военной сфере, 1998 (продлонгация каждые 5 лет)	Обеспечение региональной военной безопасности (состав региональной группировки, порядок управления ею в военное и мирное время)

Концепция совместной оборонной политики Беларуси и России, 1998	Состав, основы планирования, применения, управления и обеспечения региональной группировки войск (сил) Беларуси и России (РГВ)
Концепция безопасности Союза Беларуси и России, 1999	Поддержание обороноспособности государств-участников; разработка совместных программ сотрудничества; совершенствование экономической политики на основе международного разделения труда и рынков товаров и услуг
Военная доктрина Союзного государства, 2001 (обсуждается обновление)	Координация мер военно-политического, военно-стратегического, военно-экономического характера
Соглашение между РФ и РБ о взаимном обеспечении защиты государственной тайны РФ и государственных секретов РБ, 2003	Взаимное обеспечение Сторонами защиты государственной тайны
Соглашение между РФ и РБ о совместной охране внешней границы Союзного государства в воздушном пространстве и создании Единой региональной системы противовоздушной обороны РФ и РБ, 2009	Создание Единой региональной системы противовоздушной обороны РФ и РБ
Договор между РБ и РФ о развитии военно-технического сотрудничества, 2009	Порядок осуществления сторонами поставок продукции военного назначения
Соглашение между Правительством РФ и Правительством РБ о реализации Программы военно-технического сотрудничества между РФ и РБ до 2020 г., 2013	Осуществление внешнеторговой деятельности в отношении продукции военного назначения. Взаимодействие при проведении НИОКР по созданию новых и модернизации существующих образцов ВВТ

Составлено автором по [1, 5].

Таким образом, основными направлениями военно-технического сотрудничества двух государств являются: развитие нормативной правовой базы, совместная военно-научная деятельность, обучение белорусских военнослужащих в военно-учебных заведениях Министерства обороны РФ, функционирование региональной группировки войск (РГВ), сотрудничество в области ПВО.

География военно-технического сотрудничества двух стран обширна. Так, с 1995 г. РБ входит в объединенную систему ПВО государств-участников СНГ. За это время полностью обновлены и отремонтированы средства ПВО РБ (производственная база для систем ПВО в России). Единая региональная система ПВО СНГ состоит из 19 истребительных авиаполков (из них 11 российских), 22 радиотехнических частей (9 российских), 2 частей радиоэлектронной борьбы (российские) и 4 бригад ПВО (все из состава Вооруженных сил Казахстана) [6]. Северо-западное направление

воздушных границ России – зона ответственности объединенной российско-белорусской системы ПВО и прикрывается системой ПВО Беларуси. По оценкам, создание ЕРС ПВО увеличивает общую эффективность противовоздушной обороны для Беларуси в 1,5 раза, а для России в регионе ее действия – в 1,7 раза. Отдельные показатели эффективности боевого управления силами ПВО могут вырасти на четверть, а боевая эффективность системы ПВО – более чем на треть [6].

В 2016 г. закончилось формирование Единой системы противовоздушной обороны Союзных государств. ЗРК С-300 ВВС и ПВО Беларуси могут в случае необходимости поражать цели над территориями Польши, Литвы и Латвии. Зенитно-ракетные комплексы, размещенные в Калининградской области и Белоруссии (Витебская, Брестская и Гродненская область), перекрывают зоны поражения друг друга и существенно ограничивают возможности доступа по воздуху ВВС НАТО в Прибалтику и действия последних в этом регионе. До 2020 г. Беларусь будут закуплены дополнительные ракетные комплексы «Тор-М2», РЛС «Роса» и радиолокационный комплекс «Восток». В общей сложности Беларусь несет охрану 1560 км общих границ, в том числе 810 км – это границы со странами-членами НАТО.

Большинство предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК) двух стран сохранили высокую степень экономической интеграции. До распада СССР в структуре белорусского оборонного комплекса около 90% номенклатуры продукции представляли собой комплектующие для вооружения, собиравшегося в России. В настоящее время доля продукции белорусских предприятий ОПК в оборонном заказе РФ составляет 15% (в 1992 г. было 20%). Около 100 белорусских предприятий поставляют 1880 наименований продукции для 255 предприятий ОПК РФ, а 940 российских предприятий производят около 4000 изделий для 67 предприятий РБ (табл. 2) [2]. В общей сложности в рамках оборонно-промышленной кооперации реализовано 27 программ, заключено около 35 международных договоров в военной сфере. Тематика реализованных программ: радиоэлектроника – 10, космос – 5, высокопроизводительные вычислительные комплексы и ПО – 4, оборудование для выпуска химических волокон, нитей и полимеров – 3, оптическое машиностроение – 2, защита информационных ресурсов – 3. В рамках оборонно-промышленной кооперации финансируется еще 7 научно-технических программ Союзного государства.

Кооперационные связи оборонных комплексов РФ и РБ строятся на принципиально иной основе. Среди основных направлений военно-технического сотрудничества двух стран выделяются взаимные поставки конечных боевых систем и военной техники; поставки комплектующих и элементов для ВВТ, производимых предприятиями российского ВПК; совместная разработка и производство новых вооружений, модернизация и ремонт ранее выпущенной техники; сотрудничество в области экспорта вооружений с третьими странами.

Таблица 2. География военно-технического сотрудничества РБ и РФ

Производитель в РБ	Номенклатура изделий для российских ВВТ	Примечания
ОАО «Минский завод колесных тягачей» (МЗКТ)	Шасси МЗКТ-79 221 для ракетных комплексов МБР «Тополь-М», «Ярс»; РСЗО «Смерч», «Рубеж» и «Берег»; ОТРК «Искандер-М»; береговых ПРК «Бастион» и «Бал»; ЗРК малой дальности «Тор-М2К». МЗКТ-7930 – для С-400, МЗКТ-543М – для С-300П	МЗКТ поставляет на рынок РФ свыше 80% своей продукции. Обеспечен заказами до 2018 г. Шасси МЗКТ-79 221 не имеет аналогов в мире. В обмен на шасси в РБ поставлены 4 дивизиона С-300ПС
ОАО «Минский тракторный завод»	Гусеничные шасси для зенитных пушечно-ракетных комплексов (ЗПК) «Тунгуска» и «Панцирь»	МТЗ выиграл конкурс у «Метровагонмаш» (Мытищи) и КамАЗа (Набережные Челны)
ОАО «КБ «Дисплей», Витебск	Мониторы и дисплеи для авиатехники РФ	Осуществляет разработку и производство
ОАО «Пеленг», Минск	Создание прицельных комплексов «Сосна-У» для систем управления огнем перспективной бронетанковой техники и систем ПВО. Проведение опытно-конструкторских разработок для противоракетного комплекса «Хризантема-С»	Сотрудничество с ОАО «Пеленг», Екатеринбург. Поставлены приборы для модернизации Т-72
Холдинг «БелОМО», Минск	«Интеллектуальные прицелы» для гранатометов, дневные оптические, ночные и тепловизионный прицелы для гранатометного комплекса «Бур»	Разработка и поставка нового прицела для перспективного автомата АК-12. Решается вопрос организации в РБ обслуживания и ремонта ЗРС С-300
ОАО «558-й авиаремонтный завод», Барановичи	Выполнение второго планового ремонта истребителя МиГ-29	Один из крупнейших в СНГ по ремонту и модернизации современной боевой авиационной техники. АО «РСК «МиГ» (подразделение ОАК) передало техническую документацию
ОАО «АГАТ – системы управления», Минск	Современные средства связи и передачи данных, АСУ, вычислительная техника	Подписан протокол намерений о сотрудничестве с «Объединенной приборостроительной корпорацией», Москва

Составлено по: [2, 7]

В общей сложности у РБ действует более 40 двусторонних соглашений по военно-техническому сотрудничеству почти с 30 странами. На внешний рынок уходит более 70% продукции белорусского ВПК [2].

Проблемы и риски, с которыми сталкиваются производители ВВТ Союзного государства, связаны, во-первых, со значительными трансформациями оружейного рынка. В ряде дружественных государств сменилось руководство, что сказалось на объемах закупок (например, в Венесуэле). Во-вторых, падение цен на энергоресурсы привело к сокращению программ вооружения (перевооружения) самых активных покупателей – стран Персидского залива. Они стали внимательнее просчитывать свои оборонные расходы. В-третьих, резко возросла конкуренция на оружейном рынке, наметилась конкуренция между ОПК России и Беларуси. После разрыва кооперационных связей с предприятиями Украины активизировалась политика импортозамещения и ликвидации зависимости от зарубежных поставщиков комплектующих (какими бы дружественными не были отношения с ними). Например, ведется работа по замене шасси МЗКТ продукцией «Брянского автомобильного завода», панорамных прицельных комплексов танка Т-14 «Армата» продукцией Казанского оптико-механического завода. Но в то же время, некоторые белорусские предприятия получили возможность занять освободившиеся ниши и расширить свое участие в государственном оборонном заказе РФ. Перспективными считаются такие направления, как вертолетная техника, беспилотные летательные аппараты, системы наведения и управления. Беларусь уже вошла в ограниченный клуб производителей самолетов-беспилотников. Высоко оцениваются разработанные в Беларуси летательные аппараты «Беркут-1», «Беркут-2» и «Гриф-1», РСЗО «Полонез». ОПК Беларуси мог бы работать по 1,5 тыс. позициям [6].

Оценивая проблемы и перспективы дальнейшего развития военно-технического сотрудничества РБ и РФ, военные аналитики отмечают, что оба государства считают дальнейшее сближение в этой сфере выгодным, приоритетным, но требующим совершенствования.

Литература

1. Военный информационный портал Министерство обороны Республики Беларусь. – URL: http://www.mil.by/ru/military_policy/international/cooperation_RF/ (дата обращения 10.03.18).
2. Государственный военно-промышленный комитет Республики Беларусь: 2009 – 2017. – URL: www.vpk.gov.by (дата обращения 10.03.18).
3. Ежегодник СИПРИ 2015: вооружения, разоружение и международная безопасность: Пер. с англ. – Институт мировой экономики и международных отношений РАН. – М.: ИМЭМО РАН, 1998 – 2015. – 2016. – 962 с. – (в пер.).
4. Официальный сайт ГК «Рособоронэкспорт». – URL: <http://www.roe.ru/rosoboronexport/> (дата обращения 10.03.18).

5. Официальный сайт Федеральной службы по ВТС РФ. – URL: <http://www.fsvts.gov.ru/> (дата обращения 10.03.18).

6. Союз. Беларусь-Россия – № 720(44). – URL: <https://rg.ru/2015/11/26/sotrudnichestvo.html> (дата обращения 10.03.18).

7. Торговля оружием ради укрепления мира. – URL: https://vpk.name/news/186878_torgovlya_oruzhiem_radi_ukrepleniya_mira.htm (дата обращения 10.03.18).

ПЕРСПЕКТИВЫ УКРЕПЛЕНИЯ РОЛИ ЮАНЯ КАК МИРОВОЙ
ВАЛЮТЫ
PERSPECTIVES OF STRENGTHENING THE ROLE OF YUAN AS A WORLD CURRENCY

Романов М.С.
Romanov M.S.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва
Moscow State Pedagogical University

Аннотация. В данной статье рассмотрены факторы, которые могут способствовать укреплению китайской национальной валюты – юаня в мировой финансовой системе.

Abstract. *This article examines the factors that can contribute to strengthening the Chinese national currency, the yuan in the global financial system.*

Ключевые слова: Китай, юань, мировая финансовая система, мировая валюта.

Keywords: *China, yuan, global financial system, world currency.*

В 2018 г. уже произошел ряд знаковых событий, которые в ближайшей перспективе могут в корне изменить баланс сил в мировой финансовой системе. И если криптовалюты еще многими не воспринимаются как полноценный дериватив, то событие, которое произошло 26 марта 2018 г., явно является отправной точкой к началу коренного перелома, как на региональных рынках, так и во всем мире в целом.

В этот день на Шанхайской международной энергетической бирже (INE) начались торги поставочными фьючерсами на нефть, номинированными в китайской национальной валюте. КНР, являющаяся крупнейшим импортером нефти в мире, бросает вызов укоренившемуся порядку вещей, когда цены на нефть формировались на западных биржевых площадках – в Нью-Йорке или Лондоне – исключительно в долларах США. Торговля нефтью в юанях должна способствовать укреплению китайской

национальной валюты, которая станет использоваться для расчетов в международной торговле и для фондирования.

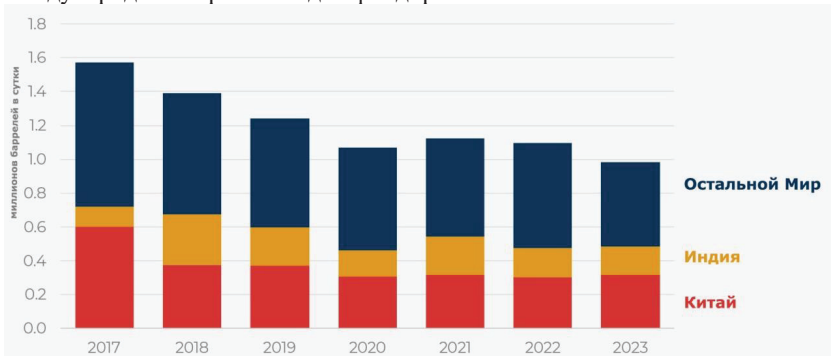

Рис. 1. Прогноз роста мирового спроса на нефть [5].

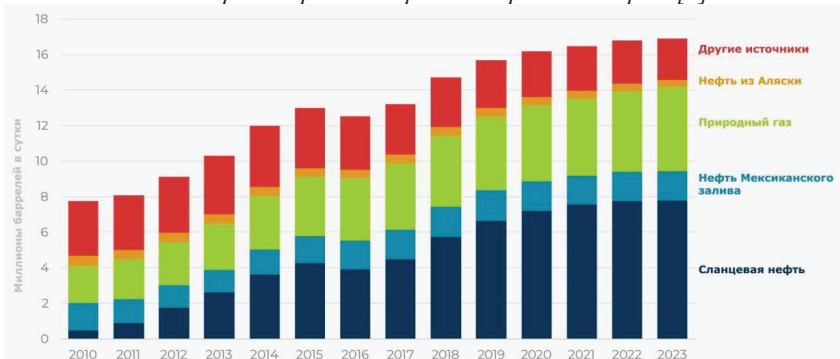

Рис. 2. Прогнозируемая динамика структуры энергопотребления США 2010-2023 гг. в эквиваленте баррелей нефти [5].

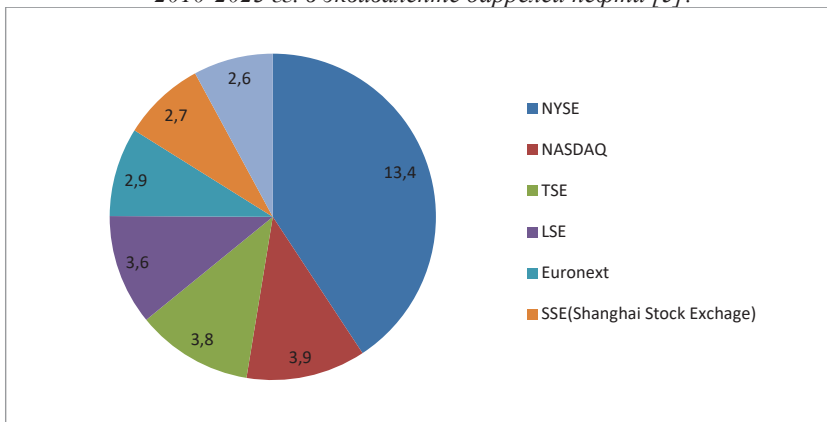

Рис. 3. Капитализация семи крупнейших фондовых бирж мира в 2018 г. в трлн долл. Источник: [4]

Если рассмотреть динамику потребления нефти, то почти 10% мирового спроса приходится на Китай (по суммарному потреблению энергии Китай вышел на первое место) [5]. И по прогнозам аналитиков из IEA, подобная динамика сохранится в ближайшие годы.

В то же время экономическая политика США уходит в сторону протекционизма и уменьшения зависимости от поставок (в частности нефти) извне. На рис. 2 можно увидеть динамику структуры энергопотребления США и прогноз ее изменения. Согласно данным IEA, в ближайшие годы на мировом рынке увеличится доля сланцевой нефти, что должно способствовать уменьшению доли сделок в долларах и соответственно создать вакуум, которые должны заполнить другие резервные валюты, а в частности юань.

По этой причине, являясь крупнейшим в мире потребителем энергии и растущим источником инвестиционного капитала для нефтедобывающих стран, Китай заинтересован в использовании собственной валюты, а не валюты своего пусть и важнейшего партнера, но все же геополитического конкурента.

Начало торговли за юани нашло поддержку у ряда стран – экспортеров нефти, в частности у Саудовской Аравии, Анголы, Российской Федерации и Омана. Пекин, внедряя юань в нефтяную торговлю, в определенной степени хочет привязать к себе страны производители нефти. Компании-поставщики будут продавать нефть Китаю, получать юани и тратить их на закупку в самом же Китае оборудования или других товаров. Таким образом, произойдет поддержка китайских предприятий, и одновременно увеличится доля юаня в мировом товарообороте. Данное решение затронет крупнейших поставщиков нефти в Китай, в том числе Россию, Анголу, Саудовскую Аравию. [2]

Более 400 китайских и зарубежных компаний, включая «Unipac Asia Company», «Glencore Singapore», «North Petroleum International Company» приняли участие в сделках с нефтяными фьючерсами на INE на общую сумму 18,3 млрд юаней (свыше 2,9 млрд долл.). Это может говорить о ликвидности фьючерсных контрактов в китайской валюте. [1]

И хотя вес Китая на рынке сырой нефти сам по себе недостаточен для того, чтобы поколебать глобальное доминирование нефтяного доллара, его статус крупнейшего импортера нефти в мире, безусловно, поможет укрепить позиции нефтеюаней.

Также стоит учесть тот факт, что в последние годы Китай, наряду с Россией, наращивает свои запасы золота, что можно расценить, как хеджирование на случай краха ведущей мировой валюты – доллара. Согласно публикации в «BWChinese», Китай и Россия в течение последнего десятилетия стали «агрессивно» наращивать свои золотые запасы, которые увеличились с 400 т в 2007 г. до 3671 т в 2018 г. (1 842,6 т у Китая и 1 828,6 т у России). [7] В условиях таможенных войн, которые начались с подачи США, и введения новых американских пошлин на сталь и алюминий (вступили в силу 23 марта 2018 г.) это выглядит вполне закономерно [3]. Но

в то же время, объемы биржевой торговли на данный момент не позволяют Китаю задавать тренд в торговле нефтью.

Если посмотреть на долю юаня в мировой торговле, то она значительно ниже, чем у австралийского или канадского доллара, швейцарского франка, что объясняется проводимой ранее Китаем политикой искусственного формирования курса национальной валюты.

Учитывая факт запуска торговли за юани на Шанхайской фьючерсной бирже и ее дочернего отделения (не только нефтью, но и сырьем), мы, возможно, стоим на пороге переосмысления роли юаня в мировой финансовой системе. [6, 8]

Литература

1. Китайцы совершили переворот на мировом рынке, начав торговать нефтью за юани [Электронный ресурс] URL: <https://1prime.ru/articles/20180327/828648992.html> (Дата обращения: 12.04.2018).

2. Petro-yuan delays show-hurdles confronting chinas currency push [Электронный ресурс] URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-12-06/petro-yuan-delays-show-hurdles-confronting-china-s-currency-push> (Дата обращения: 12.04.2018).

3. Steel-aluminum trade chaos [Электронный ресурс] URL: <https://edition.cnn.com/2018/03/01/politics/steel-aluminum-trade-trump-chaos/index.html> (Дата обращения: 12.04.2018).

4. The worlds biggest stock exchanges [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.com>

5. International Energy Agency [Электронный ресурс] URL: <https://www.iea.org/oil2018> (Дата обращения: 12.04.2018).

6. Shanghai futures exchange [Электронный ресурс] URL: <http://www.shfe.com.cn/en/>. (Дата обращения: 12.04.2018).

7. China business analysis alternative US dollar [Электронный ресурс] URL: <https://sputniknews.com/business/201801161060790235-china-business-analysis-alternative-us-dollar> (Дата обращения: 12.04.2018).

8. Shanghai stock exchange [Электронный ресурс] URL: <http://www.sse.com.cn/en/> (Дата обращения: 12.04.2018).

РОЛЬ КИТАЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ДВИЖЕНИИ ПРЯМЫХ
ИНВЕСТИЦИЙ
*THE ROLE OF CHINA IN THE INTERNATIONAL MOVEMENT OF DIRECT
INVESTMENT*

Самусенко Д.Н.
Samusenko D.N.

ФГБУН «Институт географии Российской академии наук»,
г. Москва
Institute of Geography of Russian Academy of Sciences, Moscow

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции развития географической и макроотраслевой структуры прямых иностранных инвестиций в Китае и прямых китайских инвестиций за рубежом.

Abstract. *The article deals with modern trends in the geographical and macro-sectoral structure of foreign direct investment in China and Chinese direct investment abroad.*

Ключевые слова: Китай, Гонконг, прямые иностранные инвестиции (ПИИ), офшоры.

Keywords: *China, Hong Kong, foreign direct investment, offshores.*

На сегодняшний момент Китай относится к странам со сбалансированным характером участия в международном движении ПИИ. Согласно данным ЮНКТАД, к концу 2016 г. объемы накопленных ввезенных и вывезенных прямых инвестиций составили 1,35 трлн долл. и 1,28 трлн долл. соответственно. В мировом масштабе это составляет около 5% по обоим рассматриваемым показателям. Данное обстоятельство обеспечивает Китаю второе место в мире по накопленным ввезенным и шестое место по накопленным вывезенным прямым инвестициям (без учета Гонконга и Макао). Среди развивающихся стран Китай является безусловным лидером: его доля в совокупном объеме накопленных ввезенных ПИИ в данной группе составляет 15%, а в накопленных вывезенных ПИИ – 22% [5, 9].

Основным источником информации о прямых инвестициях в Китае является Национальное бюро статистики. К сожалению, оно не публикует развернутую информацию о накопленных ввезенных ПИИ в региональном и отраслевом разрезе, только об их привлеченных потоках (которые в статистике обозначаются, как фактически утилизированные инвестиции).

За период 2005-2015 гг. в региональной структуре потоков ввезенных в Китай ПИИ произошли изменения, заключающиеся в существенном повышении доли Азии с 59,2% до 82,5% на фоне сокращения доли остальных регионов (табл. 1).

При более детальном анализе данного феномена, на уровне крупнейших стран-инвесторов, становится очевидно, что подобная концентрация региональной структуры потоков ввозимых инвестиций обусловлена повышением роли Гонконга в рассматриваемых процессах. Гонконг, являясь своеобразным «инвестиционным окном» Большого Китая в мировую экономику, сегодня пропускает через себя почти 70% всех поступающих в страну прямых иностранных капиталовложений [4, 6].

Таблица 1. Динамика потоков ввезенных ПИИ в КНР по регионам мира, 2005-2015 гг.

2005			2015		
Регион	млн долл.	%	Регион	млн долл.	%
Итого	60 325	100,0	Итого	126 266	100,0
Азия	35 719	59,2	Азия	104 159	82,5
Латинская Америка	11 293	18,7	Латинская Америка	9 138	7,2
Европа	5 643	9,4	Европа	6 897	5,5
Северная Америка	3 730	6,2	Северная Америка	3 043	2,4
Австралия и Океания	1 999	3,3	Австралия и Океания	2 444	1,9
Африка	1 071	1,8	Африка	585	0,5
Прочие	869	1,4			

Составлено автором по [8]

В отраслевой структуре поступающих в КНР инвестиций за рассматриваемый период также произошли изменения: от вложений преимущественно во вторичный сектор экономики (в 2005 г. объем потоков, поступающих в него ПИИ, составлял 73,5%) к вложениям в третичный сектор (в 2015 г. – 64,3%) (табл. 2). При этом на уровне отдельных отраслей, в 2015 г. лидером по потокам ввезенных ПИИ являлась обрабатывающая промышленность, доля которой составляла 31%, вслед за которой располагались операции с недвижимостью – 23%.

Таблица 2. Динамика потоков ввезенных ПИИ в КНР по секторам экономики, 2005-2015 гг.

2005			2015		
Сектор	млн долл.	%	Сектор	млн долл.	%
Итого	60 325	100,0	Итого	126 267	100,0
Первичный	1 073	1,8	Первичный	1 777	1,4
Вторичный	44 337	73,5	Вторичный	43 352	34,3
Третичный	14 914	24,7	Третичный	81 138	64,3

Составлено автором по [8]

Обращаясь к региональной структуре накопленных за рубежом прямых китайских инвестиций, стоит отметить тот факт, что за период 2005-2015 гг. принципиальных изменений не произошло. В приоритетных регионах для

инвестирования у Китая по-прежнему остается Азия (в 2005 г. ее доля составляла 71%, в 2015 г. – 70%). Почти в 2 раза выросла доля Северной Америки (с 2,2% в 2005 г. до 4,8% в 2015 г.), что позволило ей подняться с 5-го на 4-е место в рейтинге регионов. В 3 раза выросли доли Европы и Австралии и Океании без изменений их позиций. Единственным регионом, доля которого снизилась, является Латинская Америка (с 20% в 2005 г. до 11,5% в 2015 г.), хотя она по-прежнему занимает 2-е место по накопленным прямым китайским инвестициям (табл. 3) [1].

Таблица 3. Накопленные вывезенные ПИИ из КНР по регионам мира, 2005-2015 гг.

2005			2015		
Регион	млн долл.	%	Регион	млн долл.	%
Итого	57 205	100,0	Итого	1 097 864	100,0
Азия	40 629	71,1	Азия	768 901	70,0
Латинская Америка	11 470	20,0	Латинская Америка	126 319	11,5
Европа	1 598	2,8	Европа	83 679	7,6
Африка	1 595	2,8	Северная Америка	52 179	4,8
Северная Америка	1 263	2,2	Африка	34 694	3,2
Австралия и Океания	650	1,1	Австралия и Океания	32 092	2,9

Составлено автором по [8]

На страновом уровне выясняется ряд интересных моментов. В-первых, обращает на себя внимание то, что приоритетным объектом для китайских прямых инвестиций является Гонконг [3]. Данное обстоятельство уже было затронуто выше, но при рассмотрении потоков входящих ПИИ. Лидирующие строчки в списке стран-получателей китайских прямых инвестиций занимают офшорные юрисдикции. Стоит отметить тот факт, что совокупная доля «налоговых гаваней» в объеме накопленных за рубежом китайских прямых инвестиций за рассматриваемый период времени снизилась с 84,5% до 73,1%². Во-вторых, согласно статистическому ведомству Гонконга, в 2015 г. 39,6% накопленных гонконгских прямых инвестиций было сконцентрировано в Большом Китае, в то время как доля накопленных в офшорах гонконгских инвестиций составляла 47,7% [8]. Причем данный показатель был лишь незначительно выше такового в 2005 г., когда доля офшоров составляла 46,8%, а 38,6% приходилось на Большой Китай. Все это свидетельствует о еще более запутанных схемах, осуществляемых местными компаниями при капиталовложениях за рубеж. Нельзя также не отметить то, что совокупный объем накопленных за рубежом гонконгских прямых инвестиций составляет 1,53 трлн долл., что на 247 млрд долл. выше, чем у Большого Китая [9].

Современная отраслевая структура накопленных зарубежных капиталовложений КНР носит постиндустриальный характер [2]. Доля ПИИ

² С учетом Гонконга и Макао.

в отрасли третичного сектора составляет почти 75% (табл. 4). Лидирующими видами деятельности по состоянию на 2015 г. являлись деловые услуги и лизинг, на долю которых приходилось 37,3%, и финансовые посреднические услуги (14,5%). При этом значительна доля накопленных капиталовложений в отраслях добывающей промышленности – 13%, что, по сути, равносильно всем накопленным за рубежом китайским прямым инвестициям в первичном секторе.

Таблица 4. Накопленные вывезенные ПИИ из КНР по секторам экономики, 2005-2015 гг.

2005			2015		
Сектор	млн долл.	%	Сектор	млн долл.	%
Итого	57 206	100,0	Итого	1 097 864	100,0
Первичный	9 163	16,0	Первичный	153 857	14,0
Вторичный	7 262	12,7	Вторичный	121 315	11,1
Третичный	40 781	71,3	Третичный	822 692	74,9

Составлено автором по [8]

В заключении стоит отметить, что, несмотря на почти равные объемы накопленных ввезенных и вывезенных ПИИ, в последние годы Китай все активнее старается предпринимать меры, направленные на стимулирование ПИИ в национальную экономику, ограничивая отток капитала из страны, чтобы противостоять ослаблению юаня. При этом были смягчены условия вложения иностранного капитала в отечественный банковский и финансовый секторы, добычу полезных ископаемых и строительство инфраструктуры [10].

Литература

1. Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 60-летию КНР. – М.: ИД «Форум», 2009. – 592 с.
2. Постиндустриальное развитие капиталистических стран: географический прогноз / Отв. ред. Б.Н. Зимин, С.Б. Шлихтер. – М.: Наука, 1993. – 192 с.
3. Самусенко Д.Н. География прямых иностранных инвестиций в современном мировом хозяйстве: Автореф. дис. канд. геог. наук / Институт географии РАН. – М., 2014. – 25 с.
4. Самусенко Д.Н. Особенности экспансии транснационального капитала в современном мировом хозяйстве // Проблемы региональной экологии. – 2013. – № 3. – С. 87–91.
5. Синцеров Л.М. Кризис мировых хозяйственных связей в середине XX века // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. – 2013. – № 1. – С. 22–27.

6. Экономическая география мирового развития. XX век // Под общ. ред. Ю.Г. Липеца, В.А. Пуляркина, С.Б. Шлихтера. – СПб.: Алетейя, 2003. – 397 с.

7. Census and Statistics Department of Hong Kong [Электронный ресурс]. URL: <http://www.censtatd.gov.hk/hkstat/srh/index.jsp>

8. National Bureau of Statistics of China [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/>

9. UNCTAD FDI database. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.unctad.org/fdistatistics>

10. World Investment Report 2017. [Электронный ресурс]. http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2017_en.pdf.

ОСОБЕННОСТИ ТУРИСТСКОГО РЫНКА, КАК РЫНКА УСЛУГ *FEATURES OF TOURISTIC MARKET AS THE MARKET OF SERVICES*

Фахрисламова М.И.
Fakhrislamova M.I.

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа
Bashkir State University

Аннотация. В статье туристский рынок рассматривается как рынок услуг. Раскрыты особенности формирования туристского рынка. Охарактеризованы факторы и условия, влияющие на туристский рынок.

Abstract. *In the article, the tourist market is viewed as a service market. The peculiarities of the formation of the tourist market are revealed. The factors and conditions affecting the tourist market are characterized.*

Ключевые слова: туристский рынок, туристские услуги, индустрия туризма, туристский продукт.

Keywords: tourist market, tourist services, tourism industry, tourist product.

Туристский рынок можно назвать рынком услуг. При организации туристского бизнеса, необходимо учитывать следующие его особенности.

Во-первых, туристские услуги:

1) неосвязаемы (то есть, нематериальный характер услуг означает, что их невозможно продемонстрировать, увидеть, попробовать, транспортировать, хранить, упаковывать или изучать до момента получения этих услуг), следовательно, важную роль будет играть надежность и качество турпродукта, также достоверность информации и само содержание турпродукта. Необходима подробная информация туристов о потребительских свойствах тура и соблюдение принципа «связь цены и качества» (то есть, потребители условно устанавливают для себя нижний порог цены, за которым предполагается низкое качество). Доверие фирме

заключается не только в ее престиже, но и в постоянной клиентуре и рыночной устойчивости;

2) неспособны к хранению (доход от услуг, которые не были предоставлены вовремя, теряется навсегда), услугу невозможно произвести впрок или складировать. Возникает проблема достижения равновесия между спросом и предложением. Для того, чтобы разрешить эту проблему, необходимо становление дифференцированных цен, скидок, использование иных стимулов, позволяющих равномерно распределить спрос во времени;

3) изменчивы (качество оказания услуг варьируется и зависит от уровня профессионализма производителя, его компетентности, доброжелательности, вежливости и коммуникабельности персонала, а также от учета индивидуальных требований каждого покупателя), необходимо соблюдение стандартов обслуживания и разработка собственной политики контроля за качеством обслуживания потребителей [9].

Во-вторых, покупка и потребление. Оценка вариантов ведет к ранжированию объектов в комплекте выбора, формируя намерение совершить покупку наиболее предпочтительного варианта с учетом семейного дохода, цены тура и выгод от его приобретения. На принятие окончательного решения о покупке могут оказать влияние два фактора:

- отношение других людей к выбранному направлению путешествия;
- отношение к репутации туристской организации, реализующей турпродукт.

Потребление в индустрии туризма обычно откладывается на некоторый срок. Традиционно потребление мало интересовало продавца, ориентированного в первую очередь на покупку, однако в условиях растущей конкуренции происходит переориентация туристских организаций на удовлетворение и сохранение потребителей.

В-третьих, для туристского рынка свойственны ощутимые колебания спроса туристов. Но при этом эти колебания различны для других видов туризма. Чтобы снизить сезонные потери туристской фирмы необходимо развивать несезонные формы отдыха, также обеспечивать полноценный отдых туристов в несезонные периоды, с профессионализмом пользоваться материальной базой под различные виды туризма и региональные различия в сезонах.

В-четвертых, в туризме качество, в основном, зависит от обслуживающего персонала – работников контактных профессий. Также на качество влияет множество прямых и косвенных факторов, таких, как материальная база, ресурсы, технологии, инфраструктура и др. В оценке потребителями качества туристского продукта немаловажными являются и такие его свойства, как надежность, безопасность, информационная достоверность, психологический комфорт.

Туристское обслуживание должно удовлетворить целый комплекс разнообразных потребностей: в путешествии, питании, проживании, познавательных экскурсиях, спортивных и развлекательных мероприятиях

и т. д. Во время программных туров предполагается удовлетворение специфических потребностей в лечении, деловых встречах, походах и др. Поэтому мотивация качественного труда, создание гибкого туристского продукта и вопросы менеджмента в туризме являются основополагающими для туристского предприятия или фирмы.

В-пятых, на туристском рынке имеется региональная раздробленность потребителя и производителя. Для туристского бизнеса немаловажную роль играют вопросы связи с зарубежными партнерами, информации и рекламы своего продукта в других регионах [9].

В многозначительной степени туристский рынок зависит от множества факторов. Основными из них являются природно-экологические, социально-экономические, политические и демографические [3, 4, 7, 10]. Можно сказать, что природно-экологические факторы являются основой развития любых туристских программ. Сюда входят:

- благоприятный климат и комфортные природные условия [5, 6];
- хорошее состояние экологии;
- чистота и ухоженность природных объектов;
- наличие красивых ландшафтов и природных достопримечательностей;

- наличие развитой гидрографической сети и естественных водоемов.

Социально-экономические факторы можно охарактеризовать как важные материальные предпосылки развития туризма. К ним относятся:

- экономическая открытость туризма;
- социальная свобода и права, которые дают гражданам возможность передвигаться как внутри, так и за пределами своей страны, а также путешествовать по миру;
- активизация экономических связей между государствами на основе международного разделения труда, расширения международной торговли и совершенствования транспортных средств.

Политические факторы:

- внутривнутриполитическая стабильность страны, в которой проживают туристы;
- внутривнутриполитическая стабильность страны, которая принимает туристов;
- мирные, дружественные, добрососедские отношения между государствами;
- этнический и конфессиональный состав населения стран [8];
- наличие межгосударственных и межправительственных соглашений по сотрудничеству в сфере экономики, торговли, научно-технических и культурных связей, туризма и обменов.

Демографические факторы:

- рост народонаселения (увеличивает мировой туристский потенциал);

– увеличение продолжительности жизни и понижение возрастного пенсионного порога, которое приводит к появлению туризма для людей третьего возраста [1, 2];

– этнические туристские потоки.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что формирование вида, формы и структуры конкретного туристского рынка возникает благодаря особенностям и факторам, влияющим на его развитие.

Литература

1. Закирова А.И. Здоровье населения России: медицинские и демографические аспекты // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: материалы всероссийской научной конференции «Вторые Максаковские чтения» (Москва, 12 апреля 2017 г.) / под общ. ред. Д. В. Зайца [Электронное издание]. – М.: МПГУ, 2017. – С. 405-410.

2. Закирова А.И. Некоторые геодемографические особенности здоровья населения России // Геосфера: сборник научных статей студентов, магистрантов и аспирантов географического факультета. Выпуск 9. – Уфа: БашГУ, 2016. – С. 218-219

3. Закиров И.В., Мазитова Й.И. Туризм в России: тенденции и география // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. – 2016. – № 1. – С. 178-181.

4. Закиров И.В. Перспективы развития внутреннего туризма Республики Башкортостан в связи с новыми реалиями // Актуальные вопросы университетской науки: сборник научных трудов / Отв. ред. В.П. Захаров. Вып. I. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 103-111.

5. Закиров И.В. Природно-ресурсный потенциал Республики Башкортостан: структура, роль и перспективы использования: монография. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – 148 с.

6. Закиров И.В. Природные ресурсы Республики Башкортостан: монография. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2017. – 104 с.

7. Закиров И.В., Ситдииков Д.Д. Применение кластерной теории для повышения эффективности внешнеэкономических связей Республики Башкортостан // Актуальные проблемы современной экономической, социальной и политической географии: материалы всероссийской научно-практической конференции. – М.: МПГУ, 2011. – С. 11-15.

8. Лобжанидзе А.А., Горохов С.А., Заяц Д.В. Этногеография и география религий. – М.: Академия, 2005. – 176 с.

9. Организация туризма / Под ред. А.П. Дуровича. – 5-е изд., стер. – Мн.: Новое знание, 2010. – 640 с.

10. Приходько Н.О., Закиров И.В. Особенности развития культурного туризма в Республике Башкортостан // Инновационная экономика. – 2016. – № 3(8). – С. 3.

Раздел 2. Современные проблемы географии населения: анализ и решения

ОСОБЕННОСТИ РЫНКА ТРУДА РОССИИ
PECULIARITIES OF THE RUSSIAN LABOR MARKET

Абдуллина М.Ф.
Abdullina M.F.

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа
Bashkir State University

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы рынка труда и занятости населения. Проанализированы тренды занятости населения России.

Abstract. *The article deals with the problems of the labor market and employment of the population. Trends of employment of the population of Russia are analyzed.*

Ключевые слова: занятость, безработица, рынок труда, трудовые ресурсы.

Keywords: *employment, unemployment, labor market, labor resources.*

В широком понимании рынок труда – это система социально-экономических отношений по поводу формирования, распределения и использования рабочей силы в условиях ее товарности [8].

Считается, что российский рынок труда прошел стадию становления. Однако, его модель до сих пор не обрела еще устойчивых характеристик. Сегодня с достаточной уверенностью можно утверждать, что она ближе к внешнему рынку труда и для этого имеются определенные предпосылки.

Если рассматривать историю развития рынка труда, низкая мобильность работников в бывшем СССР была обусловлена высокой долей услуг, льгот за счет социальных фондов предприятий, в зависимости от стажа работника. Работники многих предприятий получали в своем коллективе жилье, пользовались заводскими детскими садами, детскими лагерями отдыха, бесплатными или льготными путевками в дома отдыха, профилактории, санатории, льготным питанием и т. д.; размер пенсий зависел от продолжительности работы на одном месте. Это привязывало работников к предприятию [6].

Низкая мобильность рабочей силы была связана с высокой монополизацией экономики, жестким государственным регулированием заработной платы, слабой ее дифференциацией в зависимости от результатов труда. Кроме того, влияли отсутствие рынка жилья, административные ограничения на переезд в другие города. В настоящее время в России низкая мобильность рабочей силы с точки зрения ее стихийного движения сохраняется, прежде всего, из-за отсутствия условий для этого со стороны государства (высокие цены на жилье, транспортные затраты, слабое регулирование рынка труда и т. п.).

В России уровень занятости населения является довольно высоким еще с советских времен, когда рождаемость снизилась, а число женщин,

вовлеченных в экономику, резко возросло [3]. После кризиса на рынке труда в ходе шоковой терапии 1990-х годов, возобновившийся рост экономики и сокращение численности экономически активного населения России позволили снизить уровень безработицы и увеличить занятость населения [1].

В России в кризисном 1998 году уровень занятости населения составлял всего 44,3%, в то время как доля трудоспособного населения в общей численности населения – 57%. Общим для всех федеральных округов Российской Федерации было значительное сокращение занятости и рост безработицы в кризисный период 1992-1998 гг., а затем послекризисное снижение безработицы и повышение занятости, обусловленные экономическим подъемом. В 1998 г. сложился самый высокий уровень безработицы, почти во всех регионах России он был выше 10%, однако острота на рынке труда носила ярко выраженный региональный характер.

Наибольшие абсолютные показатели численности занятых в тех регионах, где высока численность населения. Наибольшая численность занятых в 2017 г. наблюдалась в Центральном федеральном округе (около 21 млн человек) и Приволжском федеральном округе (15,6 млн человек) (табл. 1). Остальные округа имеют более низкие показатели. Меньше всего занятых в Дальневосточном федеральном округе – 3,4 млн человек.

Таблица 1. Численность занятых по федеральным округам РФ, тыс. человек [7]

Федеральный округ	2000	2005	2017
Центральный	20 914	21 041	21 007
Северо-Западный	7 672	7 649	7 580
Южный	6 972	6 993	6 990
Северо-Кавказский	4 434	4 485	4 525
Приволжский	15 835	15 715	15 605
Уральский	6 549	6 551	6 545
Сибирский	9 939	9 813	9 843
Дальневосточный	3 459	3 427	3 434

В целом по стране произошло небольшое увеличение численности занятых. По федеральным округам наблюдалась разнонаправленная динамика численности занятых в разные годы.

Значительная безработица была зафиксирована в 1998-2000 годах, занятость населения уменьшалась. Причиной этому стал мировой экономический кризис. Последствия кризиса для российского рынка труда проявились в сокращении персонала на предприятиях, а также в росте уровня безработицы.

Первые годы экономического роста дали значительный позитивный эффект, уровень безработицы к 2002 г. снизился на треть, до 8,1% экономически активного населения [9]. Однако в 2003 г. рынок труда перестал реагировать на продолжающийся экономический рост,

безработица выросла до 8,6%. Более устойчивое снижение безработицы началось только в 2004 г. и к 2005-2006 гг. ее уровень сократился до 7,2% [6].

Экономический кризис, начавшийся осенью 2008 г., привел к тому, что уровень безработицы вырос более чем в 1,5 раза (с 6% летом 2008 г. до 9,5% в феврале 2009 г.), однако уровень безработицы весны 2009 г. (10%) ниже худшего показателя 1990-х годов (13,2%).

Особенностью кризиса 2008 г. является сокращение офисной занятости, сильнее всего – в крупнейших городах. В этой сфере доминировало именно высвобождение, а не урезание зарплат. Но на рынках труда крупнейших городов намного больше альтернативных рабочих мест, и, к тому же, докризисный уровень безработицы был очень низким. Высвобождаемые чаще всего находят другую работу, реже пополняют ряды безработных, но при исходно низком уровне даже быстрый рост безработицы был не критичен.

Произошло некоторое сокращение абсолютной численности населения безработных по России (табл. 2). Максимальный уровень безработицы сохранялся в отстающих в экономическом развитии республиках с растущим населением: в Ингушетии (47%), в Чечне (36%), а также в Дагестане, Калмыкии, Карачаево-Черкесии и Тыве (14-18%), но в большинстве из них показатели медленно улучшались. Самая низкая безработица в настоящий момент в Москве – около 1,5%, самая высокая в Ингушетии – более 20% [7].

Таблица 2. Численность безработных в России в среднем за год, человек [7]

Федеральный округ	2000	2005	2017
Центральный	1 516,4	852,3	744,9
Северо-Западный	710,3	408,9	360,0
Южный	870,1	561,8	460,2
Северо-Кавказский	668,3	613,4	498,8
Приволжский	1 542,6	1 164,2	743,2
Уральский	639,5	430,9	405,7
Сибирский	1 293,6	939,0	754,0
Дальневосточный	458,7	271,6	211,3

Безработица является одной из главных проблем государства, требующих эффективного решения. Применяемый в современной практике комплекс мер государственного регулирования выделяют меры пассивной политики занятости и меры активной политики занятости. Активной политике занятости должны предшествовать хорошо отлаженные методы учета, регистрации и эффективной поддержки безработных [4, 5].

Для решения проблем занятости необходимо рассмотреть перспективы развития занятости населения в РФ. В качестве одного из приоритетных направлений можно выделить создание дополнительных рабочих мест [2].

Похожее приоритетное направление было сформулировано президентом РФ В.В. Путиным в майских указах 2012 г., когда по поручению президента необходимо было создать около 25 млн рабочих мест на рынке труда. Важным инструментом государственного управления в сфере занятости выступает Генеральная схема создания и сохранения рабочих мест, которую разрабатывают Министерство экономики и различные макроэкономические институты.

Литература

1. Алексеев А.И., Симагин Ю.А. Географические аспекты изучения безработицы в России // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 1997. – № 1. – С. 40-43.

2. Закиров И.В. Взаимодействие внешнеэкономических инновационных кластеров и вузов в зарубежных странах // Торговля, предпринимательство и право. – 2017. – № 2. – С. 44-48.

3. Закиров И.В., Гафаров Г.А. Проблемы выхода из демографического кризиса в России // Современные проблемы географии населения и рынка труда: Материалы второй Всероссийской научно-практической конференции. – Казань: ИПЦ Экспресс-плюс, 2006. – С. 42-43.

4. Закиров И.В. Перспективы развития внутреннего туризма Республики Башкортостан в связи с новыми реалиями // Актуальные вопросы университетской науки: сборник научных трудов. Вып. I. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 103-111.

5. Закиров И.В. Природные ресурсы Республики Башкортостан: монография. – Уфа: Башкирская энциклопедия, 2017. – 104 с.

6. Коровкин А.Г. Динамика занятости и рынка труда // Вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования. – 2008. – № 2(2).

7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики России [Электронный ресурс] // URL: <http://www.gks.ru>.

8. Павленков В.А. Рынок труда. Занятость. Безработица: учебник. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 368 с.

9. Сафиуллин Р.Г., Закиров И.В. Экономическая и социальная география России и стран ближнего зарубежья. – Уфа: РИО БашГУ, 2003. – 100 с.

КОМПОНЕНТЫ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ ХРИСТИАНСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ ЕВРОПЫ В НАЧАЛЕ XXI В.
*COMPONENTS OF THE DYNAMICS OF THE NUMBER OF THE CHRISTIAN
POPULATION OF EUROPE AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY*

Агафошин М.М.¹, Горохов С.А.², Дмитриев Р.В.³
Agafoshin M.M., Gorokhov S.A., Dmitriev R.V.

¹ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва

Moscow State Pedagogical University

²Институт географии РАН, г. Москва

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow

³Институт географии РАН, г. Москва; Институт Африки РАН, г. Москва;
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва

*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow; Institute for African Studies
of the Russian Academy of Sciences; Lomonosov Moscow State University*

Аннотация. В работе выявлены особенности динамики христианского населения Европы и мира в начале XXI в. Детально проанализирован вклад естественной, миграционной и конверсионной составляющих в изменение численности христиан за первое десятилетие XXI века. Установлено, что для христианского населения Европы, в отличие от других регионов мира, характерна естественная убыль. Численность христиан в Европе растёт, прежде всего, за счет миграционного компонента.

Abstract. *The paper reveals the peculiarities of the dynamics of the Christianity in Europe and the world at the beginning of the 21st century. The article point-by-point analysis of the contribution of the natural, migratory and conversion components in the changing of Christian's population in the first decade of the 21st century. It is established that the Christian population of Europe is characterized by a natural decline, in contrast to other regions of the world. While the number of Christians in Europe is growing solely due to the migration component.*

Ключевые слова: христианство, естественное движение, механическое движение, конверсионное движение, Европа.

Keywords: *Christianity, Natural population change, migration, conversion, Europe.*

В течение первого десятилетия XXI в. численность христиан в мире ежегодно увеличивалась в среднем на 27–28 млн человек за счет, с одной стороны, прироста в 61 млн и, с другой, – убыли в 33 млн [5]. Существует два основных компонента динамики роста адептов христианства, как и любой другой религии в мире – демографический и религиозная конверсия (табл. 1).

**Таблица 1. Компоненты динамики христианского населения мира
(2010 г.)**

Компоненты динамики христианского населения	Доля фактора, %	Численность христиан за год, тыс.
Демографический (рождаемость)	73,8	45 204
Конверсия (обращение в христианство)	26,2	16 029
Увеличение христианского населения за год	100	61 233
Демографический (смертность)	62,2	21 755
Конверсия (уход из христианства)	34,8	11 634
Уменьшение христианского населения за год	100	33 389
Итого: динамика христианского населения за год	–	+27 844

Рассчитано авторами по: [6].

Демографический компонент динамики численности адептов христианства, обусловленный уровнем рождаемости, смертности и особенностями воспроизводства у его адептов в различных странах мира является доминирующим компонентом в динамике христианского населения планеты, составляя 84,2% от общего прироста.

Вторым компонентом динамики численности христиан в мире является религиозная конверсия, результат которой – это как обращение в христианство новых членов, так и выход из него его адептов. Поэтому именно конверсию можно назвать наиболее подвижным компонентом в изменении численности адептов религии, ведь один и тот же человек может проходить конвертацию несколько раз в течение своей жизни. Религиозная конверсия обусловлена миссионерской активностью адептов христианства, а также его способностью удерживать свою паству в конкурентных условиях «рынка религий».

Не менее важное влияние, помимо двух основных компонентов, на региональную динамику христианского населения оказывают миграционные процессы. Так, для роста численности христианского населения стран Европы и Северной Америки большое значение имеет иммиграция, в то время как в Латинской Америке эмиграция стала важным компонентом уменьшения его численности.

Соотношение структурных компонентов динамики христианского населения Европы имеет свои ярко выраженные черты. Во-первых, в результате низкого уровня рождаемости и старения населения региона демографический компонент не обеспечивает воспроизводства христианской общины, а рождаемость обеспечивает лишь немногим более

половины увеличения численности христианского населения – это самый низкий показатель среди регионов мира (табл. 2).

Таблица 2. Компоненты динамики христианского населения регионов мира (2010 г.)

Компонент динамики христианского населения	Изменение численности за счет соответствующего компонента, тыс. человек					
	Африка	Азия	Латинская Америка	Европа	Северная Америка	Австралия и Океания
Рождаемость	18 015	6 282	10 642	6 006	3 787	473
Конверсия (обращение в христианство)	3 317	4 497	3 868	2 952	1 301	95
Иммиграция	120	39	10	2 575	1 247	123
Увеличение христианского населения за год	21 452	10 818	14 520	11 533	6 335	691
Смертность	-6 995	-2 223	-3 169	-6 902	-2 260	-205
Конверсия (уход из христианства)	-1 607	-1 227	-2 704	-4 119	-1 764	-213
Эмиграция	-1 243	-615	-2 105	-130	-10	-10
Уменьшение христианского населения за год	-9 845	-4 065	-7 978	-11 151	-4 034	-428
Итого: динамика христианского населения за год	11 607	6 753	6 542	382	2 301	263

Расчитано авторами по: [6].

Рождаемость обеспечивает лишь немногим более половины роста численности христиан в Европе, что является самым низким показателем среди регионов мира. В таких государствах, как Италия, Швеция, Люксембург, Эстония, Испания, рождаемостью обусловлено менее 45% прироста христианской общины страны. Хотя роль смертности в уменьшении численности христиан в Европе соответствует среднемировому показателю, страны Восточной Европы, в которых наблюдается депопуляция населения, наряду со странами Африки лидируют в мире по значимости смертности в снижении численности христианской общины. Так, в 2010 г. смертность более чем на 82% обеспечила уменьшение христианского населения России, Украины и Беларуси.

Второй чертой динамики христианского населения Европы, которая характерна для всех регионов Глобального Севера, является негативное влияние религиозной конверсии на численность христианской общины в европейских странах. Ежегодно в Европе численность христианского населения за счет конверсии уменьшается более чем на 1 млн человек.

Подавляющее большинство из покинувших христианство европейцев пополняет группу нерелигиозного населения, что связано с активностью в регионе процессов социальной секуляризации. Следует отметить, что в наибольшей степени секулярные процессы развиты, прежде всего, в странах Западной Европы, так во Франции, Швеции, Швейцарии, Дании выход из христианства приобрел массовый характер, обеспечивая более 50% сокращения численности христианского населения.

С другой стороны, в Восточной Европе наблюдается зеркально обратная ситуация – в результате крушения коммунистических режимов население возвращается в лоно христианства, происходит, по П. Бергеру, десекуляризация [9], в ходе которой традиционная религия восстанавливает свое влияние в обществе. В Эстонии, Венгрии, Беларуси – более 50% роста христианской общины в год обеспечивают перешедшие в христианство в прошлом нерелигиозные граждане, от 40 до 25% роста адептов христианства конверсия обеспечивает в Польше, Чехии, Словакии, Украине, Латвии, Литве, России.

Третья черта динамики христианского населения Европы, делающая данный регион мира действительно уникальным, заключается в ключевой роли миграционных процессов в росте численности христиан. Несмотря на широко распространенное мнение о том, что иммиграция способствует исламизации Европы, можно уверенно сказать, что численность христиан в регионе растет лишь благодаря положительному сальдо миграций на континент христиан из стран Африки, Латинской Америки и Азии, которое составляет около 2,5 млн человек ежегодно. К 2010 г. около 56% иммигрантов (42%, если не брать в расчет граждан ЕС), въехавших в страны ЕС, исповедовали христианство [10]. В результате в 2010 г. иммиграция обеспечивала около 40% роста численности христиан во Франции, Норвегии, на Мальте, в Испании, Швеции. Таким образом, если бы не миграции, то численность христианского населения Европы ежегодно бы сокращалась более чем на 2 млн человек.

Одной из наиболее острых международных проблем современности стало резкое увеличение числа мигрантов и беженцев, в первую очередь, из стран Западной Азии в Европу, начавшееся в 2011 г. в результате событий Арабской весны и последующих за ней гражданских войн в странах региона. Так, за период 2011–2016 гг. только количество беженцев в странах ЕС увеличилось более чем на 3 млн человек, максимальная нагрузка пришла на 2015 г., когда на территорию ЕС попало 1,3 млн беженцев [3]. Хотя большинство мигрантов из этих регионов исповедуют ислам, тем не менее, и среди этой, новой миграционной волны, также насчитывается много христиан, в первую очередь из Сирии и Ирака [1, 2]. Некоторые страны Европы, например, Словакия, Венгрия, Польша, Чехия, заявили о готовности принимать у себя в первую очередь иммигрантов-христиан [8].

Таким образом, различия в темпах роста христианского населения привело к кардинальному перераспределению его адептов между регионами мира. Уже в 2014 г. первое место в мире по численности христианского

населения заняла Латинская Америка (23,7% всех христиан), потеснив Европу (23,6%), лидировавшую по этому показателю более тысячи лет, на второе место, а Африку (21,9%) – выдвинув на третье. Но в 2017 г. Африка стала вторым по численности христиан макрорегионом мира, отодвинув Европу на третью позицию [4]. Данные изменения произошли в Европе за счет отрицательного баланса естественного движения ее населения и активизации секулярных процессов [7]. Единственным компонентом, за счет которого численность христианского населения Европы еще продолжает расти, хоть и невысокими темпами, является миграционный приток адептов христианства, прибывающих преимущественно из стран Глобально Юга.

Литература

1. Агафшин М.М., Захаров И.А. Влияние миграционных потоков из Африки и Западной Азии на конфессиональную структуру населения стран ЕС // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: матер. всеросс. науч. конф. «Вторые Максаковские чтения» (Москва, 12 апреля 2017 г.) / под общ. ред. Д.В. Зайца. – М.: МПГУ, 2017. – С. 116-122.

2. Агафшин М.М. Европейский миграционный кризис: африканский аспект // Материалы XV Всероссийской школы молодых африканистов. М., 2016. С. 9-13.

3. Агафшин М.М. Факторы миграции населения арабских стран Азии в ЕС // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Естественные науки. – 2017. – № 2. – С. 56-64.

4. Горохов С.А. Религия в современном мире: вопросы географии. География мирового развития. Выпуск 3: сб. науч. трудов / Под ред. Л.М. Синцера. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. – С. 94-106.

5. Горохов С.А. Трансформация цивилизационного и конфессионального пространства мира в XX – начале XXI вв. /С.А. Горохов // Изв. Рос. акад. наук. Серия геогр. – 2012. – № 6. – С. 107-116.

6. Atlas of Global Christianity. 1910–2010 / eds. T.M. Johnson, K.R. Ross. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2009. 382 p.

7. Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Experience of geographical typology of secularization processes in the modern world // Geography and Natural Resources. 2016. Vol. 37, Is. 2. P. 93-99.

8. Park J. Europe's Migration Crisis // Council on Foreign Relations. 2015. 23 сент. URL: <http://www.cfr.org/refugees-and-the-displaced/europes-migration-crisis/p32874> (дата обращения: 14.10.2016).

9. The Desecularization of the World: Resurgent Religion and World Politics / Berger P.L., ed. Washington, D.C., Grand Rapids, Mich.: Ethics and Public Policy Center; W.B. Eerdmans Pub. Co., 1999. 143 p

10. U.N. Population estimates are rounded to millions. Data points are plotted based on unrounded numbers. Pew Research Center's Forum on Religion & Public Life. Global Religion and Migration Database 2010, p. 11

ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ ГОРОДСКОГО
НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
*TRENDS IN MIGRATION MOVEMENT OF URBAN POPULATION OF THE REPUBLIC
OF BASHKORTOSTAN*

Боголюбов А.В.
Bogolyubov A.V.

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа
Bashkir State University, Ufa

Аннотация. В статье рассмотрены основные тенденции миграционного движения городского населения Республики Башкортостан, динамика прибытия и выбытия населения городов.

Abstract. *This article describes basic trends in migration movement of urban population of the Republic of Bashkortostan, the dynamics of arrival and departure of the urban population.*

Ключевые слова: миграция, прибытие, выбытие, миграционное движение, Республика Башкортостан.

Keywords: *migration, arrival, departure, migration movement, Republic of Bashkortostan.*

Республика Башкортостан (РБ) – это крупнейшая на сегодняшний день по численности населения республика Российской Федерации. На 1 января 2017 г. здесь проживало 4 066 972 человека. [3] Города как экономические центры играют важную роль, и по динамике населения в них можно определить состояние экономики в целом. В развитый, крупный город население охотнее приезжает, поэтому для них чаще всего характерна положительная динамика миграции. Если же в городе наблюдаются экономические проблемы, имеется большой уровень безработицы, то население может покинуть его, что отрицательно влияет на динамику миграции населения. [1, 6, 7]

Оценка миграционных процессов, их результатов взаимовлияния с другими изменениями в обществе возможна лишь с учетом конкретных пространственно-временных особенностей. Это определяет необходимость изучения территориального среза социально-демографических изменений в обществе, обоснования региональной миграционной политики с точки зрения объективных закономерностей, долгосрочных и текущих тенденций миграции населения вместе с ее возможными последствиями. [5]

Значение анализа миграционных процессов в РБ повышается с учетом того, что в течение длительного времени наблюдался отток населения за пределы ее территории. Республика по существу находилась на положении донора, перераспределяющего свою подготовленную рабочую силу в другие регионы страны. Это неблагоприятно сказывалось на демографической структуре. В связи с наступившим экономическим кризисом миграционный отток наряду с естественной убылью населения начинает определять тенденцию абсолютного сокращения населения в РБ. [5, 8]

Для того чтобы определить тенденции миграционного движения населения, были взяты статистические данные [3] о миграционном движении городского населения в период с 2010 по 2016 гг. и рассчитаны коэффициенты миграционного прироста (убыли) населения (табл. 1).

По тенденциям миграционного движения в данный период можно выделить следующие группы городов Республики Башкортостан:

- 1) Города с постоянной или почти постоянной положительной динамикой миграционного движения населения (Бирск, Уфа, Стерлитамак, Октябрьский).
- 2) Города с разнонаправленной динамикой миграционного движения населения (Благовещенск, Давлеканово, Ишимбай, Туймазы, Нефтекамск).
- 3) Города с отрицательной динамикой миграционного движения населения (Агидель, Баймак, Белебей, Белорецк, Дюртюли, Мелеуз, Салават, Сибай, Учалы, Янаул).

Таблица 1. Динамика миграционного движения населения городов Республики Башкортостан, 2010–2016 гг., % [3]

Город	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Уфа	4,8	0	1,5	13,5	3,7	0,3	-0,7
Агидель	-11,5	-17,1	-15,7	-6,5	-11,1	-12,2	-21,7
Баймак	-1,8	-8	-10,8	-8,5	-7,6	-2,7	-3,2
Белебей	-4,9	-4,4	-6,1	-2,3	-3,6	-3,8	-1,4
Белорецк	0,0	-3,8	-5,6	-8,3	-2,7	-3,4	0,0
Бирск	14,7	23,6	17	17,5	17,7	10,4	2,6
Благовещенск	3,7	7,7	2,2	-0,8	-0,7	-1,5	-5,3
Давлеканово	1,4	2,3	2,6	-6,1	0,7	-6,7	-1,1
Дюртюли	-5,9	-2,8	-6,8	-3,3	-10,9	-4,5	-6,3
Ишимбай	-1,3	0,5	6	-2,1	1,9	-5,2	-3,9
Кумертау	-0,4	-7,2	1,7	-4,5	-3,7	-8,6	-6,5
Мелеуз	-8,1	-13,2	-2,9	-8,7	-9,7	-8,4	-10,0
Нефтекамск	5,5	-0,2	-0,6	-1,2	-0,4	-0,4	0,2

Октябрьский	4,5	8,2	4,7	4,5	-1,7	6,9	-0,3
Салават	-0,3	-3,6	-4	-1,4	7,3	-10,7	-3,5
Сибай	3,1	-3,4	-6,4	-5,4	-5,7	-15,6	-10,0
Стерлитамак	1,9	-0,4	1,4	1,2	2,4	0	-1,1
Туймазы	-3,4	-4	-3,8	2,3	1,3	-0,6	-4,5
Учалы	-1,7	0,6	-5,5	-4,8	-7,3	-3,4	3,3
Янаул	-10,6	-8,4	-6,2	-14,2	-9,7	-8	-5,7

Самые большие показатели миграционного прироста наблюдаются в Уфе и Бирске. Уфа является административным, экономическим, культурным центром республики, что делает ее привлекательной для миграции населения. [4] Миграционный прирост в Стерлитамаке и Октябрьском может быть обусловлен их географическим положением и привлекательностью для миграции населения. Самая плохая ситуация наблюдается в Агиделе, где естественная убыль населения превышала 10% почти весь рассматриваемый период, что связано с экономической ситуацией в городе. Большой коэффициент миграционной убыли населения также наблюдается в Мелеузе, Сибее и Янауле.

Рассмотрим, как изменилось число городов с положительной динамикой миграционного движения населения за данный период. В 2010 г. миграционный прирост наблюдался в 8 городах. В следующие два года ситуация не изменилась. Начиная с 2013 г, число таких городов начало уменьшаться, и в 2016 году миграционный прирост наблюдался только в трех городах: Бирске, Нефтекамске, Янауле. Таким образом, в настоящее время в большинстве городов Республики Башкортостан, в том числе и крупных, наблюдается миграционная убыль населения. В некоторых из них такая ситуация может быть временной, но в большинстве городов она продолжается много лет. Все это приводит к уменьшению численности населения во многих из данных городов. Если в крупных городах Башкортостана чаще всего наблюдается миграционный прирост населения, то для малых и средних городов более характерна убыль населения.

Городское население Башкортостана растет благодаря миграционному приросту в крупнейших городах Башкортостана, в них обычно наблюдается и естественный прирост, что определенным образом повышает их экономическое значение. В средних и малых городах ситуация неоднозначная, но во многих из них выбытие превышает прибытие населения. Для улучшения ситуации необходимо восстанавливать экономику этих городов, прилагать усилия в социальной сфере. [2] Тенденция миграционного движения населения городов Республики Башкортостан скорее отрицательная, нежели положительная.

Литература

1. Боголюбов А.В., Сафиуллина Р.М. Эволюция демографической ситуации Республики Башкортостан: тенденции и региональные особенности // Актуальные проблемы экономической политики: материалы V Всероссийской научно-практической конференции. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. – С. 12.

2. Боголюбов А. В. Тенденции естественного движения населения городов Республики Башкортостан // Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Теория и практика современных географических исследований». [Электронное издание]. СПб: Свое издательство, 2017. – С. 818-820.

3. Население Республики Башкортостан
URL:http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/statistics/population/ (дата обращения 21.01.2018).

4. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Фаронова Ю.В. Геодемографическая ситуация в Республике Башкортостан: территориальная модель // Актуальные вопросы университетской науки: сб. науч. трудов. – Уфа, 2016. – С. 412.

5. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Хамадеева З.А., Глухих И.А. География миграционных процессов Республики Башкортостан: содержание, эволюция, политика. – Уфа: УГАЭС, 2012. – 132 с.

6. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Ибрагимова З.Ф. Территориально-структурная трансформация города-миллионера: теоретические подходы и методы. // Региональные исследования. – № 1 (47), – 2015. – С. 18-23.

7. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Фаронова Ю.В. Геомиграционная ситуация в муниципальных районах Республики Башкортостан: методика территориального мониторинга. / В сб.: Актуальные вопросы университетской науки. – Уфа: БашГУ, 2016, с. 212-223.

8. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Фаронова Ю.В. Геодемографическое развитие городов РБ: региональная диагностика // Успехи современного естествознания. – № 5 (часть 1), 2016, с.158-168.

РЕСПУБЛИКА КРЫМ: ГОРОДСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ
REPUBLIC OF CRIMEA: URBAN REVOLUTION

Гусаков Т.Ю.
Gusakov T.Yu.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва
Lomonosov Moscow State University

Аннотация. Городская революция – стремительное поглощение городами значительных масс сельского населения в результате урбанизации. В данной статье автором проводится анализ эволюции городской среды Республики Крым в качественном и количественном аспектах.

Abstract. *The urban revolution is the rapid absorption by cities of a significant mass of the rural population because of urbanization. In this article the author analyzes the evolution of the urban environment of the Republic of Crimea in qualitative and quantitative aspects.*

Ключевые слова: Крым, урбанизация, сельские территории, городская революция, село-городской континуум, городской образ жизни.

Keywords: *Crimea, urbanization, rural areas, urban revolution, rural-urban continuum, urban way of life.*

В России процесс урбанизации происходил на протяжении XX века, продолжаясь на современном этапе. «Революционные» изменения поддаются не только количественным измерениям, но и качественным. И если в численном отношении урбанизация близится к логическому завершению – «торжеству города», то качественная ее сторона остановилась на начальном этапе развития.

После начала индустриального переворота приток массы малограмотных провинциалов в начале XX в. в российские города растворил в себе представителей городского сословия, понизив планку культурного уровня горожан. В городской уклад были привнесены провинциальные черты, постепенно стиравшие село-городские различия. Однако, государство направляло усилия на повышение культурного уровня. Поэтому за 70 лет советской власти удалось восстановить былую модель городского сословия в несколько осовремененной форме. Этому способствовало повышение уровня образованности, качества образования и благосостояния населения, обеспечение равных возможностей использования социокультурных благ [1].

В сельской местности сформировался мощный слой провинциальной образованной интеллигенции, которые регулировали институциональную среду. Но к началу 1980-х годов, вопреки повышению условий жизни в

деревне, был запущен процесс депопуляции. Сельские территории теряли лучшие квалифицированные кадры – молодых специалистов, не желавших возвращаться в колхозное лоно после окончания обучения. Носители сельской ментальности, мигрировав в города, разбавляли городской образ жизни «провинциальными замашками». Происходила маргинализация общества, которую сдерживала институциональная среда в условиях авторитарного Советского государства.

Перелом произошел в конце 1980-х годов после объявления Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым курса на «перестройку». Постепенное снятие множественных табу обнажило массу социальных проблем, которые после демонтажа советской системы использовались в борьбе за власть различными общественно-политическими деятелями. Суверенное украинское общество было втянуто в политическое противостояние, отодвинув решение собственных задач на второй план.

Затяжной экономический кризис не содействовал поддержанию культурно-просветительского уровня. Городской образ жизни медленно деградировал, впитывая черты сельской ментальности, привнесенной маятниковыми мигрантами. Сроки необходимых системных преобразований были упущены настолько, что принимаемые позже решения еще больше усугубляли ситуацию. Качественная сторона *урбозволюции* была повержена «обществом торговков», поскольку даже представители городской интеллигенции вынуждены были промышлять торговлей под прессом экономической нестабильности.

Крымский социум является ярким индикатором украинской ситуации общественного развития, вобрав в себя ее специфические особенности – маргинализация обширных масс горожан, снижение качества образования, понижение культурного уровня, пауперизация. Провинциальное «трамвайное хамство» стало распространяться повсеместно.

Проведя ретроспективный анализ, можно заявить, что первоначальное заселение полуострова эллинами и римлянами создало на черноморских берегах ряд торговых крепостей-колоний, которые определили современную конфигурацию городской структуры Крыма. Алустан, Джалита, Керкинитиды, Херсонес, Кафа и другие порты существуют и ныне, лишь под иными наименованиями. Из-за невозможности жизни в степной части (около $\frac{2}{3}$ площади полуострова занимают степи), все население концентрировалось в городах-полисах. Первые сельские населенные пункты – современные села, стали возникать лишь после XV в., после образования Крымского ханства и седентаризации татар. К концу XIX в. большая часть населения проживала в сельской местности, к которым относились и поселки при железной дороге. После 1783 г. и вплоть до революционного 1917 г. практически все города Крыма приобрели городские черты с соответствующим образом жизни местного населения, очистившись от средневековой архаики. К активной фазе урбанизации

крымский социум подошел со значительным превалированием сельского населения (около 2/3 жителей проживало в деревне).

После 1917 г. на полуострове начали происходить урбанизационные сдвиги, вызванные индустриальной трансформацией хозяйства. В 1930-е годы в Крыму было заложено несколько крупных промышленных предприятий, привлекавших жителей сельских окрестностей. Вокруг заводов образовывались одноэтажные «барачные городки», в которых существовали сначала строители, а позже и работники крупных предприятий. Промзоны, занимавшие большую территорию, чем города, вмещали в себя сотни необразованных сельских жителей, которых городская среда физически не могла «переварить». Поэтому первоначально проявлялись некоторые признаки *геттоизации* «барачных городков», но проблема была решена после уничтожения горожан как класса. В межвоенный период происходит наиболее динамичный рост площади городов. Образовываются новые города – Красноперекопск и Саки, разрастается старые – Керчь и Симферополь.

Но значительного роста городского населения за счет сельского не произошло. На это повлияло повышение уровня медицинского обслуживания в сельской местности и положительный естественный прирост населения. Перелом произошел уже в 1950-е годы после отнесения некоторых крупных сел к категории поселков городского типа. Естественная самоорганизация населения была нарушена административными инструментами – депортациями народов и программой переселения колхозников в сельскую местность. Государственное регулирование численности сельского населения сохраняло стабильное село-городское соотношение, несмотря на резкий рост общей численности.

Подобная риторика продолжилась и в постсоветский период, хотя такое количество селян уже не имело экономических оснований. Рост городов всячески сдерживался за счет привлечения дополнительных человеческих ресурсов в сельскую местность. И отнесение в 2014 г. населения поселков городского типа к жителям сельских территорий нанесло серьезный удар по урбанизационному тренду.

Крым в XXI в. остается аграрно-индустриальным регионом, несмотря на заявления правящих кругов республики о рекреационной специализации. Однако, большую часть сельскохозяйственной продукции производят хозяйства населения. Крестьянские фермерские хозяйства, призванные стать альтернативой колхозной системе и опорой сельского мира, не смогли обеспечить патронат деревни из-за своей малочисленности и нежелания участвовать в формировании нового общества.

Распад Советского государства спровоцировал необратимую трансформацию село-городского континуума. Миграционные сдвиги оказывали влияние на численность населения Крыма. В течение 1990-х годов существовало два потока мигрантов: представители депортированных народов, возвращавшиеся из среднеазиатских республик, и мигранты (в

основном русские и украинцы) за пределы полуострова – в другие регионы Украины и России.

Мотивация и тех, и других была одна – желание вернуться на Родину, в родное село, «к истокам». Модернизация гражданского общества выталкивала мигрантов из привычной среды. Крымские татары бежали из Средней Азии, пораженной межэтническими противоречиями и конфликтами. Русские покидали Крым после экономического коллапса, нарастания межнациональной напряженности и отсутствия перспективы.

Миграционная убыль затронула сельские территории. Экономический крах колхозной системы села поставил бывших колхозников в неловкое положение. Брошенный системными преобразованиями вызов бывшим колхозникам смогли принять и выдержать немногие. Маргинализация, уход в неформальные виды экономической деятельности, поиск работы в городах (ежедневные маятниковые миграции) были следствием адаптации сельских жителей к рыночным отношениям в первое постсоветское десятилетие.

Однако, рассматривая статистические данные о численности населения республики, логичной депопуляции депрессивной сельской местности не наблюдалось. Несмотря на глобальные урбанизационные тренды, городское население сокращалось сильнее. Лишь в начале 2000-х годов прирост населения городов полуострова вышел в зону положительных значений, преодолев провал 1990-х.

Разгадка интриги сильной депопуляции городов на фоне относительно стабильной ситуации в деревне кроется в миграционной политике региональных властей. Массы репатриантов, которые начали возвращаться в республику, было решено размещать в сельской местности. Потому, вопреки экономической катастрофе, сельские территории пополнялись иммигрантами (в основном, крымскими татарами).

Другой вопрос – положение вновь прибывшего населения было плачевным. Банкротство коллективных хозяйств, тотальная безработица, отсутствие скоординированной поддержки семьям переселенцев не способствовали формированию здорового гражданского общества. Украинское правительство не имело ресурсов, чтобы регулировать социально-экономическую трансформацию. Как результат – развитие неформальной экономики, деградация сельского социума, разрушение инфраструктуры и незаконное присвоение коллективной собственности из-за отсутствия государственной программы действий по адаптации колхозной системы к условиям рынка. Но катастрофическое положение сельских территорий не вызвало логичного оттока населения в города.

Восприимчивыми к тренду урбанизации оказались наиболее многочисленные простые обыватели. Но изменение места жительства упиралось в финансовые возможности, которыми располагали сельские жители. Поэтому миграция на постоянное место жительства из села в города была незначительна и не сопоставима с ежедневными маятниковыми миграциями, которые были выгодными при минимальных транспортных издержках.

Нельзя с уверенностью заявлять, что желание сельских жителей мигрировать регулировалось лишь финансовой составляющей. Поскольку, если рассматривать азиатские варианты урбанизации (образование сельскими жителями трущобных колец вокруг крупных городов), то очевидно, что финансовый фактор не определяющий и уступает условиям среды и возможностям, которые доступны человеку в деревне.

Ситуация, сложившаяся в конце 1980-х годов в крымской сельской местности, была благоприятной: село-городские различия условий жизни сокращались. Коллективные хозяйства один за другим становились «миллионерами», инвестируя в инфраструктурные проекты, модернизируя сельские населенные пункты по образу городов: асфальтировались дороги, строились школы, амбулатории и многоэтажные жилые дома, проводилась газификация и прокладывались централизованные водопроводы. Когда-то засушливые безжизненные степи, описываемые еще средневековыми путешественниками, превращались в «агрокорода» с обильной растительностью. Поэтому эффект базы, сформированной в советский период, в 1990-е годы сдерживал отток населения. И по мере разрушения коллективных хозяйств, деградации инфраструктуры и нарастанию село-городских различий происходила эмиграция в города.

Отток образованной славянской молодежи в города оголил острые социальные проблемы сельских территорий, связанные с маргинализацией большого количества населения. Безработица, стремительное снижение уровня благосостояния, ухудшение качества образования повлияли на формирование нового постсоциалистического сельского социума. Цивилизационная несостоятельность деревни сформировала элиты из представителей неинтеллигентной колхозной креатуры и необразованных фермеров.

Кризис сельской жизни повлиял на трансформацию городского общества. Вымывание образованных людей из периферийных степных районов и их концентрация в городе определили тренды социальных преобразований. Раскручивание маховика в конце 1990-х годов и приток трудовых мигрантов маргинализировали городскую среду. Следствием этого стал общий культурный кризис крымского города.

Количественные изменения *урбоэволюции* происходили: население постепенно концентрировалось в городах, однако качественной трансформации не случилось. Сельские жители неохотно принимали городской образ жизни, изменяли его культурные характеристики, навязывая собственные устои. Маргинализация общества вызвала сокращение городского населения, более сильное нежели в сельской местности. И снова эмигранты в качественной разрезе были представителями образованной интеллигенции, не способные адаптироваться к формирующемуся в условиях нищеты «обществу торговков».

Низкое качество образования, распространенность профессий, требующих лишь механического исполнения обязанностей, и уход от

культурного ценза в кадровой политике привели к деградации социальной среды города. Это проявляется и в государственных структурах, где происходит постепенное вытеснение представителей старой школы чиновничества и заменой новыми, с более низким уровнем образования и культуры.

В итоге, можно сделать вывод, что городская революция в Крыму не состоялась ни в количественном, ни в качественном формате. Урбанизация на полуострове находится на начальном этапе эволюционного развития. Сельские территории обладают значительным количеством экономически не востребованного население. Движению городской революции будто бы мешает сформированная за два десятилетия система – сущность сформировавшегося постсоветского общества. Превалирование сельской ментальности в социальной среде вытесняет духовную составляющую городского образа жизни. Без качественных изменений социума невозможно завершение урбанизации и победа городской революции на отдельно взятом участке суши – в Республике Крым.

Литература

1. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. – 2001. – № 6. – С. 101-113.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПОДВИЖНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ
КАК ИНДИКАТОР ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ
В ЯРОСЛАВСКОМ ВЕРХНЕВОЛЖЬЕ
*TERRITORIAL MOBILITY OF THE POPULATION AS AN INDICATOR
OF ETHNO-SOCIAL SITUATION IN THE YAROSLAVL REGION*

Емельянов Д.А.¹, Емельянов А.С.²
Emelyanov D.A., Emelyanov A.S.

¹МОУ «Гимназия № 2», г. Ярославль
Gymnasium № 2, Yaroslavl

²ФГОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского», г. Ярославль
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky

Аннотация. Удобство транспортно-географического положения Ярославской области по отношению к Москве, относительно благоприятные социально-экономические условия притягивают значительную долю мигрантов из республик бывшего СССР. Происходит выравнивание демографической структуры, снижение проблемы занятости населения в различных отраслях хозяйства. Наблюдается и изменение во

внутренней миграции населения области. Отток экономически активного населения в крупные города – Рыбинск, Ярославль, Москву, Санкт-Петербург связан с сокращением мест приложения труда внутри региона. В определенной мере изменяется «этнический ландшафт» территории.

***Abstract.** The convenience of transport and geographical location of the Yaroslavl region in relation to Moscow, relatively favorable socio-economic conditions attract a significant proportion of migrants from the former Soviet republics. There is an alignment of the demographic structure, reducing the problem of employment in various sectors of the economy. There is also a change in the internal migration of the population of the region. The outflow of economically active population to major cities – Rybinsk, Yaroslavl, Moscow, St. Petersburg is associated with a reduction in places of employment within the region. The "ethnic landscape" of the territory is changing.*

Ключевые слова: Ярославская область, демографическая структура, внутренняя миграция, экономически активное население, «этнический ландшафт», крупные города.

***Keywords:** Yaroslavl region, demographic structure, internal migration, economically active population, "ethnic landscape", large cities.*

Распад СССР вызвал негативные процессы и в миграционном поведении населения. Впервые после окончания Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., в 1989 г. на территории России появились беженцы и вынужденные переселенцы. Первый «залповый выброс» армянских, азербайджанских и русских семей произошел после кровавых событий в азербайджанском городе Сумгаите. Вслед за ними из Ферганской долины Узбекистана, спасая свои жизни, прибыли в Россию около 30 тысяч турок-месхетинцев. Несколько позже из Мангистауской (бывшая Мангышлакская) области Казахстана, бросив свои жилища, прибыли около 10 тыс. чеченцев. В соответствии с решением российского руководства, беженцы в основном были обеспечены надлежащим питанием и жильем, трудоустроены в Центральной России, включая и Ярославскую область.

В 1990 г. в результате резкого обострения межнациональных отношений между азербайджанцами и армянами в Россию из Азербайджана прибыло более 90 тыс. человек. Из них около 2/3 русскоязычных граждан были размещены и трудоустроены в Москве и Московской области. В 1991 г. из Грузии и Южной Осетии, преодолевая пешком, либо на транспорте, высокогорья Кавказа, в Северную Осетию – Аланию устремились более 100 тыс. осетин. Это вызвало серьезные проблемы размещения и трудоустройства не только в республике, но и на Кубани, и в Ставрополье. Основываясь на данных Федеральной миграционной службы Российской Федерации, нами была составлена серия картосхем «стрессовой миграции» по всей территории многонациональной России. Доклад по географии вынужденной миграции соотечественников вызвал значительный интерес у участников XVI Международного картографического конгресса в Кёльне (Германия) в 1993 г. Территориальные различия подвижности на примере

Ярославской области в разрезе административных районов и география расселения основных народов также раскрыта нами на ряде картосхем [1, 4].

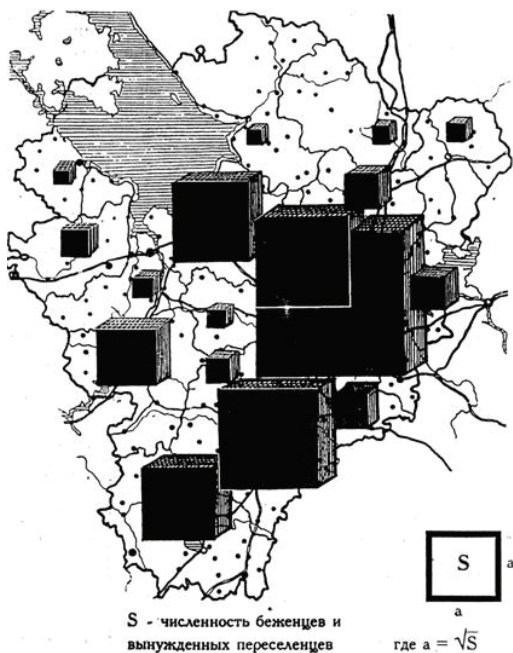

Рис. 1. Численность беженцев и вынужденных переселенцев по городам и районам Ярославской области в 1993 г.

Обращаясь к истории территориальной подвижности, отдельные факты которой были изложены выше, мы можем сегодня говорить не только о резко сократившихся ее масштабах, но и изменившихся целях миграции. Нет сомнений в том, что настоящее и будущее нашей страны находится в прямой зависимости от количества и качества человеческого потенциала. По мнению ведущих российских ученых, набирающий силу демографический кризис вызвал ряд негативных проблем социально-экономического, политического и геополитического характера. При сложившейся тенденции сокращения, население России к 2030 г. составит примерно 143-146 млн чел. Пока еще ни одной стране мира не удалось поддерживать высокие темпы экономического роста на фоне убыли населения. Просчеты в этнодемографической политике сегодня приведут к угрозе национальной безопасности завтра.

После 2006 г. в России началось обвальное сокращение численности трудоспособного населения. И только за счет иммиграции населения из соседних государств (в прошлом советских республик «великого и могучего» Советского Союза) стало возможным восполнить

образовавшиеся потери в занятости. Но Россия, по мнению иностранных наблюдателей, остается крайне недоброжелательной страной по отношению к мигрантам. С другой стороны, иммиграция, а впоследствии натурализация «гастарбайтеров», может привести к обострению межэтнических отношений на территории с убывающим славянским населением. Так, если в 1959 г. доля русского населения в РСФСР составляла 83,3%, то через полвека этот показатель в Российской Федерации снизился до 80,9%. В равной степени это относится и к Ярославскому Верхневолжью, где проживает более 150 народов России и зарубежных стран [3]. По данным Института социально-политических исследований РАН, Ярославская область относится к регионам со средней степенью национальной напряженности.

По Всероссийской переписи населения 2010 г., на территории нашей области были зафиксированы представители 29 народов дальнего зарубежья: австралийцы, алеуты, арабы Африки и Азии, ассирийцы, бенгальцы, вьетнамцы, гвинейцы, индийцы, индонезийцы, испанцы, китайцы, корейцы, кубинцы, мозамбикцы, монголы, намибийцы, непальцы, нигерийцы, пакистанцы, персы, пуштуны, сомалийцы, турки, уйгуры, фризы, хазарейцы, шотландцы, японцы [2]. Цель их въезда в основном связана с учебой в ярославских вузах, по частным или служебным делам. Анализ данных, предоставленных Управлением Федеральной миграционной службы по Ярославской области, показывает, что непосредственно с трудовой деятельностью связаны иностранные граждане Узбекистана, Таджикистана, Украины, Армении, Киргизии, Китая, Турции, Молдавии, Азербайджана (в порядке убывания их численности). Интерес представляет и занятость мигрантов в основных отраслях (в %): строительство (61,1); обрабатывающие производства (24,0); транспорт и связь (7,4); сельское, лесное хозяйство, добыча полезных ископаемых (3,5); торговля, ремонт транспорта (0,7); прочие отрасли [2, 3].

Несомненно, трудовая деятельность мигрантов локализована преимущественно в городской местности с высоким уровнем развития экономических связей, инфраструктурного обеспечения. Но для Ярославского Верхневолжья характерно и значительное сосредоточение инославянского населения, занятого в сельской местности, в отличие от соседних Костромской и Ивановской областей. Прежде всего это относится к армянскому, азербайджанскому, езидскому, ингушскому, узбекскому, молдавскому народам, прибывшим на ярославскую землю в основном на рубеже XX-XXI вв. Невозможность получить жилье и работу в Ярославле, Рыбинске, Переславле-Залесском, Угличе, Ростове Великом, Мышкине, Пошехонье, Гаврилов-Яме побудила их не возвращаться на свою историческую родину, а начать свое дело на селе. Они заняли те хозяйственные ниши, на которые не претендует коренное население. Благодаря их самоотверженному труду появились новые или возрожденные «оазисы» сельской экономики: животноводство, земледелие, другие виды предпринимательства. В качестве подтверждения вышесказанному следует

назвать примеры Ростовского, Тутаевского, Большесельского районов. Новым направлением развития сельской местности вдоль Московской федеральной автодороги (чего не было в советские годы) явилась организация объектов питания и отдыха. Не всегда это находит понимание у местного населения, снизившего мотивацию к труду в сельской местности. Отсюда и возникновение этнокультурных противоречий в ряде муниципальных районов. Справедливости ради, эти люди, «у которых две родины в сердце», арендующие землю в нашей северной стороне, не только ничем не угрожают, а напротив, спасают некоторые отрасли сельского и лесного хозяйства, оказавшиеся на грани гибели. Вхождение в социум ярославской деревни проходит для них порой весьма трудно.

Как показывают данные статистического учета, мигранты, нашедшие приложение своего труда в городской местности, по своему социальному происхождению преимущественно выходцы из сельской местности. Для них особенно трудна адаптация к новым условиям жизни в регионе Волго-Окского междуречья, где исторически сформировалась русская нация. Прибыв сюда с целью бизнеса в торговле, строительстве, транспорте, других сферах, мигранты привнесли с собой элементы своей национальной культуры. Они во многом не согласуются с местными ярославскими обычаями и традициями. Вот почему жители городов как правило негативно реагируют на проявления новой этнической и религиозной культуры.

При высоком уровне знаний о традициях своего народа вновь прибывших мигрантов, как у родителей, так и у их детей, следует отметить слабое знание русской культуры и русского языка, прежде всего у азербайджанцев и таджиков. Дети этих общин редко или совсем не посещают музеи и выставочные залы Ярославля. Наши исследования, проведенные в 40 школах, где, кроме коренного русского населения, обучаются агулы, азербайджанцы, армяне, ассирийцы, белорусы, грузины, вьетнамцы, даргинцы, езиды, ингуши, корейцы, лезгины, молдаване, монголы, табасаранцы, татары, турки, туркмены, узбеки, украинцы, осетины, цыгане, чеченцы показывает не только этническую мозаичность, но и определенную проблемность культурной адаптации среди ряда отмеченных народов.

По-прежнему привлекательным для мигрантов остается Ярославль, где на 1 января 2018 г. проживало 610 435 чел. Среди областей Центрального федерального округа по показателям миграционного прироста Ярославская область находится на 8-м месте. В то же время соседние Ивановская, Костромская, Владимирская, Тверская области теряют население в миграционном обмене.

Интересна, как в географическом, так и социологическом плане, характеристика миграционной подвижности внутри области и за ее пределы, преимущественно в большие города России. Наши исследования миграционной подвижности показывают сложившуюся географию размещения инославянских народов. Прослеживаются и некоторые социальные аспекты: цель прибытия, число детей в семье, род деятельности,

мотивы миграции. Статистический анализ показывает превышение показателей миграционного прироста над естественным движением населения. Однако уже в течение последних двух лет миграционный прирост не покрывает естественную убыль населения.

Поиск новых путей совершенствования демографической политики в нашем представлении должен включать и механизмы рациональной миграции, перед угрозой наметившейся депопуляции населения на земле Ярославской.

Литература

1. Емельянов А.С. География вынужденной миграции населения в Россию // География в школе. – 1994. – № 5.

2. Емельянов Д.А., Емельянов А.С. Этническая мозаика Ярославля // География и экология в школе XXI века. – 2011. – № 2.

3. Емельянов Д.А. Изучение динамики этнического состава населения Центрального федерального округа в школьном курсе «География России» // Материалы международной научно-практической конференции: Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания (к 90-летию со дня рождения В.П. Максакковского). – М.: Экон-имформ, 2014.

4. Emelyanov A. Cartographic approach to the study of refugee problem in former USSR // Proceedings I Volumes for the participants of the 16th International Cartographic Conference Cologne/Koln. 3-9 May 1993. – P. 172-178.

МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ *MEDICO-DEMOGRAPHIC CHARACTERISTICS OF RUSSIAN POPULATION: CONTEMPORARY TRENDS*

Закиров И.В.¹, Закирова А.И.²
Zakirov I. V., Zakirova A. I.

¹ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа
Bashkir State University, Ufa

²ФГБОУ ВО «Башкирский государственный медицинский университет»
Министерства здравоохранения Российской Федерации, г. Уфа
Bashkir Medical State University, Ufa

Аннотация. В статье рассмотрена современная геодемографическая ситуация в России. Выявлены тренды в динамике рождаемости, общей и младенческой смертности населения, ожидаемой продолжительности

жизни при рождении, заболеваемости людей, в структуре причин смерти. Проанализированы территориальные различия изучаемых показателей.

***Abstract.** The article considers the modern geodemographic situation in Russia. Trends in the dynamics of fertility, the total and infant mortality, the expected life expectancy at birth, the incidence of people, the structure of the causes of death are revealed. The territorial differences in the studied indicators are analyzed.*

Ключевые слова: общественное здоровье, медицина, медицинская география, геодемография, младенческая смертность, заболеваемость.

Keywords: public health, medicine, medical geography, geodemography, infant mortality, morbidity.

Самым используемым является то определение здоровья, которое дано в уставе Всемирной организации здравоохранения. Согласно ему, здоровье – это состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов [8, с. 1]. Для каждого человека здоровье – бесценное богатство, главное условие счастья. Но здоровье важно и для целых народов, и для отдельных стран.

Психофизиологическое и физическое состояние группы людей, их адаптация к условиям окружающей среды и особенностям социально-экономической ситуации на территории проживания объединяется понятием «общественное здоровье». Изучением общественного здоровья занимаются не только медицинские науки, но и географические (геодемография, медицинская география). В.П. Макаковский пишет, что медицинская география «изучает природные и социально-экономические факторы и условия географической среды, проявляющиеся в положительном и отрицательном влиянии на здоровье населения, а также исследует закономерности распространения болезней человека» [6, с. 47].

Целью работы является анализ современной медико-демографической ситуации в России, выявление ее особенностей и новейших трендов развития. Исходя из поставленной цели решались следующие задачи: характеристика динамики численности, естественного движения населения России, анализ рождаемости и смертности населения, младенческой смертности РФ, их региональных различий, выявление причин смертности населения, анализ заболеваемости населения. Некоторые аспекты изучаемой тематики были рассмотрены в предыдущих работах авторов [2, 3, 4, 5].

На 1 января 2018 г. в Российской Федерации численность постоянного населения составила 146 877 тыс. человек (оценка Росстата), за год она увеличилась на 73 тыс. человек или на 0,05% [7]. В 2017 г. рост численности населения обусловлен миграционным приростом, тенденция роста численности населения сохраняется с 2012 г.

Второй год подряд в России наблюдается естественная убыль населения. В 2017 г. она составила 134,4 тыс. человек или -0,9‰ (в 2016 г. –

2,3 тыс. человек или -0,01%). Превышение смертности над рождаемостью в 2017 г. зафиксировано в 58 субъектах Российской Федерации (в 2016 г. – в 38 субъектах).

В 2017 г. в РФ в связи с сокращением численности женщин репродуктивного возраста, показатель рождаемости снизился на 10,7% и составил 11,5 на 1 000 населения. В 2017 г. родилось 1 689,9 тыс. детей (в 2016 г. 1 893,3 тыс. детей, в 2015 г. – 1 940,6 тыс. детей).

Наибольшая рождаемость наблюдается в национальных республиках, где соблюдаются исторические и религиозные традиции многодетных семей: в Республике Тыва – 21,8%, Чеченской Республике – 21,0%, Республике Ингушетия – 16,5%, Республике Дагестан – 16,4% и Республике Алтай – 15,8%. В регионах с высокой долей людей пожилого возраста (с «постаревшим» населением) самые низкие показатели рождаемости: в Ленинградской области – 8,4%, Республике Мордовии – 8,5%, Тамбовской области – 8,6%, Пензенской области – 8,9%. Традиционно это субъекты, относящиеся к Северо-Западному, Волго-Вятскому, Центральному и Центрально-Черноземному экономическим районам [7].

Число умерших в 2017 г. составило 1 824,3 тыс. человек, что на 63,6 тыс. человек или на 3,4% меньше чем в 2016 г. Относительный показатель смертности населения сократился с 12,9‰ в 2016 г. до 12,4‰ в 2017 г.

Наименьшие показатели смертности наблюдаются в регионах с относительно молодым населением, где высока рождаемость. Это традиционно республики Северного Кавказа и районы Западной Сибири: Республика Ингушетия – 3,2%, Чеченская Республика – 4,6%, Ямало-Ненецкий автономный округ – 4,9%, Республика Дагестан – 5,1% и Ханты-Мансийский автономный округ – Югра – 6,2%. Самая худшая ситуация в регионах Северо-Западного и Центрального экономического районов с «постаревшим» населением: в Псковской области – 17,4%, Новгородской области – 17,1%, Тверской области – 16,9% и Тульской области – 16,5% [7].

Младенческая смертность в 2017 г. снизилась до 9,6 тыс. детей (умерших в возрасте до 1 года), в 2016 г. – 11,4 тыс. детей. Относительный показатель младенческой смертности уменьшился с 6,0‰ (рассчитывается на 1000 родившихся живыми) в 2016 г. до 5,5‰ в 2017 г. Уровень младенческой смертности используют как один из показателей оценки эффективности работы медицинской сферы. Несмотря на положительную динамику показателя и предпринимаемые меры по профилактике младенческой смертности, Россия все еще отстает от развитых стран с низкой детской смертностью. В 2017 г. выделялись в лучшую сторону с минимальными в России показателями младенческой смертности Тамбовская область – 2,4%, Чувашская Республика – 3,3%, Липецкая область – 3,4%; в худшую сторону с максимальными в России показателями младенческой смертности – Чеченская Республика – 9,2%, Республика

Алтай – 9,6%, Чукотский автономный округ – 10,5%, Еврейская автономная область – 10,6%.

Болезни системы кровообращения в 2017 г. оставались основной причиной смерти населения России. Данная причина смерти зафиксирована у 858,0 тыс. умерших, то есть 47,0% всех умерших или 584,7 на 100 тыс. населения (снижение на 4,7% по сравнению с 2016 г.). В структуре причин смерти также зафиксированы новообразования: 15,8% или 196,9 на 100 тыс. населения (снижение на 2,2%), внешние причины – 7,6% или 94,6 на 100 тыс. населения (снижение на 9,6%), болезни нервной системы – 5,5% или 68,4 на 100 тыс. населения (фиксируются отдельной строкой только с 2017 г.) и другие [7].

Общий показатель заболеваемости по России составил 161 771,6 на 100 тыс. населения (данные 2016 г.). С 1990-х годов наблюдается устойчивый тренд постепенного роста общей заболеваемости населения России (рис. 1).

Рис. 1. Заболеваемость населения России (на 1 000 человек) [1, с. 17].

В 2016 г. выросла заболеваемость по следующим классам: болезни крови, кроветворных органов и отдельные нарушения, вовлекающие иммунный механизм, болезни эндокринной системы, расстройства питания, нарушения обмена веществ, врожденные аномалии (пороки развития), деформации и хромосомные нарушения, новообразования, болезни органов дыхания, болезни системы кровообращения, некоторые инфекционные и паразитарные болезни.

Таким образом, проведенная медико-демографическая характеристика населения России позволила выявить не только положительную динамику, но и довольно устойчивые негативные тренды в изменениях здоровья населения и геодемографической ситуации. На современном этапе жизненно важно сохранять и приумножать человеческий потенциал, увеличивать возможность его реализации. Требуется пересмотреть приоритеты государства: имеется острая необходимость вкладывать, прежде всего, в человеческий капитал, а не в геополитические,

«урапатроитические», «великодержавные» военные проекты. Без здоровых и высокообразованных людей Россия не сможет стать великой державой.

Литература

1. Государственный доклад о реализации государственной политики в сфере охраны здоровья за 2016 год / Министерство здравоохранения РФ [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rosminzdrav.ru>.

2. Закирова А.И. Географические факторы санаторно-курортного лечения // Геосфера: сб. науч. стат. студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых. Вып. 8. – Уфа: БашГУ, 2015. – С. 252-253.

3. Закирова А.И. Здоровье населения России: медицинские и демографические аспекты // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания: матер. всеросс. науч. конф. «Вторые Максаковские чтения» / под общ. ред. Д.В. Зайца [Электрон. изд.]. – Москва: МПГУ, 2017. – С. 405-410.

4. Закирова А.И. Некоторые геодемографические особенности здоровья населения России // Геосфера: сб. науч. стат. студ., магист. и аспирант. географ. фак-та. Выпуск 9. – Уфа: БашГУ, 2016. – С. 218-219.

5. Закиров И.В., Закирова А.И. Обеспеченность населения Республики Башкортостан медицинским обслуживанием // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России: матер. VI всеросс. науч.-прак. конф. с междунар. учас. Ч. 2. – Уфа: ИСЭИ Уфимского научного центра РАН, 2014. – С. 135-139.

6. Максаковский В.П. Географическая культура. – М.: ВЛАДОС, 1998. – 416 с.

7. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс] // URL: <http://www.gks.ru>.

8. Устав Всемирной организации здравоохранения [Электронный ресурс] // URL: <http://www.who.int/governance/eb/constitution/ru>.

БУФЕРНАЯ ЗОНА КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
АФРИКИ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ
*BUFFER ZONE OF AFRICAN RELIGIOUS LANDSCAPE IN THE 20TH – BEGINNING OF
21ST CENTURIES*

Захаров И.А.
Zakharov I.A.

ФГБУН «Институт Африки РАН», г. Москва;
ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва

*Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow;
Moscow State Pedagogical University*

Аннотация. Статья посвящена формированию буферной зоны конфессионального пространства Африки в XX – начале XXI вв. Установлено, что ее образование связано с расширением геопространства ислама на юг и христианства на север. Данная зона сочетает в себе территории преобладания христианства, ислама и отдельные «резерваты» этнорелигий. Буферная зона отличается высокой конфликтностью, что обусловлено религиозной поляризацией ее населения, а также политизацией религии.

Abstract. *The article deals with the formation of the buffer zone of African religious landscape in the 20th – the beginning of the 21st centuries. Established that its formation is caused by the expansion of Islam geo-space to the south and Christianity geo-space to the north. This zone combines the predominantly Christian or Islam territories and separate “reserves” of ethnic religions. The buffer zone is highly conflict prone due to the religious polarization and politicization of religion.*

Ключевые слова: конфессиональное пространство Африки, христианство, ислам, этнорелигии, буферная зона, конфликты, религиозная поляризация, политизация религий.

Keywords: *Africa religious landscape, Christianity, Islam, ethnic religions, buffer zone, conflicts, religious polarization, politicization of religions.*

Масштабы изменения конфессионального пространства Африки несоизмеримы ни с одним другим регионом мира [2]. Распространение христианства и ислама в Африке в XX–XXI вв. привело к сокращению доли приверженцев этнорелигий [1]. Так, в 1910 г. адепты этнорелигий составляли 58% населения Африки, мусульмане – 32, христиане – 9,4%. Спустя столетие конфессиональная структура населения фактически «перевернулась» и христианство стало крупнейшей религией континента (47,9%), опередив ислам (40,5) и этнорелигии (10,4%) [5, 9].

Вместе с изменением конфессиональной структуры населения региона происходило расширение конфессионального геопространства

христианства на север и ислама на юг, тогда как геопространство этнорелигий претерпело сжатие [4]. Это подтверждается динамикой демографических центров (ДЦ) этих религий – ДЦ ислама в течении всего столетия смещался на юг; ДЦ христианства менял свое направление с юго-западного в колониальный этап на северо-северо-западное в постколониальный; ДЦ этнорелигий располагался между ними и смещался на юго-юго-запад [3].

В результате экспансии христианства и ислама, внутри конфессионального пространства Африки сформировалась буферная зона – территория на периферии геопространств ислама и христианства с высоко мозаичной конфессиональной структурой населения, характеризующейся отсутствием доминирующей религией. Эта зона фактически расколота на христианские (протестантские, католические или характеризующиеся преобладанием восточного христианства) и мусульманские территории, а также «резерваты» этнорелигий. В XXI в. буферная зона в целом соответствует зоне Сахеля и прилегающим к ней территориям, она протягивается узкой полосой через Гвинею, Либерию, Гану, Буркина-Фасо, Нигерию, Камерун, Чад, ЦАР, Южный Судан, Эфиопию и Танзанию [4].

Вместе с распространением ислама и христианства в Африке буферная зона меняла свою конфигурацию и постепенно сужалась. Именно ее «истончение», произошедшее за последнее столетие, привело к усилению в Африке дихотомии «Мусульманский Север – Христианский Юг», послужило причиной повышения конкуренции между мусульманами и христианами и обострения в регионе религиозно-общинных конфликтов [6, 7, 8]. Наибольшее число конфликтов приходится именно на страны буферной зоны: в период 1997-2017 гг. здесь зафиксировано 80,6 тыс. отдельных конфликтов (57,3% от общего количества). Эти конфликты отличаются ожесточенностью, об этом говорят как большое количество жертв – 450,6 тыс. (65,6%), так и среднее число жертв за конфликт – 5,59 [10]. Особенно высокий конфликтогенный потенциал характерен для стран с паритетом христианства и ислама. Такой тип конфессиональной структуры населения повышает масштабность конфликтов (высокий уровень корреляции).

Таким образом, формирование буферной зоны конфессионального пространства Африки обусловлено расширением геопространства ислама на юг, а христианства на север. Сближение геопространств крупнейших религий Африки обуславливает усиление конкуренции этих религий в регионе, что проявляется в политизации религии, социально-экономических диспропорциях между мусульманскими и христианскими регионами и нередко приводит к возникновению конфликтов.

Литература

1. Горохов С.А. Христианство в эпоху глобализации: основные тенденции пространственного развития // Известия РАН. Серия географическая. – 2016. – № 6. – С. 29-37.

2. Горохов С.А. Конфессиональное геопространство как объект изучения географии религий // Известия РАН. Серия географическая. – 2014. – № 2. – С. 21-30.

3. Горохов С.А., Дмитриев Р.В., Захаров И.А. Территориальное развитие христианства в Африке в XX – начале XXI века // География и природные ресурсы. – 2018. – С. 207-214.

4. Горохов С.А., Захаров И.А. Развитие конфессионального пространства Тропической Африки в XX – начале XXI в.: христианство, ислам, этнические религии / Цивилизационные альтернативы Африки. Сер. «Цивилизационные измерения». – М., 2017. – С. 113-128.

5. Горохов С.А, Захаров И.А. Конфессиональная дифференциация рождаемости в странах Тропической Африки / Материалы международной научной конференции (Седьмая Ежегодная научная Ассамблея АРГО). Под общей редакцией А.Г. Дружинина. – 2016. – С.150-155.

6. Дмитриев Р.В. Исламский экстремизм в районе бассейна озера Чад // Международные процессы. – 2017. – Т. 15. – № 48. – С. 92-107.

7. Дмитриев Р.В., Захаров И.А. Межобщинный конфликт в Нигерии как результат конфессиональной поляризации населения Африки // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2015. – Т.13. – С. 109-116.

8. Захаров И.А. Факторы поляризации конфессионального пространства Эфиопии // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. – 2016. – № 4. – С.178-188.

9. Atlas of Global Christianity. 1910-2010 / Ed. by T.M. Johnson, K.R. Ross. – Edinburgh: Edinburgh University Press Ltd, 2009. – P. 364-365.

10. Armed Conflict Location and Event Data, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.acledata.com/data/> (дата обращения: 15.02.2018).

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ПОДРОСТКОВОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ
GEOGRAPHICAL FACTORS IN THE SPREAD OF JUVENILE CRIME IN RUSSIA

Лобжанидзе А.А.
Lobzhanidze A.A.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный
университет», г. Москва
Moscow State Pedagogical University

Аннотация. Географические факторы распространения преступности в регионах России сегодня являются предметом анализа социально-экономической географии. Особый интерес в этой связи представляет

криминогенные факторы, влияющие на географию распространения подростковой преступности. В статье выделены четыре группы факторов, определяющие геокриминогенный потенциал регионов страны, представлена региональная статистика по количеству и динамике совершенных несовершеннолетними преступлений.

***Abstract.** Geographical factors of crime spread in the regions of Russia are the subject of socio-economic geography analysis. The analyses of criminogenic factors that influence the geography of juvenile delinquency is very interesting. The article highlights four groups of factors that determine the geo-criminogenic potential of the regions of the country. In the article presents regional statistics on the number and dynamics of juvenile crimes.*

Ключевые слова: геокриминогенное положение, криминогенные факторы, геокриминогенный потенциал регионов.

Keywords: geocriminogenic position, criminogenic factors, geocriminogenic potential of the regions.

Социально-экономические процессы, происходящие в современной России, сопровождаются изменением моделей поведения и сознания людей, прежде всего подрастающего поколения. Современные подростки, живущие в сложном по своему содержанию и строению мире, возможно, больше других возрастных категорий зависят от культивируемых в обществе норм и ценностей. Российское общество сегодня имеет серьезный дефицит позитивного воздействия на подрастающее поколение, что не может не сказаться на формировании ценностно-смысловой сферы современных российских подростков, являющейся внутренним регулятором их поведения и одним из значимых факторов склонности несовершеннолетних к совершению противоправных действий.

Современные психологи, например Е.В. Змановская, выделяют три основные группы отклоняющегося поведения у подростков: 1) антисоциальное поведение, нарушающее правовые нормы и угрожающее социальному порядку и благополучию окружающих людей; 2) асоциальное поведение как нарушение морально-нравственных норм, угрожающее благополучию межличностных отношений; 3) аутодеструктивное (саморазрушительное) поведение – суицидальное, фанатическое, аутистическое, рискованное, аддиктивное поведение, включая пищевую зависимость и зависимость от психоактивных веществ [2].

Преступления – антиобщественные деяния, предусмотренные уголовным законодательством, такие как убийство и физическое насилие, хищения (кражи, вымогательство, мошенничество), вандализм и намеренное разрушение материальных и духовных ценностей; террористические акты, изнасилования, незаконный оборот наркотических средств, поджоги. В случае совершения преступлений лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности, к ним применяются меры воздействия воспитательного характера, включая помещение в специальное учебно-воспитательное учреждение.

Важнейшими криминогенными факторами, обуславливающими трудности личностного самоопределения подростков, являются общая дегуманизация общества; семейная дестабилизация и неэффективное выполнение семьей функции социализации; несогласованность действий социальных институтов (семья, педагогические коллективы, правоохранительные органы, молодежные объединения и пр.), направленных на решение задач профилактики и предупреждения правонарушений; отсутствие реальных перспектив получения подростками желаемого образования и профессии, обеспечивающих достойный образ жизни в условиях экономического спада; негативное влияние на формирование личности подростков антикультуры и субкультуры криминальных кругов и антисоциальных молодежных группировок, романтизация и идеализация криминального образа жизни; низкий уровень правовой культуры, юридическая и социальная девальвация принципа неотвратимости наказания применительно к раскрытию преступлений; отсутствие четкой стратегии молодежной политики, детских, подростковых и юношеских общественных объединений и организаций, направленных на решение задач идеологического воспитания.

Правонарушения стали сегодня одним из объектов исследований в общественной географии, что прежде всего связано с выявлением территориальных различий этих явлений и географических факторов их определяющих. Анализ социальных и территориальных аспектов преступности отражается в такой синтетической категории как *геокриминогенное положение*, которое в свою очередь определяет криминогенную обстановку в регионе. Правонарушения несовершеннолетних также являются частью криминогенной обстановки, выступают существенным фактором дестабилизации общественных систем различного ранга от населенного пункта до федеральных округов и страны в целом и могут стать катализатором взрослой преступности в будущем [3].

Географические аспекты исследования подростковой преступности направлены, прежде всего, на выявление групп факторов, определяющих территориальную неоднородность проявлений данного явления.

По результатам проведенного исследования, направленного на изучение статистических данных по количеству совершенных преступлений несовершеннолетними в регионах Российской Федерации (2014-2017 гг.), были выявлены четыре группы факторов, определяющих криминогенную обстановку в регионе (рис. 1).

Первая группа – *социально-экономические факторы*. В нее можно отнести демографические, экономические и социальные. Уровень социально-экономического развития региона может существенно влиять на уровень подростковой преступности. Так, показатели роста числа преступлений характерны для регионов с низким уровнем социально-экономического развития (Республика Алтай, Алтайский край). В регионах с высоким уровнем социально-экономического развития наблюдается

снижение показателей подростковой преступности (Москва, Санкт-Петербург, Ханты-Мансийский АО, Республика Саха (Якутия)).

Высокий уровень урбанизации служит, с одной стороны, фактором социального расслоения общества и как следствие роста преступлений, в частности в молодежной среде. В Европейской части России, на юге Сибири ведущим фактором выступает уровень урбанизированности территории. Города – основные центры сосредоточения организованных криминальных группировок, что, несомненно, способствует росту преступности в них. Вместе с тем, в городах более эффективно действуют органы правопорядка, что приводит к снижению показателей преступлений в самих центрах и отток их в ближайшие районы. Так, например, при снижении показателей подростковой преступности в Москве, высокие показатели сохраняет Московская область. Высоки показатели молодежной преступности в крупных промышленных центрах Урала (Республика Башкортостан, Пермский край, Свердловская и Челябинская области), Сибири (Иркутская, Новосибирская, Кемеровская области, Красноярский край) и Дальнего Востока (Забайкальский и Приморский края). Напротив, регионы с низким уровнем урбанизации входят в число относительно благополучных (республики Северного Кавказа, Ненецкий и Чукотский автономные округа).

Вторая группа факторов – природно-географические, среди которых особо стоит выделить рекреационный потенциал территории. Высокий рекреационный потенциал территории (Краснодарский край, Ростовская область, Республика Крым) привлекает состоятельных туристов, тем самым способствует увеличению уровня преступности по отношению к ним. В этих регионах, как правило, ослаблен контроль за подростками в криминальной сфере.

Третья группа факторов – этнокультурные по-разному могут влиять на уровень подростковой преступности. Так, традиционная религиозность населения в регионе снижает рост преступности среди исламского населения в республиках Северного Кавказа, буддистского населения Калмыкии. Вместе с тем, этническая общность создает благоприятную почву для формирования национальных ОПГ, в сферу деятельности которых попадают и молодые люди. Отчетливо это проявляется в крупных городах, где представлено множество этнических групп с определенной «преступной специализацией».

Четвертая группа факторов – организационно-правовые, среди которых необходимо выделить деятельность правоохранительных и судебных органов и пенитенциарной системы. Так прослеживается четкая территориальная взаимосвязь между географией учреждений Федеральной системы исполнения наказаний (ФСИН) и уровнем подростковой преступности.

В пятерке первых по числу учреждений ФСИН регионов России: Красноярский край (42), Свердловская область (36), Пермский край (35), Кемеровская область (26), Приморский край (25), которые относятся к

регионам с крайне высоким уровнем подростковой преступности [1]. В то же время в двух регионах, где учреждения ФСИН отсутствуют (Чукотский АО и Ненецкий АО), уровень подростковой преступности низкий, так же, как и в республиках Северного Кавказа, где число учреждений ФСИН значительно меньше по отношению к проживающему населению, чем в других регионах страны.

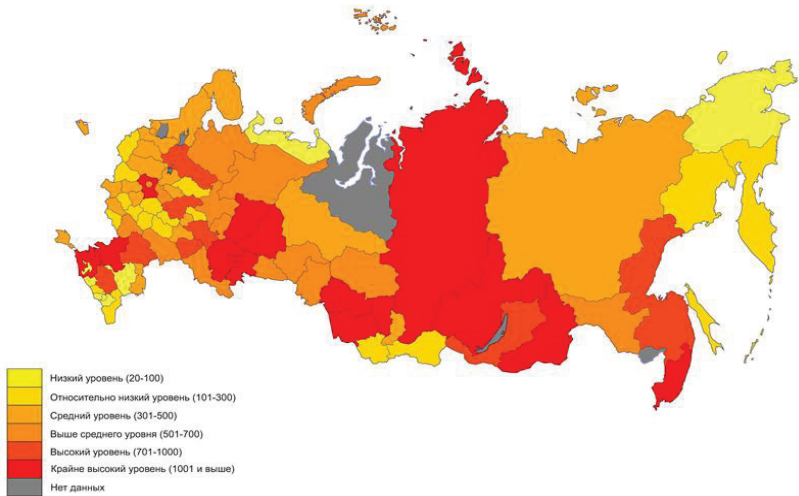

Рис. 1. Количество преступлений, совершенных несовершеннолетними в регионах России в 2017 г., на тысячу несовершеннолетних (по данным Генпрокуратуры РФ)

Рис. 2. Типология регионов России по динамике преступлений несовершеннолетних в 2014-2017 гг. (по данным Генпрокуратуры РФ)

Территориальные сочетания социально-экономических, природно-географических, этнокультурных и организационно-правовых факторов формируют *геокриминогенный потенциал регионов*, что напрямую влияет на динамику подростковой преступности в регионах России (рис. 2). Анализ географических факторов, влияющих на динамику подростковой преступности, следует учитывать при разработке профилактических мероприятий по борьбе с ней, ограничивая рост числа преступлений в среде несовершеннолетних.

Литература

1. Аверкиева К.В. Территориальная организация исправительных учреждений России // Известия РАН. Серия географическая. – 2014. – № 3. – С. 19-34.
2. Змановская Е.В. Девиантология: учеб. пособие. – М.: Академия, 2004. – 288 с.
3. Сикач К.Ю. Географические факторы динамики преступности на Украине в 1990-2012 гг. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук. – М., 2017.

ОСНОВНЫЕ РЕГИОНЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ РАБОЧЕЙ СИЛЫ В МИРЕ *MAJOR REGIONS OF ATTRACTING THE WORKING ENTITY IN THE WORLD*

Музафина М.Д.
Muzafina M.D.

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа
Bashkir State University, Ufa

Аннотация. В статье рассмотрены основные регионы привлечения рабочей силы. Приведены несколько центров притяжения мигрантов, им даны характеристики.

Abstract. *The article considers the main regions for attracting labor. There are several centers of attraction of migrants, they are given characteristics.*

Ключевые слова: рабочая сила, миграция, мигранты, иммиграция.

Keywords: *labor force, migration, migrants, immigration.*

Миграция рабочей силы в мире приобрела значительные масштабы. Влияние этого фактора на развитие и географию мирового хозяйства сильно возросло. Раньше считалось, что высокая мобильность присуща такому фактору производства, как капитал, а международная миграция рабочей силы затруднена из-за этнических, языковых, политических и цивилизационных различий. Но в силу глобализационных и интеграционных процессов воздействие этих препятствий на мобильность

рабочей силы значительно сократилось. Наряду с прежней тенденцией, когда рабочая сила стремилась в места, где можно получить наибольший доход из-за недостатка в трудовых ресурсах, в настоящее время стала повседневностью миграция высококвалифицированной рабочей силы в страны, где работников с высокой квалификацией много и, несмотря на это, их труд оценивается высоко за счет повышения производительности труда и доходов из-за специализации на более передовых отраслях экономической деятельности. Наблюдается новая картина перемещения рабочей силы в мире, что обуславливает актуальность научных изысканий. В данной работе делается попытка охарактеризовать основные центры притяжения рабочей силы и объяснить некоторые причины их привлекательности.

Основные потоки мигрантов всегда направлялись из стран с низкими личными доходами в страны с более высокими доходами. Можно выделить следующие страны и регионы, являющиеся центрами притяжения мигрантов из других стран:

1. США, Канада и Австралия.

Будучи наиболее экономически развитой страной, США, является основным направлением миграции как низкоквалифицированной, так и высококвалифицированной рабочей силы. Каждый год туда приезжает больше иммигрантов, чем во все остальные страны вместе взятые. Основные потоки низкоквалифицированной рабочей силы направляются в США из близлежащих латиноамериканских стран – Мексики, стран Карибского бассейна [1]. Высококвалифицированные работники иммигрируют в США практически из всех стран мира, включая Западную Европу, Латинскую Америку, Россию, Индию и т. д. Приток иммигрантов в США и Канаду в 2010-х годах оценивается в 960 тыс. человек в год. В США легально иммигрируют 740 тыс. человек в год и эмигрируют 160 тыс. человек. Чистая иммиграция (миграционное сальдо) составляет 580 тыс. человек [9]. Некоторое сокращение иммигрантов в США прогнозируется в связи с новой миграционной политикой президента США Д. Трампа.

2. Западная Европа.

Наиболее развитые западноевропейские страны, и, прежде всего страны, входящие в Европейский союз, притягивают рабочую силу из менее развитых западноевропейских стран (Португалии, Мальты, Испании), арабских стран Северной Африки и Ближнего Востока, стран Африки к югу от Сахары, восточноевропейских стран и республик бывшего СССР [6, 8]. Миграции работников из африканских стран – бывших колоний западноевропейских государств способствуют общность языка, исторически сложившиеся традиционные торговые и иные связи [1]. Притоки иммигрантов в Западную Европу после 2010 года оценивались на уровне 190 тыс. человек в год. Однако в годы нарастания конфликта на Ближнем Востоке (2014-2015 гг.) их количество выросло в разы [9]. В рамках западноевропейской интеграции создан и развивается общий рынок рабочей силы, предполагающий свободу перемещения работников между странами Европейского союза и унификацию трудового законодательства.

3. Ближний Восток.

Нефтедобывающие страны этого региона привлекают дешевую рабочую силу на тяжелые низкооплачиваемые работы. Рабочие приезжают в основном из соседних арабских стран, а также из Индии, Пакистана, Бангладеш, Филиппин. Более половины рабочей силы Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, Бахрейна, Кувейта и Омана составляют иностранные рабочие [1].

4. Другие развивающиеся страны.

Феномен 1990-2000-х годов – интенсификация трудовой миграции среди самих развивающихся стран. Обычно потоки работников направляются в те страны, которые быстрее продвигаются по пути экономических реформ. Так, в Латинской Америке сезонные рабочие и рабочие на сборочные предприятия направляются в Аргентину и Мексику. В Африке к югу от Сахары на Кот-д’Ивуар, Нигерию и ЮАР приходится более половины притока всех иммигрантов. В результате войн на Ближнем Востоке ежегодно мигрируют сотни тысяч мигрантов.

5. Новые индустриальные страны.

В связи с бурным развитием этих государств Юго-Восточной и Восточной Азии туда значительно увеличился приток иммигрантов, нанимающихся на временные работы. Особенно это заметно в случае Южной Кореи и Малайзии. Практически все страны, в которые иммигрирует более 25 тыс. человек в год, – высокоразвитые государства с ВВП более 7 тыс. долларов США на душу населения [9]. Источник эмиграции – развивающиеся страны, главные из Азии.

Миграция рабочей силы стала одним из влиятельных факторов социально-экономического развития мировой экономики, отдельных стран и регионов [2, 3, 4, 5, 7]. Ежегодно на планете миграционные процессы затрагивают миллионы людей. Изучение миграционных процессов, их причин и географии является важнейшей междисциплинарной научной задачей.

Литература

1. Вишневская В.С., Астапенко С.С. Международная миграция рабочей силы: проблемы и перспективы // *Современные аспекты экономики.* – 2007. – № 2. – С. 41-49.
2. Гафаров Г.А., Закиров И.В. Роль внешней миграции в формировании населения Республики Башкортостан // *Экономическая география и региональное развитие: матер. россий. науч.-прак. конф. Ч. 1.* – Уфа: БашГУ, 1997. – С. 47-49.
3. Закиров И.В. Кластер как инновационная пространственная форма в системе международного разделения труда // *Инновационное развитие экономики: российский и зарубежный опыт: сб. матер. I междунар. науч.-прак. конф. в 2-х ч. Ч. 1.* – Уфа: Аэтерна, 2015. – С. 157-161.

4. Закиров И.В., Мазитова Й.И. Туризм в России: тенденции и география // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. – 2016. – № 1. – С. 178-181.

5. Закиров И.В., Сафиуллина Р.М. Формирование внешнеэкономического регионального кластера: мировые тенденции, теоретические основы, обоснование: моногр. – Saarbrücken (Deutschland): LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 92 с.

6. Закиров И.В. Современные теоретические основы международного разделения труда // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития: матер. междунар. науч. конф. – Ростов н/Д.: Издательство ЮФУ, 2010. – С. 281-284.

7. Закиров И.В. Природно-ресурсный потенциал Республики Башкортостан: структура, роль и перспективы использования: моногр. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – 148 с.

8. Заяц Д.В. Демографические проблемы российско-белорусского пограничья // Российско-белорусское приграничье: сб. матер. междунар. науч. конф. – Смоленск: Универсум, 2016. – С. 200-211.

9. Официальный сайт Организации Объединенных Наций // URL: <http://www.un.org>.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ЭКОСИСТЕМНЫЕ УСЛУГИ В ГОРОДАХ ЕВРОПЫ

FOOD SUPPLYING ECOSYSTEM SERVICES IN EUROPEAN CITIES

Романова Э.П., Аршинова М.А.
Romanova E.P., Arshinova M.A.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва

Lomonosov Moscow State University

Аннотация. Потребление сельскохозяйственной продукции в европейских городах – это значительный материальный поток, обуславливающий существенные трансформации в природной среде Европы. Чтобы обеспечить 598 млн европейцев, 80% из которых проживают в городах, адекватным объемом пищи, необходимо 3 468 млн га продуктивных земель. Вывод европейских потребностей в землях за пределы региона приводит к образованию серьезного негативного экологического следа.

Abstract. Consumption of agricultural products in European cities is a large material flow leading to considerable transformations of the European environment. To provide 598 million Europeans, among them 80% urban dwellers, with adequate amount of food about 3 468 mln ha of productive lands

are necessary. The European demand of lands is far beyond the region's boundaries resulting in the large negative ecological footprint.

Ключевые слова: экосистемные услуги, продовольственное обеспечение, дефицит продуктивных земель, европейский субрегион.

Keywords: *ecosystem services, food supply, deficit of productive lands, European subregion.*

Европейский субрегион в целом и практически любая европейская страна характеризуются высоким уровнем потребления продуктов питания. Ежедневно европейцы потребляют энергии в виде продовольствия от 3000 до 3600 ккал в сутки в расчете на одного человека [2], это самые высокие показатели в мире.

Чем обеспечивается столь рекордное потребление? Какие факторы играют ключевую роль в объяснении такой ситуации?

Городская экосистема (урбоэкосистема) – это «пространственно ограниченная природно-техногенная система, сложный комплекс взаимосвязанных обменом вещества и энергии, автономных живых организмов, абиотических элементов, природных и техногенных, создающих городскую среду жизни человека, отвечающую его биологическим, психологическим, этническим, трудовым, экономическим и социальным потребностям» [1].

Экосистемные услуги городских ландшафтов чрезвычайно разнообразны – это и обеспечивающие, и регуляторные, и культурные услуги. Если анализировать только те экосистемные услуги, которые связаны с производством продовольственного сырья, то это почвы и земли, входящие в группу обеспечивающих услуг [3]. Город, каким бы большим он не был, занимает все же ограниченную территорию, а горожане предъявляют к экосистемным услугам весь комплекс требований, необходимый для организации их благополучного существования. Среди них, в первую очередь, потребности в пище и чистой воде. И поскольку городские геосистемы не участвуют в материальном производстве сельскохозяйственной продукции, в них возникают жесткие конкурентные отношения между экосистемными услугами. Обеспечение жителей городов продовольствием и чистой водой – приоритетная задача при организации городских комплексов.

Согласно последним данным [4], в странах зарубежной Европы проживает 598 млн человек, то есть около 8% от общей численности населения планеты, из которых 80% горожане. Городские геосистемы, как известно, вообще не производят продовольственное сырье, в лучшем случае в городах часть такого сырья перерабатывается. Город живет за счет сельскохозяйственных категорий национального земельного фонда и продовольственного импорта. Каким образом эти два важнейших фактора действуют на территории Европы?

Европейские города, представляющие собой совершенно особые территориальные комплексы, потребляют сельскохозяйственную

продукцию в огромных объемах. Такой антропогенно обусловленный материальный поток – одна из самых существенных трансформаций в природной среде Европы.

В Европе исторически сложился особый тип расселения жителей: в отличие от многих прочих макрорегионов, на европейской территории издавна формируются города. В настоящее время 80% европейцев проживают в городах, а в ряде стран (Дания, Нидерланды, Великобритания и др.) этот показатель достиг 90%. В этой связи продовольственное обеспечение европейского населения давно превратилось в мощнейший антропогенный материальный поток, слабо зависящий от агроприродного потенциала коренных ландшафтов, от экосистемных услуг, которые представляют европейцам природные геосистемы.

Весьма показательны выводы, которые можно сделать при сравнении площади реальных продуктивных земель (пашен и культурных лугов), существующих в настоящее время в Европе, и площади земель, необходимых для производства в нужных объемах сельскохозяйственной продукции (табл.).

Таблица показывает общую ситуацию для всех европейских стран, независимо от численности их населения и размера территории. Текущая площадь пахотных угодий в Европе – всего 167 млн га и лишь 82 млн га – это полукультурные (*seminatural*) луга и улучшенные пастбища [2]. Но для того, чтобы обеспечить почти 600 млн европейцев адекватным по их современному потреблению объемом пищи, нужна площадь продуктивных земель, равная 3 468 млн га, то есть в 240 раз большая.

Во всех странах обнаруживается огромный дефицит продуктивных земель, необходимых для производства продуктов питания. Разброс этого показателя очень широкий – от 400 раз в Германии до 7 раз в Албании. Данная величина определяется главным образом плотностью населения (то есть валовой и душевой потребностью в продовольствии), а также географическим расположением стран (агроприродным потенциалом) и уровнем их экономического развития, от которого зависят интенсивность и структура применяемого почвенно-мелиоративного комплекса. В меньшей степени эта ситуация объясняется эффективностью и специализацией сельскохозяйственного производства, как это было еще некоторое время тому назад.

Характерный для Европы, как и для всего мира, процесс урбанизации сопровождается ускоренной потерей продуктивных земель. Из-за развития городского и промышленного строительства, ускоренного возведения объектов инфраструктуры страны ЕС-28 теряют значительные площади сельхозугодий. Согласно обследованию [6], в ЕС к 2006 г. 20% площадей земель, охраняемых по программе «Натура-2000», 32% заболоченных местностей и 45% сельхозугодий потеряли проницаемость из-за развития инфраструктуры и роста городов.

Таблица. Потребность в продуктивных землях для производства продовольствия

Страна	Численность населения, тыс. человек		Бюем-кость, гга/чел.	Экологи-ческий след по потребле-нию, гга/чел.	Площадь пашни, тыс. га	Площадь пастбищ, тыс. га	Требуемая площадь продуктив-ных земель, тыс. га	Дефицит продуктивных земель, тыс. га
	Город-ское	Сель-ское						
Европа	445 531	152 553	2,9	4,68	167 000	82 000	27 508 000	27 268 000
Германия	62 341	19 989	2,2	5,08	11 849	4 677	418 236	402 443
Франция	52 496	13 143	2,9	5,01	19 464	9 261	328 861	304 951
Испания	37 981	9 481	1,6	5,42	17 034	9 322	257 244	230 501
Велико-британия	53 627	10 927	1,3	4,89	6 011	11 078	315 669	307 810
Италия	42 447	18 825	1,1	4,99	9 078	3 897	305 747	293 867
Польша	23 135	15 077	1,6	5,56	10 877	309	212 458	200 708
Норвегия	4 251	998	7,9	5,56	806	178	29 184	28 956

Примечание: гга – глобальный гектар, условная территория площадью в 1 га, которая имеет среднюю для Земли способность производить ресурсы и принимать отходы.

Ежедневно в результате техногенной утраты проницаемости или изъятия земель из оборота ЕС теряет 275 га пахотных сельхозугодий. За год это составляет около 1 тыс. км² продуктивных сельскохозяйственных угодий или природных земельных ресурсов. Уже 40% средиземноморских прибрежных зон Европы пострадали от этого процесса [6], а при сохранении текущих тенденций к 2050 г. этот показатель достигнет 50%.

Утрата продуктивных угодий вследствие роста городов и объектов инфраструктуры – не единственная трансформация экосистемных услуг вмещающих ландшафтов, но ограниченный объем статьи не позволяет остановиться на других геоэкологических проблемах городских геосистем.

Страны ЕС-28 являются чистым импортером продовольствия, поскольку 40% потребляемых продуктов питания и сырья для их изготовления импортируется из-за пределов субрегиона [6]. Вывод европейских потребностей в землях за пределы региона приводит к образованию серьезного и негативного экологического следа, в частности, в других регионах. О нарушении геоэкологического равновесия, при котором одни регионы живут за счет других, давно и с большой тревогой высказывается мировое сообщество.

В сентябре 2015 г. на саммите ООН была принята новая глобальная Повестка дня в области устойчивого развития (Agenda for Sustainable Development), известная как «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [5]. В Программе перечислено 17 главных целей глобального развития народонаселения планеты, и среди них цель номер два – ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания и содействие устойчивому развитию сельского хозяйства.

Литература

1. Экология города. Под ред. Н.С. Касимова. – М.: Научный мир, 2004.
2. FAO, FAOSTAT, 2018. [электронный ресурс]
<http://www.fao.org/faostat/en/#home>
3. Millennium Ecosystem Assessment. – Washington, DC: Island Press. 2005.
4. The State of World Population 2017. – UNFPA, 2017.
5. Transforming our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. – United Nations, 2015.
6. UNEP/UNECE 2016. GEO-6 Assessment for the pan-European region. United Nations Environment Programme, Nairobi, Kenya.

ОЦЕНКА ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА
НИЖНЕВАРТОВСКОГО РАЙОНА
*ASSESSMENT OF THE DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE NIZHNEVARTOVSK
DISTRICT*

Соколов С.Н.
Sokolov S.N.

Нижевартовский государственный университет, г. Нижневартовск
Nizhnevartovsk State University

Аннотация. В статье изложена современная демографическая ситуация в Нижневартовском районе, расположенным на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. Дана характеристика демографических показателей в динамике и территориальном разрезе.

Abstract. *The article describes the current demographic situation in Nizhnevartovsk district, located on the territory of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra. The characteristic of demographic indicators in dynamics and territorial section is given.*

Ключевые слова: демографическая ситуация, демографическая и территориальная структуры населения, населенные пункты.

Keywords: *demographic situation, demographic and territorial structures of the population, settlements*

Показатели численности, демографической и территориальной структуры населения являются одними из важнейших показателей для характеристики, с одной стороны, достигнутого уровня социально-экономического развития, а с другой стороны, потенциала трудовых ресурсов для дальнейшего развития [3]. Территориальный подход крайне важен не только для познания состояния и формирования современных населенных пунктов, но и для обоснования прогноза их развития. Территорию необходимо рассматривать как объект географического исследования и как основу для формирования экономических процессов, рыночных связей и выбора направления развития этих процессов [4].

По состоянию на 1 января 2017 г. численность населения Нижневартовского района составила 36 151 человек, по оценке на 1 января 2018 г. – 36 150 человек. Соотношение численности населения поселков городского типа и сельского населения района сложилось следующим образом: население пгт Излучинска и пгт Новоаганска составило 81%, сельское население – 19%.

За период 2015-2016 гг. численность населения Нижневартовского района характеризуется следующими показателями (табл. 1).

Таблица 1. Среднегодовая численность постоянного населения в Нижневартовском районе

Показатель	2015 г.	2016 г.	Прирост, %
Всего	35 925	36 111	0,5
в том числе по поселениям:			
г.п. Излучинск	19 399	19 847	2,3
в т.ч. пгт Излучинск	18 965	19 410	2,3
г.п. Новоаганск	10 382	10 263	-1,1
в т.ч. пгт Новоаганск	9 827	9 730	-1,0
с.п. Аган	495	495	-0,1
с.п. Вата	464	456	-1,7
с.п. Ваховск	1 969	1 921	-2,4
с.п. Зайцева Речка	579	567	2,0
с.п. Ларьяк	1 773	1 750	-1,3
с.п. Покур	595	600	0,8
Межселенная территория	248	206	-16,8

За 2015-2016 гг. численность постоянного населения Нижневартовского района увеличилась на 80 человек и составила в 2016 г. 100,5% к уровню 2015 г. Среднегодовая численность населения в 2017 г. увеличилась еще на 39 человек и составила 100,1% к уровню 2016 г.

В поселениях района изменение численности постоянного населения было неравномерным. Незначительный прирост численности постоянного населения наблюдался в Излучинске и Покуре.

В городском поселении Новоаганск и всех остальных сельских поселениях зафиксировано сокращение общей численности постоянного населения. Наибольшее сокращение численности постоянного населения наблюдалось на межселенной территории. В январе 2017 г. сельские населенные пункты на межселенной территории были переданы в состав городского поселения Излучинск (деревни Пасол и Соснина) и сельского поселения Зайцева Речка (деревни Вампугол и Былино).

Район относится к территории компактного проживания коренного населения. На территории района проживает население трех национальностей, относящихся к коренным малочисленным народам Севера: ханты, манси и лесные ненцы. На 01.01.2018 г. их численность составила 2578 человек (увеличение по сравнению с 2016 г. на 2,5%). В этнической структуре населения коренные малочисленные народы Севера составляют около 7% от всего населения района. В нескольких населенных пунктах района численность коренных народов Севера от общей численности составляет от 50% до 100%. Из общего количества территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения 25,5% находятся в границах лицензионных участков в границах района [2].

Для оценки демографического потенциала района на перспективу значение имеет анализ распределения численности населения по возрастным группам. Доля населения трудоспособного возраста в 2016 г. составляла 64,9% (меньше на 0,7 п.п. по сравнению с 2015 г.). За 2015-2016 гг. по району численность населения моложе трудоспособного возраста сократилось на 80 человек и составила к концу 2016 г. 99,7% к уровню конца 2015 г., при этом наблюдалось и увеличение доли населения старше трудоспособного возраста с 13,9% до 14,9%.

Рост численности и доли населения старше трудоспособного возраста является негативным явлением, в результате которого наблюдается уменьшение демографического «потенциала замены» людей, находящихся в трудоспособном возрасте от 16 до 30 лет, на 2,9% (196 человек). Вместе с тем, к тревожным явлениям можно отнести незначительное сокращение численности населения в трудоспособном возрасте на 192 человека, что составляет 0,8% от уровня 2015 г. При этом доля населения в трудоспособном возрасте уменьшилась с 65,5% до 64,9%.

Как положительное явление следует расценивать сохранение среднего возраста населения на уровне 35,75 лет.

Обобщенную и сопоставимую для сравнения характеристику естественного движения населения района можно получить на основе анализа ряда относительных показателей (табл. 2).

Общий коэффициент рождаемости в районе уменьшился в 2016 г. на 3,4% к уровню 2015 г. (в 2017 г. коэффициент уменьшился на 5,1% к уровню 2016 г.). При этом общий коэффициент смертности уменьшился на 0,6% (в 2017 г. уменьшился на 2,3% к уровню 2016 г.). В итоге коэффициент естественного прироста уменьшился как в 2017 г., так и в 2016 г. по сравнению с предыдущим годом на 2,8%. Превышение рождаемости над смертностью составляет 2,3 раза в 2016 г., в 2017 г. – 2,4 раза.

Определяющим фактором, влияющим на формирование численности населения, в 2016 г. выступил естественный прирост. Общее количество родившихся в 2016 г. составило 408 чел., умерших – 233 чел. (в 2017 г. число родившихся составило 390 человек, умерших – 165 человек). По итогам периода зафиксировано положительный естественный прирост (количество родившихся превысило количество умерших на 175 чел.), что меньше уровня 2015 г. на 4,9%. Естественный прирост в 2017 г. составил 225 человек, что больше уровня 2016 г. на 28,6%.

В рамках поселений в 2016 г. увеличение общего коэффициента рождаемости зафиксировано в Ларьяке и Излучинске. В остальных поселениях наблюдалось уменьшение коэффициента рождаемости. Увеличение общего коэффициента смертности в 2016 г. наблюдалось в Новоаганске, Агане, Ларьяке и Ваховске. Уменьшение общего коэффициента смертности зафиксировано в Излучинске, Зайцевой Речке, Вате и Покуре.

По коэффициенту естественного прироста можно выделить поселения, в которых наблюдалось резкое увеличение уровня естественного прироста населения. Коэффициент естественного прироста в 2016 г. по сравнению с

уровнем 2015 г. увеличился в Излучинске, Зайцевой Речке и Вате. Отмечалось уменьшение уровня естественного прироста населения в Новоаганске, Агане, Ваховске, Ларьяке и Покуре.

Таблица 2. Показатели естественного движения населения (%)

Показатель	2015 г.	2016 г.	Изменение
Общий коэффициент рождаемости			
В целом по району	11,64	11,30	-0,34
По поселениям:			
г.п. Излучинск	11,13	11,39	0,26
г.п. Новоаганск	9,82	8,48	-1,34
с.п. Аган	24,24	12,13	-11,94
с.п. Вата	17,24	13,16	-4,08
с.п. Ваховск	14,22	8,85	-5,37
с.п. Зайцева Речка	17,29	15,87	-1,42
с.п. Ларьяк	16,36	18,29	1,93
с.п. Покур	17,81	11,53	-6,28
Общий коэффициент смертности			
В целом по району	6,51	6,45	-0,06
По поселениям:			
г.п. Излучинск	5,98	3,88	-2,10
г.п. Новоаганск	4,82	6,53	1,71
с.п. Аган	10,10	18,20	8,10
с.п. Вата	19,40	6,58	-12,82
с.п. Ваховск	8,63	9,37	0,74
с.п. Зайцева Речка	19,01	5,29	-13,72
с.п. Ларьяк	7,90	12,00	4,10
с.п. Покур	8,10	6,59	-1,51
Коэффициент естественного прироста			
В целом по району	5,13	4,85	-0,28
По поселениям:			
г.п. Излучинск	5,16	7,51	2,35
г.п. Новоаганск	5,01	1,95	-3,06
с.п. Аган	14,14	-6,07	-20,21
с.п. Вата	-2,16	6,58	8,74
с.п. Ваховск	5,59	-0,52	-6,11
с.п. Зайцева Речка	-1,73	10,58	12,31
с.п. Ларьяк	8,46	6,29	-2,17
с.п. Покур	-24,29	-24,71	-0,42

Основополагающим фактором, оказывающим влияние как на естественное движение, так и на миграционные процессы, выступает половозрастная структура населения. На территории района сохраняется

тенденция незначительного превышения численности мужчин над численностью женщин, так из общего количества населения 51,1% составляют мужчины, 48,9% – женщины.

Современная миграционная ситуация в Нижневартовском районе характеризуется большой неустойчивостью. Это связано с тем, что она подвергалась воздействию тех же факторов, что и ХМАО – Югре в целом, обуславливалась специфическими условиями, характерными для северных территорий. При анализе тенденций миграционных процессов нужно учитывать, что Нижневартовский район – это территория, которая исторически относилась к районам усиленного хозяйственного освоения, население которых формировались в преобладающей степени за счет мигрантов [1].

Динамика прибытий в район в 2015-2016 гг. свидетельствует, что численность мигрантов, приехавших на территорию Нижневартовского района, колеблется в пределах 1,9-2,1 тыс. человек в год. Численность выбывающих с территории Нижневартовского района в 2015-2016 гг. находилась также в этих пределах. Структура совокупности прибывающего в район и выбывающих с территории населения свидетельствует, что преобладающую часть в ней занимали российские мигранты, причем их доля имеет тенденцию к увеличению.

Таким образом, можно выделить следующие главные параметры миграционной ситуации в Нижневартовском районе. Обмен населением он осуществляет в большей степени с другими российскими регионами, обмен населением с зарубежьем (как «новым», так и «старым») незначителен. Однако происходит постепенные изменения в трендах и соотношениях потоков мигрантов: увеличивается внутрорегиональный оборот миграции и обмен населением со «старым» зарубежьем [1]. Основной причиной отрицательного сальдо миграции является усиление ответственности за нарушение требований миграционного законодательства.

Эффективность миграционного процесса может быть оценена с помощью общего коэффициента миграционного прироста. В 2016 г. его значение составило –2,63%, что меньше значения данного показателя в 2015 году (табл. 3). В 2017 году значение коэффициента миграционного прироста составило –4,59%, что меньше значения данного показателя в 2016 году.

В большинстве поселений за рассматриваемый период времени наблюдалось отрицательное сальдо миграции на фоне уменьшения отрицательного коэффициента миграционного прироста. Исключение составляют сельские поселения Аган, Зайцева Речка и Ларьяк (табл. 3).

Стратегической целью демографической политики в Нижневартовском районе является сохранение положительной динамики естественного воспроизводства населения и повышение уровня миграционного прироста на фоне увеличения средней продолжительности жизни, укрепления здоровья населения, создания благоприятных условий для рождения и воспитания детей [5]. К 2030 году прогнозируется рост среднегодовой численности постоянного населения примерно на 0,93% от уровня 2016 г.

Таблица 3. Показатели миграционного движения населения (%)

Показатель	2015 г.	2016 г.	Изменение
В целом по району	-8,27	-2,63	-5,64
По поселениям:			
г.п. Излучинск	21,70	12,70	-9,00
г.п. Новооганск	-13,87	-17,64	-3,77
с.п. Аган	-18,18	8,09	26,27
с.п. Вата	-10,78	-28,51	-17,73
с.п. Ваховск	-21,84	-32,80	-10,96
с.п. Зайцева Речка	-44,94	-3,53	41,41
с.п. Ларьяк	-22,00	-18,86	3,14
с.п. Покур	-24,29	-24,71	-0,42

В данных условиях существует вероятность снижения общего уровня рождаемости примерно на 0,34% от уровня 2016 г. Существует вероятность повышения и общего уровня смертности, обусловленная тем, что в течение ближайших 15 лет значительно возрастет доля населения старше трудоспособного возраста за счет сохранения значительной части населения, находящейся в настоящее время в возрасте от 45 лет и старше. При этом есть вероятность некоторого повышения среднего возраста жителей района с 35,75 лет до 37 лет и роста средней продолжительности жизни до 74-75 лет.

Прогнозируется уменьшение коэффициента естественного прироста на 0,59 п.п. от уровня 2016 г. и увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 2,2.

Снижение негативных тенденций зависит от актуализации всего комплекса факторов, определяющих социально-экономическое развитие Нижневартовского района.

Литература

1. Успенская Т.Н. Миграционное поведение населения Ханты-Мансийского автономного округа. – М.: ЦСП, 2006. – 208 с.
2. Проблемы формирования территорий традиционного природопользования. – URL: <http://lib.convdocs.org/docs/index-263893.html?page=8>. (дата обращения 26.03.2018).
3. Соколов С.Н. Демографическая и территориальная структура населения Тобольска // Бюллетень науки и практики. – Нижневартовск: Изд. центр «Наука и практика». – 2017. – № 10. – С. 112-125.
4. Соколов С.Н. Пространственно-временная организация производительных сил регионов Азиатской России: Автореф. ... дисс. Иркутск, 2009. – 45 с.
5. Стратегия социально-экономического развития Нижневартовского района до 2020 года и на период до 2030 года. – URL:

<http://www.nvraion.ru/ekonomika-i-finansy/social-economic-district/strategy.php>.
(дата обращения 26.03.2018).

ПРОЦЕССЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ
В МОНОПРОФИЛЬНЫХ ГОРОДАХ БЕЛАРУСИ
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ
*THE PROCESSES OF DEMOGRAPHIC AGING IN SINGLE-INDUSTRY TOWNS IN BELARUS
AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT*

Титов А.Н.
Titov A.N.

Белорусский государственный университет, г. Минск,
Республика Беларусь
Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

Аннотация. В работе представлены результаты сравнительно-географического анализа демографического старения в монопрофильных городах Республики Беларусь в 2000-2016 гг. по трем пространственным уровням: всей совокупности моногородов, городского населения и страны в целом. Процессы старения населения были исследованы посредством анализа динамики возрастной структуры, коэффициентов демографического старения, показателей общей и пенсионной демографических нагрузок с использованием трендового подхода, ранжирования и метода динамических рядов.

Abstract. *The results of a comparative geographical analysis of demographic aging in the single-industry towns in Belarus in 2000-2016 are presented on three spatial levels: single-industry towns, urban population and whole country. The aging of the population was investigated by analyzing the dynamics of the age structure, the coefficients of demographic aging, the indicators of total and pension demographic loads using the trend approach, ranking and the method of dynamic series.*

Ключевые слова: монопрофильный город, старение населения, возрастная структура, шкала Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета, демографическая нагрузка.

Keywords: *single-industry town, population ageing, age structure, scale of G. Beaujeu-Garnier – E. Rosset, demographic load.*

На современном этапе демографическое развитие Республики Беларусь характеризуется постаревшей возрастной структурой населения и активным протеканием демографического старения, что свойственно большинству развитых европейских государств. Демографическое старение – эволюционный процесс, определяющий изменение возрастной структуры

населения, вступившего на траекторию второго демографического перехода [4]. За период 2000-2016 гг. численность населения в возрасте 60 лет и старше почти достигла 2 млн чел., в результате чего удельный вес данной возрастной группы увеличился с 19,2 до 21%, что по шкале Ж. Боже-Гарнье– Э. Россета оценивается как очень высокий уровень демографического старения [5]. В основе демографического старения лежат демографические и экономические факторы, а также факторы социальной инфраструктуры и уровня жизни населения. Оценка демографических факторов показывает, что старение населения в Беларуси обусловлено суженным типом воспроизводства и связанной с этим значительной долей в возрастной структуре лиц пожилого возраста. Среди экономических факторов, влияющих на старение, выделяются уровни занятости и безработицы, инфляции, развития и диверсификации производства, инвестиционную и инновационную активность хозяйствующих субъектов. Состояние системы здравоохранения, обеспеченность белорусского общества мощностями социальной инфраструктуры, доходы и уровень бедности населения, физическая безопасность оцениваются в Беларуси как способствующие увеличению продолжительности жизни, а значит и росту численности и доли граждан пожилого возраста [7].

Демографическое старение в монопрофильных городах Беларуси в эпоху перехода к постиндустриальности имеет ряд отличительных особенностей. Это происходит ввиду специфики их градостроительной структуры и социально-экономического развития, носящих в большинстве случаев проблемный характер, что представляет собой одну из ключевых угроз в обеспечении устойчивого демографического развития всей страны. Поэтому в рамках реализации Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития на период до 2030 г. и Госпрограммы «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016-2020 гг. исследование современных процессов старения населения в белорусских городах с узкой специализацией экономики является актуальной исследовательской задачей [2, 3].

В качестве монопрофильных городов (моногородов) Беларуси в данной работе исследовались имеющие статус города населенные пункты, в которых на градообразующих предприятиях доминирующей отрасли промышленности, либо вида экономической деятельности, общая численность работников составляет не менее 25% от всей численности занятого в экономике населения, и где объем промышленного производства на указанных предприятиях составляет не менее 50% в структуре валового производства промышленной продукции города. В итоге, к рангу моногородов, на основе анализа данных официальной статистики, в исследовании были отнесены 40 белорусских городов с индустриальной специализацией, ввиду наибольшего ее распространения и общепризнанной методики изучения [1].

Старение населения в белорусских монопрофильных городах в данной работе изучалось посредством сравнительно-географического анализа возрастной структуры, динамики численности населения в возрасте 60 лет и старше, коэффициента демографического старения, показателей общей и

пенсионной демографических нагрузок в период 2000-2016 г. по трем пространственным уровням: всей совокупности моногородов, городского населения и страны в целом.

Исследования динамики возрастной структуры в моногородах Беларуси показывают, что в течение рассматриваемого периода для данного типа населенных пунктов были характерны те же тенденции и закономерности, что и для всей городской местности и страны в целом. Несмотря на всю их сопоставимость, определенные отличия все же имелись. В 2000 г. удельный вес дотрудоспособного населения в моногородах составлял 22%, что на 2% выше, чем на двух остальных пространственных уровнях; доля пенсионеров и лиц старше 60 лет при этом была, наоборот, ниже на 1% по сравнению со всей городской местностью и на 6% отличалась от общереспубликанского значения. К 2016 г. произошли определенные изменения, связанные с большей интенсивностью протекания соответствующих тенденций в монопрофильных городах по сравнению со всем городским населением страны. Это, главным образом, привело к стиранию незначительного превосходства данной группы городов на фоне всей городской местности, однако способствовало сохранению его на фоне страны (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика демографического старения в моногородах, городской местности и Беларуси в целом по базовым показателям

Показатели	Год	Республика Беларусь	Городская местность	Моногорода
Возрастная структура, % *	2000	20 / 59 / 21	20 / 64 / 16	22 / 63 / 15
	2016	18 / 57 / 25	18 / 59 / 23	19 / 58 / 23
Коэффициент демографического старения, %	2000	19,2	14,3	13,3
	2016	21,0	19,0	18,8
Общая демографическая нагрузка	2000	0,70	0,58	0,59
	2016	0,75	0,69	0,73
Пенсионная демографическая нагрузка	2000	0,36	0,26	0,24
	2016	0,44	0,39	0,40

* Последовательно указаны доли дотрудоспособного, трудоспособного и послетрудоспособного населения.

Использование в данной работе коэффициента демографического старения позволяет оценить уровень демографической старости в монопрофильных городах в соответствии со шкалой Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета. Это также позволяет более объективно подойти к оценке степени проявления названного процесса с учетом демографического потенциала монопрофильных городов, ввиду того что этот коэффициент отображает долю лиц в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения. Так, в 2000 г. среднее значение коэффициента демографического старения для 40 моногородов составляло 13,3%. При этом он варьировал от 8,9% в Березе до 23,7% в Давид-Городке. Спустя 16 лет произошло увеличение

среднего значения указанного коэффициента до 18,8%, из чего можно сделать вывод о том, что большинство монопрофильных городов Беларуси преодолели стадию очень высокого уровня демографической старости. Данный коэффициент в 2016 г. находился в пределах от 14,6% в Жлобине до 26,9% в Барани [6].

В ходе исследования нами была выполнена группировка монопрофильных городов по уровню демографической старости в соответствии со шкалой Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета в 2000-2016 гг. Стоит обратить внимание на то, что моногорода с демографической молодостью в стране отсутствовали изначально. В 2000 г. 55% всех белорусских городов с узкоспециализированной экономикой находились на стадии начального или среднего уровня демографической старости. Два полесских моногорода Береза и Микашевичи на тот момент являлись наиболее молодыми, ввиду минимальной доли лиц в возрасте 60 лет и старше в возрастной структуре, что давало основание относить их к стадии первого преддверия старости. Собственно преддверие старости было характерно для шести исследуемых городов Беларуси, что соответствовало 15% от их общего числа. Высокий и очень высокий уровень демографической старости суммарно был присущ десяти (по пять в группе) моногородам или каждому четвертому. За истекшие 16 лет в исследуемой ситуации произошли трансформационные изменения. Три четверти всех монопрофильных городов в 2016 г. находились на стадии очень высокого уровня демографической старости, семь моногородов характеризовались высоким уровнем, оставшиеся три – средним уровнем. Монопрофильные города более молодых стадий демографического старения в соответствии с указанной шкалой выявлены не были. Полученные результаты на микрогеографическом уровне подтверждают существующие закономерности и тренды демографического старения на мезо- и макроуровнях (табл. 2).

В ходе исследования процессов демографического старения в белорусских монопрофильных городах также была изучена динамика таких двух относительных показателей, как коэффициенты общей и пенсионной демографических нагрузок за период 2000-2016 гг. В самом общем смысле, демографическая нагрузка – это обобщенная количественная характеристика возрастной структуры, показывающая нагрузку на общество, оказываемую непроизводительным населением.

Коэффициент общей демографической нагрузки показывает суммарную нагрузку детей и пенсионеров на трудовое население, что математически выражается соответствующим отношением:

$$K_{\text{общ. дем. нагр.}} = (\text{Дети} + \text{Пенсионеры}) / \text{Трудоспособное население}$$

При этом если данный коэффициент равен единице, то это свидетельствует о паритете суммарной численности населения в нетрудоспособных и трудоспособных возрастах. Чем больше значения указанного коэффициента, тем больше общая демографическая нагрузка, что, с одной стороны, негативно сказывается на трудовых ресурсах и уровне

социально-экономического развития, а, с другой стороны, положительно характеризует демографическую ситуацию того или иного населенного пункта ввиду значительной численности пенсионеров, что говорит о высокой ожидаемой продолжительности жизни, или большой численности детей, что может быть следствием расширенного типа воспроизводства населения. При этом критическими значениями этого коэффициента будут те, которые заметно превышают единицу.

Таблица 2. Группировка моногородов Беларуси по уровню демографической старости в соответствии со шкалой Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета в 2000-2016 гг.

Доля лиц в возрасте 60 лет и старше, %	Этап старения и уровня старости населения	Год	Моногорода		Тренд динамики
			Число	Доля, %	
Менее 8	Демографическая молодость	2000	0	0,0	↔
		2016	0	0,0	
8–10	Первое преддверие старости	2000	2	5,0	↓
		2016	0	0,0	
10–12	Собственно преддверие старости	2000	6	15,0	↓
		2016	0	0,0	
12–14	Начальный уровень демографической старости	2000	11	27,5	↓
		2016	0	0,0	
14–16	Средний уровень демографической старости	2000	11	27,5	↓
		2016	3	7,5	
16–18	Высокий уровень демографической старости	2000	5	12,5	↑
		2016	7	17,5	
Более 18	Очень высокий уровень демографической старости	2000	5	12,5	↑
		2016	30	75,0	

Результаты исследования показали, что коэффициент общей демографической нагрузки в 2000 г. изменялся от 0,52 в Новополоцке до 0,89 в Давид-Городке при среднем показателе для всех 40 монопрофильных городов равным 0,59. Спустя 16 лет минимальное значение указанного коэффициента выросло до 0,64 в том же Новополоцке, а максимальное переместилось в Коссово и было равно 0,94. При этом произошел рост среднего показателя до 0,73 [6].

Коэффициент пенсионной демографической нагрузки показывает нагрузку пенсионеров на трудовое население. Он представляет собой отношение численности населения послетрудоспособного возраста к численности трудоспособных лиц и рассчитывается по формуле:

$$K_{\text{пенс. дем. нагр.}} = \text{Пенсионеры} / \text{Трудоспособное население}$$

Чем больше значение указанного коэффициента, тем большую пенсионную нагрузку испытывают трудовые ресурсы, что негативно сказывается на уровне социально-экономического развития того или иного

населенного пункта. Также это приводит к более серьезным проблемам с выплатами пенсий государством.

Результаты исследования показали, что коэффициент пенсионной демографической нагрузки в 2000 г. изменялся от 0,17 в Березе до 0,49 в Давид-Городке при среднем показателе 0,24. К 2016 г. минимальное значение коэффициента выросло практически вдвое, достигнув 0,31 в Наровле, а максимальное отмечалось в Барани и составило 0,61. При этом также произошло увеличение среднего показателя до 0,40 [6].

Таким образом, проведенный сравнительно-географический анализ демографического старения и динамики возрастной структуры населения монопрофильных городов Беларуси за период 2000-2016 гг. на трех пространственных уровнях показал сходство протекания тенденций и закономерностей с городской местностью в условиях общереспубликанского и общеевропейского трендов. Возрастная структура моногородов характеризуется сокращением доли детей и трудоспособных возрастов при росте численности и удельного веса пенсионеров. Однако, в условиях демографической ревитализации в последние годы, увеличения рождаемости и появления естественного прироста, создаются предпосылки для улучшения демографической ситуации.

Всем моногородам на современном этапе присуща глубокая стадия демографического старения, что является вполне типичным явлением в эпоху постиндустриального развития, в которую неизбежно движется все человечество. 75% исследуемых городов к 2016 г. преодолели стадию очень высокого уровня демографической старости в соответствии с общепринятой шкалой Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета. Среднее значение доли лиц 60 лет и старше среди 40 моногородов составляет 18,8%. Следствием этого является процесс нарастания как общей, так и пенсионной демографических нагрузок на общество в целом и трудоспособное население, в частности. Однако при этом в XXI веке рост уровня социально-экономического развития и размеров мирового валового продукта обеспечивается в том числе «стареющими экономиками», которые существуют в качественно новых условиях жизнедеятельности. В связи с чем, старение населения можно рассматривать и как индикатор высокого уровня развития. В Беларуси имеются все предпосылки для дальнейшего роста ожидаемой продолжительности жизни населения, что ведет к увеличению численности и доли лиц пожилого возраста в структуре.

Литература

1. Антипова Е.А. Современный портрет белорусского монопрофильного города / Е.А. Антипова, А.Н. Титов // Ежеквартальный научно-производственный журнал «Земля Беларуси». – Минск, 2017. – № 2. – с. 27-36.

2. Антипова Е.А. Региональные различия масштабов демографического старения Беларуси и России / Е.А. Антипова, З.А. Трифонова // Журн. Белорус. гос. ун-та. География. Геология. – Минск, 2017. – № 1. – с. 36-49.

3. Богданович А.В. Проблемы и перспективы развития белорусских городов / А.В. Богданович // Беларуская думка. – Минск, 2011. – № 11. – с. 38-42.

4. Демографический понятийный словарь / под ред. Л.Л. Рыбаковского. – Москва: ЦСП, 2003. – 352 с.

5. Демографический энциклопедический словарь / под ред. Д.И. Валентя. – Москва: Советская энциклопедия, 1985. – 608 с.

6. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] / Публикации, сборники / Минск, 2017. – Режим доступа: http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/. – Дата доступа: 23.03.2018.

7. Сапожникова Т.И. Демографическое старение: прогнозы, причины, последствия / Т.И. Сапожникова // Научный журнал КубГАУ. – Краснодар, 2007. – № 25 (1). – с. 1-14.

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ОПЫТ ЯПОНИИ *POPULATION AGEING: JAPANESE EXPERIENCE*

Тихоцкая И.С.
Tikhotskaya I.S.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва

Lomonosov Moscow State University

Аннотация. Статья посвящена анализу опыта Японии в решении одной из наиболее серьезных проблем современности, все более приобретающей глобальный характер – проблемы старения населения. Исследованы особенности становления политики в отношении стареющего общества, ее развитие до текущего времени.

Abstract. *The article is dedicated to the analysis of Japanese experience in dealing with one of the most serious problems of today, becoming more and more global, that is population aging. Both specifics of the establishment of the policy towards ageing society and its development up to date were investigated.*

Ключевые слова: старение населения, политика в отношении стареющего общества, Япония.

Keywords: *population ageing, policy towards ageing society, Japan.*

Численность населения Земли в возрасте более 60 лет превысила 900 млн человек, а, по прогнозам, к 2050 г. возрастет до 2,1 млрд и составит 21,5% мирового населения [9]. Старение населения сопровождается появлением новых проблем, которые привносят в жизнь общества столь же радикальные перемены, как, например, научно-технический прогресс.

Япония – страна, большинство процессов в которой, свойственных многим странам, развивается очень динамично. В этом смысле показательно и изменение демографической ситуации: другим странам понадобилось гораздо больше времени, чтобы завершить демографический переход и перейти на стадию естественной убыли населения. Процесс старения населения, который, по классификации ООН, начинается, когда доля лиц старше 65 лет превышает 7%, в Японии начался в 1970 г., позже, чем в европейских стареющих обществах. Однако, если другим странам для того, чтобы пороговое значение старения возросло в 2 раза, понадобилось от 50 до 100 и более лет, то в Японии это произошло всего за 24 года [1]. Японии нет равных как по темпам старения населения, так и по доле лиц старше 65 лет в населении – 26,3% (по сравнению с 21% в Германии и Италии, менее 20% во Франции и Великобритании, 14% в США). По прогнозам, доля лиц старше 65 лет в 2035 г. в Японии составит треть населения, а в 2060 г. – 40% [4].

Япония лидирует по продолжительности жизни (в среднем 85 лет), в 2016 г. 66 тыс. японцев достигли или перешагнули столетний возраст [5]. Долголетие вызывает к жизни много новых проблем, решать которые человечеству еще не доводилось. Прежде всего, это изменение баланса нетрудоспособных и трудоспособных граждан, значительный рост расходов на социальное обеспечение. Иметь смысл жизни – то, что в Японии называют «икигаи» («то, ради чего стоит жить»), в стране, где ушли в прошлое семьи, состоящие из нескольких поколений, и возросло число одиноких стариков, также крайне актуально.

По Global AgeWatch Index, отражающему качество жизни и потенциал активного долголетия населения старше 60 лет, Япония занимает 8-е место. Этот рейтинг составляется для 96 стран мира, в которых проживает более 90% населения старше 60 лет. При этом по показателю здоровья престарелых Япония занимает первое место, а по потенциальным возможностям в целом – седьмое [3]. В большой степени японцы удовлетворены уровнем социальных связей, безопасности и гражданских свобод, а также доходами.

В этой связи, а также ввиду того, что именно Япония стала первопроходцем в области решения проблемы старения общества, крайне интересно и важно изучение опыта Японии в проведении политики в отношении стареющего общества.

Несмотря на то, что «наступление общества стариков» предрекалось в Японии еще в 1950-е годы, в силу целого ряда причин [2, с. 86-88] активное проведение комплексной политики, направленной на решение проблем старения населения, началось в стране лишь во второй половине 1980-х годов. В 1986 г. был принят документ под названием «Основные принципы политики в обществе долголетия», в котором определены четыре основные области ее реализации: наем и доход, здоровье и благосостояние, обучение и участие в жизни общества, жилье и условия жизни. На первый план при этом было поставлено реформирование системы социального обеспечения. Разработанная спустя 3 года десятилетняя стратегия улучшения медицинского обслуживания и бытовых условий престарелых, получившая известность как

«Золотой план», отражала необходимость создания системы высококачественных услуг для быстро увеличивающегося контингента престарелых. Однако спустя всего 6 лет, в 1995 г. был принят «Новый золотой план» [10], в котором ранее принятые показатели были повышены, и как качественно, так и количественно расширен набор предлагаемых услуг. При этом особое внимание было уделено развитию по сути до того времени отсутствовавшего сектора специализированных услуг на дому. С этого момента в стране стали создаваться новые системы по уходу за престарелыми и сети специализированных услуг по оказанию помощи на дому. В том же 1995 г. вступил в силу «Основной закон о политике в стареющем обществе», и таким образом политика в отношении стареющего общества получила концептуальное оформление. Конкретные меры этой политики предполагали создание благоприятных условий для найма и занятости работников, имеющих способность и желание трудиться и с наступлением преклонного возраста, реформирование пенсионной системы и системы здравоохранения, а также предоставление возможностей обучения, связанного с хобби и спортом.

Реформирование пенсионной системы началось уже в 1986 г., когда помимо пенсии, зависящей от дохода застрахованного, была введена базовая пенсия, для получения которой все совершеннолетние граждане (старше 20 лет) вплоть до 59 лет, включая иностранцев, обязаны ежемесячно платить взносы в одинаковом для всех размере.¹

Для того чтобы помочь людям, для которых началась «вторая жизнь», сориентироваться и адекватно организовать свою жизнь, в 1988 г. в Токио был создан первый и, по-видимому, единственный такого рода частный Институт жизненного моделирования. Известный в Японии профессор Х. Като, организовавший и возглавивший его, в частных беседах с автором этих строк пояснял, что видел свою цель в предоставлении научно обоснованных практических рекомендаций относительно того как сохранить ощущение полноценности жизни до конца своих дней.

В целях улучшения бытовых условий, прежде всего одиноких престарелых, японское правительство поставило вопрос о развитии специального рынка жилья, оснащенного приспособлениями, облегчающими жизнь старикам, и строительстве домов, в которых независимое проживание сочеталось бы с возможностью в любое время быстро получить необходимую медицинскую помощь. Началось и переустройство городских территорий – средств общественного транспорта, пешеходных дорожек, общественных зданий для безопасного и свободного пользования ими лицами преклонного возраста. Настоятельная необходимость создания городской среды, дружелюбной в отношении престарелых, диктовалась тем, что если раньше старики в основном проживали в сельской местности, то в XXI в. все большая их часть оказывается в городах ввиду старения перебравшихся в период быстрого экономического роста 1960-х годов в города молодых людей.

¹ В 2010 г. 15 тыс. иен.

В середине 1990-х годов на выплату пенсий в Японии стало уходить около 60% общих расходов госбюджета на социальное обеспечение¹, и старение нации превратилось в одну из наиболее острых проблем этой страны. После анализа возможных путей покрытия дефицита рабочей силы и пополнения казны, особые надежды стали возлагать на увеличение занятости не только престарелых, но и женщин, на привлечение иностранной рабочей силы, а также на роботизацию, постепенно развивающуюся в стране-лидере по производству роботов. Была введена и новая система страхования.

С 2000 г. в стране введено обязательное страхование для лиц 40-64 лет на случай необходимости долговременного ухода в возрасте 65 лет и старше. Размер взносов устанавливается каждым муниципалитетом самостоятельно и зависит от доходов страхового.

В 2004 г. с целью стабилизации государственных финансов большие изменения вновь были внесены в пенсионную систему. Была введена так называемая политика «макроэкономического снижения», суть которой в корректировке пенсионных выплат на базе средней ожидаемой продолжительности жизни и численности трудоспособного населения, что означало уменьшение размера пенсий.

Перспектива того, что при снижающейся рождаемости население страны будет стареть беспрецедентными темпами и в 2025 г. треть населения страны будет старше 65 лет, вынуждает Японию и дальше вносить коррективы в политику. Так, в 2017 г. потребительский налог, который впервые в Японии был введен лишь в 1989 г. в размере 3%, был уже в третий раз повышен и составляет теперь 10%.

Принятие в феврале 2018 г. новых «Основных принципов политики в отношении стареющего общества» [7] ознаменовало появление принципиально новой идеи – поставлена цель создания «общества без возраста», в котором люди старше 65 лет не причисляются автоматически к лицам пенсионного возраста, а поддерживаются в желании оставаться здоровыми и продолжать работать. Это согласуется и с глубоко укоренившейся в стране традицией уважения к пожилым людям. Подчеркивается необходимость предоставлять людям возможность откладывать получение государственной пенсии на более поздний срок, до более чем 70 лет, чтобы затем ежемесячно получать больше денег. По словам профессора университета Кэйо Ё. Кэндзо, это имеет огромное значение в обществе долголетия, так как дает человеку чувство социальной защищенности [6]. В то же время, по данным японского министерства здравоохранения, труда и благосостояния, до сих пор менее 2% лиц пенсионного возраста предпочитают отложить получение пенсии на более поздний срок.

Как видно из нового программного документа, предполагается улучшать условия занятости для лиц старших возрастов, продлив возможность

¹ Теперь они составляют уже примерно 2/3 общих расходов госбюджета на социальную сферу.

непрерывной занятости до 65 лет, а занятость лиц в возрасте 60–64 лет с 63% в 2016 г. повысить до 67% в 2020 г. Правительство намерено принимать меры для улучшения здоровья, «профилактики старения» и сокращения потребности престарелых в сестринском обслуживании, а также для предупреждения их изоляции в обществе.

На состоявшемся в феврале 2018 г. совещании Совета по политике в стареющем обществе премьер-министр С. Абэ подчеркнул важность создания общества, в котором люди всех поколений, включая пожилых, могут полностью использовать преимущества своих навыков и способностей, чтобы играть активную роль в целом ряде областей. И особенно отметил, что в то же время необходимо обеспечить достаточную поддержку и гарантии, чтобы люди были удовлетворены жизнью в свои золотые годы и чувствовали себя безопасно и защищены, и принимать все новые меры, «возможные благодаря технологическим инновациям, имеющим отношение к стареющему обществу» [8].

Что же нового предполагают делать в Японии? Еще недавно для достижения одной из целей абэномикс¹ – увеличения женской занятости – предполагалось сокращение растущей очереди в государственные детские сады, правда, отложенное до 2020 г. Однако вместо этого теперь обсуждается вопрос о том, чтобы сделать дошкольные образовательные учреждения и детские сады бесплатными и понизить финансовое бремя расходов на поступление в среднюю школу [6]. В новых «принципах» впервые четко указано, что будет обсуждаться возможность начинать пенсионные выплаты с 71 года или еще позже. Одна из главных новых идей – создание «общества без возраста», что означает пересмотр нынешней системы, подход которой вне зависимости от возраста ко всем одинаков, и работающие поколения содержат лиц старших возрастов.

Большую роль в результативности политики в отношении стареющего общества играет отлаженная система взаимодействия между центральным правительством и органами местной власти. При этом многие направления этой политики делегированы муниципалитетам. Показательно, что, как нам уже доводилось писать [1], первыми обратили внимание на проблему старения нации именно государственные чиновники. Япония, как страна-лидер, первая испытывавшая большие перемены вследствие старения населения, несомненно, со временем сможет служить моделью и для других стран, которые столкнутся с подобным феноменом демографического сжатия.

Литература

1. Тихоцкая И.С. Политика в отношении «стареющего общества» // Япония. Послевоенная государственная политика: вызовы и ответы. – М.: «Восточная литература» РАН, 1998. – С. 215-243.

¹ Так называют политику кабинета премьер-министра С. Абэ.

2. Тихоцкая И.С. Социально-экономическая география Японии. Жизненный цикл японцев. М.: Издательство Московского университета, 2003. – С. 86-88.

3. Global AgeWatch Index 2015 – Age International [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.ageinternational.org.uk/Documents/Global_AgeWatch_Index_2015_HelpAge.pdf (дата обращения: 28.03.2018)

4. Index Mundi. Japan Demographics Profile 2018. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.indexmundi.com/japan/demographics_profile.html (дата обращения 23.03.2018)

5. Japan Statistical Yearbook 2018 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/67nenkan/1431-02.html> (дата обращения: 14.04.2018)

6. Japan Times.

7. Outline of Policies for Aging Society: Aiming to Increase Choice for Pension Starting Age [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://fpcj.jp/en/j_views-en/recent_editorials-en/p=63369/ (дата обращения: 28.03.2018)

8. The Prime Minister in Action [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://japan.kantei.go.jp/98_abe/actions/201802/16article1.html (дата обращения: 23.03.2018)

9. The 10 best countries to live in for people over 60 // CBS news September 9, 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.cbsnews.com/media/the-10-best-countries-to-live-in-for-people-over-60/> (дата обращения: 30.03.2018)

10. Сингурудо пуран. (21 сэйки-но акаруй тэдзю, фукуси сьякай-о мэдзаситэ). (Новый золотой план «К светлому обществу долголетия и благоденствия XXI века»). – Токио, 1996. – 35 с.

КАФЕДРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ МГПИ
И СТАНОВЛЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ
*THE ECONOMIC GEOGRAPHY DEPARTMENT IN MOSCOW STATE PEDAGOGICAL
INSTITUTE AND A FORMATION RUSSIAN POPULATION GEOGRAPHY*

Ткаченко А.А.
Tkachenko A.A.

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь
Tver State University

Аннотация. Рассматривается начальный этап становления (возрождения) отечественной географии населения и населенных пунктов, приходящийся на 1940-е годы. Показано, что основным центром географических исследований населения, расселения и формирования географии населения в то время была

кафедра экономической географии МГПИ. Преподавателями кафедры были созданы труды, заложившие основы нового раздела географической науки. Особенно велика роль Р.М. Кабо, которому принадлежат программные статьи в этой области знания.

***Abstract.** The article considers the initial stage of the formation (revival) of the national geography of the population and settlements, which occurred in the 1940s. It is shown that the main center of the geographical studies of the population and settlements at that time was the Department of the Economic Geography in Moscow State Pedagogical Institute. Researchers of the department created the works that laid the foundations for a new section of the geographical science. The role of R.M. Kabo is particularly great, he was a author of the basic articles in this field of the knowledge.*

Ключевые слова: география населения и населенных пунктов, социально-культурная география, изучение населения и расселения, кафедра экономической географии МГПИ.

***Keywords:** the geography of population and settlements, social and cultural geography, studies of the population and the settlement pattern, the Department of the Economic Geography, Moscow State Pedagogical Institute.*

География населения – одна из самых развитых и популярных среди исследователей частей современной социально-экономической географии. Общеизвестно, что в 20-х – начале 30-х годов XX в. исследований и публикаций, посвященных населению и населенным пунктам, в Советском Союзе почти не было. Лишь в середине 30-х – начале 40-х стали появляться новые работы в этой в этой области географической науки. С этого времени начинается история географии населения как части экономической (позднее – социально-экономической) географии.

Для правильного понимания процесса развития науки важно знать, кому принадлежат пионерные работы, кто был инициатором и вдохновителем первых шагов в новой отрасли знания. На начальном этапе основным центром возрождения исследований населения и формирования географии населения оказалась кафедра экономической географии Московского государственного педагогического института (ныне – МПГУ). Ведущие преподаватели того времени – Р.М. Кабо и Н.И. Ляликов – разрабатывали принципиальные вопросы новой дисциплины и создавали работы, определявшие пути ее развития.

Рафаил Михайлович Кабо (1886–1957, в МГПИ с 1934 по 1954 гг.) опубликовал в 1941 г. в журнале «География в школе» программную статью «Элементы географического изучения населения в СССР» [3], в которой утверждал: «ошибочно сводить географию людей к одной только географии их хозяйственной деятельности, как ни велико значение этой деятельности в жизни общества». Автор очень сильно опередил свое время. Например, он писал о географическом изучении образа жизни и рассматривал сезонную динамику занятий населения различных частей страны. В подстраничной сноске в начале статьи сказано, что она представляет собой изложение

доклада, сделанного на конференции в МГПИ, но когда состоялась эта конференция, к сожалению, не указано. Журнал вышел в мае 1941-го... Стоит отметить, что восторженным отзывом на эту статью отозвался В.П. Семенов-Тянь-Шанский [16]. Черновик отзыва хранится в архиве РГО (Фонд 48. Опись 1. Ед. хр. 88) и его следовало бы опубликовать.

В 1947 г. изложенные в предвоенной статье идеи получили дальнейшее развитие в большой статье Кабо «Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии» [4], помещенной в 5-м сборнике «Вопросов географии». Создается впечатление, что Рафаил Михайлович считал более правильным и желательным название не «география населения», а «социально-культурная география», отводя в ней большое место взаимодействию человека с природой, культуре и образу жизни населения. В 1947-1948 гг. он с большим успехом читал курс географии населения на географическом факультете МГУ. Но это плодотворное сотрудничество не имело продолжения из-за развернувшейся тогда кампании по «борьбе с космополитизмом». Сохранилась исключительно интересная программа этого курса, датированная январем 1947 г. В основном ее содержание соответствует названной статье. Обратим внимание на две последние темы программы, звучание которых очень далеко от того, к чему мы привыкли. Тема 9 называется «Формы материального быта (жилище, питание, одежда) и их география», тема 10 – «Природа и человек хозяйственно-культурных зон и культурно-исторических областей СССР».

В 1949 г. Географгизом была издана широко известная книга Р.М. Кабо «Города Западной Сибири» [5], сыгравшая большую роль в становлении (возрождении) географии городов. В том же году под редакцией Кабо вышла еще одна интересная, но теперь почти забытая книга – «Город и район как объекты географического изучения» [2]. Формально она посвящена методике проведения студенческих практик, но фактически является пособием по методам географических исследований, причем значительная часть отведена вопросам изучения населения и населенных пунктов.

При образовании МФГО – Московского филиала Географического общества (1945 г.) – Р.М. Кабо была создана комиссия географии населения и городов, которую он возглавлял до 1952 г. Под разными названиями эта комиссия существует уже более 70 лет и в настоящее время является одним из самых активных подразделений Московского научного центра Общества. Упомянутый выше 5-й сборник «Вопросов географии» [1] – первый из подготовленных этой комиссией – почти полностью (6 из 7 статей) состоит из работ преподавателей и аспирантов кафедры экономической географии МГПИ. Этот сборник, видимо, можно считать первой научной книгой в нашей географии населения и населенных пунктов в послереволюционное время.

Николай Иванович Ляликов (1900–1961, в МГПИ с 1942 г.) – автор первого у нас учебного пособия по географии населения [11]. Любопытно, что издано оно Московским заочным кредитно-экономическим институтом как пособие по курсу экономической географии СССР. Книга, точнее – брошюра (в ней всего 22 страницы текста), состоит из двух разделов: 1. Национальный

состав и география народов СССР, 2. Распределение населения по территории. Последний включает три подраздела: география плотности населения, географические типы сельского расселения и география городских поселений. Характеристика сельского расселения в основном дана в традиции В.П. Семенова-Тян-Шанского. Позднее на основе материалов этого пособия был написан раздел по географии населения для выдержавшего несколько изданий учебника для пединститутов по экономической географии СССР [например, 17]. Именно здесь появилось исключительно удачное, получившее широкое признание и постоянно используемое понятие – «главная (или основная) полоса расселения».

В 5-м сборнике «Вопросов географии» была напечатана интересная теоретическая статья Н.И. Ляликова, посвященная плотности населения [12]. Ему же принадлежит имевшая в свое время большое значение статья по методике географического изучения города [14]. Но самая известная работа Ляликова по географии населения – это серия очерков, напечатанных в 1948–1949 гг. в журнале «География в школе» [13]. Благодаря массовости читательской аудитории, эти очерки сыграли исключительную роль в распространении знаний о населении и расселении среди учителей географии всего Союза.

Возглавлявший тогда кафедру Юлиан Глебович Саушкин (1911–1982, в МГПИ с 1937 по 1948 гг.) тоже внес существенный вклад в становление географии населения и населенных пунктов. Во время работы в МГПИ он предложил оригинальную методику географического изучения сельского расселения, предусматривающую проведение исследования на трех взаимосвязанных территориальных уровнях: сельский населенный пункт, ареал и район сельского расселения [15].

Под руководством Р.М. Кабо в МГПИ было подготовлено и защищено 15 кандидатских диссертаций, в основном по географии населения [8]. Среди его учеников – такие крупные ученые, как С.И. Брук и С.А. Ковалев. Соломон Ильич Брук (1920–1995) известен как специалист по этнодемографии, этногеографии и этнографическим картам.

Сергей Александрович Ковалев (1912–1997) окончил МГПИ в 1946 г. По совету Кабо, в аспирантуре он начал заниматься изучением сельского расселения. Кандидатскую диссертацию [6] защитил в МГПИ в 1950 г., причем оппонентами по ней были Н.Н. Баранский и Ю.Г. Саушкин. Своими статьями и книгами о сельском расселении он создал целое научное направление [7]. Главные его труды написаны во время работы в МГУ, но основы были заложены в аспирантские годы. С.А. Ковалев – один из авторов написанного вместе с Н.Я. Ковальской (1911–1995, тоже выпускницей МГПИ) классического университетского учебника по географии населения [10]. Действующая до сегодняшнего дня программа университетского курса географии населения фактически принадлежит ему. В 1960–70-х годах он заложил основы географии сферы обслуживания, а в 1970–80-х – комплексного географического изучения сельской местности [9]. Он также был одним из инициаторов разработки, одним из редакторов и основных

авторов уникальной карты населения СССР (на 16 листах) в масштабе 1:2 500 000, составленной по материалам переписи населения 1970 г.

Работы географов-населенцев первого поколения (Кабо, Ляликова, Саушкина) составили фундамент, на котором в дальнейшем строилась наша география населения и населенных пунктов. Конечно, они охватывали далеко не все стороны населения. Прежде всего, бросается в глаза отсутствие вопросов, связанных с демографией. Но следует помнить, что демографии как науки в СССР тогда не было, как не было и доступных для исследования демографических данных. Даже первые списки городов с современной людностью появились только в 1956 г., а демографическая статистика стала доступна только в начале 1960-х годов – после публикации материалов переписи 1959 г.

Оценивая начальный период развития нашей географии населения, нельзя не признать, что за очень короткий срок она превратилась в один из основных разделов не только экономической (социально-экономической), но и всей отечественной географии. Очень велик вклад в ее становление кафедры экономической географии МГПИ, и прежде всего – Р.М. Кабо. Позднее, с уходом Рафаила Михайловича на пенсию, позиции кафедры становятся более скромными. Но ее заслуги в становлении отечественной географии населения не должны быть забыты.

Литература

1. География населения / Вопросы географии. Сб. 5. – М., 1947. – 212 с.
2. Город и район как объекты географического изучения/под ред. Р.М. Кабо / Ученые записки МГПИ. Т. LIV. – М., 1949. – 188 с.
3. Кабо Р.М. Элементы географического изучения населения в СССР // География в школе. – 1941. – № 3. – С. 49–55 [Перепечатано с сокр. в «Региональные исследования». – 2016. – № 2. – С.132–140].
4. Кабо Р.М. Природа и человек в их взаимных отношениях как предмет социально-культурной географии // Вопросы географии. Сб. 5. География населения. – М., 1947. – С. 5–32.
5. Кабо Р.М. Города Западной Сибири: Очерки историко-экономической географии (XVII – первая половина XIX вв.). – М., 1949. – 219 с.
6. Ковалев С.А. География сельского расселения в пределах Черноземного центра: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – М., 1950. – 12 с.
7. Ковалев С.А. Сельское расселение (Географическое исследование). – М., 1963. – 371 с.
8. Ковалев С.А. Рафаил Михайлович Кабо // Экономическая география в СССР: История и современное состояние. – М., 1965. – С. 561–567.
9. Ковалев С.А. Избранные труды. – Смоленск, 2003. – 437 с.
10. Ковалев С.А., Ковальская Н.Я. География населения СССР. – М., 1980. – 285 с.
11. Ляликов Н.И. География населения СССР: Учебное пособие по курсу экономической географии СССР. – М., 1946. – 27 с.

12. Ляликов Н.И. Некоторые вопросы плотности населения в географической литературе // Вопросы географии. Сб. 5. География населения. – М., 1947. – С. 41–52.

13. Ляликов Н.И. Очерки географии населения СССР // География в школе. – 1948, № 2, 3, 5; 1949, № 2, 3.

14. Ляликов Н.И. О географическом изучении города // Город и район как объекты географического изучения. – М., 1949. – С.135–152.

15. Саушкин Ю.Г. Географическое изучение сельских населенных пунктов Советского Союза // Вопросы географии. Сб. 5. География населения. – М., 1947. – С. 53–66.

16. Ткаченко А.А. Из истории географии населения: 75 лет со времени выхода программной статьи Р.М. Кабо // Региональные исследования. – 2016. – № 2. – С. 129–132.

17. Экономическая география СССР / под ред. Н.П. Никитина, Е.Д. Прозорова, Б.А. Тутьихина. – М., 1966. – 718 с.

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ МОНГОЛИИ *FEATURES OF INTERNAL MIGRATION IN MONGOLIA*

Эрдэнэсүх Сарнайцэцэг, Гончиков Ц.Д.
Erdenesuh Sarnaitsetseg, Gonchikov Ts.D.

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ
Buryat State University, Ulan-Ude

Аннотация. В настоящее время численность населения Монголии оценивается в 3,1 млн человек. Городское население превышает 1 млн. В последние годы для Монголии характерны миграционные потоки из сельской местности в города, в особенности в Улан-Батор, в поисках лучшей жизни.

Abstract. *The population of Mongolia is presently estimated at 3.1 million. The present urban population is above 1 million. In recent years, Mongolia has experienced as continued rural to urban migration flows, mainly to Ulaanbaatar, in search of better life.*

Ключевые слова: миграция, внутренняя миграция, миграционные потоки.

Keywords: *migration, internal migration, migration flows.*

Миграция является одним из компонентов демографического процесса любого общества. В настоящее время Монголия в административном отношении состоит из 21 аймака (не включая столицу), более 300 сомонов и свыше 1300 баг. Эта особенность административно-территориального деления объясняется, прежде всего, характером развития производительных сил в стране, а также спецификой природных условий.

Основная часть перемещений населения в стране приходится на внутреннюю миграцию. По статистическим данным, за последние 10 лет общий миграционный оборот внутри страны составляет 630,7 тыс. человек, то есть в миграции участвует 23% населения страны. При этом наблюдаются существенные территориальные различия между аймаками (табл. 1).

Анализ таблицы показывает, что по характеру сальдо миграции все аймаки подразделяются на две группы:

1) Аймаки с положительным сальдо миграции. Сюда относятся всего два аймака – Умнуговь, Дорноговь и столица Улан-Батор.

2) Аймаки с отрицательным сальдо миграции. Данная большая группа подразделяется на три подгруппы:

А) отток выше среднего (сальдо более 2-3 тыс. чел.). К данной подгруппе относится аймак Увурхангай;

Б) отток, близкий к среднему (сальдо 1-2 тыс. чел.). К данной подгруппе относятся аймаки: Архангай, Баянхонгор, Говь-Алтай, Дорнод, Дундговь, Сэлэнгэ, Тув, Увс, Ховд, Хубсугул, Хэнтий и города: Дархан и Орхон;

В) отток ниже среднего (сальдо менее 1 тыс. чел.). Сюда относятся аймаки Баян-Улгий, Булган, Завхан и Сухбаатар.

Таблица 1. Миграции населения по аймакам Монголии, 2007-2013 гг.

Аймаки	Выбытие				Прибытие				Сальдо	
	2007		2017		2007		2017		2007	2017
	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%	Тыс. чел.	%		
Всего	27 323	100	55 202	100	27 323	100	54 671	100		
Архангай	1 237	4,5	1 706	3,1	218	0,8	637	1,2	-1 019	-1 069
Баян-Улгий	263	1,0	615	1,1	100	0,4	233	0,4	-163	-382
Баянхонгор	1 127	4,1	1 723	3,1	109	0,4	519	0,9	-1 018	-1 204
Булган	807	3,0	1 886	3,4	545	2,0	1 186	2,2	-262	-700
Говь-Алтай	710	2,6	1 632	3,0	108	0,4	186	0,3	-602	-1 446
Дорноговь	796	2,9	1 554	2,8	459	1,7	1 673	3,1	-337	119
Дорнод	846	3,1	1 750	3,2	321	1,2	605	1,1	-525	-1 145
Дундговь	915	3,3	1 629	3,0	133	0,5	618	1,1	-782	-1 011
Завхан	2 134	7,8	1 091	2,0	139	0,5	781	1,4	-1 995	-310
Увурхангай	1 263	4,6	3 385	6,1	477	1,7	780	1,4	-786	-2 605
Умнуговь	491	1,8	1 191	2,2	135	0,5	1 754	3,2	-356	563
Сухбаатар	839	3,1	1 113	2,0	90	0,3	778	1,4	-749	-335
Сэлэнгэ	1488	5,4	3 843	7,0	1 019	3,7	2 214	4,0	-469	-1629
Тув	4 157	15,2	3 699	6,7	880	3,2	2 105	3,9	-3 277	-1 594
Увс	2 998	11,0	1 973	3,6	127	0,5	578	1,1	-2 871	-1 395
Ховд	1 094	4,0	1 940	3,5	227	0,8	721	1,3	-867	-1 219
Хубсугул	863	3,2	2 114	3,8	190	0,7	795	1,5	-673	-1 319
Хэнтий	990	3,6	2 320	4,2	269	1,0	1 210	2,2	-721	-1 110
Дархан-Уул	1 472	5,4	3 948	7,2	2 199	8,0	2 850	5,2	727	-1 098
Улан-Батор	1 364	5,0	10 671	19,3	17 615	64,5	30 127	55,1	16 251	19 456
Орхон	1 148	4,2	4 705	8,5	1 625	5,9	3 505	6,4	477	-1 200
Говьсүмбэр	321	1,2	714	1,3	338	1,2	816	1,5	17	102

Источник: Национальный статический сборник Монголии, 2007-2017 гг. [2, 3].

Основная причина миграции населения – территориальные различия уровня и качества жизни населения, которые в первую очередь зависят от

поголовья скота, состояния пастбищных угодий, уровня развития производственной и социально-бытовой инфраструктуры, наличия рабочих мест, вплоть до доступности социальных, медицинских и образовательных услуг.

Анализ результатов полустационарных и полевых исследований ученых Монголии, России и других стран, а также собственное изучение данной проблемы показывают, что к наиболее важным факторам миграции населения относятся:

- потеря поголовья скота, как основного источника существования, «движимого имущества» кочевника;
- высокий уровень безработицы в сельской местности (до 18-20%), приводящий к снижению уровня жизни и обнищанию сельского населения;
- нарушение технологии животноводства, в частности из-за неправильной «нарезки» пастбищ;
- ухудшение качества образования во многих сельских школах;
- ограниченная доступность социальных и медицинских услуг;
- нехватка электричества, средств связи и транспорта.

Таким образом, существенные различия уровня жизни населения в сельской и городской местности являются главным фактором его миграции внутри страны. Благополучие сельского жителя в первую очередь зависит от положения в сфере скотоводства, то есть от поголовья скота, биопродуктивности пастбищных угодий и рыночной конкуренции. Основными причинами потери скота являются бескормица (она все чаще проявляется в последние десятилетия), истощение пастбищ из-за изменений климатических условий и нарушений технологий животноводства, массовые нападения волков, инфекционные заболевания сельскохозяйственных животных, растущее скотокрадство и др. [1]. В совокупности эти причины способствуют обеднению скотоводов и, в конечном итоге, они не выдерживают жесткой конкуренции с наиболее обеспеченными и состоятельными скотоводами и вынуждены в поисках работы мигрировать в города.

Дефицит рабочих мест в сельской местности на фоне высокого уровня безработицы – еще одна причина, выталкивающая сельских жителей со своих земель. Они готовы выполнять в городах любую неквалифицированную сезонную или временную работу, пополняют число маргинального населения [5].

Слабый уровень развития социально-бытовой и производственной инфраструктуры является не менее важным фактором интенсивного перемещения населения. Так, дефицит врачей узких специальностей и слабая оснащенность медицинским оборудованием в больницах сомонов и аймаков становится причиной непредвиденных больших расходов для сельчан, выезжающих на обследование и лечение в крупные города. Недостаток развития образовательной системы также способствует оттоку населения. Переезд многих родителей в районные центры или города связан с их

стремлением обеспечить своих детей хорошим школьным и специальным профессиональным образованием.

Обеспеченность электроснабжением, средствами связи и транспортом также является слабым звеном инфраструктуры Монголии. Но некоторым данным, до 130 сомонов до сих пор не подключены к электрическим сетям. В таких условиях живут до 180 тыс. скотоводов [4].

Необходимо подчеркнуть, что среди сельских мигрантов есть предприимчивая часть населения, которая переселяется в города с целью ведения собственного бизнеса. Низкий уровень развития рыночной инфраструктуры в сельской местности вкупе с низкой платежеспособностью сельских жителей не способствуют развитию бизнеса.

Анализ причин миграции населения вскрывает глубинные, наиболее проблемные составляющие в структуре экономики Монголии. Он способствует разработке системы государственных мероприятий, как части региональной экономической политики, для решения отмеченных недостатков.

Литература

1. Монгол Улсын Хун амын дотоод шилжих хөдөлгөөний микро тувшний судалгаа 2000. – УБ, 2001.
2. Национальный статистический сборник. – УБ, 2007.
3. Национальный статистический сборник. – УБ, 2017.
4. Оюунгэрэл Ж. Шилжилтийн үеийн хөдөө орон нутаг дах хүн ам, ажилгүйдэл, ядуурал, шилжих хөдөлгөөн эрдэм шинжилгээний тайлан. – УБ, 2002.
5. Хүн амын шилжилт хөдөлгөөний асуудлаарх үндэсний дээд хэмжээний уулзалт. – УБ, 2005.

**Раздел 3. Историческая и
политическая география:
глобальные и региональные
проблемы**

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН
ETHNOPOLITICAL SITUATION IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN

Богатуров Д.С., Фелисеева А.А.
Bogaturov D.S., Feliseeva A.A.

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»,
г. Санкт-Петербург
Saint Petersburg State University

Аннотация. Особенность Дагестана, определяющая ход социально-политических трансформаций, – это этническая напряженность и как следствие – межэтнические конфликты. В политической сфере данная ситуация привела к созданию системы негласной иерархии этносов в органах государственной власти. Контроль над соблюдением пропорций в разных сферах общества влечет за собой перераспределение власти и ресурсов. Появляется угроза того, что в борьбе за обретение свободы малочисленные автохтонные этносы могут потерять свою сущность.

Abstract. *Ethnic tension and consequently inter-ethnic conflicts is a special feature that underlies socio-political transitions. In the political sphere it has led to creation of informal ethnic hierarchy system in public authorities. Monitoring of compliance with numerical proportion in different areas of society leads to redistribution of power and resources. There is a considerable risk that these Dagestan's autochthonous minorities may lose their essence in order to achieve freedom and independence.*

Ключевые слова: Республика Дагестан, автохтонные этносы Дагестана, коренные малочисленные этносы Дагестана, этническая напряженность, многонациональность.

Keywords: *Republic of Dagestan, Dagestan's autochthonous ethnoses, Dagestan's autochthonous minorities, ethnic tension, multinationality.*

Многонациональность Республики Дагестан (РД) не типична для большинства регионов России. Особые природно-географические условия и длительный этап исторического развития определили наличие данного явления. В наши дни в сознании российского общества сложился стереотип общедагестанской идентичности, однако для жителей республики важна принадлежность к собственной этнической группе.

С давних времен народы Дагестана отличаются высоким уровнем этнического самосознания. Кроме того, имеются объективные территориальные предпосылки для возникновения межэтнических конфликтов, как явных, так и латентных. Существует и перманентная напряженность в области распределения земельных ресурсов.

Республика Дагестан длительный период существует в сложной этнополитической ситуации. Ключевые проблемы не имеют на сегодняшний день четко разработанных путей решения. Этническое многообразие

Дагестана создает ситуацию в обществе, когда численно преобладающие этносы вынуждены договариваться друг с другом, а относительные меньшинства объединяются против первых, чтобы не допускать любого рода доминирования. Возникает проблема: как сохранить свободу, самобытность индивидов, равенство в обществе и в то же время последовательно осуществлять укрепление государственности, порядка? Эта одна из важнейших задач, которую предстоит решать современному Дагестану.

Проблема полиэтничности Республики Дагестан. В современном мире такие понятия как «полиэтничность» и «многонациональность» неразрывно связаны между собой. Одними людьми они воспринимаются как синонимичные, другие видят в этих словах разный смысл. Чтобы в этом разобраться, дадим определение данным терминам.

В «Большом толковом социологическом словаре» Дж. Джери понятие *полиэтничности* трактуется как «совокупность исторически сложившихся общностей людей, проживающих на определенной территории, обладающих разнородным языком, культурой, национальным самосознанием, иногда принадлежащих к разнорелигиозным группам, но не идентифицирующих себя с гражданами одного и того же политического и экономического единства» [2].

Многонациональность Дж. Джери объясняет как «совокупность согражданства людей, обладающих разнородной культурой, различным языком, иногда принадлежащих к разноконфессиональным группам, но проживающих на определенной территории, характеризующейся единством внешней и внутренней политики, а также тесными экономическими связями».

Таким образом, многонациональность – понятие более широкое, основанное на общих национальных признаках. Ведь нация возникает с развитием политических отношений и экономических связей общества. А этносом принято называть ранний исторический вид социального сообщества.

Постановлением № 191 от 18.10.2000 г. Государственного совета РД «О коренных малочисленных народах РД» было определено число этносов, языки которых поддерживаются на государственном уровне [8]. На сегодняшний день в Республике Дагестан насчитывается 14 коренных этносов.

Однако реальное число коренных народов гораздо больше. К ним относятся народы, принадлежащие к трем языковым семьям. К нахско-дагестанской ветви северокавказской языковой семьи относятся аварцы, которые вместе с 14 малочисленными этносами, включенными в их число, составляют около 29% от всего населения республики. В удельной доле населения даргинцы составляют 17% (вместе с включенными в их число кубачинцами и кайтагцами). Также в Дагестане крупными по численности народами являются лезгины, лакцы, табасараны, рутульцы, агулы, цахуры и чеченцы [4].

Тюркская группа алтайской языковой семьи представлена в Дагестане кумыками (около 14% населения республики), азербайджанцами (около 5%) и ногайцами. К индоевропейской языковой семье принадлежат русские, таты и горские евреи, говорящие на татском языке [3, с. 63].

Достаточно сложной является задача определения автохтонных этносов. Автохтонный этнос – это этнос, принадлежащий по к данной территории, местный, коренной по происхождению [6]. Однако никем не установлены какие-либо точки хронологического отсчета, позволяющего считать этнос коренным. На территории современной России чаще коренными признаются титульные этносы, на чьих этнонимах базируется наименование административно-территориального образования, в котором титульная нация является доминирующей.

Что касается малочисленности, то в соответствии с российским законодательством, малочисленным является народ, насчитывающий менее 50 тысяч человек [9]. В таком случае русские не будут являться коренным малочисленным этносом для Республики Дагестан, а скорее этническим меньшинством. Татов не выделяют автохтонным этносом, азербайджанцы не автохтонный и не малочисленный этнос для России.

В Республике Дагестан не принято выделять понятие «титульная национальность», однако ее политические атрибуты все же распространяются на представителей 14 национальностей. Это связано с практикой избрания Конституционного Собрания и формированием Государственного совета РД с отсылкой на то, что в его состав из 14 человек «не может входить более одного представителя одной и той же национальности» [7]. Данное обстоятельство породило такие проблемы, как представительство в выборных органах власти, влияние этнических элит на принятие решений, развитие предпринимательства.

Квотирование национальностей во власти привело к тенденции формирования независимых национальных элит, когда кадрами государственного и муниципального управления российских республик становятся лишь представители так называемых «титульных наций».

Подобные действия систематически дезориентируют граждан республики, разрушают их идентичность, способствуя тем самым насаждению вражды и недоверия между ними, разрушая всю систему самосохранения этносов и общности народов [1, с. 11]. В результате этнонациональная система разрушается как во внутренних структурах самоорганизации, так и во внешнем многонациональном взаимодействии, теряя, таким образом, свои основные положительные качества – равновесие и целостность.

Данная проблема не является тенденцией последних лет. Дело в том, что эффективная система этнического квотирования в Дагестане была заложена еще в советские годы. Именно с тех времен дагестанцы привыкли следить за соблюдением пропорций в самых разных сферах: от политики до предпринимательства, хотя главной остается власть, как самый важный ресурс.

Проблемы малочисленных автохтонных этносов. К настоящему времени значительная часть дагестанского сообщества в этническом отношении представляет собой множество средних и небольших по численности народов, не имеющих самостоятельного этнического статуса. Представители малых народов зачислены в состав других более крупных по численности этносов.

Вместе с тем малочисленные народы продолжают сохранять свое этническое самосознание, которое отличается многоуровневым характером [3, с. 62-63].

В связи с тем, что национальный фактор является важным при принятии кадровых решений на всех уровнях жизни дагестанского общества, неизбежно возрастает его политическая значимость. В таком случае особое значение приобретает показатель численности народа.

Представители малочисленных автохтонных этносов Дагестана также уделяют большое внимание определению своей идентичности. Так, например, арчинцы говорят на самостоятельном языке, принадлежащем к лезгинской языковой группе, но с глубокой древности, находясь в сфере этнополитического и социокультурного взаимодействия с окружающими их аварцами, они считают себя аварцами. Кубачинцы – самостоятельный в языковом отношении малочисленный этнос. Несмотря на то, что они осознают свое этническое отличие, они называют себя даргинцами. Подобным образом обстоит дело с кайтагцами [5]. Подобные примеры могут быть названы феноменом *этнического приращения* к более влиятельному и авторитетному в политическом отношении этносу. В таком случае появляется угроза того, что в борьбе за обретение свободы малочисленные автохтонные этносы могут потерять свою сущность.

Таким образом, политика национальной принадлежности породила в республике две проблемные тенденции.

- Первая тенденция в республике появилась среди представителей малочисленных этнических групп, входящих в состав наиболее крупных дагестанских национальностей. Они хотят выделиться из состава этих национальностей и приобрести самостоятельный этнический статус. Приобретение статуса отдельной национальности позволит лидерам малочисленных этносов добиться включения в указанный выше «список дагестанских национальностей», что обеспечивает гарантированный в определенных пределах допуск к важным политическим должностям.

- Вторая тенденция ведет к обратному. Ее главный смысл заключается в осознанном причислении одних этносов к другим, более авторитетным.

Малочисленные автохтонные этносы, не включенные в «список дагестанских национальностей» осознают, что их «степень» власти в республике незначительна. Следовательно, цель *этнического приращения*, то есть присоединения с обретением определенного социального статуса, имеет прямой политический смысл.

Первая тенденция опасна тем, что под ее влиянием могут возникнуть новые этнические конфликты. Вторая же ставит под угрозу самоопределение этносов (возможна утрата их самобытности).

Анализ современных трансформационных процессов в этнополитической сфере Республики Дагестан свидетельствует о том, что региональная политика может реализовываться лишь на базе согласованной социально-экономической политики государства. Политика должна быть направлена на поддержание стабильности в обществе.

В неравновесном обществе привилегированные слои основных этнополитических групп часто стимулируют негативные тенденции в системе этнической стратификации. Эти изменения сопровождаются определенными издержками, которые создают обстановку напряженности в обществе.

Слабое развитие институтов гражданского общества и низкий уровень политической культуры населения препятствуют эффективному воплощению в жизнь мер по борьбе с этнонациональными конфликтами, которые разрушают единство республики. Необходимо устранить всякого рода попытки давления со стороны доминирующей культуры. Процессы насильственной ассимиляции культур и искусственное вмешательство в традиции нарушают гармонию формирования свободного сообщества людей, сформированного из разных этнических групп.

Литература

1. Абдулатипов Р.Г. Российская нация. Этнонациональная и гражданская идентичность россиян в современных условиях – М.: Научная книга, 2005. – 172 с.

2. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: В 2 т. – М.: ВЕЧЕ-АСТ, 1999. – 528 с.

3. Ибрагимов М.-Р.А. Этноконфессиональная ситуация в постсоветском Дагестане. / Историческая Этнография. Сборник статей. – Выпуск 2. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. – С. 62-77.

4. Всероссийская перепись населения – 2010 [электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>

5. Тишков В.А. Республика Дагестан [электронный ресурс]. URL: <http://valerytishkov.ru>

6. Хрущев С.А. Сколько народов живет на территории России? [электронный ресурс] 06.02.2015. URL: <http://history.spbu.ru> (дата обращения 15.02.2017).

7. Закон Республики Дагестан от 16.08.1994 г. «О Государственном совете Республики Дагестан».

8. Постановление № 191 от 18.10.2000 г. Государственного совета РД «О коренных малочисленных народах РД».

9. ФЗ-82 от 30.04.1999 г. «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации».

АФРИН – ОЛИВКОВАЯ СТОЛИЦА СИРИИ В КУРДСКИХ ГОРАХ
AFRIN – THE OLIVE CAPITAL OF SYRIA IN THE KURDISH MOUNTAINS

Василенко Т.С.
Vasilenko T.S.

ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»,
г. Москва
Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow

Аннотация. Цель работы – дать краткую социально-экономическую характеристику Африну, небольшому району, расположенному к северо-западу от Алеппо в Сирийской Арабской Республике.

Abstract. *The purpose of this work is to give a brief socio-economic description of Afrin, a small area located North-West of Aleppo in the Syrian Arab Republic.*

Ключевые слова: Африн, оливковое масло, курды, Сирия, Алеппо.

Keywords: *Afrin, olive oil, Kurds, Syria, Aleppo.*

Африн находится на берегу одноименной реки, на северо-западе Сирии, где средневисотные горные массивы, сложенные преимущественно известняками, отличаются сильной изрезанностью. Красочная природа сирийского предгорья с плодородными почвами и регулярными осадками значительно отличается от пустынных пейзажей большей части страны. Благоприятный климат позволяет выращивать на здешних полях пшеницу и картофель, в садах растет виноград и гранат, однако характерным пейзажем Африна являются многочисленные оливковые рощи, раскинувшиеся на пологих склонах Курдских гор.

Олива является не только символом, но и важным источником дохода для местного населения, поскольку считается, что на Африн приходится до 25% валового сбора оливок в Сирии [1], входящей в число их крупнейших производителей в мире. По оценкам местной администрации, в окрестностях Африна на площади 77 тыс. га растет от 9 млн до 13 млн оливковых деревьев [2]. По другим данным, насчитывается до 21 млн деревьев [3].

Стремительный рост численности населения Сирии во второй половине XX в. привел к необходимости увеличения производства в республике основных продуктов питания, в том числе оливкового масла. Если в 1975 г. оливами было засажено 183 тыс. га и насчитывалось 20,9 млн деревьев [4], то к 1992 г. было уже 300 тыс. га и 30 млн деревьев [5], а уже в 1997 г. суммарная площадь под оливами в республике составляла 400 тыс. га [6]. К 2011 г. в Сирии собиралось около 1 млн т оливок в год, из которых производилось около 200 тыс. т оливкового масла, на этом производстве трудилось около 100 тыс. сирийских семей [7]. Таким образом, если исходить из того, что на Африн приходится около четверти от валового производства оливок в Сирии, то можно предположить, что около 25 тыс. афринских семей занимались оливководством. Еще не так давно в районе Африна работало 250

кооперативов по переработке оливок, 20 перерабатывающих оливковое масло и 50 производящих мыло [8]. Учитывая, что численность населения Афринского района в 2004 г. составляла 172,1 тыс. человек [9], можно оценить значимость культуры оливы для местного населения.

Часть собранных в Африне оливок реализуется на продовольственных рынках, другую часть, как правило, отправляют на переработку в Алеппо. Близость к этому двухмиллионному сирийскому мегаполису (до которого около 50 км) помогала афринским фермерам стабильно реализовывать свою продукцию. В городе было много небольших производств (как правило, семейных), изготавливающих на основе оливкового масла известное алеппское мыло [10]. Благодаря налаженным деловым и личным связям, афринские курды были органично интегрированы в торгово-экономическую столицу Сирии, на севере которой имелись многочисленные курдские кварталы, например, в районе Шейх-Максуд.

Начавшийся в 2011 г. сирийский конфликт привел к негативным последствиям в экономике республики, в том числе в ее основе – сельском хозяйстве. Так, по некоторым оценкам, производство оливок к 2015-2016 гг. сократилось до 850 тыс. т [11]. Разрастание вооруженного конфликта привело к нарушению экономических связей: стало небезопасно перевозить продукцию по сирийским дорогам, война привела к закрытию во всей республике множества лавок, в том числе Сук ас-Сабуна (мыльного рынка) в Алеппо. Обнищание большей части населения республики значительно снизило покупательскую способность на внутреннем рынке. Экспортные же поставки в настоящее время практически полностью прекратились, во многом из-за невозможности доставить готовую продукцию в порт Латакии – морским воротам республики. Но полным коллапсом ситуацию назвать нельзя, сведения о поставках продукции в страны ЕС иногда поступают [12].

Африн относится к старинным горным культурным центрам, которые с древних времен всегда были населены [13]. Автохтонным населением здесь являются курды, чьи первые поселения в здешних горах, по мнению некоторых исследователей, относятся к эпохе Селевкидов [14]. Подавляющее большинство афринских курдов являются мусульманами-суннитами. Есть и курды-езиды, численностью до 10 тыс. человек. На севере проживает община туркмен (туркоман). Доля арабского населения, по некоторым оценкам, составляет около 10% [13]. В отличие от других курдов, у афринских курдов клановая структура (аширеты) традиционно не играет большой роли.

Находясь в стороне от основной части сирийского Курдистана, афринские курды сумели избежать проводимой в прошлом сирийскими властями политики арабизации. В то же время, имея на севере и западе границу с Турцией, они достаточно уязвимы от позиции Анкары, особенно в период ослабления Дамаска.

Литература

1. Özgür Gündem: Турецкая ежедневная газета [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ozgur-gundem.com/haber/146951/efr-nde-zeytin-hasadi-basladi>. (дата обращения 12.01.2018).
2. Информационное агентство АННА [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.hawarnews.com/начался-сбор-урожая-оливок/> (дата обращения 12.01.2018).
3. Nevin Osman. Wealt FM [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.welat.fm/en/olive-crop-in-afrin-for-this-year/> (дата обращения 12.01.2018).
4. Прошин Н.И. Сирия: Серия «У карты мира». – М.: Мысль, 1979. – С. 53.
5. Сирия: справочник / [рук. авт. коллектива А.О. Филоник]; отв. ред. В.В. Наумкин; ИВ РАН. – М.: Наука, 1992. – С. 255.
6. Сирийская Арабская Республика / В.М. Ахмедов, О.П. Бибилова, А.И. Вавилов и др. Институт изучения Израиля и Ближнего Востока. – М., 1997. – С. 108.
7. FAO/WFP crop and food security assessment mission to the Syrian Arab Republic [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org/3/a-i7578e.pdf> (дата обращения 12.01.2018).
8. Yılmaz Sedat. News from the Revolution in Rojava and Wider Kurdistan [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rojavareport.wordpress.com/2014/12/22/efrin-economy-minister-rojava-challenging-norms-of-class-gender-and-power/> (дата обращения 12.01.2018).
9. Википедия [электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%84%D1%80%D0%B8%D0%BD_\(%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%90%D1%84%D1%80%D0%B8%D0%BD_(%D1%80%D0%B0%D0%B9%D0%BE%D0%BD)) (дата обращения 12.01.2018).
10. Oweis Khaled Yacoub: Reuters [электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-syria-soap/modern-threat-to-syrias-ancient-aleppo-soap-industry-idUSTRE69L1ID20101022> (дата обращения 12.01.2018).
11. FAO/WFP crop and food security assessment: mission to the Syrian Arab Republic [электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fao.org/3/a-i6445e.pdf> (дата обращения 12.01.2018).
12. Campagne Jean-Pierre. Your Middle East Foundation [электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.yourmiddleeast.com/features/famous-aleppo-soap-victim-of-syrias-conflict_9985 (дата обращения 12.01.2018).
13. Флах А. Курдистан: Реальная демократия в условиях войны и блокады / Аня Флах, Эркин Айбога, Михаэль Кнапп. – М.: Радикальная теория и практика, 2016. – С. 34-35.
14. Sperl Stefan, Kreyenbroek Philip G. The Kurds a Contemporary Overview. – London: Routledge, 1992. – P. 116.

ГЕОГРАФИЯ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА В НИГЕРИИ
GEOGRAPHY OF MODERN TERRORISM IN NIGERIA

Ключников М.И.
Klyuchnikov M.I.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва
Lomonosov Moscow State University

Аннотация. Современной террористической активности в Нигерии способствовал ряд предпосылок – этноконфессиональных, исторических, политических. С середины-конца 2000-х годов наблюдается сдвиг террористической активности из юго-восточных штатов страны (Дельта Нигера) на северо-восток (исламские штаты). Такой территориальный сдвиг согласуется с общемировыми тенденциями роста религиозного терроризма.

Abstract. *Modern terrorist activity in Nigeria was promoted by a number of factors – ethnoconfessional, historical, political, etc. Since the middle of the 2000s there has been a territorial shift in terrorist activity from the southeastern states (Delta) to the northeast (Islamic states). Such a territorial shift is consistent with the worldwide trends in the growth of religious terrorism.*

Ключевые слова: Африка, Западная Африка, Нигерия, исламский экстремизм, терроризм, политическая география.

Keywords: *Africa, West Africa, Nigeria, Islamic extremism, terrorism, political geography.*

К началу XXI в. терроризм стал глобальной проблемой, избежать последствий которой не смог и Африканский континент. Единого подхода к определению терроризма и террористической деятельности не существует: в работах по географии терроризма под ним понимают «насильственные противоправные действия, используемые для физического устранения противника или навязывания ему определенной линии поведения, деморализации общества, разрушения государственных институтов». [6] Феномену терроризма посвящены многочисленные работы зарубежных и отечественных авторов (см. например, [1, 2, 4, 6, 7, 11]). Так, американский политолог Д. Рапопорт выделяет 4 волны терроризма, сменяющих друг друга последовательно [11]: анархистская (1880–1920-е гг.), антиколониальная (1920–1960-е гг.), леворадикального (1960–1990-е гг.) и религиозного (с начала 2000-х гг.) терроризма. И.В. Супрунчук выделяет хронологические этапы нового терроризма [7]: начало XX в. (1900–1910-е гг.), межвоенный период (1920–1930-е гг.), послевоенный (1950–1960-е гг.), 1970–1990-е гг. и современный этап (с начала 2000-х гг.). Многие исследователи сходятся в том, что новому этапу, стартовавшему с начала текущего века, свойственны высокая роль религиозного фактора, транснациональность, тактика асимметричной войны, использование тактики устрашения преимущественно

по отношению к мирному населению, широкое применение террористами современных информационно-коммуникационных технологий.

В странах постколониальной Западной Африки становление государственности с 1960-х годов осложнялось и осложняется рядом исторических, этнолингвистических, социально-экономических, политических и иных факторов. На территориях к югу от Сахели проходит культурно-цивилизационный и конфессиональный разлом между исламским миром с одной стороны и христианской и анимистско-традиционалистской Тропической Африкой с другой [3]. Формирование разлома стало предпосылкой развития политических конфликтов, одной из форм проявления которых стал терроризм. Широкий конфессиональный раскол в Западной Африке сегодня охватывает Сенегал, Гвинею, Кот-д'Ивуар, Гану, Того, Бенин, Буркина-Фасо и Нигерию. Во многом раскол предопределил особую остроту религиозных конфликтов в регионе.

Не стала исключением и Нигерия: с момента получения независимости в 1960 г. страна пережила гражданскую войну (войну за независимость сепаратистской Биафры в 1967–1970-х гг.), серию межконфессиональных столкновений на севере и в центре страны [5]. Политические события подтолкнули страну к переносу столицы из южного Лагоса в «этнически и религиозно нейтральную» Абуджу в 1991 г., поиску межконфессионального компромисса в 1990-х гг., решению исламского вопроса в рамках укрепления федерализации. Однако данные меры смогли лишь частично снизить межконфессиональную напряженность.

Эхом борьбы за независимость Биафры вплоть до конца 2000-х гг. отдавалась активная деятельность ряда группировок в Дельте Нигера, в той или иной мере выступающих за обособление от федерального центра. Одним из основных террористических акторов в 2000-х гг. в стране стало Движение за освобождение Дельты Нигера (МЕНД) [9], и именно юго-восток страны на десятилетие стал главным плацдармом террористической деятельности. Терроризм здесь можно все еще рассматривать в качестве «побочной», вторичной волны колониального (по Д. Рапопорту) терроризма. Тем не менее, усилия властей по борьбе с повстанцами приводят к спаду террористической активности в Дельте Нигера; ареал таковой сдвигается на север, в исламские штаты. Примечательно, что сама МЕНД, члены которой составляют преимущественно христиане, с конца 2000-х гг. вступила в конфронтацию с исламскими террористическими группировками из северных штатов, препятствуя экспансии исламских экстремистов на юго-восток страны.

На фоне обостряющихся межрелигиозных противоречий с конца 2000-х гг. в Нигерии проявляет активность группировка «Боко Харам»¹ [8, 10], выступающая за введение законов шариата и искоренение западного образа жизни. С 2009 г. группировка ведет борьбу против властей в северо-восточных штатах страны, устраивая вооруженные вылазки и теракты против мирного населения.

¹ «Боко Харам» и «Аль-Каида в странах исламского Магриба» – террористические организации, запрещенные на территории РФ.

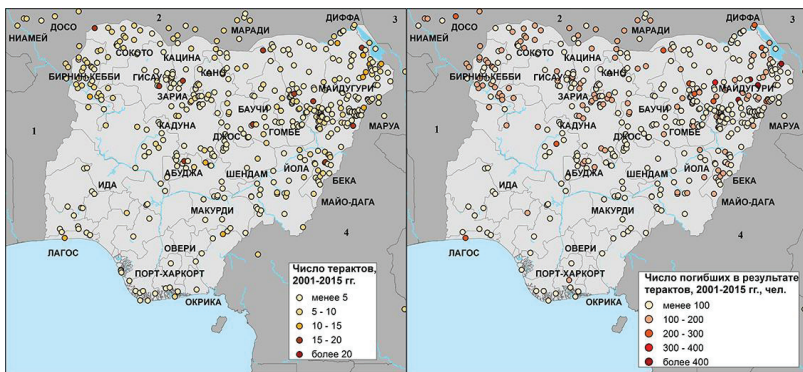

Рис. 1 и 2. Число терактов и число погибших в терактах по всем группировкам в Нигерии и в сопредельных странах, 2001–2015 гг.

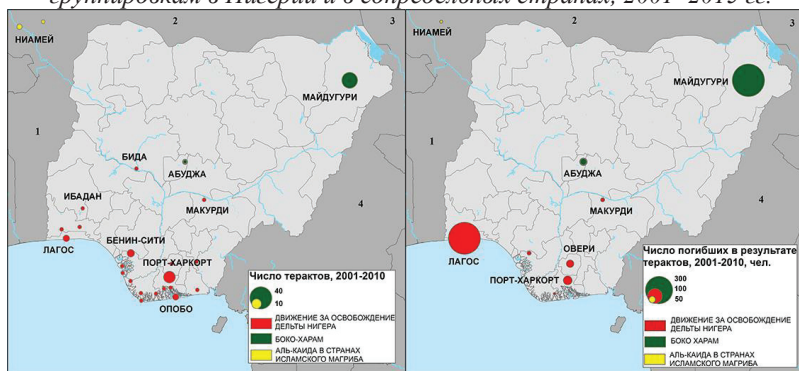

Рис. 3 и 4. Число терактов и число погибших в терактах трех крупнейших группировок в Нигерии и в сопредельных странах, 2001–2010 гг.

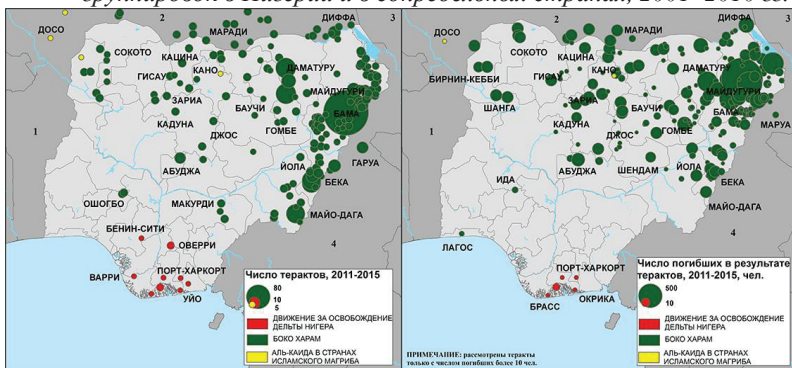

Рис. 5 и 6. Число терактов и число погибших по итогам терактов трех крупнейших группировок в Нигерии и в сопредельных странах, 2011–2015 гг. Составлено по данным: [9].

Цифрами на картосхемах обозначены: 1 – Бенин, 2 – Нигер, 3 – Чад, 4 – Камерун.

В 2015 г. «Бoko Харам» присягнула на верность т.н. «Исламскому государству» («ИГ»), объявив о создании «Западноафриканской провинции ИГ», и осуществила ряд вылазок в приграничные районы Камеруна, Чада, Нигера; то есть ее деятельность приобрела трансграничный характер. Однако, несмотря на номинально надэтническую исламскую идеологию и поддержку со стороны «ИГ», террористы не способны закрепиться даже на территориях с преобладающим мусульманским населением и остаются региональной силой, не могущей противопоставить себя федеральному центру.

Таким образом, в Нигерии с начала 2010-х гг. и по настоящее время происходит сдвиг террористической активности с юго-востока страны на северо-восток, что логично согласуется с волной обострения религиозных противоречий в странах Северной Африки и на Ближнем Востоке. Однако исламисты на севере страны, как видится автору, уже достигли пика своей территориальной экспансии, и без поддержки извне (главным образом, на фоне успехов в борьбе с «Исламским государством» в Сирии, Ираке и Ливии и без прочной опорной базы внутри страны) их террористическая активность неизбежно пойдет на спад. Прогнозировать, какая группировка могла бы занять образовавшийся в итоге этого вакуум, сегодня кажется преждевременным.

Литература

1. Бражалович Ф.Л., Ключников М.И., Лукьянов А.И. Политико-географические аспекты проблемной государственности (на примере Сомали) // География и природные ресурсы. – 2016. – № 3. – С. 181–188.
2. География терроризма: полимасштабный анализ террористической деятельности: информационно-аналитический атлас / Белозеров В.С., Супрунчук И.П., науч. ред. П.М. Полян. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2012. – 48 с.
3. Ключников М.И. Межконфессиональный разлом» в странах Западной Африки: варианты Нигерии и Кот-д’Ивуара // Географические исследования Евразии: история и современность. Мат-лы междунар. науч.-практ. конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – М.: Изд-во «Перо», 2016. – 936 с. – С. 599–602.
4. Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты). М.: Ин-т Африки РАН, 2013. – 459 с.
5. Нигерия // Большая Российская энциклопедия. – Т. 22. – М.: Научн. изд-во «Большая российская энциклопедия», 2013. – С. 585–587.
6. Попов И.В. География современного терроризма в странах Европейского Союза. Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. – М.: МПГУ, 2009. – 22 с.
7. Супрунчук И.П. Историко-географические особенности террористической деятельности в мире // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 11. Естеств. науки. – № 3(13). – 2015.

8. Comolli V. The Regional Problem of Boko Haram // Survival: Global Politics and Strategy. – 2015. – V. 57. – № 4. – Pp. 109–117.

9. Global Terrorism Database // START, University of Maryland. URL: www.start.umd.edu/gtd

10. Pate A. Boko Haram: An Assessment of Strengths, Vulnerabilities, and Policy Options. Report to the Strategic Multilayer Assessment Office, Department of Defense, and the Office of University Programs, Department of Homeland Security. – College Park MD: START, 2014.

11. Rapoport D.C. Terrorism: Critical Concepts in Political Science. – In 4 Vols. – New York: Routledge, 2006. – 2376 p.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА СОВРЕМЕННОГО МИРА:
РАЗВИТИЕ И ПРОБЛЕМЫ
POLITICAL MAP OF THE MODERN PEACE: DEVELOPMENT AND ISSUES

Кузнецов В.В.¹, Сафронова Л.Е.²
Kuznetsov V.V., Safronova L.E.

¹Владимирский филиал РАНХиГС при Президенте РФ, г. Владимир
Vladimir Branch of the Russian Academy of Science and Technology

²Владимирский государственный университет им. А.Н. и Г.Н. Столетовых,
г. Владимир
Vladimir State University named after A.N. and G.N. Stoletov

Аннотация. В статье анализируется развитие политической карты мира на новом этапе, место и роль России в современном мире.

Abstract: *Authors analyze the development of the political map of the world at a new stage, the place and role of Russia in the modern world.*

Ключевые слова: политическая карта мира, Россия, США, ЕС.
Keywords: *political map of the world, Russia, USA, EU.*

Современная наука уделяет должное внимание геополитике и политической географии [2, 3, 7]. По авторитетному мнению В.П. Максаковского, политическая карта мира представляет собой очень сложное и динамичное образование [4, 5, 6]. Он же отмечал, что «хорошее знание современной политической карты мира – это необходимый элемент географической культуры каждого человека» [6, с. 136].

В конце XX в. произошло коренное изменение политической карты мира. Биполярный мир, в котором шло соревнование между социализмом и капитализмом, происходили «холодная война» и гонка вооружений, стал другим. Во-первых, две Германии (ФРГ и ГДР) и Западный Берлин стали единым государством со столицей в Берлине. Во-вторых, из состава Советского Союза вышли государства Прибалтики: Литва, Латвия и Эстония.

В-третьих, прекратил свое существование Советский Союз, 31 декабря 1991 г. главы Белоруссии, России и Украины в Беловежской Пуще заявили о роспуске СССР и формировании СНГ (Содружества Независимых Государств). В-четвертых, в социалистических странах Европы произошли «бархатные революции», и они стали строить рыночную экономику.

Люди задают вопрос: какой он современный мир – однополярный или многополярный? США в лице конгресса и президента Д. Трампа говорят об однополярном мире во главе с США и пытаются строить такой мир. Большинство политиков остального мира говорят о том, что в настоящее время мир стал многополярным.

Кроме Большой семерки (США, Япония, ФРГ, Франция, Великобритания, Италия и Канада), на карте мира выросли новые крупные геополитические игроки: КНР, Индия, Бразилия, Мексика, Индонезия, Турция, Иран и новая Россия. Из стран Африки сюда стучатся Нигерия и Египет. В лексиконе политиков появился новый термин – «большая двадцатка» стран мира, представители которой регулярно собираются и совместно обсуждают социальные, экономические и политические проблемы современного мира.

Существенно изменилась Китайская Народная Республика, ее ВВП с учетом ППС – самый крупный в мире. Вырос и ВВП страны на душу населения: в 2016 г. он составил 10 тыс. долларов (50-е место в мире). Китай стал самой крупной торговой державой мира. Китайская Народная республика включила в свой состав Гонконг (Сянган) и Аомынь (Макао) и строит социализм с элементами рыночной экономики, приглашает Китайскую Республику (Тайвань) войти в состав единого китайского государства. Китайская Республика с ВВП 1125 млрд долларов занимает 22-е место в мире, а по ВВП на душу населения (47,8 тыс. долларов) стоит в мире на 21-м месте.

Существенно расширился военный блок НАТО, в него в настоящее время входят 28 стран. В 1999 г. членами НАТО стали Чехия, Польша, Венгрия; в 2004 г. – Болгария, Румыния, Словакия, Словения, Латвия, Литва и Эстония; в 2009 г. – Албания и Хорватия. Стремятся войти в НАТО Грузия и Украина. НАТО приближается к границам России.

В своей новой военной доктрине США объявили главными врагами Россию, КНР, КНДР и Иран. Пытается найти себя в новом мире Великобритания. Она с 1973 г. пыталась это сделать в единой Европе, в которой на первых позициях стояли Германия и Франция, но в 1991 г. Германия существенно усилилась из-за объединения ФРГ и ГДР в единое немецкое государство. Великобритания в настоящее время выходит из Европейского Союза и ищет себя в новом мире. Свое новое место Великобритания, ведомая премьер-министром Терезой Мэй, видит в антироссийской политике.

Следует отметить, что вслед за Великобританией свое место на политической карте мира на основе антироссийской политики хочет занять и Польша, которая заявляет о том, что она является ведущей страной Восточной Европы и вместе с Германией и Францией должна стоять во главе

Европейского Союза. Но по своей экономической мощи Польша (ВВП с учетом ППС – 1051 млрд долларов) в мире стоит только на 24-м месте, а в Европейском Союзе, из которого пока еще не вышла Великобритания, – на 6-м месте. По ВВП на душу населения с учетом ППС, по данным МВФ, Польша (27,7 тыс. долларов) в мире стоит только на 43-м месте, а в Европейском Союзе – на 24-м. Польше, безусловно, пока рано претендовать на роль крупной экономики Европы, ей необходимо усилить свою экономическую мощь и изменить структуру экономики.

Руководство Украины во главе с президентом Петром Порошенко все в большей степени занимает антироссийскую позицию. Хотя существенно сократился демографический и экономический потенциал Украины, она стала нищей окраиной Европы, ее не включают ни в НАТО, ни в ЕС. В СССР Украина была одним из оплотов Союза, его индустриальной опорой, одной из главных житниц СССР. По душевому ВВП с учетом ППС она в современном мире с показателем 8,5 тыс. долларов занимает только 118-е место. Россия стоит на 55-м месте с показателем 25,7 тыс. долларов.

Россия говорит о новом мире и видит его дружественным, мирным и многополярным. Президент В.В. Путин в своем послании Федеральному собранию и всей России отметил: «нам вместе отвечать на сложнейшие вызовы, обеспечивать всеобщую безопасность, строить будущий мир, который становится все более взаимосвязанным, где активно набирают динамику интеграционные процессы» [1].

На территории бывшего СССР есть целый ряд нерешенных территориальных вопросов: вопрос о признании Абхазии и Южной Осетии суверенными государствами, вопрос о статусе Нагорного Карабаха и Приднестровской Молдавской Республики со столицей в Тирасполе.

ООН признает суверенными 194 государства, а стран и территорий в мире – около 250. Все эти территории ждут решения вопросов об их статусе. Среди этих территорий можно упомянуть Квебек, Каталонию, Страну Басков, Тибет, Курдистан и ряд других.

Политической основой современного мирового сообщества является Организация Объединенных Наций, созданная в 1945 г. и активно развивающаяся. В настоящее время из 194 суверенных государств мира, все, кроме Ватикана, входят в ООН. Самым новым членом ООН является Южный Судан, он появился на политической карте мира 9 июля 2011 г. и принят в состав ООН 14 июля 2011 г.

Политическая карта мира продолжает динамично развиваться. Растет число суверенных государств, все они активно сотрудничают и взаимодействуют друг с другом.

Литература

1. Путин В.В. Послание президента Путина Федеральному Собранию РФ // Российская газета. 2018. – 2 марта.

2. Желтов В.В., Желтов М.В. Геополитика: история и теория. – М.: Вузовский учебник, 2018. – 445 с.

3. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 479 с.
4. Максаковский В.П. Историческая география мира. Учебное пособие для вузов. – М.: Экопрес, 1997. – 584 с.
5. Максаковский В.П. Географическая картина мира. В 2 кн. Кн. 1: Общая характеристика мира. – М.: Дрофа, 2003. – 496 с.
6. Максаковский В.П. Общая экономическая и социальная география. Курс лекций. В двух частях. Часть 1. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2009. – 367 с.
7. Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. – М.: Новый хронограф, 2009. – 372 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЛЫХ РАЙОНОВ
МОСКВЫ
HISTORICAL STAGES OF FORMATION OF RESIDENTIAL AREAS IN MOSCOW

Кузьмин Г.В.
Kuzmin G.V.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва
Lomonosov Moscow State University

Аннотация. В данной статье рассмотрены этапы формирования жилых районов Москвы в XX и начале XXI вв. На основе данных, полученных с помощью историко-описательного, картографического и статистического методов, было выявлено, что в структуре жилого фонда, в целом по городу и по отдельным районам, сохраняется наибольший вклад этапа 1956-1971 гг.

Abstract. *This paper shows formation periods of residential areas of Moscow for the 20th and beginning of the 21st century. According to the data collected by historic-descriptive, cartographic and statistical methods, the period of 1956-1971 left the most significant impact on the structure of housing.*

Ключевые слова: жилищное строительство, районы Москвы, возраст жилого фонда.

Keywords: *housing construction, Moscow districts, the age of the housing stock.*

Существующая жилая застройка Москвы формировалась в рамках различных исторических этапов. Цель данной работы – выявление роли каждого этапа в формировании районов Москвы. Перед исследованием были поставлены следующие задачи:

- описание основных направлений изучения формирования жилой застройки Москвы;

- определение основных этапов формирования жилой застройки Москвы;

- проведение анализа возрастных характеристик жилого фонда по районам города.

Формирование жилой застройки Москвы и процессы, возникающие в результате ее трансформации, были описаны в работах специалистов, работающих в различных научных направлениях. К ним относятся архитектурно-градостроительное, историко-культурологическое, экономика города, изучение социальной дифференциации и георбанистическое направления (табл.). Основные различия между направлениями связаны с определением предмета исследования и используемыми методами.

Таблица. Исследования трансформации жилой застройки Москвы различными научными направлениями

Направления	Исследователи	Раскрываемые аспекты
Архитектурно-планировочное	А.И. Мешков, К.С. Мельников, И.А. Фомин, И.В. Жолтовский, В.Н. Семенов, С.Е. Чернышев А.Н. Белоконов, Ю.А. Дыховичный, Л.К. Дюбик	Анализ структурных элементов города. Типы застройки и их влияние на социальное пространство. Архитектурное наполнение как индикатор внутригородских различий.
Историко-культурологическое	В.Н. Горлов, А.В. Иконникова, И.П. Кулакова, Н.Б. Лебина, А.Н. Чистиков	Этапы формирования города. Исторические социокультурные аспекты, находящие отражение в городском пространстве.
Изучение социальной дифференциации	О.И. Шкаратан, Л.Б. Коган, Н.Б. Барбаш, О.Е. Трущенко, Д.В. Голоухова	Взаимовлияния социальной и пространственной дифференциации внутри города.
Экономика города	А.С. Пузанов, Н.Б. Косырев, Н.Ф. Позднякова	Распределение ресурсов в городском пространстве. Факторы пространственных различий экономической активности.
Комплексное географическое (георбанистическое)	Ю.Г. Саушкин, В.Г. Глушкова, В.Я. Любовный, О.И. Вендина, А.Г. Махрова, А.А. Попов	Комплексное описание внутригородского пространства Москвы.

Составлено автором на основе [1-12].

Основными методами данного исследования являлись историко-описательный, картографический и статистический. На основе историко-описательного метода были определены исторические этапы формирования жилой застройки Москвы, а также факторы, определяющие их различия. По

данном сайта реформы ЖКХ, для каждого района города были определены этапы формирования жилой застройки на основе доли сданных в эксплуатацию домов каждого этапа.

Формирование жилой застройки исследуемого периода было разбито на 7 этапов. Границы этапов определены по ключевым историческим и планировочным событиям и строительным «волнам» в Москве. Границами этапов являются: Октябрьская революция 1917 г., принятие генерального плана реконструкции Москвы (далее – Генплан) в 1935 г., Великая Отечественная война (1941-1945 гг.), постановление ЦК КПСС «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» в 1955 г., принятие Генплана 1971 г., распад СССР в 1991 г., принятие Генплана 2007 г.

Основными факторами, определяющими характер жилой застройки на каждом этапе, являлись:

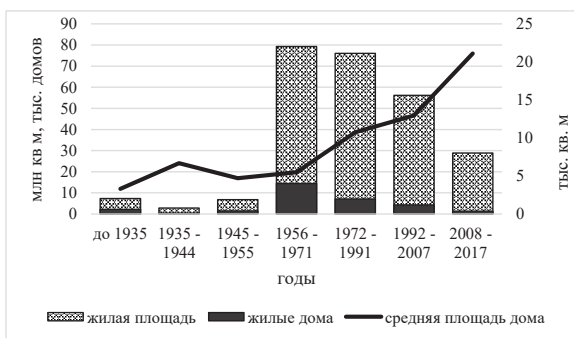
Существующие технологии и стандарты строительства. Так, на первом этапе требования к возводимому жилью были минимальными, так как дефицит жилых площадей был крайне высок. С середины 1930-х годов произошло повышение жилищных стандартов. Однако, из-за покомнатного расселения, связанного с острым дефицитом жилья, преимущества возводимого жилого фонда сводились на нет. Ситуация была кардинально изменена в середине 1950-х годов, когда произошел переход к строительству типового жилья. Хотя к ряду характеристик возводимого жилья снизились требования, масштабы жилищного строительства позволили уменьшить дефицит жилья в Москве. Постепенно с внедрением новых технологий жилищные стандарты стали повышаться. Также стала увеличиваться этажность вследствие снижения резервов территории.

Целевые и идеологические установки государственных и городских властей. Данный фактор являлся ответом на вызовы, связанными с дефицитом жилья, который был характерен для большинства этапов. Во многом этим обусловлены идеи «нового быта» в первые советские годы. С этим же связан отказ от «излишеств» в архитектуре, так как требовался переход к более дешевому и массовому жилищному строительству. Разнообразие возводимого на постсоветском этапе жилья также связано с установками рыночной экономики, предполагающими рост неоднородности в спросе на рынке недвижимости.

Территориальные ресурсы города и изменения его границ. За исследуемый период значительные изменения границ происходили в 1923, 1960 и 2012 гг. В 1920-е годы в рамках плана Щусева «Новая Москва» произошел рост границ города от Камер-Коллежского вала вплоть до Окружной железной дороги, в 1960 г. границей города стала МКАД, а 2012 г. ознаменовался присоединением территории Новой Москвы. До второй половины 1960-х годов движение границ города позволяло экстенсивно использовать ресурсы территории для жилищного строительства. Однако, к концу 1960-х годов наметился дефицит свободных территорий, что вызывало необходимость повышения плотности жилой застройки и строительства в районах с более технологически сложными условиями. Дефицит

территориальных ресурсов в границах МКАД увеличивался вплоть до современного этапа.

На общую возрастную структуру жилых домов в Москве наибольшее влияние оказывает этап начала массовой типовой застройки (1956-1971 гг.). На начало 2018 г. около 14,5 тыс. жилых домов относятся к данному этапу. В общей структуре жилого фонда Москвы наименьшую долю составляют дома, сданные в эксплуатацию с 1935 г. до 1944 г. Домов данного этапа в Москве сохранилось около 500.

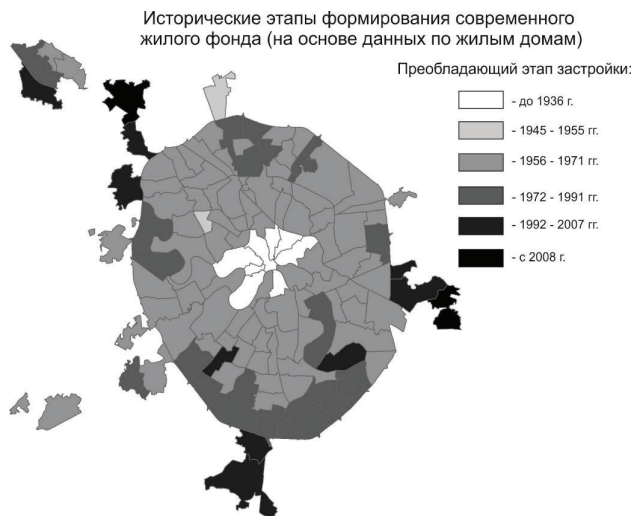
Источник: [13]

Рис. 1. Распределение существующего жилого фонда Москвы по времени строительства и средняя жилая площадь дома (тыс. м²), млн м² и тыс. домов. Составлено автором

Структура жилого фонда по площади имеет другое распределение. Также высокое значение имеет этап 1956-1971 гг. На данный этап приходится 79,3 млн м² жилой площади Москвы. Однако, жилая площадь домов, сданных в эксплуатацию в 1972-1991 гг. уступает лишь на 3,2 млн м² в то время как количество домов данного этапа меньше более чем 2 раза. Это обусловлено ростом средней площади жилых домов, которая продолжает увеличиваться вплоть до современного этапа. Однако, общая жилая площадь домов, относящейся к современному этапу (2008-2017 гг.), уступает последним советским этапам более чем в 2 раза, что при высокой потребности жилого строительства отражает характер освоения территориальных ресурсов районов Москвы.

Сохранившиеся жилые дома предвоенного и военного периода (1936-1944 гг.) имеют большие значения средней жилой площади, нежели дома, относящиеся к послевоенному десятилетию (1945-1955 гг.) и началу массового типового строительства, что свидетельствует как о архитектурно-инженерных различиях данных этапов, так и фрагментарности сохранности предвоенного жилого фонда, выбыли наиболее недолговечные дома, которые обычно имеют меньшую жилую площадь.

В большинстве районов центра, за исключением Якиманки и Таганского преобладают дома, построенные до 1936 г. Однако, в центральных районах активно велось строительство на постсоветском этапе, поэтому для них характерна также высокая доля «молодого» жилого фонда. Дома 1936-1944 гг. постройки не преобладают ни в одном из районов Москвы. Их строительство велось в основном в тех же районах, где активно происходило жилищное строительство на предыдущем этапе. Послевоенная жилая застройка преобладает в районах Сокол и Северный. Однако, стоит отметить, что для района Северный характерна значительная доля домов, по которым на сайте реформы ЖКХ нет данных по году их сдачи в эксплуатацию, что искажает реальную структуру жилого фонда района.

Источник: [13]

Рис. 2. Исторические этапы формирования жилой застройки районов Москвы. Составлено автором

Дома этапа 1956-1971 гг. преобладают в большинстве районов. В 65% районов доля домов, относящихся к данному этапу, больше, чем доли других исторических отрезков. Данные районы расположены повсеместно в границах МКАД. Дома 1972-1991 гг. преобладают, в основном, в районах примыкающих к внутренней стороне МКАД в северной (Бибирево, Лианозово, Ярославский) и южной (Братеево, Орехово-Борисово Южное, Западное и Восточное Бирюлево и т. д.) частях Москвы. Постсоветская застройка имеет большую долю в структуре жилого фонда в районах, находящихся с внешней стороны МКАД: в Куркино, Митино, Новокосино, Косино-Ухтомском районе, Северном и Южном Бутово. Однако, и в пределах МКАД есть районы, сформировавшиеся в 1991-2007 гг. К ним относятся Марьино и Обручевский

район. Наиболее «молодые» по структуре сданных в эксплуатацию домов являются районы Некрасовка и Молжаниновский.

Наибольшее влияние на облик жилой застройки Москвы оказал первый этап массового типового строительства 1956-1971 гг. Почти в 2/3 районов Москвы дома, сданные в эксплуатацию на данном этапе, преобладают в структуре жилого фонда. Именно в данных районах и будет реализовываться программа реновации жилья, которая потенциально может привести к увеличению неоднородности возрастных характеристик жилого фонда, так как сохранится значительная доля домов этапа 1956-1971 гг.

Литература

1. Барбаш Н.Б. Территориальная дифференциация качества городской среды. / Проблемы качества городской среды. – М., 1989.
2. Вендина О.И. Социальный атлас Москвы. Проект Россия. – № 66. – 2013.
3. Горлов В.Н. Жилищное строительство в Москве как социокультурная проблема (1953-1991 гг.). – М., 2005.
4. Иконников А.В. Архитектура Москвы, XX век. – М.: Московский рабочий, 1984.
5. Коган Л.Б. и др. Социально-культурные функции города и пространственная среда. – М., 1982.
6. Кулакова И. История московского жилья. – М.: ОГИ, 2006.
7. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского народа: Нормы и аномалии. 1920-1930 годы. – СПб., 1999.
8. Махрова А.Г., Голубчиков О.Ю. Российский город в условиях капитализма: социальная трансформация внутригородского пространства // Вестник Московского университета. Серия 5 «География». – 2012. – № 2.
9. Позднякова Н.Ф. Развитие рынка жилой недвижимости в постсоветский период // Социальная политика и социология. – 2011. – № 4. – С. 312-319.
10. Попов А.А. Оценка территориальной дифференциации качества городской среды г. Москвы. Дисс. канд. геогр. наук. – 2008.
11. Саушкин Ю.Г., Глушкова В.Г. Москва среди городов мира. – М.: Мысль, 1983.
12. Трущенко О.В. Престиж центра: городская социальная сегрегация М., 1995.
13. Сайт Реформы ЖКХ. URL: <https://www.reformagkh.ru/> (дата обращения – 17.02.2018 г.).

СЕЛЬСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА,
КАК КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ
*RURAL HISTORICAL SETTLEMENTS OF THE RUSSIAN NORTH AS CULTURAL
LANDSCAPES*

Куликова Н.Ю.
Kulikova N.Yu.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва
Moscow State Pedagogical University

Аннотация. Условия исторического развития северных территорий определили своеобразную консервацию реликтового крестьянского ландшафта. Русский Север – огромный единственный в своем роде исторически сложившийся заповедник деревянного зодчества, которое по праву считается вершиной русской народной архитектуры. Его высшим проявлением в православии считается храмостроительство. В данной статье автор знакомит с типами сельского поселения и традициями в культовом зодчестве на Русском Севере, а также затрагивает тему комплексной охраны природной среды на примере национальных парков.

Abstract. *The conditions for the historical development of the northern territories have determined the original preservation of the relict peasant landscape. The Russian North is a huge unique historically formed reserve of wooden architecture, which is rightly considered the pinnacle of Russian folk architecture. His highest manifestation in Orthodoxy is temple construction. In this article, the author introduces the types of rural settlements and traditions in the cult architecture in the Russian North, and also touches on the topic of integrated protection of the natural environment by the example of national parks.*

Ключевые слова: сельское поселение, заповедник деревянного зодчества, храмостроительство, традиции, охрана природной среды.

Keywords: *rural settlement, reserve of wooden architecture, temple building, traditions, protection of the environment.*

В географическом смысле культурный ландшафт – не просто результат сотворчества человека и природы, но также целенаправленно и целесообразно формируемый природно-культурный территориальный комплекс, который обладает структурной, морфологической и функциональной целостностью и развивается в конкретных физико-географических и культурно-исторических условиях. Условия исторического развития северных территорий определили своеобразную консервацию реликтового крестьянского ландшафта [0]. Там, где природные условия и стратегическое положение благоприятствовали, возникли первые города, а где природные ресурсы стали поводом для развития лесной и добывающей промышленности появились рабочие поселки и индустриальные центры со своей особенной культурой покорителей природы.

На остальной же территории, среди бескрайней тайги и болот, образовались очаги сельского расселения, где северный крестьянин создал и сохранил до сегодняшнего дня свой удивительный микрокосм, воплощенный в пространственной структуре поселений и угодий, мифах и духовных традициях, устройстве быта и хозяйства, сакральном осмыслении окружающего мира.

Наличие на территории Русского Севера таких крупных рек, как Онега, Северная Двина с Сухоней, Вычегдой, Вагой и Пинегой, Мезень и Печора предопределили два типа заселения: речное при большой реке, когда деревни размещаются преимущественно на одном берегу реки, и речное при малой реке, когда деревни размещены на обоих берегах реки. Наличие же таких крупных озер с изрезанными контурами берегов и группами островов, как Онежское, Водлозеро, Кенозеро, Почозеро, Сямозеро, Сандал, Лижозеро, способствовало распространению озерного типа заселения: полуостровному и островному. На берегах Белого моря основывались приморско-прибрежный и приморско-приречный типы заселения, как на самом побережье, так и в устьях рек, впадающих в море (возможность проникновения вглубь материка, наличие пресной воды, речной рыбный промысел и т. д.).

Одним из самых ранних и своеобразных видов поселений, характерных для Севера, был погост. Термин «погост» упоминается уже в XII в. в писцовых книгах Обонежской пятины и имеет два значения – центрального поселения и административного округа. Ввиду этого в литературе принято эти два понятия терминологически различать путем употребления выражения «погосто-место» в первом случае и «погосто-волость» – во втором. Обычно на погосто-месте (то есть в центральном селе погоста) строилась церковь или храмовый комплекс, тогда как погосто-волость составляла приход. В погостах в значении «место» происходили мирские сходы и съезды, сюда приезжали купцы – «торговые гости» (отсюда – «погост»). По погосто-волостям велся счет жителей, земель и имущества – частного и казенного. Архитектор и исследователь русского деревянного народного зодчества И.В. Маковецкий пишет: «Архитектурные ансамбли погостов имели свои масштабы и свои характерные для сельской местности организующие элементы. Границы их то сокращались до маленькой группы построек, окруженных высокими и густыми елями, то уходили в просторы полей и озер до утопающей в дымке линии горизонта. Природа, как важнейший художественный фактор, приобрела здесь особое значение. Стремление зодчего органически связать в единое неразрывное целое природу с постройкой являлось основной чертой творчества сельского строителя».

Термин «село» на страницах русских летописей появился в X в. и обозначал княжеское загородное имение. Позднее под селом понималось центральное селение, к которому тяготеют деревни. В XIX-XX вв. оно в большинстве случаев означает сравнительно крупное сельское поселение, в котором есть (или была) церковь. Таким образом, село являлось административным, торговым и общественным центром группы тяготеющих к

нему деревень. Деревня – основной тип поселения русских крестьян-земледельцев, первоначально в 1-3, позднее в 10-15 дворов.

Кроме этих трех типов поселений на Русском Севере можно выделить еще один – починок, выставку, или окол. Починок – однодворное селение. Во времена новгородского освоения Севера этот термин употреблялся в значении основания нового селения («почин», «начинать»). Часто эта первоначальная ячейка при удачном выборе места становилась первым звеном будущей деревни или села. Позднее в XVIII-XIX вв. починок, или выставкой, на Севере называли небольшие поселения, отпочковавшиеся от деревни или села в поисках лучших земель. Такой процесс и приводил постепенно к формированию на Севере гнезд (групп) селений [0].

При выборе места для поселения учитывались такие немаловажные особенности, как удобство сообщения, ориентация по солнцу, защита от господствующих ветров, уровень паводковых вод, и наряду с этим особое внимание уделялось красоте выбранного места. Природная среда подсказывала очень многое: зрительные границы селения, планировочный и композиционный приемы, место размещения общественного центра, высоту и взаиморасположение построек, обозреваемость селения и его элементов с различных направлений при движении по суше или воде.

Строительные традиции в культовом зодчестве достигли своего расцвета в XVII-XVIII вв., в гражданской архитектуре к середине – концу XIX в. Высшим проявлением народного зодчества в православии было храмостроительство. Когда в столицах уже повсеместно строили каменные храмы в стиле классицизма, на Севере России и в дальних селениях еще продолжали возводить деревянные церкви, выдержанные в древних традициях. Народные зодчие высоко оценивали качества древесины как строительного материала, ее обилие и дешевизну, способность сохранять тепло, сравнительную долговечность и «спорость» – возможность возводить деревянные строения в короткие сроки и практически в любое время года.

Деревянные храмы Русского Севера являются уникальным явлением для мировой архитектуры. Они самобытны и не имеют аналогов в зодчестве других стран. Церкви рубили в прямом смысле этого слова. Пилы в строительном деле широко вошли в употребление лишь в середине XIX в., поэтому все брусья, доски, косяки были вытесаны старыми мастерами одним топором. На Севере, в отличие от южнорусских областей, храмы в древности почти всегда ставились прямо на землю без фундамента. Талант и мастерство зодчих позволяли строить храмы высотой даже до 60 м, а высота в 40 м была обычной. Стремление придать храмам большую высоту привело мастеров к мысли поднять их на подклет («горнюю клеть»). Главу на храм ставили на тонкий высокий барабан прямо на крышу, были и специальные декоративные «бочки» или деревянные закомары.

Древнее деревянное церковное зодчество Русского Севера выработало два основных типа храмов: клетские и шатровые. Пройдя длительный путь становления и совершенствования, они создали, в свою очередь, целый ряд новых форм. Особый интерес представляют собой архитектурные ансамбли. В

истории деревянного храмостроительства такие композиции были двух типов. Первый – церковь и поставленная близ нее колокольня. Второй – летняя церковь, зимняя церковь и колокольня (северный «тройник»). Обладая внушительными внешними размерами, древние деревянные храмы вместе с тем имели небольшой внутренний объем. В самых маленьких церквях и часовнях высота была чуть выше человеческого роста, а в больших не превышала шести метров, высота алтарей – около трех метров. Плоский потолок деревянного храма называли «небом». В шатровых храмах он представлял собой веерообразно расходящиеся от центра балки, другим концом врубленные в стены. Конструкция «неба» в разных храмах варьировалась от плоской до шатровой формы. Делалось это с целью удержать в церкви тепло [0].

Архитектурные ансамбли формировались постепенно, ветшающие постройки меняли друг друга, со временем складывался неповторимый архитектурный облик. Один из старейших ансамблей, дошедших до наших дней, находится в селе Верхняя Мудьюга на речке Мудьюге, впадающей в Онегу. Все три постройки стоят в центре села, над которым они господствуют, собирая вокруг себя всю окружающую застройку. Исследователь древней церковной архитектуры М. Красовский разделял архитектуру того времени на четыре группы: храмы «кубастые», пятиглавые, многоверхие и многоярусные. Церковь Преображения (1714 г.) в бывшем Кижском погосте, на одноименном острове Онежского озера является самым ярким из сохранившихся примеров деревянного зодчества Руси.

Наиболее типичной формой крестьянского жилища на Архангельском Севере являлся так называемый «дом-двор» – высокая срубная постройка с однорядной связью, в которой к жилым помещениям сзади примыкал двухэтажный двор, покрытый общей с избой двускатной крышей, что было, несомненно, удобным в условиях суровых северных зим. Разрастаясь в горизонтальном и вертикальном направлениях, дома нередко превращались в постройки внушительных размеров, составлявших вместе с природным пейзажем замечательные по красоте ансамбли. Не удивительно, что крестьяне многих северных районов называли свои дома хоромами. Это название применялось к домам состоятельных горожан со времен Древней Руси, и только на Русском Севере оно дожило до середины, а кое-где и до последней четверти XX в. Важным этноопределяющим признаком в характеристике жилища является внутренняя планировка, основой которой служит положение диагонали «печь – красный угол» и направление устья печи к окнам фасада. Центральным элементом северорусского жилища, как и жилища всех восточнославянских народов, является русская печь. Размещавшийся возле печи голбец представлял собой дощатый шкаф вдоль печи, за дверью которого располагалась лестница, по которой спускались в подклет. Голбец, как и печь, отразилась в фольклоре, обычаях и обрядах, связанных с почитанием предков. Декоративность крестьянского дома в прошлом заключалась не только в росписи и резьбе на наружных и внутренних частях построек, но и в украшениях разнообразной домашней утвари. Расписные прялки, швейки,

туеса помещались на видном месте. Предметы быта и мебель дополняли сундуки, окованные железом и расписанные обычно в синих, красных и желтых тонах; они и сейчас сохраняются в некоторых домах [0].

Малоизученность целостного комплекса и ансамбля северорусского селения оставила в тени важнейшие стороны зодчества народа и сказалась на выборе методики охраны. Получивший у нас распространение за последние десятилетия метод охраны памятников деревянного зодчества путем перевоза их в организуемые вблизи центров северных областей и республик музеи деревянного зодчества, гарантируя сохранность самих памятников, оставляет без внимания природную среду – важнейший компонент любого ансамбля в народной архитектуре. Лучшей формой комплексной охраны природной среды и народного зодчества является национальный парк. Статус национального парка позволяет полноценно решить ряд возникших проблем – от научно организованной охраны северного культурного ландшафта и вопросов организации туризма до возрождения народных промыслов и решения проблемы занятости местного населения.

Сегодня сельский культурный ландшафт на территории Русского Севера сохраняется в Кенозерском и Водлозерском национальных парках (1991 г.), а также в музее под открытым небом (искусственно созданный культурный и смоделированный естественный природный ландшафт) «Малые Корелы» (1964 г.). Территория национального парка «Кенозерский» представляет собой природный и историко-культурный комплекс площадью 139,6 тыс. га, расположенный на юго-западе Архангельской области вблизи границы с Карелией. Это особо охраняемая природная территория РФ, эталонная система исторической среды обитания человека и объект наследия, сохранивший многовековую историю и культуру Русского Севера.

Литература

1. Веденин Ю.А., Кулешова М.Е. (ред.) Культурный ландшафт как объект наследия. – М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. – 620 с., ил.
2. Дмитриева С.И. Традиционное искусство русских Европейского Севера. – М.: Наука, 2006. – 286 с.
3. Маковецкий И.В. Архитектура русского народного жилища: Север и Верхнее Поволжье. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 338 с., ил.
4. Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура Русского Севера. Страницы истории. – Л., 1981.
5. Стародубцев О.В. Церковное искусство. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. – 728 с.
6. Ушаков Ю.С. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера (пространственная организация, композиционные приемы, восприятие). – Л.: Стройиздат. Ленингр. отд-ние, 1982. – 168 с., ил.

ИЗМЕНЕНИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗА БРЯНСКА
В НАУЧНО-СПРАВОЧНОЙ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ И УЧЕБНОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ
*CHANGES IN THE GEOGRAPHICAL IMAGE OF BRYANSK IN SCIENTIFIC REFERENCE,
POPULAR SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL LITERATURE*

Лобанов Г.В.
Lobanov G.V.

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет им. академика
И.Г. Петровского», г. Брянск
Bryansk State University named after I.G. Petrovsky

Аннотация. В материалах проанализировано изменение содержания географического образа города Брянска в научно-популярной, научно-справочной и учебной литературе от конца XVIII до начала XXI вв. Выявлены факторы его определяющие, указано на существенное запаздывание содержания образа в сравнении с реалиями социально-экономического развития города.

Abstract. *In materials change of the content of a geographical image of the city of Bryansk in scientifically-popular, scientifically-reference and educational literature from the end XVIII to the beginning of the XXI century is analyzed. The factors determining it are revealed, the essential delay of the maintenance of an image in comparison with realities socially-economic development of the city is specified.*

Ключевые слова: географический образ, социально-экономическое развитие, Брянск, географическая литература.

Keywords: *geographical image of the socio-economic development of Bryansk, the geographical literature.*

Термин «географический образ» обозначает устойчивые представления о территории, которые для городов Центральной России, начиная от позднего Средневековья фиксируются в справочной и научно-популярной литературе. Эволюция образа обычно существенно отстает от изменения социально-экономической ситуации и нередко облик города, который формируется в краеведческой литературе, отстает от фактического на десятки лет. Главную проблему здесь представляет не столько неактуальность статистических данных, сколько запаздывание в передаче особенностей актуальных для эпохи. Конструирование облика территории актуально для Брянска, в связи с поиском новой идентичности. Изменения политической и экономической ситуации лишили образ города ряда черт, подкрепляющих (легитимирующих) его значимость как регионального центра. Предыдущий образ города, разработанный в индустриальную эпоху, ориентирован на иные ценности и теперь мало привлекателен для молодежи. Проблема потери молодых кадров, свойственная многим региональным центрам, безусловно, не решается только

модернизацией образа населенного места, но ее острота зависит от успехов научного краеведения.

В материалах рассмотрены некоторые закономерности формирования образа Брянска в географической литературе. Статус уездного города и относительная близость к Москве влияли на нечастое упоминание Брянска в географической литературе.

«Географический лексикон Российского государства» сообщает о Брянске как городе с преимущественно выгодным экономико-географическим положением [1]. Близость к большим лесам с корабельной древесиной и возможность выхода в Днепр (весной) называются причиной постройки здесь Петром I верфи для речных судов. Во время русско-турецкой войны 1735-1739 гг. на верфи было построено около 1000 судов. Город упоминается как преимущественно купеческий. Почти идентичная по содержанию информация приводится в «Географическом методическом описании Российской империи» (1776 г.), причем о создании верфи 30 лет назад сообщается, как о важной особенности, хотя изменение политической и экономической ситуации существенно уменьшили ценность такого решения [2].

Первое подробное описание города известно из труда В. Зуева, который опубликовал впечатления о путешествии 1781-1782 гг. из Санкт-Петербурга в Херсон (1787 г.). Маршрут проходил через малые, уездные и губернские города, описания которых выполнены с разной подробностью. Большие города получили большее внимание вследствие фактического сосредоточения экономической и административной активности. О Брянске автор совместно с характеристикой промыслов упоминает, что город «древний и при всем том не очень великий» и «во времена самозванцев он был почти первым местом игральща огня и меча, но оно касается больше местного сведения» [3]. О торговой специализации города на хлебе, пеньке, продуктах пчеловодства и конопляном масле упоминается среди прочего как элемент образа, не заслуживающий особого внимания. Упоминается о двух монастырях (существующих до настоящего времени) – Свенском Успенском (в 4-х верстах от Брянска) и Белобережской пустыни в 15 верстах от Брянска, приводится краткое описание герба Брянска. В целом, для автора Брянск – малопримечательный уездный город, один среди многих. Географический словарь Л.М. Максимовича (1788 г.) примечателен подробным описанием Свенской ярмарки – ее участников, товаров и экономического значения. Традиционное упоминание строительства речных судов дополняется комментарием, что «близ водяного хода годного (лесу) сыскать уже не можно» [4].

Словарь Афанасия Щекатова (1801 г.) во многом опирается на труды В. Зуева, статья «Брянск» помещенная в томе 1 издания дополняет его страноведческие описания только фактическими сведениями о соотношении земель разного назначения и указанием на Полбинский (Полпинский) монастырь. В «Поверхностных замечаниях по дороге из Москвы в Малороссию в осени 1805 года» (1806 г.) Отто фон Гун называет Брянск

«славным торговлей». На благополучие города указывает уличное освещение (фонари), которое путешественнику не встречалось от Москвы [5, 6].

Географические материалы середины XIX века снова отсылают к прошлым событиям. Учебник географии И.Я. Павловского (1843 г.) снова сообщает, что Петр I заложил в Брянске верфь, которая активно действовала при Анне Иоанновне (около 100 лет назад от момента выхода книги), а с 1783 г. здесь действует один из самых значительных арсеналов империи – пушечный литейный завод. Среди значимых культурных объектов – Петропавловский мужской монастырь. Специфическое издание «Военно-статистическое обозрение...» (1853 г.) уточняет, что судов было сделано более тысячи, которые сплавлялись по Днепру для употребления как «казенные транспорты», отдельно в связи со спецификой издания упоминается арсенал и только вскользь о фактической промышленности места. Об истории города в позднем средневековье сообщается что «были мятежи от лихих людей и большое запустение града» [7, 8].

Переход от преимущественно «купеческого города» к промышленному и административному центру прослеживается в последней четверти XIX в. Рост населения, площади и жилого фонда города обусловлен реализацией выгод географического положения. В научно-справочной литературе и географических описаниях доминирует актуальная информация.

Справочное издание «Вся Россия» (1900 г.) сообщает о Брянске как уездном городе, в котором «много заводов», преимущественно легкой промышленности (канатная фабрика, кирпичный завод, маслобойный, пенькотрепальный завод). Основной промышленный потенциал будущего индустриального Брянска в это время сосредоточен в Брянском уезде (машиностроительный Мальцовский завод в поселке Радица и сталелитейный и железоделательный завод в поселке, а затем городе Бежица) [8].

Энциклопедические издания «Живописная Россия» и «Полное географическое описание нашего Отечества» (1900, 1902 гг.) указывают на торговую и промышленную специализацию города, процветание которого обеспечено заводами Мальцовых, расположенными в уезде. В окрестностях Брянска работали чугунолитейные, стекольные, хрустальные, бумажные канатные фабрики, для которых уезд выступал логистическим центром. Ценность представляло положение города на границе Мальцовской промышленной области, на железнодорожных (Орловско-Витебская железная дорога) и водных транспортных путях (по Десне вниз). На железнодорожную станцию Брянска проходили товары для заводов (металл, нефть), отгружалась готовая продукция. В самом городе располагались в основном крупорушки, лесопилки, пивоваренные, пенькопрядильные и льнотрепальные фабрики [9, 10].

Учебник экономической географии Н.Н. Баранского (1939 г.) формирует представление о Брянске уже как о транспортном узле (пристань, 6 железнодорожных лучей), организационном центре промышленного района и городе с крупной промышленной специализацией (лесопильное, фосфатно-туковое, спичечное, цементное производства). Придание статуса областного

центра в 1944 г. сместило Брянск с северной периферии Центрального Черноземья (до Великой Отечественной войны он находился в составе Орловской обл.) на восточную периферию запада РСФСР (вместе со Смоленской и Тверской областями). Собственный организационный потенциал оставался на уровне промышленного района [11, 12].

В послевоенных описаниях Брянска основной акцент сделан на промышленном развитии города. В работе В.Н. Бабушкина (1958 г.) лаконичное описание Брянска формулируется как «город металлургов и машиностроителей». Краткое перечисление продукции города включает: энергопоезда и турбины, дорожные и строительные машины, стальное литье и фосфорные удобрения, строительные материалы, шерстяные ткани, обувь, одежду, мебель и пианино, широкий ассортимент продовольственных и промышленных товаров [13].

Образы Брянска, сконструированные во второй половине XX в. [15, 16], обращают внимание на облик города уже как места для жизни, а не только элемента хозяйственного комплекса страны. Помимо промышленных предприятий, сообщается о памятных местах (к пятидесятилетию Октябрьской революции центр города был существенно перестроен), замечательных природных объектах (лесопарк «Соловьи», балки Верхний и Нижний Судок, пересекающие центр города), упоминается о социальной инфраструктуре [14, 15].

Среди изданий начала XXI в. наиболее значительны очерки Н. Ребровой (2011 г.), в которых основное внимание уделено «городским легендам», для жителя и путешественника микротопонимы получают конкретное семантическое наполнение, что делает образ города ближе читателю. Вместе с тем, такие особенности не исчерпывают образ города, его современный вариант должен включать достоинства условий жизни, которыми могут быть высокий уровень экологической комфортности среды и близость к местам активного отдыха в лесных ландшафтах, невысокая нагрузка на среду со стороны промышленности и транспорта, возможность освоить наукоемкую профессию и применить ее. Такой «постиндустриальный» образ далек от завершения, его значение не столько в фиксации социально-экономической обстановки, сколько в цели стратегического развития места [17].

Литература

1. Полунин Ф.А. Географический лексикон Российского государства М.: Типография при Императорском Московском университете, на иждивении Христиана Лудвига Вевера, 1773. – 494 с.

2. Географическое методическое описание Российской империи. – М.: Унив. тип., 1776. – 556 с.

3. Зуев В. Путешественные записки Василья Зуева от С.Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году. СПб.: Императорская академия наук, 1787. – 273 с.

4. Максимович Л.М. Новый и полный географический словарь Российского государства. В 6 ч. Ч. 1. А–Ж. – М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1788. – 292 с.

5. Щекатов А.М. Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем оною виде. В 7 ч. – Ч. 1. – 1801. – [10] с., 1300 с.

6. фон Гун О. Поверхностные замечания по дороге от Москвы в Малороссию осенью 1805 г. –М.: Изд-во П. Бекетова, 1806. – 292 с.

7. Павловский И.Я. География Российской империи. – В 2 ч. – Ч. 1 / И.Я. Павловский. – Дерпт: Типография Шюнманна, 1843. – 258 с.

8. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том 6. Великороссийскія губерніи. Часть 5. Орловская губернія СПб: Типография управления Генерального Штаба, 1853. – 246 с.

9. Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации: торгово-промышленный адрес-календарь Российской империи. – СПб.: А.С. Суворин, 1895–1902.

10. Семенов (Семенов-Тянь-Шанский) П.П. (общ. ред.) Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. – Том 7. Центральная Черноземная и Донско-Каспийская области. – Часть 1. Центральная Черноземная область СПб., М.: Товарищество М.О. Вольф, 1900. – 323 с.

11. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Том 2. Среднерусская Черноземная область: [Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Воронежская и Пензенская губ.] Часть 1. С-Петербург: Издание А.Ф. Девриена, 1902. – VIII, 717 с.

12. Баранский Н.Н. Экономическая география СССР. 8 класс. Учебник для средней школы. – 12-е изд. – М.: Учпедгиз, 1951. – 424 с.

13. Баранский Н.Н. Экономическая география СССР. 8 класс. Учебник для средней школы. М.: Учпедгиз, 1939. – 358 с.

14. Бабушкин А.Н. Брянская область. Географический и историко-экономический очерк. – Брянск: Брянский рабочий, 1958. – 376 с.

15. Советский Союз. Географическое описание в 22-х томах. Центральная Россия / А.А. Асланян и др. Отв. ред. Г.М. Лаппо, Б.С. Хорев, Ф.Н. Мильков – М.: Мысль, 1970. – 907 с.

16. Города России. Отв. ред. Г.М. Лаппо. – М.: Большая Российская энциклопедия; ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – 559 с.

17. Реброва Н., Соловьев Ю. Старый город. Новый Брянск. Брянск: Город 32, 2011. – 320 с.

ИНДИЯ: ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОЗДАНИЯ НОВЫХ ШТАТОВ – ПРИЧИНЫ И СТИМУЛЫ

ASPIRANT STATES IN INDIA – REASONS AND INCENTIVES

Паршина Л.С.
Parshina L.S.

ФГБУН «Институт географии РАН», г. Москва
Institute of Geography of Russian Academy of Sciences, Moscow

Аннотация. Статья посвящена причинам и стимулам предложений создания новых штатов в Индии. На основе информации, полученной из индийских СМИ и переписи населения Индии, автор классифицирует районы, стремящиеся к получению статуса штата, и анализирует генезис предложений создания новых штатов.

Abstract. *The article is devoted to the reasons and incentives for proposals of the creation of new states in India. Based on information from the Indian media and the Census of India, the author classifies areas seeking statehood and analyzes the genesis of aspirant states.*

Ключевые слова: Индия, федерация, административно-территориальное деление, предлагаемые штаты, районы Индии.

Keywords: *India, federation, administrative-territorial division, proposed states, territories of India.*

Численность населения Индии в 2016 г. превышала 1,3 млрд человек [5]. Страна обладает самым сложным в мире национально-языковым и конфессиональным составом населения. На языках индоарийской группы (включая хинди – официальный язык страны, наряду с английским) говорят 70% индийцев, проживающих в северной части страны. 22% населения на Юге Индии говорят на дравидийских (дравидских) языках. Относительно малочисленные народы (в основном на крайнем Северо-Востоке) говорят на языках тибетско-бирманской и австроазиатской семей. Каждый индийский штат имеет собственный официальный язык [7].

В 1953 г. была создана комиссия по реорганизации штатов на основе этнолингвистического принципа. К конституции была принята поправка о ликвидации разделения штатов на категории, а 6 штатов категорий «С» и «D» были переведены в статус союзных территорий. Акт о реорганизации штатов по этнолингвистическому принципу был принят в 1956 г. В результате реорганизации было образовано 12 штатов и 6 союзных территорий [3, 4].

В ходе социально-экономического развития Индии ее административно-территориальная структура эволюционирует: ныне она включает 29 штатов и 7 союзных территорий. Эволюция индийского федерализма и административно-территориального деления происходила в ходе общего социально-экономического развития страны и ее регионов, формирования наций и консолидации народов [1].

распространены территории с низким уровнем социально-экономического развития.

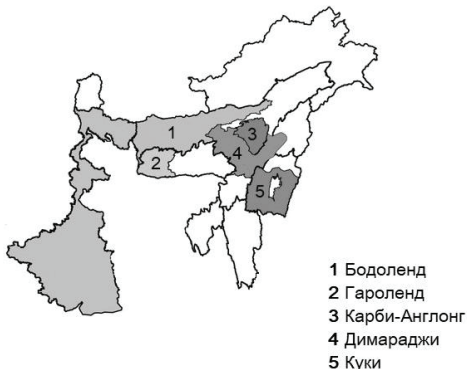

Рис. 2. Районы Северо-Восточной Индии, стремящиеся к получению статуса штата (составлено автором по [7-10, 11, 14]).

Штаты обладают широкими конституционными правами, которые позволяют им выдвигать новые требования. Кроме того, господствующие слои населения в штатах (политические деятели или представители каст) стимулируют появление новых предложений. Даже гипотетически не представляется возможной реализация всех предложений образования новых индийских штатов (более чем удвоения их общего числа). Для ослабления тенденций излишнего административно-территориального дробления необходимо сокращение резких межрегиональных диспропорций развития, подъем экономически отсталых территорий, взаимосвязанное региональное планирование на разных уровнях при максимально полном учете национально-культурных, социально-экономических и природно-экологических особенностей территорий.

Литература

1. Индия. Страна и ее регионы / под. ред. Ваниной Е.Ю. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 358 с.
2. Маляров О.В. Независимая Индия. Эволюция социально-экономической модели и развитие экономики. – Книга 1. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2010. – 744 с.
3. Прудников М.Н. История государства и права зарубежных стран. М.: Юрайт, 2013. – 811 с.
4. Юрлов Ф.Н. История Индии. XX век. М.: ИВ РАН, 2010. – 920 с.
5. Всемирный банк [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vsemirnyjbank.org/> (дата обращения 31.03.2018).

6. Конституции государств мира. Конституция Индии [Электронный ресурс]. URL: <http://worldconstitutions.ru/> (дата обращения 06.04.2018).
7. Bodoland territorial council (BTC) accord (2003) [Электронный ресурс]. URL: http://cdpsindia.org/btc_accord.asp (дата обращения 28.06.2017).
8. Ethnologue. Languages of the world (2001) [Электронный ресурс]. URL: <https://ethnologue.com> (дата обращения 05.04.2018).
9. Firstpost. Tribal Garos demand creation of Garoland out of Meghalaya and Assam [Электронный ресурс]. 04.08.2017. URL: <https://www.firstpost.com> (дата обращения 5.04.2018).
10. ScoopWhoop. 8 Regions In India That Are Trying To Be Independent States Within The Country [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scoopwhoop.com> (дата обращения 05.04.2018).
11. The Sangai Express. Karbi Anglong, Dima Hasao stir up with Statehood demand [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thesangaiexpress.com/> (дата обращения 05.04.2018).
12. The Times of India. Demand to carve Bhojpuri state gains momentum [Электронный ресурс]. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com> (дата обращения 05.04.2018).
13. The Times of India. India may have 50 states if all demands for new states are met [Электронный ресурс]. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com> (дата обращения 05.04.2018).
14. The Times of India. Kukis resume statehood stir [Электронный ресурс]. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com> (дата обращения 05.04.2018).

ПРИНЦИП НАСЛЕДОВАНИЯ ГРАНИЦ И ЕГО РОЛЬ
В ВОЗНИКНОВЕНИИ КОНФЛИКТОВ В НОВЫХ НЕЗАВИСИМЫХ
ГОСУДАРСТВАХ
*PRINCIPLE OF THE INHERITANCE OF BORDERS AND ITS ROLE
IN THE EMERGENCE OF CONFLICTS IN NEW INDEPENDENT STATES*

Соколов А.С.
Sokolov A.S.

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, г. Гомель,
Республика Беларусь
Gomel State University named after F. Skorina, Gomel, Republic of Belarus

Аннотация. В работе рассматривается роль наследования прежнего административного деления странами, получившими независимость вследствие распада единого государства, в возникновении этнополитических конфликтов.

Abstract. The paper examines the role of inheritance of the former administrative division by countries that received independence as a result of the disintegration of a single state in the emergence of ethno-political conflicts

Ключевые слова: этнополитические конфликты, наследование границ, административно-территориальное деление, *uti possidetis*.

Keywords: *ethno-political conflicts, inheritance of borders, administrative-territorial division, uti possidetis.*

Uti possidetis (лат. «поскольку владеете»), или *постимперская легитимность* (по А.Г. Дугину) – сложившийся в международно-правовой практике принцип, согласно которому новые независимые государства, возникшие вследствие распада более крупных полиэтнических государств («империй») получают ту же самую территорию и те же самые границы, которые они имели, будучи административными единицами или зависимыми территориями в составе других государств.

«Империя» чаще всего руководствуется при территориальном устройстве своих колоний сугубо административными и экономическими признаками, не учитывая ни этнические, ни религиозные, ни национальные факторы. Административные границы в рамках «империи» произвольны, так как они заведомо представляют собой условные барьеры, созданные лишь для удобства централизованного контроля метрополии [3]. При создании схемы административного деления полиэтнических государств территории, населенные одним народом, могут включаться в состав различных административных единиц или в состав административных единиц более низкого порядка, чем административная единица с преобладающей долей другого народа. При этом мнение населения, проживающего на территориях, относимых центральной властью к тем или иным единицам, может вообще не учитываться, даже если директивно устанавливаемая схема административного деления не находит поддержки населения [1, 2, 4]. Тем не менее, в рамках единого государства это не создает проблемы, так как административные границы условны и не оказывают существенного влияния на быт и экономику регионов, а регулирующая роль центра позволяет ему успешно купировать национальные и социальные противоречия в своих административных единицах.

При распаде государства и наследовании новыми государствами прежних административных границ, но уже в качестве государственных, регулирующая роль центра исчезает, однако противоречия остаются, и именно этот факт приводит к росту напряженности, возникновению этнополитических конфликтов, гражданских войн и долгого периода нестабильности во многих новых независимых государствах.

А.Г. Дугин указывает, что сохранение такой «постимперской легитимности» часто приводит к тому, что один и тот же автохтонный этнос населяет территории разных постимперских государств, а в рамках одного государства проживает несколько этнических и религиозных групп. Фактически относительный баланс интересов поддерживается в таких случаях

только апелляцией к внешнему фактору: чаще всего к явной или скрытой мощи бывшей метрополии (или того развитого государства, которое может прийти ей на смену). Весьма показательно, что на последних этапах «освобождения» Африки Панафриканский конгресс постановил применять во всех вновь образованных государствах как раз принцип «постимперской легитимности», хотя многие большие африканские народы оказались проживающими сразу в двух или трех государствах. Это было сделано под предлогом предотвращения этнических, межплеменных и религиозных войн. На самом деле, речь шла о стремлении руководителей постимперской администрации сохранить свои искусственные элиты у власти, не допустив к управлению в процессе национального подъема новых представителей органичной национальной иерархии. Учитывая стратегическую и социально-экономическую отсталость Африки и отсутствие свежих и жизненных государственных традиций, этот подход сработал довольно успешно [3].

Данная проблема поднималась еще в 1917 г., когда при отделении Финляндии от России встал вопрос о принадлежности Аландских островов, входивших в состав Финляндии, согласно административному делению Российской Империи. На референдумах 31 декабря 1917 г. и в июле 1919 г. 95% его участников высказались за вхождение в состав Швеции. Разрешить данный вопрос Лига наций поручила комиссии авторитетных юристов. Решение комиссии заключалось в том, что «Финляндия не может требовать, чтобы будущее Аландских островов было бы таким же, как ее собственное, только потому, что эти острова формально являлись частью политической структуры в составе Российской империи» [5].

Фактически все конфликты, возникшие в государствах, образовавшихся после распада СССР и СФРЮ, основной своей предпосылкой имели тот факт, что состав их территории и границы в свое время были установлены «сверху» без какого-либо учета исторических и национально-религиозных факторов, исключительно руководствуясь конъюнктурными соображениями, интересами и выгодами Центра.

К примеру, Абхазия, первоначально имевшая одинаковый статус с Грузией, в 1931 г. была преобразована в автономную республику в составе Грузии. Нагорный Карабах, более 90% населения которого являлись армянами, получил статус автономной области в составе Азербайджана (при этом в его состав не вошли некоторые территории с преобладающим армянским населением, а общая граница с Армянской ССР исчезла). Территория левобережья Днестра (современное Приднестровье), до 1940 г. входившая в состав Украины как автономная республика с преобладанием русского и украинского населения, включена в состав созданной на присоединенных территориях Бессарабии Молдавской ССР. Территория проживания осетин была разделена на две части, которые стали входить в разные союзные республики: северная часть – в Северо-Осетинскую АССР в составе РСФСР, южная часть – в Юго-Осетинскую автономную область в составе Грузинской ССР. Во всех этих случаях мнение проживающего на данных территориях населения не учитывалось.

Аналогичные процессы происходили в Социалистической Федеративной Республике Югославии (СФРЮ). Например, при образовании автономной области, а затем автономного края на территории Косово и Метохии с преобладающим албанским населением, в состав этого административного образования югославскими властями были включены и населенные сербами территории к северу от реки Ибар, в частности город Косовска-Митровица. Впоследствии при отделении Косова от Сербии под предлогом защиты албанского населения, косовские власти включили в его состав и сербские территории только лишь в силу вышеуказанной причины. Таким образом, проживающее на данной территории сербское большинство стало заложником административного деления полувековой давности, ныне оно испытывает этническую дискриминацию и лишено права национального самоопределения и проживания в пределах своего этнического государства.

При получении независимости других бывших югославских республик – Хорватии и Боснии и Герцеговины также были полностью проигнорированы территории с иным этническим составом. Хорватские и боснийские власти решили в неизменном виде наследовать соответствующие административные границы, созданные в рамках единой Югославии без учета историко-этнических факторов, лишив, тем самым, прав на самоопределение другие народы. Это вызвало кровопролитную гражданскую войну, создание ряда непризнанных государств: Республики Сербской, Республики Сербской Краины, Республики Западной Боснии, Хорватской Республики Герцег-Босны. Однако попытки сербов реализовать свое право на самоопределение в районах с сербским большинством были подавлены с помощью интервенции НАТО и поддерживаемых ею отрядов хорватов и мусульман. В результате сербские земли в 1995 г. были окончательно включены в состав других государств, согласно схеме административного деления бывшей Югославии.

Примечательно, что в значительном числе случаев историография и политическая идеология новых постсоветских независимых государств отрицательно оценивают пребывание в составе СССР, особенно в довоенное время («сталинский период») и призывают отказаться от советского наследия под предлогом восстановления «исторической справедливости», однако при этом такую «справедливость» категорически отказываются распространять на полученные в данный период территории, являющиеся неотъемлемой частью этого наследия.

Так, в разное время различные советские республики решениями центральных властей СССР получали значительные по площади земли, главным образом за счет РСФСР или вновь присоединенные к Советскому Союзу. К их числу относятся Литва (получила Вильнюс и часть Виленского края в 1939 г.), Белоруссия (получила из РСФСР территории, входящие в настоящее время в состав Гомельской и Витебской областей в 1924 и 1926, а также территорию Западной Беларуси в 1939 г.), Украина (получила ряд территорий Донбасса в 1920 г., части Курской, Брянской и Воронежской губерний в 1925-1926 гг., Восточную Галицию в 1939 г., Северную Буковину и Южную Бессарабию в 1940 г., Закарпатье в 1945 г., Крым в 1954 г.),

Казахстан (вся территория была отделена от РСФСР в 1936 г., включая территории на севере с подавляющим большинством русского населения), Узбекистан (получил из состава РСФСР Кара-Калпакскую автономную область, в которой узбеки составляли менее трети населения, в 1936 г.) и так далее.

После распада социалистических федераций, существенные территории с преобладанием русского, сербского, армянского, абхазского, осетинского и т. д. населения были включены в состав новообразованных государств, либо эти государства имеют на них притязания лишь только на том основании, что в период существования государств-предшественников данные территории по различным, не зависящим от них причинам, были включены в состав административных образований с иным преобладающим этносом.

Таким образом, при обретении независимости различные народы были поставлены заведомо в неравные условия, когда право на реализацию политического суверенитета и создание своего государства ставилось в зависимость от административно-территориальных схем, созданных много десятилетий назад силами, не имевшими отношения к данным регионам и не учитывавшими их специфики. Эта очевидная несправедливость и нарушение равенства прав народов породила вооруженные конфликты, попытки (удачные или неудачные) отделения отдельных территорий от новообразованных государств с целью создания своего государства или присоединения к уже существующему, этнические чистки, с помощью которых новообразованные этносы, реализовавшие свое самоопределение в виде создания государств, пытались исключить это право у этносов, попавших в пределы этих государств вследствие наследования существовавших ранее административных границ распавшихся стран.

Литература

1. Анненков К.Н. Гомельская губерния 1924-1926 годов: возвращение в состав БССР // Беларусь в современном мире: материалы VII Междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Гомель, 22 мая 2014 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П.О. Сухого; под общ. ред. В.В. Кириенко. – Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2014. – С. 20-23.
2. Государственные границы Беларуси: сб. документов и материалов. В 2 т. Т. 1. (март 1917 – ноябрь 1926) / сост.: В.Е. Снапковский [и др.]. – Минск: БГУ, 2012. – 495 с.
3. Дугин А.Г. Основы геополитики. – М.: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. – 928 с.
4. Терехов О. Перетягивание границ: как большевики делили Гомельскую губернию между Россией и Белоруссией // Родина. – 2001. – № 10. – С. 81-83.
5. Томсинов В.А. «Крымское право», или юридические основания для воссоединения Крыма с Россией // Вестник Московского университета. Серия 11: право. – № 5. – 2014. – С. 3-32.

ЭЛЕКТОРАЛЬНОЕ МИКРОРАЙОНИРОВАНИЕ КРУПНОГО ГОРОДА
(НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИВОСТОКА)
*ELECTORAL MICRO-ZONING OF THE LARGE CITY
(ON THE EXAMPLE OF VLADIVOSTOK)*

Ушаков Е.А.
Ushakov E.A.

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток
Pacific Institute of Geography FEB RAS, Vladivostok

Аннотация. В работе проанализировано электоральное районирование Владивостока. Выделен ряд особенностей, выявленных по территориям после избирательного цикла 2011-2014 гг., выборов в Госдуму 2016 г. и выборов Президента 2018 г.

Abstract. *Electoral zoning of Vladivostok will be done and analyzed in this article. A number of features identified in the territories after the electoral cycle 2011-2014, the last elections to the State Duma in 2016 and presidential elections in 2018 will be singled out.*

Ключевые слова: электоральное микрорайонирование, избирательный цикл, Владивосток.

Keywords: *electoral micro-zoning, electoral cycle, Vladivostok.*

Электоральная география России обычно изучается на уровне субъектов федерации, реже внутри субъектов, между районами. Но внутри городов или районов также существуют отличия между территориями, вызванные рядом объективных факторов. В данной работе будет рассмотрено электоральное микрорайонирование города Владивостока. Стоит отметить, что электоральная география Владивостока схожа с другими большими городами.

Важно отметить, что Владивосток за последние годы резко изменился в электоральном плане. Так, в начале 1990-х годов город отличался повышенным голосованием на федеральных выборах за представителей правящей власти, что происходило и в других региональных центрах и других больших городах. Коренным образом ситуация стала меняться в конце 1990-х годов. Первым провалом стало голосование на парламентских выборах за политическую партию «Единство» (около 14%), это утвердилось и в 2003 г.: за «Единую Россию» проголосовало чуть более 22%. Город резко повернул в оппозиционную сторону и подтвердил статус самого оппозиционного города среди всех региональных центров и других больших городов. Голосование для «Единой России» всегда шло на более низком уровне по отношению к стране в целом. Так, среди региональных столиц и больших городов результат Путина на президентских выборах 2012 г. хуже был только в Москве (на 0,06% ниже, чем во Владивостоке).

ЛДПР до середины 2000-х годов имела всегда несколько пониженный результат к краю в городе. В дальнейшем результат этой партии превышал на

1-3% среднекраевой уровень, но в 2016 г. партия имела вновь результат ниже среднекраевого.

Для «Справедливой России» описывать ситуацию несколько сложнее, поскольку партия начала участвовать на федеральных выборах с 2007 г. Ее предшественником в 2003 г. можно назвать «Родину», которая в городе тогда заручилась поддержкой почти 11% избирателей (в крае – чуть меньше 7,5%). На избирательных компаниях в Государственную Думу ее результат был одним из лучших в крае среди муниципальных районов.

Для «Яблока» ситуация в последние годы несколько ухудшилась в городе Владивостоке, как одном из лидеров по голосованию за данную политическую силу. Если результат партии был сравним в 1990-х годах и в начале 2000-х годов (самый лучший результат среди крупных и больших городов в 2003 г.), как это происходило в Москве и Санкт-Петербурге (в этих центрах находится около 40% электората партии), то в последние две избирательных компании партия начала во Владивостоке сдавать по отношению к этим городам.

Город Владивосток можно отнести к группе динамичных районов, благоприятных для КПРФ. Если с начала 1990-х годов город находился в группе аутсайдеров по итогам голосования, то с 2007 г. он вошел в группу середняков, а в последние годы укрепил свои результаты по всем позициям (в 2003 и 2007 гг. КПРФ заняла 4-е место, а в 2011 г. – 1-е место). Такие результаты вызваны оппозиционностью города к власти и постепенным укреплением партии в электоральной структуре города. Но существуют опасения, что данная ситуация еще полностью не укрепилась, так в 2012 г. в структуре избирателей, которые не голосовали за Путина, результат по отношению к другим районам был пониженным. Это вызвано наличием большой доли избирателей, не определившихся по отношению к кандидатам. Такая ситуация обычно характерна для Владивостока.

Другой характеристикой служит наличие разностороннего голосования за партии и их кандидатов. Такая ситуация обычна для ряда крупных городов страны, прежде всего для Москвы и Санкт-Петербурга. Например, на парламентских выборах общий результат партий, преодолевших проходной барьер в Государственную Думу по Владивостоку, составил: в 2003 г. – 61,11% (в крае – 70,18%, в РФ – 70,66%), в 2007 г. – 87,02% (в крае – 90,37%, в РФ – 91,75%), в 2011 г. – 90,07% (в крае – 93,15%, в РФ – 93,40%), в 2016 г. – 74,98% (в крае – 82,60%, в РФ – 87,14%). Такая ситуация свойственна практически всем региональным центрам и крупным городам. Это связано с тем, что здесь непарламентские партии имеют больше возможностей «раскрутиться» в крупных городах за счет наличия большого числа избирателей, не доверяющих парламентским партиям, а также в связи с не столь активной агитацией в малых городах и селах, отдаленных от регионального центра.

По сути, несмотря на заметную положительную динамику в развитии города в последние годы, это никак не отразилось на его электоральных предпочтениях. Город, как и был самым оппозиционным региональным центром в последнее десятилетие, так им и остается. Изменение произошло

только в увеличении доли голосов «левых» избирателей и снижении доли «либеральной части» избирателей. Можно отметить, что не только для Владивостока, но и для страны выработалась за последнее десятилетие электоральная карта, которая в будущем может иметь только незначительные изменения.

Для более глубокого анализа внутри города были выделены микрорайоны. При формировании микрорайонов были учтены 17 одномандатных округов, границы которых были сформированы перед выборами в городскую думу 2012 г. Внутри округов были выделены микрорайоны, которые объединяли в себя группы участковых избирательных комиссий (УИК) в зависимости от их внутригородского местоположения или значительных различий в предпочтениях местного населения. Число УИК внутри микрорайона варьируется от 1 до 8. Всего в городе было создано от 236 до 239 УИК (с учетом роста их числа на Снеговой Пади). В городе было выделено 94 микрорайона. Важно отметить, что были выделены и межокружные микрорайоны, которые делились на две части из-за местоположения его участков в разных округах. К таким межокружным микрорайонам относятся Первая Речка (округа 7 и 14), Дальпресс (округа 8 и 14), Центр (округа 8 и 13) и Толстого (округа 13 и 14).

В исследовании не учитывались студенческие общежития, часть которых перенеслась в последние годы на остров Русский, и их контингент не принимает участие в муниципальных выборах. Границы микрорайонов были установлены по принципу географической смежности и схожести голосования. Основная проблема заключалась в том, что микрорайоны сложно разделять на основе территориальности из-за неоптимальной конфигурации избирательных округов, которые часто имели растянутый контур, порой до нескольких километров. Например, на 10% территории округа проживало свыше 90% избирателей, а на остальных территориях всего несколько процентов избирателей. Яркими примерами таких территориальных образований могут стать Камская, Военное шоссе, Снеговая, Улисс. Полностью удовлетворяющими требованиям можно назвать отдаленные микрорайоны, такие как Емар, Береговой, Щитовая, а в самом городе – Сабанеева, Варяг, Тысячекойка и Снеговая Падь.

Важно учитывать и то обстоятельство, что районы разнятся по численности избирателей. От самых больших: Нейбута-Ватутина (15,8 тыс. избирателей) и Трудового (13,9 тыс.) до самых маленьких: Щитовая (800 избирателей), СИЗО (500 избирателей), Береговой (200 избирателей). За последние годы в численности избирателей прибавила Снеговая Падь от 1,8 тыс. в конце 2011 г. до 11,3 тыс. в 2018 г. В целом, 94 микрорайона Владивостока по числу избирателей подразделялись следующим образом: менее 2500 избирателей – 23 микрорайона, от 2500 до 5000 – 39, от 5000 до 7500 – 16, от 7500 до 10 000 – 9, свыше 10 000 избирателей – 9 микрорайонов. Самые маленькие микрорайоны, хотя и малочисленны по числу избирателей (Попова-Рейнеке, Щитовая, Береговой, СИЗО), но из-за высокой явки

увеличивают свой вес, особенно на муниципальных и региональных выборах, когда явка по городу крайне мала (рис. 1).

Важно отметить, что для Владивостока характерно не столь сильное расслоение электората, как в других крупных городах Дальнего Востока, и особенно по сравнению с большими и средними городами. Это связано с тем, что за последние 20 лет значимая часть населения сменила род занятий, а также поменяла прописку внутри города. В результате утратили свой прежний облик «рабочие районы». Но еще существуют так называемые «военные районы», где в основном проживают военнослужащие: Снеговая Падь, Карьерная, Емар, Голдобина. Они характеризуются повышенным голосованием за «Единую Россию» и ЛДПР. В число особых микрорайонов следует выделить СИЗО, который отличается незначительным числом прописанных избирателей, но при этом для него характерна явка почти в 100%, в его пределах содержатся граждане в ожидании суда и возможного будущего заключения. К тому же типу относятся и судовые участки, где также голосует почти 100% списочного состава, а итоги голосования полностью отличаются от городских (здесь зарегистрировано около 2% от всех проголосовавших на выборах). Также значительно по результатам голосования отличаются островные территории города и поселки Береговой и Рыбачий.

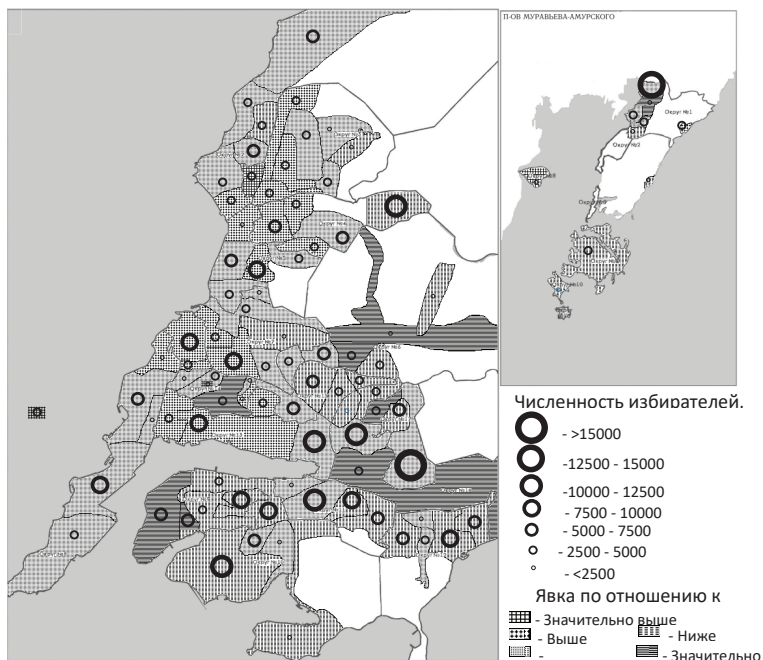

Рис. 1. Электоральные микрорайоны Владивостока по численности избирателей и явке по отношению к среднегородскому показателю

Во Владивостоке существуют так называемые гостиничные микрорайоны-общежития, где свыше половины избирателей проживает в общежитиях. Их яркая характеристика: явка значительно ниже среднегогородского результата, высокие показатели демонстрирует ЛДПР. Активно меняют свой электоральный облик микрорайоны, где возводится новое жилье. Здесь можно выделить два вида трансформаций, которые приводят к электоральным изменениям. В первом случае на территории микрорайона (УИКа) строятся дома эконом-класса. В этом случае происходит снижение явки избирателей, поскольку большинство зарегистрированных жильцов новых домов не приходят на выборы. Другая особенность – несколько повышаются по отношению к среднегогородскому уровню результаты ЛДПР. Во втором случае идет строительство домов бизнес-класса. Это характерно для УИК центральной части города. В результате значительно повышается вес голосов, отданных за партии «либерального поля». В последнее время возник резкий перекося результатов голосования за данное направление партий между центральной частью города и остальными микрорайонами именно из-за возведения домов бизнес-класса.

По результатам выборов можно выделить избирательный цикл 2011-2014 гг., который имел ярко выраженный характер и закономерности изменения итогов выборов по микрорайонам, а также новый период, который начался в 2016 г. выборами в Государственную Думу, продолжившийся выборами в городскую думу 2017 г. и президентскими выборами 2018 г. Этот период закончится досрочными выборами губернатора Приморского края в сентябре 2018 г.

Избирательный цикл 2011-2014 гг. имел целый ряд особенностей. Была выявлена зависимость голосования от расположения микрорайона. Так, результаты «Единой России» и ЛДПР снижались по мере приближения к центральной части города. Между двумя этими партиями прослеживается четкая взаимосвязь, связанная с изменением их рейтинга по микрорайонам. Как правило, там, где побеждала «Единая Россия» в 2011 г., на выборах в Госдуму ЛДПР занимала второе место. Такая тенденция была и на выборах 2012 г.: там, где был высокий результат у Путина, был высокий результат и у Жириновского (это так называемые «спальные микрорайоны», пригородная часть города), и наоборот, там, где были низкие результаты у Путина, были низкие результаты и у Жириновского (прежде всего, это центральная часть города). Результаты КПРФ, либеральных партий и кандидатов, «Справедливой России» были лучше в центральных микрорайонах города, а по мере приближения к спальным микрорайонам их показатели снижались. У «Яблока» явно выделяется тенденция уменьшения голосов от центра к периферии. На парламентских выборах «Яблоко» имело 7-12% голосов в центральных микрорайонах города, а в спальных и пригородных – 3-5%. Данный избирательный цикл характеризовался четкой взаимосвязью изменения рейтинга партии и кандидатов в зависимости от расположения микрорайонов к определенным частям города.

Выборы в Государственную Думу 2016 г. внесли целый ряд особенностей. В целом закономерности «от центра» или «к центру» для партий сохранилась. ЛДПР увеличила свои показатели по отношению к прошлым выборам в центральных микрорайонах города, а в спальных и пригородных районах она имела снижение поддержки. Четкая взаимосвязь, которая была в 2011 г., уже в 2016 г. начала постепенно стираться. Повысилось влияние местных факторов. Наряду с выборами депутатов Государственной Думы в Приморском крае избираются депутаты регионального уровня. Так, за счет активной и организованной избирательной компании кандидата от КПрФ Ищенко в округе № 1 (большая часть Первомайского района) удалось поднять рейтинг этой партии на 2-4% по микрорайонам. А переход депутата Вельгодского из КПрФ в «Единую Россию» произвел значительные изменения в округе этого депутата. В нем КПрФ понесла потери на уровне 7-8% голосов, а «Единая Россия» дополнительно получила лишь 1-2% голосов (ядерный электорат данного депутата в его округе составлял 20%). Результаты «Справедливой России» по микрорайонам зависели от агитации кандидатов от данной партии, что говорит о том, что «Справедливая Россия» не смогла полноценно сформировать свой ядерный электорат, это привело к провалу на фоне выдвижения множества партий на этих выборах.

На выборах в городскую думу 2017 г. закономерности остались прежними для двух ведущих партии – «Единой России» и КПрФ. Другие партии имели значения, зависящие от избирательной активности их кандидатов по одномандатным округам. Но главную роль имело досрочное голосование, которое резко меняло электоральную обстановку в зависимости от доли проголосовавших досрочно по территориям одномандатных округов. Например, результат «Единой России» составил 41,58% голосов избирателей по городу. По протоколам досрочного голосования по УИКа «Единая Россия» набрала 80%. В день голосования за нее отдали голоса около 30% избирателей. Прослеживалась четкая взаимосвязь по микрорайонам между долей досрочно проголосовавших и результатами «Единой России».

Выборы президента в 2018 г. имели особенность в том, что различия электоральной ситуации по микрорайонам были менее выраженными, но прослеживалась четкая взаимосвязь между центральными частями города и спальными микрорайонами, которая наблюдалась в городе и в период избирательного цикла 2011-2014 гг., но тогда она имела небольшие колебания в результатах голосования.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ УРБАНИЗАЦИИ И ЭВОЛЮЦИИ СЕТИ
ПОСЕЛЕНИЙ КАЗАХСТАНА В XX–XXI ВЕКАХ
*SOME PROBLEMS OF URBANIZATION AND EVOLUTION OF THE URBAN SETTLEMENT
NETWORK IN KAZAKHSTAN IN THE XX–XXI CENTURIES*

Яшков И.А., Иванов А.В.
Yashkov I.A., Ivanov A.V.

ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет
им. Ю.А. Гагарина», г. Саратов
Saratov State Technical University named after Yuri Gagarin

Аннотация. Исследование посвящено эволюции сети городских поселений Казахстана за временной интервал XX – начала XXI вв. и служит иллюстрацией сложных геополитических, социально-экономических, геоэколого-исторических, демографических и миграционных процессов, ареной которых является территория страны. За указанный более чем столетний период сеть городских поселений советской республики, а позднее и суверенного Казахстана, была подвержена сильнейшим трансформациям.

Abstract. *The study is devoted to the evolution of the urban settlement network in Kazakhstan for the period of the 20th – early 21st century and serves as an illustration of the complex geopolitical, socio-economic, geoecologico-historical, demographic and migration processes, whose arena was the territory of Kazakhstan. For more than a hundred years, the network of urban settlements in the Soviet Republic, and later the sovereign Kazakhstan, has been subjected to dramatical transformations.*

Ключевые слова: сеть городских поселений, Казахская ССР, Казахстан, эволюция, геоэкология.

Keywords: *urban settlement network, Kazakh SSR, Kazakhstan, evolution, geoecology.*

В современной урбанистике, как мультимеждисциплинарном научном знании, выполняются исследования широкого спектра городских проблем. Одним из таких актуальных направлений является комплексный анализ сложных геополитических, социально-экономических, геоэколого-исторических, демографических и миграционных процессов эволюции сети городских поселений.

В современной системе наук о Земле и жизни новый импульс развитию междисциплинарных исследований дают как классические науки – геология, география, биология, так и новые научные направления и концепции – палеоглобалистика [2], коэволюция геосфер [8] и др. Одной из актуальных задач служит выявление закономерностей эволюции городских поселений на планете, которые являются сложными комплексными образованиями и, следовательно, предметом междисциплинарных исследований специалистов в области естественно-научного, технического, гуманитарного знания.

Советская и современная российско-казахстанская практика исследования процессов урбанизации и геоэколого-исторической трансформации сети городских поселений Казахской ССР и Казахстана рубежа XX-XXI вв. опирается на огромное количество публикаций российских, казахстанских, а также европейских ученых. Советская географическая наука в изучении процессов урбанизации была сосредоточена в основном на роли индустриализации и химизации производства [3, 10-12, 15 и др.]. Среди современных публикаций следует упомянуть как классические исследования российских авторов по урбанистической тематике в целом – Ю.Л. Пивоварова [14], Н.В. Зубаревич [24], Э.А. Лихачевой [5], В.Л. Глазычева [4] и др., так и новейшие разработки по истории и современному состоянию казахстанской урбанизации Г.Н. Есеевой [6], А.С. Уалтаевой [16], С.А. Панарина [13] и др.

Почти нет исследований по экологической истории советских городов Казахстана, городскому природопользованию, которые повлияли на комфортность проживания в городской среде советского индустриального города. Отдельным аспектам экологической истории поселений и их трансформации посвящены работы французского исследователя Марка Эли [22], монография немецкого историка Роберта Киндлера повествует о роли коллективизации и голода 1931-1933 гг. в оседлости кочевых народов советского Казахстана и модернизации государственного устройства и быта населения [9].

Нам представляются сегодня особо важными междисциплинарные исследования на объединенном поле урбанистики, эволюционистике и экологии. В связи с этим можно говорить об эволюционной урбанистике, что важно как для понимания развития урбосферы в глобальном масштабе, так и для прогнозирования, управления, обеспечения устойчивого развития конкретных территорий, урбосистем, сетей поселений и их отдельных элементов. Для этого особую важность приобретают исследования по динамике урбосистем и сетей поселений во времени и пространстве, при которых в определенном смысле может быть сформулирована и решена палеогеографическая задача: наши исследования показывают эффективность известного подхода – построение серий карт на определенные интервалы времени. Последовательное расположение созданных картографических моделей по стреле времени приводит к формированию общего видения системы поселений в целом и ее пространственно-временных трансформаций. Последующий эволюционный анализ такой «модели-киноленты» позволяет выявить тенденции, этапы, ритмы, ключевые события как по всей анализируемой территории, так и по регионам и отдельным местностям и урбосистемам. И лишь на следующей стадии исследований возможны измышления о причинности выявленных эволюционных изменений, заключения эколого-исторического и эволюционно-урбанистического характера с выходом на прогнозирование и рекомендации по устойчивому развитию сети, необходимые при принятии управленческих решений в процессе управления территориями и городами.

В Саратовском государственном техническом университете им. Ю.А. Гагарина коллектив кафедры геоэкологии и инженерной геологии, лаборатории инженерной геоэкологии, а также сетевой кафедры эволюционной урбанистики кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем городов МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с научно-образовательным центром нелинейной динамики сложных сетей последние годы активно работает по широкому спектру вопросов урбанистики: от анализа опасных геопроцессов на урбанизированных территориях и экологической истории поселений [17, 20] до аспектов глобальной урбанистики и эволюции урбосферы [1, 23]. При этом выделяются проекты по изучению эволюционной динамики сетей поселений Казахстана [19, 21]. Особый интерес вызывают, на наш взгляд, советский и постсоветский периоды, поскольку для этого времени характерны: а) особо активная динамика поселений – высокие скорости и масштабность изменений качественных и количественных параметров эволюции сети поселений; б) хорошая выраженность меняющихся признаков урбосистем – появление, деградация и омертвление, исчезновение отдельных поселений и элементов их сетей.

Исследование эволюции сети городских поселений Казахстана проводится нами в рамках серии экспедиционных маршрутов, организованных в 2011–2015 гг., в ходе которых группа ученых изучала города Жанатас, Аральск, Атырау, Актау, Уральск, Алматы, Тараз, Форт-Шевченко и др., занималась съемкой научно-популярного фильма [7], сбором артефактов для создания в Музее естествознания СГТУ им. Ю.А. Гагарина специальной экспозиции, посвященной эволюции урбосферы. На сегодняшней стадии работы по сети поселений Казахстана, мы предлагаем промежуточные итоги и находимся в начале эволюционного анализа, в полной мере его предстоит осуществить в будущем [18]. На сегодняшний день создана база данных, построены картографические модели с помощью геоинформационных технологий, а также математические модели на основе теории сложных сетей, проведены сбор и обработка архивных материалов и данных устной истории. Такое комплексирование методик позволило в итоге получить наиболее объективные, на наш взгляд, картины распределения поселений в выделенные интервалы исторического времени. «Кинолента» из этих «кадров» показывает динамику поселений и может служить основой для дальнейших исследований.

Серия тематических карт отражает эволюцию сети городских поселений территории Казахстана и охватывает исторический период с 1926 по 2009 годы. Такой широкий временной диапазон позволяет, по нашему мнению, подойти к пониманию предпосылок серьезной трансформации сети городских поселений Казахстана на рубеже XX-XXI веков.

Отдельным опытом является изучение динамики и особенности структуры сети городских поселений Казахстана, в которой в качестве основного математического аппарата для построения математической модели и моделирования рассматриваемой сети городских поселений использовался

аппарат сложных сетей. Упор делается на построение моделей сети поселений и анализе ее сетевых характеристик для выявления основных особенностей эволюции сети поселений с учетом географических факторов развития страны.

Кроме этого, авторами построены карты и проанализированы исторические фотографии города Жанатаса 1994 г. и 2013 г., как одного из модельных полигонов эволюционно-урбанистических исследований, иллюстрирующие локальные изменения «живой» и «мертвой» городской инфраструктуры. Жанатас является весьма показательной урбосистемой, испытавшей на себе влияние комплекса внешних (политические, экономические, социальные, культурные, экологические и др.) и внутренних (комфортность проживания, медико-санитарные, эпидемиологические и др.) факторов развития. Жанатас как полигон является весьма показательным в исследовании роли многочисленных кризисных явлений 90-х годов XX в. в эволюции городов и городском природопользовании, которые повлияли на комфортность проживания населения в городской среде.

Как и любое междисциплинарное исследование, анализ эволюции сети поселений Казахстана является примером использования весьма широкого спектра методического инструментария, включающего данные полевых маршрутных работ, картографического и сетевого моделирования, архивных и библиотечных практик, социологических и историко-биографических изысканий, анализа многочисленной русскоязычной и зарубежной публицистики, съемок научного документального фильма. В сборе и анализе материала авторы обращались к необходимости многочисленных поездок в Казахстан и Германию. Очевидна и трудоемкость методического инструментария исследования: от «ручной» обработки всех переписей на изучаемой территории, анализа переписки казахстанских мигрантов в Германии и России, создания обширной фотодокументальной базы до применения теории сложных сетей и визуализации тематических данных в серии оригинальных карт.

Таким образом, на сегодняшний день исследование [18], посвященное многостороннему анализу различных аспектов урбанизации Казахстана, развития сети городских поселений, а также социальным и эколого-историческим трансформациям жизни городского населения на советском и постсоветском этапах развития государства, является весьма своевременным и новым.

Работы выполняются при финансовой поддержке Минобрнауки России и DAAD по проекту 5.12781.2018/12.2; Минобрнауки России по инициативному проекту 5.5177.2017/8.9; по программе развития опорных университетов на 2017-2021 годы; по комплексной научно-инновационной программе СГТУ им. Ю.А. Гагарина на 2016-2018 годы (направление 15B); при поддержке ЮНЕСКО по программе ЮНИТВИН/Кафедры ЮНЕСКО Всемирного плана межвузовского сотрудничества и академической мобильности (проект сетевой кафедры по изучению глобальных проблем и возникающих социальных и

этических вызовов для больших городов и их населения факультета глобальных процессов МГУ им. М.В. Ломоносова).

Литература

1. Абылгазиев И.И., Иванов А.В., Ильин И.В., Саямов Ю.Н., Урсул А.Д., Шешнев А.С., Яшков И.А. Глобальные системы городов / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, А.В. Иванова. – М.: МАКС Пресс, 2012. – 364 с.
2. Габдуллин Р.Р., Ильин И.В., Иванов А.В. Введение в палеоглобалистику. – М.: Изд-во Московского университета. – 2011. – 352 с.
3. Гладышева Е.Н., Назаревский О.Р. Городские поселения Казахстана – новостройки сталинских пятилеток // Вопросы географии. Сборник девятнадцатый. Преобразование природы и хозяйства Союза ССР. – 1950. – С. 111-166.
4. Глазычев В.Л. Город без границ. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. – 400 с.
5. Город-экосистема / Под ред. Э.А. Лихачевой, Д.А. Тимофеева. – М.: Медиа-ПРЕСС, 1997. – 336 с.
6. Евсеева Г.Н. Русское население Западного Казахстана: историко-демографический анализ (1897-2009 гг.). – Уральск: Издательский центр и СМИ ЗКГУ им. М. Утемисова, 2012. – 215 с.
7. Захаров Е.Е., Яшков И.А., Иванов А.В. Парадоксы урбосферы. Научно-популярный фильм / Саратов: СГТУ. 2013. Электронный ресурс: <https://www.youtube.com/watch?v=TnJ2Zqrpa6c>
8. Иванов А.В. Козволюция геосфер: элементы биниальности и синергетики // Биниология, симметрология и синергетика в естественных науках. – Тюмень: Изд-во ТюмГНГУ. – 2004. – С. 8-12.
9. Киндлер Р. Сталинские кочевники: власть и голод в Казахстане. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 382 с.
10. Мельникова М.В., Мухсинова Л.Х. География промышленности фосфорных удобрений в СССР // Вопросы географии. Сборник семьдесят второй. География химической промышленности. – 1966. – С. 50-60.
11. Назаревский О.Р. Типология и особенности формирования новых поселений Казахстана и среднеазиатских республик // Вопросы географии. Сборник пятьдесят шестой. География населения СССР. – 1962. – С. 73-94.
12. Новые поселения в Казахстане / под ред. Д.К. Чудинова. Издание Госплана КАССР. – Кзыл-Орда, 1929. – 236 с.
13. Панарин С.А. Казахстан: города и урбанизация в межпереписной период (1989–1999) // Вестник Евразии. – 2005. – № 3. – С. 49-69.
14. Пивоваров Ю.Л. Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. – 2001. – № 6. – С. 101-113.
15. Семенов П.Е. Проблемы формирования районных производственных комплексов Казахстана // Вопросы географии. Сборник восьмидесятый. Территориальные производственные комплексы. – 1970. – С. 175-193.

16. Уалтаева А.С. Население малых городов Казахстана (социально-демографический аспект на примере Восточного региона). – Алматы, 2011. – 198 с.

17. Яшков И.А. Экологическая трансформация депрессивных городов Казахстана на рубеже XX–XXI веков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2016. – 12-3. – С. 36–45.

18. Яшков И.А., Иванов А.В., Багаутдинова А.О., Виноградова Т.Н., Горемыко М.В., Кольцова О.В., Макаров В.В., Храмов А.Е., Шардаков А.К., Шешнев А.С. Эволюционная урбанистика Казахстана XX и XXI веков: картографическое и сетевое моделирование, социально-демографическая динамика, экологическая история / под ред. И.А. Яшкова, А.В. Иванова. – М.: Университетская книга, 2017. – 216 с.

19. Яшков И.А., Иванов А.В., Виноградова Т.Н. Опыт изучения трансформации пространства индустриального города на рубеже XX–XXI веков (на примере г. Жанатаса, Казахстан) // Урбанистика. – 2016. – № 4. – С. 27–42.

20. Яшков И.А., Иванов А.В., Виноградова Т.Н. Урбанистический атлас Казахстана. Эволюция сети поселений в XX–XXI веках. – Саратов: ООО «Кузница рекламы», 2016. – 36 с.

21. Яшков И.А., Иванов А.В., Кусков А.С., Баранов В.А. «Мертвые» города в геоэкологическом и культурном пространстве. – М.: Издательский дом «Камертон», 2010. – 212 с.

22. Elie M. The Soviet Dust Bowl and the Canadian Erosion Experience in the New Lands of Kazakhstan, 1950s-1960s / *Global Environment* 8 (2015): 259-292.

23. Sayamov Y., Ivanov A., Gabdullin R., Yashkov I., Mifsud J., Vashenik A., Roh S. A city in the globalizing world. – Hong Kong-Moscow: «Global Publication Company» and «Moscow University Publishing House», 2016. 304 p.

24. Zubarevich N.V., Safronov S.G. Inequality in the Socioeconomic Development of the Regions and Cities of Russia in the 2000s // *Sociological Research*, vol. 53, no. 6, November-December 2014, pp. 48–68.

**Раздел 4. Актуальные проблемы
преподавания общественной
географии в школе и вузе**

РАЗВИТИЕ И ФОРМИРОВАНИЕ ГЕОЛОГО-ГЕОМОРФОЛОГИЧЕСКИХ
ПОНЯТИЙ В ЛИНИИ УЧЕБНИКОВ ПО ГЕОГРАФИИ
«ВЕНТАНА-ГРАФ – ДРОФА»
*DEVELOPMENT AND FORMATION OF GEOLOGICAL-GEOMORPHOLOGICAL
CONCEPTS IN THE LINE OF TEXTBOOKS ON GEOGRAPHY "VENTANA-GRAF – DROFA"*

Воробьев В.В.
Vorobyov V.V.

ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет»,
г. Омск
Omsk State Pedagogical University

Аннотация. Автором проанализирован процесс формирования геолого-геоморфологических понятий в линии учебников издательства «Вентана-Граф – Дрофа» по географии. Выявлены основные черты понятия, особенности и основные этапы их внедрения в дисциплину, систематизирован понятийный материал.

Abstract. *The author analyzes the process of formation of geological and geomorphological concepts in the line of textbooks of the publishing house "Ventana-Graf – Drofa" for geography. Identified the main features of the concept, features and main stages of their implementation in the discipline, systematized conceptual material.*

Ключевые слова: геология, литосфера, школьное образование, география, природные ресурсы, Земля.

Keywords: *geology, lithosphere, school education, geography, natural resources, Earth.*

Несмотря на высокую ценность геологических знаний в обучении географии в средней школе, геологи, методисты и педагоги школ и ВУЗов констатируют в настоящее время их недостаточный объем и несоответствие современным тенденциям развития геологической науки. Это приводит к снижению формирования практических умений и знаний, недостатку часов для проведения практических работ на учебных полевых практиках студентов и учебных экскурсиях для учащихся. Последняя проблема стоит особенно остро.

В основе своей работы автор проанализировал материалы линии учебных пособий по географии издательства «Вентана-Граф – Дрофа» авторства А.А. Летягина, И.В. Душиной, В.Б. Пятунина, Е.А. Таможней, соответствующие новому федеральному образовательному стандарту. Автор выделил основные разделы, в которых изучают геолого-геоморфологические понятия, систематизировал материал и определил основные направления и этапы их развития.

При обучении географии учителю постоянно приходится опираться на геологические термины, без знания которых невозможно понимание

происходящих на Земле процессов. Особенно это касается изучения строения Земли, истории ее развития, основных форм рельефа, состава пород и т. п. Бессистемность формирования геологических понятий привела к тому, что у учащихся нет целостных представлений о Земле, как планете [1, с. 593].

Понятие – форма мышления, отражающая общие и существенные свойства, связи и отношения предметов и явлений. Из числа теоретических знаний (концепции, теории, законы, закономерности, связи) понятия являются основой географических знаний. В школьной географии понятия делятся на единичные (имеющие имя собственное) и общие. В последние входят геолого-геоморфологические понятия, которые включают в себя целый класс однородных предметов и явлений (гора, рельеф, вулкан и т. п.). В определении общего понятия раскрываются общие признаки, присущие предметам и явлениям. Формирование понятий осуществляется индуктивным и дедуктивным методами.

Для формирования понятий в курсе физической географии (6-й кл.) используются индуктивные методы: наблюдение, сопоставление, обобщение, выделение отдельных признаков, применение на практике, то есть процесс формирования понятия идет от частного к общему. В 7–11-х классах используются дедуктивные методы (от общего к частному), то есть на основе имеющихся общих теоретических знаний решаются главные задачи обучения: овладение умением объяснять причинно-следственные связи, действия законов и закономерностей [2, с. 19].

Анализируя содержание и качество геолого-геоморфологических знаний в школьном курсе географии, выявляются особенности процесса обучения, связанного со специфическим содержанием геологических знаний и приемами усвоения их:

- планетарность некоторых геологических процессов, невозможность их наблюдения;
- сложность в создании зрительных образов (медленность и скрытость геологических процессов);
- возможность работы с вещественным материалом (минералами, обнажениями, горными породами);
- использование элементов моделирования;
- учет проблемы формирования временных представлений, необходимых при историческом анализе геологических процессов;
- самостоятельные и практические работы учащихся с литературными источниками, картами.

Автор также определяет группы геолого-геоморфологических знаний:

- познавательные (умение объяснять необходимость рационального природопользования, анализировать);
- оценочные;
- прогностические, картографические, а также их типы (минералогические, картографические, геоморфологические,

палеонтологические и историко-географические, тектонические и динамико-геологические, геолого-картографические);

• геоэкологические умения предвидеть и прогнозировать возможности изменений в природе [2, с. 41].

В линии «Вентана-Граф – Дрофа» программа по географии структурирована в два блока: «География Земли» и «География России», что соответствует требованиям образовательного стандарта [4, с. 5].

Это положительно сказывается и на формировании геологических понятий, так как они присутствуют на каждом этапе, хотя и в разном количестве. Существует взаимосвязь глобального, регионального и краеведческого подходов. Она позволяет показать взаимозависимость процессов и явлений на Земле, а также отдельных территорий материков, страны, района, города и т. д.

Система формирования геолого-геоморфологических понятий в линии «Вентана-Граф – Дрофа» представлена на рис. 1. Автор выделяет формируемые понятия в данной теме конкретного курса географии и определяет опорные понятия, формируемые в предыдущих разделах, или темах предшествующих курсов.

Проанализировав линию учебников можно сделать вывод, что на всех ступенях изучения географии в школе, присутствуют материалы по геологии и геоморфологии, между ними наблюдается связь и присутствуют региональные компоненты.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. В процессе формирования геолого-геоморфологических понятий наблюдается последовательность в изучении.

2. Основные понятия закладываются с 5-7-го классов, а далее идет их развитие, дополнение с учетом регионального компонента.

3. В старших классах проводится больше практических занятий, на которых ученики могут проследить связь геологии с минеральными природными ресурсами с помощью карт.

4. В 11-м классе происходит процесс «от частного к общему», то есть изучив природно-ресурсный потенциал России, учащиеся рассматривают его особенности в других странах.

С внедрением нового федерального образовательного стандарта и потребностью государства в дальнейшем изучении недр и ресурсов страны появились первые положительные результаты. Однако, есть еще направления, которые требуют глубокого дальнейшего изучения, автор данной работы в дальнейшем продолжит свою исследовательскую деятельность.

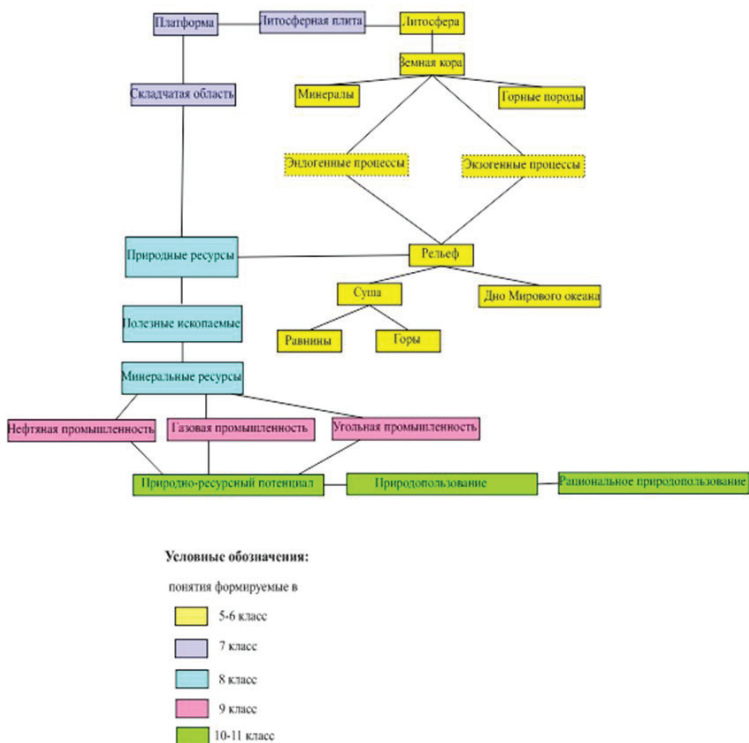

Рис. 1. Формирование геолого-геоморфологических понятий в линии учебников по географии «Вентана-Граф – Дрофа»

Литература

1. Баранова М.Н., Шиманчик И.П. Проблемы геологического образования и возможные пути их решения // Педагогика. – Самара: Изд-во ГОУ ВПО «Самар. гос. арх.-строит. ун-т», 2010. – С. 592-594.
2. Березовская А.О., Глушкова А.Д., Коваленко С.Н. Геологические понятия в школьном курсе географии. – Иркутск: Изд-во ГОУ ВПО «Иркут. гос. пед. ун-т», 2003. – 87 с.
3. Бахчиева О.А. География: 10–11 классы: рабочая программа: базовый и углубленный уровни. – 3-е изд., перераб. – М.: Вентана-Граф, 2017. – 73 с.
4. Летагин А.А. География: 5–9 классы: рабочая программа / А.А. Летагин, И.В. Душина, В.Б. Пятунин, Е.А. Таможняя. – М.: Вентана-Граф, 2017. – 276 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНТУРНЫХ КАРТ ПРИ ОБУЧЕНИИ ГЕОГРАФИИ

USE OF CONTOUR MAPS IN STUDYING GEOGRAPHY

Завада Д.Ю., Пономарева З.В.
Zavada D.Yu., Ponomareva Z.V.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж
Voronezh State Pedagogical University

Аннотация. Рассматривается необходимость актуализации картографического метода и использования контурных карт на занятиях по географии; обосновывается необходимость составления картосхем для закрепления обучающимися учебного материала, выявления и понимания причинно-следственных связей.

Abstract. *The necessity of actualization of cartographic method and use of contour maps in classes on geography is considered. The necessity of drawing up the charts for the reinforcement of the learning material by the trainees, the identification and understanding of the cause-effect relationships is justified.*

Ключевые слова: география, контурная карта, картографический метод, компьютерная география.

Keywords: *geography, contour map, cartographic method, computer geography.*

По мнению В.П. Максаковского, «...улучшить преподавание географии в школе – значит шире внедрить новые, прогрессивные формы урока, идеи развивающего, проблемного обучения, добывание знаний, навыки самостоятельной работы, элементы игры и моделирование, перенести главный акцент с репродуктивной на творческую, хотя бы частично поисковую деятельность учащихся» [2, с. 92]. Этот вывод и сегодня остается актуальным.

В настоящее время в условиях новых государственных стандартов образования методика обучения географии переживает сложный период. Заинтересованность обучающихся в освоении дополнительного, а порой основного объема знаний без практического применения в жизни катастрофически падает. Учителю в нынешних условиях необходимо не просто научить получать знания, а научиться рекламировать свой предмет и уметь его дорого «продать» детям и их родителям. Интерес ребенка все чаще не имеет определяющего значения в распределении времени на изучение того или иного предмета.

География в современных условиях не имеет явных преимуществ, которые бы побуждали обучающихся на активную познавательную деятельность. По-прежнему эта дисциплина остается на втором плане. Прежние доводы померкли в условиях рынка. К примеру, атмосферные явления прекрасно проецируются на динамических интернет-картах; знание стран и их столиц носит развлекательный характер без явного практического

применения. Пережитки предыдущей системы образования проявляются не столько в наличии старых форм преподавания, сколько в крайне низкой их модернизации.

Картографический метод был и остается основным методическим инструментом в географических исследованиях, получении новых знаний по географии. Н.Н. Баранский, подчеркивая значение карты, писал:

1. «Карта есть «альфа и омега» географии. От карты всякое географическое исследование исходит и к карте приходит, с карты начинается и картой кончается».

2. Карта не только пассивно регистрирует успехи географического исследования, но и активно стимулирует к его расширению и углублению. «Карта не терпит пустых мест».

3. «Карта в высокой степени способствует выявлению географических закономерностей, то есть закономерностей в пространственном размещении, соотношении, сочетании и взаимодействии явлений на поверхности Земного шара» [1, с. 290].

Нам представляется, что одной из активных форм изучения географии в школьном и вузовском курсах должна стать работа с контурной картой, учебным бланком, содержащим элементы географической основы и координатную сетку.

Плюсы данной формы заключаются в более эффективной фиксации информации, развитии внимания и логики. Вместе с этим оформление контурной карты требует точности и аккуратности.

К минусам можно отнести жесткие правила оформления, что не способствует развитию творческого потенциала обучающегося. Данная работа вырабатывает шаблонность мышления с максимально возможным поощрением педантичности. Существенным недостатком работы с контурными картами является освоение системы условных знаков, как посредника между обучающимся и получаемой информацией. Часть школьного курса географии посвящена обучению ребенка системе специфического знакового языка, который трудно интегрируется в межпредметное русло школьных знаний.

К сожалению, процесс изучения языка картографирования не имеет практического применения для обучающихся. Постепенно он трансформируется в банальное копирование картографического материала атласа без осознанного анализа произведенных действий. В этом случае географические «раскраски» не несут смысловой нагрузки, а только обесценивают процесс картографирования.

Однако данная форма получения географических знаний сохраняет популярность в учебном процессе. Используется в качестве самостоятельного набора в сопровождении географического атласа и как часть рабочих тетрадей, начиная с курса природоведения начальной школы и заканчивая заданиями государственных экзаменов.

Практические умения и навыки при прохождении экономико-географических дисциплин в педагогическом вузе рекомендуем закреплять

заданиями по моделированию картосхем на основе соответствующего раздела текста учебника, обработки статистических данных, использования справочной литературы и текущей информации с применением методики картографирования.

Решением сложившейся проблемы может стать внедрение ГИС-технологий в процесс изучения географии. Широкий спектр программного обеспечения учитывает разный уровень владения данными софтами. Многие программы доступны бесплатно, русифицированы и имеют географическую привязку. Они могут стать отличным инструментом для отработки навыков картографирования и повышения компьютерной грамотности.

В качестве стартовой программы в процессе интеграции геоинформационных систем в школьный курс географии может стать продукт корпорации «Microsoft» – программа для работы с электронными таблицами «Excel». Данное приложение в разделе «Вставка» содержит инструмент для трехмерной визуализации данных под названием «3D карта». С его помощью возможна обработка статистической информации на уроке географии с последующей визуализацией полученных результатов на трехмерной модели территории [3].

Более сложные аналитические работы возможны с помощью программ «MapInfo», «QGIS», «ArcGIS». Эти приложения позволяют пользователям с любым уровнем подготовки создать наглядные карты. В качестве основы карты возможно использование разномасштабных, в том числе топографических карт, а также космических снимков. Стиль и внешний вид любого набора данных легко изменить, используя методы аналитической обработки и настройки отображения. Можно использовать статистические и математические функции для отображения рассчитанных значений на карте символами и цветом. Например, территории стран могут быть окрашены в соответствии с заданными параметрами [4].

Использование вышеперечисленных программ не ограничивается географией как таковой. Полученный опыт возможно проецировать и на другие предметы в рамках проведения исследовательской работы обучающихся, например, на исторические процессы, лингвистические особенности, уровень физической подготовленности с привязкой к определенной территории. Спектр применения полученных и отработанных навыков ограничивается лишь фантазией и желанием исследователей.

Популярные геоинформационные системы, которые могут стать основой для модернизации процесса обучения географии, имеют четкое практическое применение в дальнейших межпредметных связях образовательного процесса в школе и вузе.

Литература

1. Баранский Н.Н. Методика преподавания экономической географии. Пособие для учителей. – М., 1960. – 452 с.
2. Наука и искусство географии: Спектр взглядов ученых СССР и США / сост. и ред. В.В. Анненков и Дж.Д. Демко. – М.: Прогресс, 1989. – 200 с.

3. Приступая к работе с «3D Maps» – Microsoft [сайт]. – Режим доступа: <https://support.office.com/ru-ru/article> (дата обращения 06.04.18).

4. Многовариантность отображения данных – Esti Map [сайт]. – Режим доступа: <http://www.esti-map.ru/product/mapinfo-professional> (дата обращения 06.04.18).

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ГЕОЭТНИЧЕСКОГО
ОБРАЗА РОССИИ НА УРОКАХ ГЕОГРАФИИ
*METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF GEO-ETHNIC IMAGE OF RUSSIA
IN GEOGRAPHY LESSONS*

Коваль П.А.
Koval P.A.

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет»,
г. Воронеж
Voronezh State Pedagogical University

Аннотация. В статье дано понятие геоэтнического образа. Рассмотрена последовательность изучения элементов данного понятия и предложена методика их изучения. Отмечается значимость этнографических знаний в школьном курсе географии.

Abstract. *In this article the concept of geo-ethnic image is given. The sequence of studying the elements of this concept is considered and the technique of their studying is offered. The importance of ethnographic knowledge in the school course of geography is noted.*

Ключевые слова: геоэтнический образ, методика, этнос, география.

Keywords: *geo-ethnic image, technique, ethnicity, geography.*

Геоэтнический образ – устойчивое представление, включающее в себя общие сведения об этносах (численность, динамика, язык, традиции и обычаи), особенностях их размещения на определенной территории. В методике изучения геоэтнического образа следует придерживаться определенной последовательности. Главная задача составления геоэтнического образа – отражение явлений и процессов, особенностей, связанных с этносами. К числу этих явлений и процессов следует отнести:

- численность этносов и ее динамику;
- размещение этносов;
- религиозный состав;
- культуру и быт.

Основой для исследования геоэтнического образа являются объективные статистические данные, отражающие количественные параметры, характеризующие динамику численности этносов, их демографические и

социальные структуры, а также субъективные социологические подходы, характеризующие качественные особенности этносов. Главным источником основных статистических данных о населении являются Всероссийские переписи населения. Поэтому методика изучения геоэтнического образа предполагает работу с картографическим и статистическим материалом, составление схем, таблиц, диаграмм и графиков, работу с интернет-ресурсами [4].

При изучении этнографического компонента целесообразно проводить занятия с практической направленностью, где учащийся сможет применять теоретические знания и знания, связанные с личным опытом.

Методика изучения геоэтнического образа предполагает, в первую очередь, рассмотрение понятия «этнос», как основополагающего, изучение основных классификаций этноса, свойств этноса, концепций этногенеза. Источниками этих сведений выступают научная литература и Интернет. Наиболее приемлемой формой уроков при знакомстве с темой выступает лекционно-семинарская форма. Учащимся заранее предлагается подготовить сообщения по предложенным темам. Возможно применение метода проблемного изложения.

При изучении численности этносов данные берутся с официальных статистических сайтов. Уроки проводятся в форме уроков-практикумов, уроков-семинаров, в ходе которых создаются условия для развития навыков самостоятельной работы, работы в коллективе, развития коммуникативности посредством разноуровневых индивидуальных и групповых заданий. Учащиеся проводят анализ статистического материала, рассчитывают долю этносов в общей численности населения. На основе полученных данных предполагается построение диаграмм. Изучается численность этносов в динамике. Данные отображаются в виде графиков. Результатом является анализ выполненных работ [3].

Изучение размещения этносов страны осуществляется, главным образом, на основе анализа картографических материалов учебника и атласа. Учащимся предлагается выполнить обзор этнического состава регионов России, выявить наиболее пестрые по этническому составу регионы и регионы с наименьшим разнообразием этносов. Рекомендуется выполнение картографических работ «Доля русских в регионах России», «Доля титульных народов в населении субъектов РФ».

В России проживают приверженцы всех трех мировых религий. Кроме того, по территории страны расселено большое количество представителей местных традиционных верований. Изучению религиозного состава населения способствуют данные переписей населения, материал школьных учебников, карты, дополнительный материал из научной литературы. Учащимся предлагаются задания на построение диаграмм, составление таблиц, подготовка сообщений.

Культура, традиции и обычаи, уклад жизни этносов изучаются на основе сведений из интернет-источников, материалов учебника, личного опыта учащихся. Содержание заданий направлено на формирование опыта

творческой деятельности и эмоционально-ценностное отношение к миру. Большое внимание уделяется групповым формам работы (дискуссии, игры, проекты) с учетом возрастных и психологических особенностей учащихся. Активизации познавательного интереса, расширению кругозора будут способствовать просмотры видеоматериалов о жизни разных народов нашей страны [1].

Сейчас к изучению геотнического образа страны привлекаются не только материалы из области географических, но и смежных наук, давая тем самым более подробную и глубокую информацию обучающимся. Например, на уроках географии при изучении этнографического компонента используются народные песни этносов (музыка), происходит знакомство с фольклором народов России (литература) [2].

Изучение жизни этносов связано со знакомством с особенностями их жилища, кухни, одежды, поведения. Этнос связан с природной и социально-экономической средой, поэтому задания должны быть направлены на выявление взаимосвязей между ними. Например, можно рассмотреть связь характера жилища разных народов в зависимости от природных зон. В качестве творческих заданий предлагается создание в группах макетов разных типов традиционных жилищ народов, подготовка сообщений и мультимедийных презентаций о традициях и обычаях, создание предметов традиционной одежды. Данные задания способствуют развитию творческой деятельности. Немаловажным является знакомство учащихся с особенностями этнического состава родного края [4].

Таким образом, формирование этнографических знаний происходит путем выполнения разнообразных по уровню и содержанию заданий, способствующих развитию навыков самостоятельной и коллективной работы, умений работать с различными источниками информации, анализировать и систематизировать материал.

Этнографические знания обладают большим образовательным потенциалом, поэтому их необходимо включать в образовательные программы и учебники. Знания об этносах способствуют обогащению своим содержанием уроков географии и оказывают влияние на формирование эмоционально-ценностного отношения к миру, толерантности, чувства патриотизма.

Литература

1. Лобжанидзе А.А. Этнокультурная парадигма современного географического образования. – М.: МИИО, 2007. – 208 с.
2. Рыбаков С.Е. О методологии исследования этнических феноменов // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 5. – С. 3-17.
3. Сараева А.М. Методика изучения населения в географии / А.М. Сараева, Л.В. Суханов // Научный журнал Евразийского союза ученых. – URL: [<http://euroasia-science.ru/pedagogicheskie-nauki/metodika-izucheniya-naseleniya-v-geografii/>] (дата обращения 31.03.2018).

4. Сараева А.М. Этнографический компонент в учебном процессе школы / А.М. Сараева, Л.В. Суханов // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2016. – № 2. – С. 262-266.

«КРОССЕНС» КАК ОДИН ИЗ ПРИЕМОВ ФОРМИРОВАНИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ
*«CROSSENCE» AS ONE OF THE METHODS OF THE GEOGRAPHICAL IMAGE
OF THE TERRITORY*

Коновалова В.А.
Konovalova V.A.

ФГКОУ «Пермское суворовское военное училище», ЗАТО Звездный
Perm Suvorov Military School

Аннотация. Статья посвящена проблемам формирования образа территории у обучающихся в школьной географии, развитию ассоциативного мышления. Рассмотрен педагогический прием «кроссенс», обозначен его методический потенциал в работе школьного географа.

Abstract. *The article is devoted to the problems of forming the image of the territory among students in school geography, the development of associative thinking. The pedagogical method of "Crossens" is considered, its methodical potential is indicated in the work of the school geographer.*

Ключевые слова: образ территории, клиповое мышление, прием «кроссенс», ассоциативная головоломка.

Keywords: *image of territory, clip-on thinking, the pedagogical method of "Crossens", associative puzzle.*

Стратегической целью географического образования является формирование географического мышления, суть которого точно сформулировал в свое время Н.Н. Баранский: «географическое мышление – мышление, во-первых, привязанное к территории, кладущее свои суждения на карту и, во-вторых, связанное, комплексное, не замыкающееся в рамках одного «элемента» или одной «отрасли», иначе говоря, играющее аккордами, а не одним пальчиком» [1].

В отечественной школьной географии не один год стоит методическая проблема: как формировать у школьников комплексные образы географических объектов, процессов, явлений? Именно их совокупность составляет единую географическую картину мира, позволяет судить об уровне сформированности географического мышления.

Сегодня глобальная информатизация приводит к изменению в ментальном плане. Под воздействием телевидения, компьютерных игр,

Интернета и даже современной литературы у современного подростка преобладает особый тип мышления – «клиповое» [4].

Появление «клипового мышления» повлекло за собой потребность изменения подхода к обучению. Для учителя географии это особенно сложная задача, так как формирование образа территории – трудная и длительная работа. Необходимо комплексное использование эффективных форм и методов, позволяющих осуществлять этот процесс.

Один из вариантов решения обозначенной проблемы возможен через использование на уроках приема «кроссенс». Данный прием позволяет выстраивать этапы современного урока в контексте ФГОС. По сути «кроссенс» – это кроссворд. Но если в кроссворде мы работаем с пересечением букв, то в «кроссенсе» – это пересечение смыслов. Он основан на ассоциациях. Идея «кроссенс» принадлежит нашим соотечественникам: писателю, педагогу и математику Сергею Федину и доктору педагогических наук, философу и художнику Владимиру Бусленко. Головоломка впервые была опубликована в 2002 г. в журнале «Наука и жизнь» [2]. «Кроссенс» представляет собой ассоциативную цепочку из девяти картинок, замкнутых в стандартное поле как для игры в «крестики-нолики».

Изображения расставлены таким образом, что каждая картинка имеет связь с предыдущей и последующей, а центральная объединяет по смыслу сразу несколько картинок. Задача разгадывающего «кроссенс» найти ассоциативную связь между соседними (то есть имеющими общую сторону) картинками. Связи в головоломке могут быть как поверхностными, так и глубинными.

Начать разгадывать «кроссенс» можно с любой узнаваемой картинки, но центральным является квадрат под номером 5. Центральная картинка, по желанию автора, может быть связана по смыслу со всеми изображениями в «кроссенсе». Но обычно нужно установить связи по периметру между квадратами 1-2, 2-3, 3-6, 6-9, 9-8 8-7, 7-4, 4-1 («основа»), а также по центральному кресту между квадратами 2-5, 6-5, 8-5 и 4-5 («крест»).

Таким образом, «кроссенс» представляет собой совокупность двенадцати (по числу соседних пар) ассоциативных головоломок. Ответ не всегда однозначен, но в большинстве случаев отгадывающий находит одну и ту же цепочку ассоциаций [2].

Рассмотрим данный прием на примере одного из используемых географических «кроссенсов» для 9-го класса по теме «Экономические районы России».

Урок обобщающего повторения. Необходимо найти смысловые пересечения между соседними картинками, общее слово, фразу. Вписать ответ в квадрат № 5. В результате обучающиеся представляли информацию в виде логической цепочки. Каждая картинка была расшифрована, найдена ассоциативная связь между последующей и предыдущей картинками. Получалось примерно следующее. Верблюд ассоциировался с «кораблем пустыни» (квадрат 1). Полупустыни в Европе расположены лишь в Калмыкии. Следующая картинка – осетр (квадрат 2). Во-первых, это представитель

животного мира (связь с предыдущим фото), во-вторых, это один из символов Астраханской области. Далее Волго-Донской канал (квадрат 3), который связан с осетром областью обитания (низовья Волги и просто вода). Известно, что данный канал расположен в Волгоградской области. Автомобиль с аэрографией в виде портретов К. Маркса и Ф. Энгельса (квадрат 6) символизировал Саратовскую область, где расположены одноименные города. Многие вспомнили немцев Поволжья. С предыдущим фото связан общей темой «Транспорт», а с последующей (квадрат 9) расположением гиганта автомобильной промышленности «Автоваз». Известно, что собирается представленная модель в Самарской области. Самолет (квадрат 8) как один из видов транспорта связан с предыдущим изображением, символизирует Ульяновскую область. На следующем фото (квадрат 7) два известных государственных деятеля В. Путин и М. Шаймиев в национальных головных уборах. Легко угадывается Республика Татарстан. Ассоциативная связь с предыдущей картинкой связана с умением президента России управлять самолетом. Далее (квадрат 4) расположен герб Пензенской области (государственные деятели – государственный символ). Ученики слабо владеют знанием гербов субъектов РФ, но в данном случае достаточно легко отгадывают это задание, так как в ходе работы над головоломкой уже поняли, что все предыдущие субъекты федерации граничат друг с другом и расположены в Поволжье (ответ квадрата 5). Среди угаданных регионов недостает только Пензенской области, которая, как и Калмыкия, загаданная на фото 1, не имеет выхода к Волге (связь квадратов 4 и 1). В ходе работы с данным «кроссенсом» обучающиеся обобщают изученную тему. В ходе обсуждения получают дополнительную информацию об изученном районе. Формируется целостный образ территории. Ученики формулируют свое мнение, выстраивают понятные для одноклассников высказывания, слушают собеседника, учатся аргументировать свою позицию.

Рис. 1. Один из примеров «кроссенса».

«Кроссенс» на уроке может быть использован:

- при формулировке темы и цели урока;
- при изучении нового материала, в качестве постановки проблемной ситуации;
- при закреплении и обобщении изученного материала;
- при подведении итога работы на уроке, в качестве интеллектуальной рефлексии.

Урок можно полностью построить в форме «кроссенса», то есть девять элементов «кроссенса» могут представлять собой структуру урока.

«Кроссенс» можно предложить ученикам в качестве творческого домашнего задания, предварительно познакомив учеников с алгоритмом его создания. Определить тематику (общую идею). Выбрать 9 элементов (образов), имеющих отношение к теме. Найти связи между элементами. Определить последовательность элементов по типу связи «крест» и «основа». Сконцентрировать смысл в одном элементе (центр – 5-й квадрат). Подобрать картинки, иллюстрирующие выбранные элементы (образы). Заменить выбранные элементы (образы) картинками, знаково-символическими средствами, в том числе моделями и схемами. Для облегчения создания «кроссенса» удобно сначала каждый квадрат заполнить словом (словосочетанием) по выбранной теме, а затем заменить его ассоциативной картинкой [3]. В ходе выполнения подобного домашнего задания ученики анализируют информацию из разных источников, внимательно работают с текстом параграфа, выделяют и обобщенно фиксируют существенные признаки географических объектов, моделируют «кроссенс». Они учатся интерпретировать информацию, устанавливать причинно-следственные связи, анализировать, обобщать, делать выводы.

Работа с «кроссенсом» отражает глубину понимания обучающимся изучаемой темы. Вместе с тем «кроссенс» способствует развитию логического, образного и ассоциативного мышления, воображения; способствует проявлению нестандартного мышления и креативности; развивает способность самовыражения.

Таким образом, «кроссенс» – современная головоломка, применение которой на уроке позволяет работать в рамках современных задач, обозначенных ФГОС. Современному учителю нужно учитывать существенные особенности феномена «клиповое мышление» при построении процесса обучения. Применение известных методов обучения совместно с новыми приемами повысит эффективность процесса обучения.

Литература

1. Баранский Н.Н. Избранные труды. – М.: Мысль, 1980. – 287 с.
2. Бусленко В., Федин С. Семейный кроссворд и новая интеллектуальная игра «Кроссенс» // Наука и жизнь. – № 12. – 2002. – С. 12.
3. Никоарэ М. Пересечение смыслов, или Творим с историей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ug.ru/method_article/214

4. Семеновских Т.В. «Клиповое мышление» – феномен современности [Электронный ресурс] / Оптимальные коммуникации: эпистемический ресурс Академии медиаиндустрии и кафедры теории и практики общественной связности РГГУ. – Режим доступа: <http://jarki.ru/wpress/2013/02/18/3208/>

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ НАПРАВЛЕНИЯ КОМПЛЕКСНОГО
ИЗУЧЕНИЯ СТРАН И РЕГИОНОВ
RESEARCH DIRECTIONS OF COMPLEX STUDY OF COUNTRIES AND REGIONS

Обедков А.П.
Obedkov A.P.

ГОУ ВО «Коми республиканская академия государственной службы и
управления», г. Сыктывкар
Komi Republican Academy of State Service and Management, Syktывkar

Аннотация. Раскрыта взаимосвязь основных научно-исследовательских направлений комплексного изучения территорий различного таксономического ранга. Дана сравнительная характеристика предметов и объектов, функций и видов, научных подходов и методов страноведческих, регионоведческих и краеведческих исследований.

Abstract. *Interaction between the main research directions of the complex of the study areas of different taxonomic rank. The comparative characteristic of subjects and objects, functions and types, scientific approaches and methods of regional and local lore researches is given.*

Ключевые слова: комплексная характеристика территории, страноведение, регионоведение, краеведение, комплексные регионоведческие и страноведческие исследования, географический и междисциплинарный синтез, таксономические уровни.

Keywords: *complex characteristic of the territory, country study, regional studies.*

Комплексное изучение территорий различного таксономического ранга имеет глубокую историю. В древности основным поставщиком научной и практической информации о всей совокупности проявлений человеческой деятельности в территориальном разрезе была география, представлявшая собой симбиоз землеведения и страноведения. Расширение, углубление и конкретизация страноведческих исследований способствовали оформлению краеведения и регионоведения в качестве взаимосвязанных научно-исследовательских направлений комплексного изучения территорий, которые заняли соответствующие их рангу таксономические ниши.

Общность географического происхождения страноведения, регионоведения и краеведения предопределила схожесть их предметов и

методов исследования. Данные научно-исследовательские направления комплексного изучения территорий взаимно дополняют друг друга и способствуют обобщению и систематизации интегральных знаний универсального характера о целостных территориальных образованиях различного таксономического ранга, очерченных определенными историко-географическими границами. Краеведческие исследования обогащают страноведение и регионоведение разнообразным фактическим материалом и знанием специфики местных историко-географических условий. В свою очередь, страноведение и регионоведение, опираясь на эти материалы, могут предложить перспективные направления краеведческих исследований. Между тем с позиций системного подхода, иерархической и таксономической соподчиненности, их взаимоотношения друг с другом не столь однозначны.

Краеведение – общественное движение местных энтузиастов и ненаучная практика, представляющая собой комплекс инициативных исследований, связанный с изучением природы, населения, хозяйства, истории и культуры родного края (малой родины). Общественная потребность в краеведении связана с выполнением прежде всего научно-познавательной, культурно-просветительской, учебно-воспитательной и патриотической функций. Как правило, таксономические рамки объекта изучения краеведения ограничиваются сравнительно небольшим историко-культурным или природным районом, административно-территориальной единицей или муниципальным образованием. Основной метод краеведческих исследований связан со сбором и обобщением разнообразной информации об истории освоения и заселения территории, использовании природных ресурсов и формировании хозяйства, объектах материальной и духовной культуры, а также других материалов, которые способствуют расширению знаний об истории и географии, хозяйственном и культурном развитии родного края и его жителях.

Различают отраслевое и комплексное краеведение. К отраслевому направлению относятся географическое, историческое, этнографическое, социально-культурное, туристское, топонимическое и другие тематические виды краеведения. Комплексное краеведение охватывает все эти аспекты изучения родного края и направлено на всестороннее изучение истории и культуры, географии и хозяйственной жизни людей на своей малой родине. Поэтому комплексное краеведение рассматривается как органическая составная часть комплексного страноведения, ориентированная на крупномасштабное и всестороннее изучение характерных особенностей природы, населения и хозяйства небольших территорий.

Долгое время страноведение развивалось как преимущественно описательное направление в региональной географии и организационная форма объединения совокупности разнородных научных знаний и различных сведений о природно-ресурсном потенциале территории, демографических, социально-экономических и политических процессах разных типов государств и их группировок. Со временем на смену этой трактовке пришло понимание страноведения как целостной и самостоятельной комплексно-

географической науки, реализующей идею географического синтеза в качестве концептуальной основы страноведческих исследований. Главная задача страноведения заключается в познании специфических закономерностей взаимодействия природы и общества в странах различного типа на основе интеграции объективной информации и географического синтеза научных знаний. При этом страноведение, помимо специфической для него описательной функции, выполняет не менее важные информационную и культурно-просветительскую функции. Результаты страноведческих исследований, представляющие собой объективные страноведческие образы различных государств, имеют большое научно-познавательное, образовательное и прикладное значение.

На основе результатов изучения стран и крупных регионов мира осуществляется анализ проявлений в них общих закономерностей, присущих многим территориям и устанавливаемых соответственно физической и социально-экономической географией. Выявление подобных закономерностей не входит в число специфических задач страноведения. Во многих страноведческих работах, опирающихся на конкретные материалы изучаемой территории, попутно могут рассматриваться проблемы более общего характера, выходящее за рамки страноведческого исследования. Существование двух различных форм синтеза физико-географических и экономико-географических знаний не исключает необходимости дальнейшего усиления связей между физической и экономической географией, что особенно важно для комплексных характеристик территорий. Это создает возможность для более полных форм синтеза географических данных [2, с. 8].

В узком смысле страноведение можно определить как специфическую дисциплину, занимающуюся комплексным изучением территориально целостных образований, представленных государствами, как основными единицами политической, экономической и социально-культурной дифференциации Земного шара; крупными районами в составе государств; группировками государств, объединенных в макрорегионы и субрегионы. В широком смысле страноведение – комплексная географическая научно-образовательная дисциплина, изучающая широкий круг взаимосвязанных характеристик природных условий и природных ресурсов, этнодемографического потенциала и трудовых ресурсов, отраслевой и территориальной структуры хозяйства, культуры и социальной организации общества, геополитического положения и региональной политики конкретных государств и их крупных природно-хозяйственных и историко-культурных районов, а также различных межгосударственных региональных группировок. В настоящее время в структуре страноведения выделяется более 20 субдисциплин и направлений исследования: военно-географическое, геоинформационное, демографическое, зарубежное, информационно-поисковое, историко-географическое, комплексное, культурно-образное, культурно-просветительское, медико-географическое, научное, отечественное, политико-географическое, проблемное, публицистическое, рекреационное, туристское, учебное, физико-географическое, экономико-

географическое, этно-лингвистическое, этноконфессиональное страноведение [1, с. 39-42].

Расширение традиционного объекта страноведческих исследований и его дальнейшая дифференциация способствовали появлению в системе географических наук понятия «регионоведение» и его разграничению с понятием «страноведение». Стремительное развитие регионоведения в последние десятилетия под влиянием разнонаправленных процессов глобализации мирового хозяйства и регионализации социально-экономической и политической жизни общества сопровождается своеобразным выяснением отношений со страноведением, с которым оно имеет большое поле перекрытия. В настоящее время большинство исследователей считает, что понятия «регион» и «регионоведение» шире, чем понятия «страна» и «страноведение». Это позволяет рассматривать страноведение в качестве составной части и важнейшего направления регионоведения [4, с. 81].

Регионоведение – междисциплинарное и интегральное направление географической науки, связанное с комплексным изучением внешних и внутренних факторов развития относительно целостных территориальных образований (общностей), которые сформировались на макрорегиональном, субрегиональном, государственном и внутргосударственном таксономических уровнях. В отличие от государства, как главного объекта страноведения, имеющего четкую иерархию образований на его основе таксономических единиц, регион не имеет столь однозначных критериев таксономической размерности. Синонимами термина «регионоведение» являются «регионология» и «регионика». Однако они значительно уступают ему по популярности использования в научных публикациях. В свою очередь более широким понятием по отношению к «регионоведению» является понятие «регионалистика».

В процессе продолжающейся дифференциации регионоведения в его структуре обозначились более 15 субдисциплин и направлений исследования аналитического, тематического (отраслевого), образовательного, прикладного и комплексного характера. Аналитическое направление представляют геоинформационное, научное, теоретическое и проблемное регионоведение, комплексное направление – комплексное регионоведение, северное регионоведение, макрорегионоведение и внутрискановое регионоведение, научно-образовательное направление – познавательное, общественно-географическое, отечественное и зарубежное регионоведение, прикладное направление – прогнозно-конструктивное, этно-лингвистическое, рекреационное и туристское регионоведение. В настоящее время наиболее актуальным направлением комплексного регионоведения России является северное регионоведение [3]. При этом наиболее разработанным и востребованным направлением прикладного регионоведения остается этно-лингвистическое регионоведение, в составе которого получили развитие такие разделы, как американистика, латино-американистика, африканистика,

востоковедение, германистика, китаеведение, семитология, славяноведение, финно-угроведение [4, с. 82].

Сложность предмета регионоведения требует выработки определенной методологии научного познания регионов различного ранга и типа как объектов комплексного изучения. В отличие от страноведения, являющегося комплексной географической наукой со сложившимися научными подходами и принципами, регионоведение формируется как аналитическая и прикладная научная дисциплина, не имеющая собственной методологии, но активно использующая научные подходы и принципы исследования смежных дисциплин. Для установления общих признаков и различий, взаимосвязи и линий разграничения страноведения и регионоведения необходимо сопоставить предметы, объекты и таксономические уровни, специфические научные подходы и методы исследования (табл.).

Сочетание, взаимопроникновение и интеграция на основе междисциплинарного синтеза частных направлений регионоведческих исследований позволяют перейти к комплексному регионоведению, соединяющему отраслевые знания в разрезе макрорегионов (региональных и субрегиональных группировок государств), стран (государств как основных единиц политико-географической организации мира) и внутригосударственных регионов (районов и регионов внутри страны). Комплексное регионоведение – междисциплинарная, интегральная и синтетическая область знаний, связанная с изучением всей совокупности условий и факторов, видов и проявлений человеческой деятельности в пределах регионов разных таксономических уровней и типов, которые выступают как результаты территориального разделения труда и субъекты международных отношений. В основе комплексного регионоведения лежит описание, объяснение и прогнозирование региональных социально-экономических процессов, образующих предмет его исследования.

Главная задача комплексного регионоведения, как аналитического и прикладного научно-исследовательского направления, заключается в создании целостных и широких по содержанию комплексных регионоведческих характеристик, представляющих собой синтетическое обобщение разнородных данных о природных условиях и природных ресурсах, населении, хозяйстве, культуре, социальной и политической организации государств и регионов всех типов, таксономических рангов и уровней исследования. Общественную потребность в комплексном регионоведении отражают такие его специфические функции, как описательная, культурно-просветительская, информационная, научно-исследовательская и прогнозно-практическая.

Территориальный подход к изучению всего многообразия окружающего мира становится все более востребованным в современных условиях. Бурное развитие международного туризма в последние десятилетия вызвало повышенный интерес к страноведению и регионоведению как комплексным географическим дисциплинам, осуществляющим синтез разнообразных знаний об особенностях природы, населения, хозяйства и культуры разных

стран и регионов мира. Это потребовало дальнейшего совершенствования комплексных страноведческих характеристик за счет включения в их состав ряда пунктов, характеризующих туристско-рекреационный потенциал и развитие различных видов и направлений туризма [3, с. 19-21].

Таблица. Сравнительная характеристика страноведения и регионоведения

Характеристики	Страноведение	Регионоведение
Предметы исследования	Комплексное изучение, систематизация и обобщение данных о природе, населении, хозяйстве, культуре и социальной организации конкретных стран	Вся совокупность видов и проявлений человеческой деятельности, возникающих в процессе взаимодействия природы и общества на региональном уровне
Объекты исследования	Независимые государства, региональные группировки государств, крупные районы в составе государств	Регионы разного таксономического уровня и типа
Таксономические уровни	Государственный, внутригосударственный, межгосударственный	Государственный, внутригосударственный, макрорегиональный, субрегиональный
Научные подходы	Комплексный, проблемный, региональный, типологический, сравнительно-географический, территориальный	Антропокультурный, воспроизводственный, геополитический, геосистемный, геоэкспертологический, интерактивный, исторический, комплексный, поведенческий, региональный, сравнительно-географический, территориальный, типологический, цивилизационный, экологический
Методы исследования	Геоинформационный, картографический, описание, районирование, сравнительно-географический, статистические	Балансовый, геоинформационный, картографический, нормативный, программно-целевой, социологические, сравнительно-географический, формализованные методы прогнозирования и планирования, экономического анализа и управления, экспертные, экспликативные

Динамично меняющаяся картина мира, стран и регионов в условиях глобализации требует постоянного обновления комплексных характеристик стран и регионов. В этой связи все более актуальным и востребованным обществом становится совместное развитие дополняющих друг друга комплексных регионоведческих и страноведческих исследований. Комплексный характер подобных исследований обеспечивается за счет широкого использования знаний и информации географических, геологических, биологических, исторических, политических, экономических и технических наук, социологии, статистики, демографии, этнографии и других научных дисциплин, которые участвуют в создании целостного и объективного образа региона на основе географического и междисциплинарного синтеза.

Литература

1. Максаковский В.П. Географическая культура: учебное пособие для студентов вузов. – М.: ГИЦ ВЛАДОС, 1998. – 416 с.
2. Обедков А.П. Место географии в классификации наук и ее внутренняя структура. – Сыктывкар, 2011. – 32 с. («Научные доклады по проблемам развития экономики и сервиса в регионе». Выпуск 3).
3. Обедков А.П. Северное регионоведение. – В двух частях. Ч. 1. – Сыктывкар, 2017. – 204 с.
4. Разумовский В.М., Севастьянов Д.В. Регионоведение и страноведение в структуре географической науки // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – Сер. 7. – 2009. – Вып. 4. – СПб., 2009. – С. 81-89.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ ПРИ ПРЕПОДАВАНИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ
СПЕЦКУРСОВ В ВУЗАХ
*PROFESSIONAL DIRECTION OF SOCIAL COMPETENCIES AT TEACHING
GEOGRAPHICAL SPECIAL COURSES IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS*

Осипенко Г.Л.
Osipenko G.L.

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины, г. Гомель,
Республика Беларусь
Gomel State University named after F. Skorina, Gomel, Republic of Belarus

Аннотация. Профессиональные компетенции являются важным звеном при подготовке специалистов, так как именно практикоориентированная направленность работы любого преподавателя приближает студента непосредственно к его профессиональной деятельности.

***Abstract.** Professional competencies are an important link in the training of specialists. It is the practical orientation of the work of any teacher that brings the student directly to his professional activities.*

Ключевые слова: компетенции, принципы, методы, приемы, биомониторинг, биоиндикация, навыки.

Keywords: *competences, principles, methods, techniques, biomonitoring, bioindication, skills.*

Общие требования к формированию социокультурных компетенций выпускника высшего учебного заведения определяются следующими принципами: принципом гуманизации, принципом компетентностного подхода, принципом междисциплинарности и интегрированности естественнонаучного и социально-гуманитарного образования во взаимосвязи с социальным и производственным контекстом будущей профессиональной деятельности [1].

Характерными чертами природных и антропогенных экологических проблем являются масштабность их проявления и неоднозначность воздействия как на отдельные регионы, так и на планету в целом. Не последнюю роль в решении этой задачи играют мониторинговые исследования, благодаря которым можно оценить состояние среды, факторы воздействия и степень экологического риска. Главными результатами после изучения, например, спецкурса «Биомониторинг и биоиндикация», студентами-географами и студентами-геоэкологами, можно считать способность молодых специалистов решать проблемы определения качества окружающей среды с использованием доступных биоиндикаторных организмов. Поэтому и целью изучения курса «Биомониторинг и биоиндикация» является познание и изучение методов и практических приемов, используемых в оценке факторов при помощи биологических систем.

При изучении спецкурса необходимо формировать чувственное восприятие природной среды. И делать это нужно на конкретных примерах своего региона и особенно города, следует показывать негативное и позитивное антропогенное воздействие на окружающую среду и воздействие последствий на человека. Курс лекций спецкурса «Биомониторинг и биоиндикация» состоит из 10 взаимосвязанных тем, которые направлены на помощь студентам в овладении методами и практическими приемами, используемыми в оценке факторов при помощи биологических систем. Термин «экологическая компетентность» подразумевает системное интегративное качество индивидуальности, характеризующее способность решать проблемы и задачи разного уровня, которые возникают в жизненных ситуациях и профессиональной деятельности на основе сформированных ценностей и мотивов, знаний, учебного и жизненного опыта, индивидуальных особенностей, склонностей, потребностей. Все это предполагает основное направление и методику практических занятий по спецкурсу [2].

Практические занятия студентов могут быть организованы фронтально, когда каждый студент получает индивидуальное задание, либо по групповой системе, когда студенты работают небольшими группами по 2-3 человека. При изучении темы «Регистрируемые показатели состояния биологических систем на разных уровнях биоиндикации» студентам в группах предлагается задание по определению фенов клевера, так как форма рисунка на пластинках листа и частота встречаемости может использоваться как индикатор загрязнения среды. Имеется задание и по расчету коэффициента флуктуирующей асимметрии листьев древесных насаждений, определению типов некрозов листьев березы бородавчатой и др. Для выполнения данного задания студенты должны заранее заготовить гербарный материал, собранный возле антропогенных источников – загрязнителей окружающей среды, что и является деятельностью составляющей при формировании экологической компетентности. На основе анализа экспериментальных данных студентам предлагается составить прогноз возникновения и развития биоповреждающей ситуации, предложить максимально эффективные средства защиты биологических объектов, материалов и изделий. Формы контроля самостоятельной работы студентов устанавливаются преподавателем. Для диагностики сформированности знаний и навыков студентов, что является когнитивной составляющей компетенций, по результатам изучения материала раздела и при итоговой оценке рекомендуется использовать контрольные работы, задания и тесты.

Литература

1. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование. – 2003. – № 5. – С. 34-42.
2. Лебедев О.Е. Компетентностный подход в образовании // Школьные технологии. – 2004. – № 5. – С.3-12.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГЕОПОЭТИЧЕСКОГО ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ *EDUCATIONAL POTENTIAL OF TERRITORIAL GEOPOETIC IMAGE*

Острикова Н.И.
Ostrikova N.I.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва
Moscow State Pedagogical University

Аннотация. В статье осуществляется поиск путей более полной реализации образовательного потенциала геопоэтики, как средства формирования географического образа территории.

Abstract. *In this article I have conducted the search for more complete realization of geopoetic educational process as a means of formation of geographical image of the territory.*

Ключевые слова: географический образ, геопозитика, геопозитический образ, культурная география, ментальное пространство.

Keywords: *geographical image, geopoetics, geopoetic image, humanity geography, mental area.*

В географической науке существует ряд определений понятия «образ». Н.Ю. Замятина обращает внимание, что «образ» в науке предполагает преобладание конкретного мышления над абстрактным, но нельзя отрицать и субъективно-эмоциональный аспект процесса познания. «Образ – это объективно-субъективный комплекс представлений, отражающих в сжатой форме разнообразные свойства объективной реальности, взятые в их творческом преломлении в сознании исследователя» [7]. В географическом образе объединяются естественнонаучные, историко-культурные, эмоционально-психологические элементы формирования целостной картины мира. Д.Н. Замятин пишет, что географический образ – это не место в традиционном понимании, в системе географических координат, но это *собственный образ, требующий географического воображения*, которое опирается на реальное, физическое место [5].

Можно утверждать, что *географический образ выступает как система знаков, символов, которые воздействует на подсознание человека, вызывая определенный чувственный отклик*. На пути создания такого образа большие возможности открывает союз географии и литературы. В конце 60-х годов XX в. возникает понятие «геопозитика», его вводит К. Уайт. Но еще Ф. Ратцель, полагал, что география должна фиксировать впечатления, которые производит местность на наблюдателя и показывать их воздействие на «дух человека». Он вводит понятие «стиль местности», эту научную проблему в дальнейшем развивали А. Геттнер, К. Зауэр, Дж. Лейли [8]. В российской географической школе о значении литературных источников, о наличии в науке импрессионистического, чувственно-эмоционального, субъективного начала писал В.П. Семенов-Тянь-Шанский. Деятельность этих ученых можно считать предтечей гуманитарной или культурной географии и геопозитики, как ее составной части.

Д.Н. Замятин определяет геопозитику как *«широкое междисциплинарное ментальное поле на границе культурной или образной географии и литературы, понимаемой локально, регионально, иначе говоря – пространственно»* [5]. В геопозитике взаимодействуют и сливаются в единое целое культурный ландшафт *гео* и культурная форма *позитика*. Таким образом, возникает новое понятие *геопозитический образ территории*. Под геопозитическим образом понимается символический образ географической территории как единого целого. Но в школьной географии важно создание научного географического образа, сформированного на основе географического знания, как понимание целостного географического объекта.

Основой для создания научного геобраза могут служить символические способы изображения и презентации территории – литературные тексты. Геопозитика переводит процесс географического познания в эстетико-эмоциональную сферу. В то же время, геопозитический образ предполагает выделение доминирующих черт ландшафта и превращение их посредством литературных приемов в узнаваемые знаки, символы. Особая ценность геопозитического образа для образовательного процесса заключается в том, что он позволяет перевести сухой наукообразный язык учебника в живой человеческий опыт (конечно, необходимо избегать откровенного упрощения и примитивизации). Факты и явления, изучаемые географией, подаются в более свободной необычной форме. В результате у обучающихся вырабатывается не только творческий подход к изучению явлений, но и личностное отношение к исследуемому месту географического действия. Можно сделать вывод, что геопозитический образ затрагивает элементы сознания ученика, в результате остается не только научное знание, но и наднаучное индивидуальное представление, соотносимое с некоторой территорией [7, 8].

Реализация геопозитических возможностей в школьном образовании – сложная задача. Литературный текст должен стать источником и инструментом географического познания. Сложность получения образов географической реальности при помощи анализа и трактовки литературных текстов заключается в том, что новая поступающая извне информация должна откладываться на фундамент ранее накопленных знаний [7]. А знания, кругозор, эстетическое восприятие у всех учеников разные. Необходимо также научить ребенка обращать внимание и выделять географические «маркеры» в художественном тексте (в идеале, и в окружающем потоке информации).

Считаю, что организовывать занятия необходимо на основе методов интерактивного обучения. Понятие интерактив происходит от *Inter* – взаимный и *to act* – действовать. Таким образом выстраивается цепочка: взаимодействие – взаимопонимание – взаимообобщение. Интерактивное обучение – это форма *организации* познавательной деятельности. Учитель организует познавательно-учебную деятельность обучающегося таким образом, что ученик самостоятельно разрешает определенные ситуации; одним из методических подходов может быть использование геопозитических принципов. Данная методика хорошо вписывается в стратегию смыслового чтения. Смысл – *с-мысль*, то есть *с мыслью*. Мысль заложена внутри слова, текста, задания. Мысль всегда привязана к действию. *Любая мысль означает определенные действия, ведущие к конечной цели, состоянию, образу*. Это не поток информации, а действие и результат [1, 2].

Интерактивное обучение с применением принципов формирования геопозитического образа способствует формированию универсальных учебных действий, согласно реализации ФГОС ООО [11]. Организовать деятельность обучающегося необходимо таким образом, что ученик самостоятельно разрешает определенные ситуации и проблемы, работая с художественным текстом. Работа с текстом должна проходить в несколько этапов. На первом

этапе работы происходит восприятие информации, содержащейся в тексте, выделяются первые очевидности, символы, знаки; объясняются значения слов, которые лягут в основу достоверного знания. Это этап актуализации уже имеющихся знаний, представлений. На втором этапе ученики рисуют или составляют «словесный портрет» географического места действия на основе литературного фрагмента. Обработывается новая информация, пришедшая извне. Таким образом начинается ассоциативное создание представления о географическом пространстве. На третьем этапе происходит понимание, осмысление географического содержания, ученики находят «географические маркеры» в тексте, выделяют доминирующие черты пространства, ассоциации синтезируются в новые субъективные «метки». Опираясь на эти маркеры, в дальнейшем происходит вычленение географической информации из художественного текста. Эта стадия направлена на формирование истинного знания, комплексной модели пространства через поиск причинно-следственных связей. На четвертом этапе идет активный географический анализ художественного текста, в результате которого образуется минитекст, несущий географическую информацию [1, 7]. Одновременно с этим окончательно складывается географический образ территории, закрепляющийся в подсознании. Обязательным условием является сравнение «портрета» территории, созданного на втором этапе с итоговым образом пространства. Исправляются неточности и ошибки в первоначальном тексте или рисунке. Подводятся итоги.

Приведем примеры. В 8-м классе в курсе «Россия: природа, население, хозяйство» последовательно формируем геопоэтические образы природных зон.

Тема «Природа лесных зон»: разбираем несколько отрывков, например, стихотворения неизвестного автора и Э.А. Асадова «В тайге».

Объясните причины образования болот в зоне тайги

Докажите, что тайга может считаться одним из символов России

Страна болот, лесное царство,
Зверей и птиц родной простор –
Природное души лекарство,
Руси пленительный узор.
(неизвестный автор)

В тайге. Эдуард Асадов.
В светлом инее берёзы,
Злы в Сибири холода!
Речка скрылась от мороза
Под тяжёлый панцирь льда.
Кедров в белых рукавицах
Молчаливо... высоки
Жадно похает лисица
Деревенские дымки ...
На сугробах птичий росчерк,
Ель припудрена снежком,
Дятел, греясь, как извозчик,
О крыло стучит крылом ...
Завалил берлогу свежий
Снег. Мороз трещит окрест.
Спит в своей деже медвежий
Сам "хозяин" здешних мест ...
Только белка-непоседа,
Глаз ореховый кося,
Мчит по веткам, для обеда
Шишку крепкую неся

Почему в Сибири зимой устанавливаются низкие температуры?

Объясните особенности расселения в зоне тайги.

Приведите примеры адаптации растений и животных к условиям тайги.

Что такое иней? Как он образуется? Назовите примеры подобных инею осадков.

Укажите сроки ледостава на реках Сибири. Перечислите особенности режима рек Сибири.

Приведите примеры представителей растительного и животного мира тайги.

Рис. 1. Географический анализ стихотворений о тайге.

Тема «Засушливые территории России»: анализируем отрывки из стихотворений Е. Евсеевой и К.Д. Бальмонта.

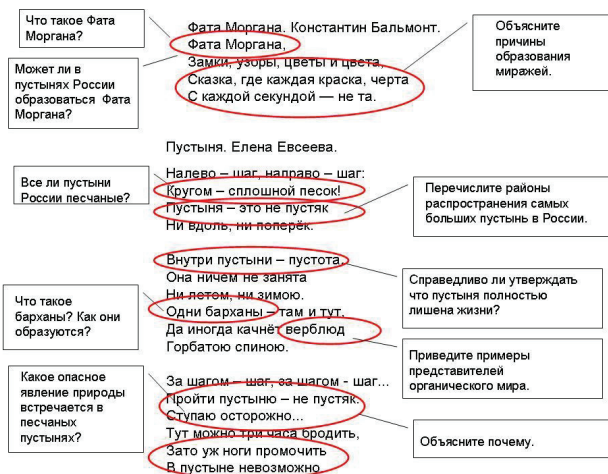

Рис. 2. Географический анализ стихотворений о пустыне.

В заключении отметим, что геопоэтика обладает большим потенциалом для формирования географического образа территории. Геопоэтические образы позволяют отказаться от схематизма и наукообразности в пользу более свободного, творческого, «художественного» отношения к географическому познанию, закладывая в основу формирования образа места чувственное абстрактное восприятие объекта.

Литература

1. Асмолов А.Г., Бурменская Г.В., Володарская И.А., Карабанова О.А., Молчанов С.В., Салмина Н.Г. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий: пособие для учителя; под ред. А.Г. Асмолова. – М.: Просвещение, 2010. – 159 с.
2. Асмолов А.Г., Бурменская Г.В., Володарская И.А., Карабанова О.А., Молчанов С.В., Салмина Н.Г. Проектирование универсальных учебных действий в старшей школе // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 1(5). – С. 104-110.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, испр. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
4. Голд Дж. Психология и география: основы поведенческой географии. Пер. с англ. / Авт. предисл. С.В. Федулов. – М.: Прогресс, 1990. – 304 с.
5. Замятин Д.Н. Культура и пространство: моделирование географических образов [Текст]: диссертация на соискание ученой степени доктора культурологи (24.00.01). – М., 2005. – 435 с.

6. Замятин Д.Н. Феноменология географических образов [Электронный ресурс] / Философско-литературный журнал ЛОГОС. Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/logos/koflr/2000/2000_06.htm#_ftn38

7. Замятина Н.Ю. Взаимосвязи географических образов в страноведении [Текст]: диссертация на соискание ученой степени канд. геогр. наук (25.00.24). М., 2001. – 168 с.

8. Каринский С.С. Синтез образа места как проблема географического страноведения [Текст]: автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. геогр. наук (11.00.02). М., 1990 – 23 с.

9. Михайлов И.Е. Литературная география в школе: дидактический материал для учителей географии. 6-10 классы. – М.: ВАКО, 2014. – 128 с.

10. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. Пособия для высшей школы. – М.: Государственное издательство, 1928. – 311 с.

11. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования. – М.: Просвещение, 2014.

ИНТЕРАКТИВНОЕ ОБУЧЕНИЕ ГЕОГРАФИИ В СТАРШЕЙ ШКОЛЕ:
ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
*INTERACTIVE TEACHING GEOGRAPHY IN HIGH SCHOOL: CHARACTERISTICS OF
ORGANIZATION*

Паневина Г.Н.
Panevina G.N.

КГБОУ ДПО «Хабаровский краевой институт развития образования»,
г. Хабаровск
Khabarovsk Regional Institute of Education Development

Аннотация. В статье предложен один из путей изменения урока географии в старшей школе в условиях перехода на ФГОС ОО, представлен опыт разработки интерактивного учебного занятия со старшеклассниками с использованием методов и приемов интерактивного обучения.

Abstract. *The article proposes one of the ways to change the lesson of Geography in high school in the conditions of transition to the GEF NGO, presents the experience of developing an interactive training session with high school students with the use of methods and techniques of interactive learning.*

Ключевые слова: интерактивное обучение, методы интерактивного обучения, технологическая карта интерактивного урока.

Keywords: *interactive teaching, interactive teaching methods, technological map of interactive lesson.*

Одной из проблем школьного географического образования является снижение интереса к изучению географии в старшей школе. Среди множества

причин остановимся на одной – это использование в обучении старшеклассников технологий прошлого поколения, знакомых им в курсах географии основной школы. Переход из основной школы в старшую школу не сопровождается подъемом над уже изученным содержанием с целью его осмысления в новой комбинации и под практические задачи с обязательным освоением и новых способов работы с информацией (как и их комбинации) по извлечению, преобразованию под решение конкретной задачи. Помочь учителю географии вернуть интерес старшеклассников к изучению своего предмета может интерактивное обучение.

Все методы, которые используются в интерактивном обучении, распределяются по группам. С.С. Кашлев дал им названия, исходя из функций, которые они выполняют. Первую группу объединяют *методы создания благоприятной атмосферы, организации коммуникации*. Назначение методов данной группы состоит в формировании позитивной мотивации предстоящей деятельности, установлении благоприятной атмосферы для коммуникации, обеспечивающей взаимодействие, сопровождающиеся эмоциональным настроением на совместную деятельность. Это так называемая «коммуникативная атака», организуемая педагогом для быстрого включения в совместную деятельность.

Вторая группа – *методы обмена деятельностью* призвана обеспечить возможность быстрого и эффективного обмена деятельностью между участниками педагогического взаимодействия. Основным признаком этих методов является организация работы во временных творческих группах. В основе третьей группы – *методов мыследеятельности* лежит организация и стимулирование мыслительной деятельности школьников и педагога. Назначение данной группы обеспечивается выполнением мыслительных операций (анализ, синтез, сравнение, обобщение, классификация, абстрагирование и др.), а также обменом ими между участниками педагогического процесса.

Наиболее сложными для школьников являются *методы смысловорчества*, которые направлены на организацию процесса «творения (создания) личностью своего индивидуального смысла о чем-либо в окружающей действительности, в самом себе»¹. «Смысловорчество – это процесс создания субъектом деятельности нового значения, содержания о чем-либо через призму своей индивидуальности»².

Самым интересным для школьников являются *методы рефлексивной деятельности*, которые имеют три ведущих компонента:

- фиксирование состояния развития;
- определение причин этого;
- оценка продуктивности развития от состоявшегося педагогического взаимодействия.

¹ Кашлев С.С. Интерактивные методы обучения: учеб.-метод. пособие – Минск: Тетра Системос, 2013. – 224 с. – С. 105.

² Там же. С. 107.

И завершают список *интегративные методы (или интерактивные игры)*, которые интегрируют в себе все вышеназванные методы. Цель интерактивной игры – изменение и улучшение моделей поведения и деятельности участников педагогического процесса взаимодействия на основе интенсивной коммуникации, общения, обмена деятельностью, сменой и разнообразием видов деятельности, процессуальностью (изменением состояния участников), целенаправленной рефлексией участниками своей деятельности.

Каковы преимущества использования интерактивного обучения старшекласников? Во-первых, интерактивное обучение позволяет развивать старшекласникам в новых условиях универсальные учебные действия, которые были сформированы в основной школе. Во-вторых, перейти из формата урока в учебное занятие, которое позволяет осваивать новые знания и умения в пространстве самостоятельной деятельности и сотрудничества, приобретения и применения опыта социальной и творческой деятельности, эмоционально-ценностного отношения к миру.

Понятие «учебное занятие» отражает в новой форме организации учебного процесса ведущую роль дела – занятия ученика, как субъекта собственной деятельности, занимающего в нем активную позицию. Именно эту активность и позволяет обеспечить интерактивное обучение.

В статье Е.В. Кортаевой, посвященной особенностям организации интерактивного обучения¹ приводится формат интерактивного занятия, который вместе с учителями географии на курсах повышения квалификации был использован при разработке учебных занятий в 10-м классе. Структура занятия в формате интерактивного обучения представлена 4 этапами:

– *подготовительный* (включение в ситуацию нестандартного обучения, осознание поставленной учебной задачи и демонстрация готовности приступить к ее решению),

– *интраактивное общение* (поиск решения учебной задачи внутри микрогруппы, освоение правил учебного сотрудничества, включение в ролевое взаимодействие, подготовка внутригруппового решения на основе обсуждения, выбор его презентации и защиты),

– *интерактивное общение* (предъявление групповых решений, сравнение и оценка представленных вариантов на основе аналитического, критического и креативного подходов в ситуации учебного сотрудничества),

– *рефлексивный* (конструктивная актуализация мнения по поводу формы и содержания проведенного занятия, учебной и коммуникативной задач).

В рамках проекта ФЦПРО Хабаровский краевой институт развития образования разработал программу и проводит бюджетные стажировочные курсы для учителей географии Хабаровского края и регионов России. В 2016 и 2017 гг. такие курсы состоялись в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре (Хабаровский край), Уссурийске (Приморский край), Биробиджане (Еврейская АО), Благовещенске (Амурская область). Проведение очных и

¹ Кортаева Е.В. Интерактивное обучение: мифы и реалии // Школьные технологии. – 2013. – № 4. – С. 41-48.

дистанционных стажировочных курсов в различных регионах России планируется и в 2018 г. В феврале 2018 г. состоялся вебинар «Интерактивный урок географии», с материалами которого можно познакомиться на странице сайта «Российский учебник», посвященной методическим вебинарам.

Один из методических продуктов стажировочных курсов 2017 г. представлен ниже в виде технологической карты сценария интерактивного занятия, которую составили учителя географии Хабаровска Т.Ю. Андреева, Л.И. Прудаева и Н.Г. Зайцева.

Технологическая карта учебного занятия по теме «Урбанизация как глобальный процесс современности»

Этапы	Учебно-познавательная и учебно-практическая задача	Прием	Форма работы, особенности	Продукт (результат)
Подготовительный	На основе предложенного видеоряда «Темпы урбанизации в мире» о крупнейших агломерациях мира (Токио, Нью-Йорк, Мехико) и рассказа учителя, работая в парах, найти позитивные и негативные стороны жизни в крупных «глобальных» (мировых) городах. Свод-анализ представить в виде таблицы	«Картинная галерея»	Фронтальная работа: аргументированные плюсы и минусы городской жизни	Свод – анализ «Достоинства и недостатки жизни в глобальных городах»
Интра-активный	Изучите содержание кейса, выделите проблемы «мирового» (глобального) города и сгруппируйте их по видам	«Четыре угла»	Групповая работа. Кейсы: 1. «Глобальные города. Токио», 2. «Глобальные города. Нью-Йорк», 3. «Глобальные города. Мехико», 4. «Города-призраки»	«Проблемы городских агломераций»
Интерактивный	В предложенных группах презентациях составьте интеллектуальную карту «Виды проблем городских агломераций». Итоговый вопрос в завершении работы: как вы оцениваете развитие	«Ажурная пила»	Межгрупповая работа по составлению схемы, объединяющей четыре группы проблем (экологические,	Интеллектуальная карта «Виды проблем городских агломераций»

	крупных городов – как положительное или как отрицательное явление?		транспортные, социальные, экономические)	
Рефлексивный	Как изменилось ваше отношение к урбанизации, как глобальному процессу современности в течение урока?	«Открытый микрофон»	Индивидуальная работа по формулированию аргументов	Отношение к проблеме урбанизации

Литература

1. География в современной школе: Монография. А.А. Лобжанидзе, И.И. Барина, Н.Ф. Винокурова, В.В. Никола, В.Д. Сухоруков; под ред. А.А. Лобжанидзе / Русск. геогр. общ-во. – М., 2014. – 292 с.

2. Кашлев С.С. Интерактивные методы обучения: учеб.-метод. пособие. – Минск: Тетра Системос, 2013. – 224 с.

3. Кларин М.В. Интерактивное обучение – инструмент освоения нового опыта // Педагогика. – 2000. – № 7.

4. Коротаяева Е.В. Интерактивное обучение: мифы и реалии // Школьные технологии. – 2013. – № 4.

5. Николина В.В. Учебное занятие по географии – форма организации развивающего образования в контексте ФГОС // География и экология в школе XXI века. – 2017. – № 6.

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗДЕЛА КУРСА
«ГЕОГРАФИЯ РОССИИ»
*APPROACHES TO THE STUDY OF THE REGIONAL SECTION OF THE COURSE
"GEOGRAPHY OF RUSSIA"*

Таможняя Е.А., Беловолова Е.А.
Tamozhnyaya E.A., Belovolova E.A.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва
Moscow State Pedagogical University

Аннотация. Региональный раздел играет важную роль в курсе «География России» 8-9 классов. В разделе конкретизируются общие понятия курса, причинно-следственные связи, усложняются виды учебной деятельности и совершенствуются усвоенные способы действий школьников с различными средствами обучения. Изучение региональной части курса основано на реализации целого ряда методологических принципов и методических подходов, важнейшими из которых выступают личностно-ориентированный и деятельностный.

Abstract. *The regional section plays an important role in the course "Geography of Russia" 8-9 class. In this section, the general concepts of the course, cause-effect relations, the types of educational activity become more specific, and the learned ways of actions of schoolchildren with various teaching aids are improved. The study of the regional part of the course is based on the implementation of a number of methodological principles and methodological approaches, the most important of which are personal-oriented and activity-oriented.*

Ключевые слова: региональный раздел, личностно-ориентированный подход, деятельностный подход.

Keywords: *regional section, the person-oriented approach, the activity approach.*

Региональный раздел представляет собой содержательное ядро курса «География России» 9 класса. В этом разделе конкретизируются общие понятия (природные ресурсы, трудовые ресурсы, специализация, топливно-энергетический баланс и др.), причинно-следственные связи, усложняются виды учебной деятельности и совершенствуются усвоенные способы действий с различными источниками географической информации. Изучение региональной части курса основано на реализации целого ряда методологических принципов: комплексности, историзма, гуманизации, проблемности и других. Что касается методических подходов к изучению региональной части курса «География России», то это, в первую очередь, *личностно-ориентированный и деятельностный подходы*. Их реализация возможна разными путями, в том числе и посредством использования в учебном процессе разнообразных педагогических технологий. [3, 5]

Региональный раздел имеет важное мировоззренческое значение. Проблемы устойчивого и согласованного социально-экономического развития страны и ее отдельных регионов являются как никогда актуальными на современном этапе становления России как равноправного и стабильного члена мирового сообщества.

Социально-экономические проблемы регионов России связаны со сложившейся территориальной структурой хозяйства нашей страны, которая имеет ряд особенностей. Во-первых, нашей стране присуща европейско-азиатская асимметрия: на Европейскую часть страны приходится более 70% промышленного потенциала, а на Сибирь и Дальний Восток – менее 30%.

Во-вторых, для географии хозяйства характерна широтная зональность. Главная экономическая полоса России занимает 1/3 территории страны и соответствует основной полосе расселения. В пределах главной экономической полосы производится около 80% промышленной продукции и более 90% сельскохозяйственной. В то же время на огромную по площади зону Российского Севера приходится от 80 до 90% важнейших минеральных ресурсов современной России и менее 1% площади российской пашни.

Третья особенность – глубинность территориальной структуры хозяйства – проявляется в удаленности главных экономических центров от морей и

государственных границ. Срединные районы (Поволжье, Урал, Западная Сибирь) осваивались в предвоенные и послевоенные годы как замена районов старого освоения, расположенных вблизи границ. Кроме того, богатые природными ресурсами срединные районы находятся на перекрестке транспортных путей между источниками сырья на востоке и заводами-потребителями на западе.

Четвертая особенность ТСХ – контраст между центрами и периферией. Так, в Московском столичном регионе промышленной продукции выпускается более чем в 2000 раз больше, чем на Чукотке. Велики различия внутри республик, краев, областей, где крупным промышленным центром обычно является местный административный центр. Контраст между центрами и периферией проявляется не только в объеме производимой продукции, но и в уровне социально-экономического развития разных регионов.

До недавних пор приоритет в развитии регионов отдавался экономической составляющей. Это соответствовало до поры общемировым тенденциям регионального развития эпохи индустриализации, в которую региональная политика государств была нацелена в первую очередь на транспортно-инфраструктурное развитие, технологические и инженерно-строительные проекты.

В развитых странах Запада эпоха индустриализации закончилась еще в 1970-е годы XX в. В России аналогичные процессы стали происходить позднее. До конца 1990-х годов продолжалась неэффективная политика выравнивания уровня индустриализации регионов. На рубеже XX-XXI вв. сложилось понимание того, что региональные ресурсы для индустриального развития исчерпаемы и зачастую невосстановимы (это касается как трудовых, так и природных ресурсов), что фундаментальной ценностью является предоставление всем гражданам государства определенной совокупности социальных благ – повышение «качества жизни».

В «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» было отмечено, что одной из перспективных задач нашей страны является решение социально-экономических проблем регионального развития. Региональная политика РФ направлена на обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов Российской Федерации, сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни. Целями регулирования экономического и социального развития регионов с помощью активной региональной политики являются: укрепление единства и целостности государства; преодоление существенных различий между регионами по факторам развития, уровню жизни, пресечение регионального сепаратизма, максимальное использование потенциала межрегионального обмена, создание предпосылок для саморазвития регионов, функционирования без дотаций. Инновационное и социальное направления долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации предполагается реализовать через: развитие научно-

технического и образовательного потенциала крупных городских агломераций с высоким качеством среды обитания и человеческим потенциалом, динамичной инновационной и образовательной инфраструктурой; формирование территориально-производственных кластеров, ориентированных на высокотехнологичные производства в приоритетных отраслях экономики, с концентрацией таких кластеров в урбанизированных регионах; образование и развитие туристско-рекреационных зон; сохранение культурного многообразия, традиционного уклада жизни и занятости коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. [1]

В настоящее время регионы России сильно различаются по целому спектру признаков. Каждый регион имеет свои отличительные признаки, которые определяют неповторимый облик региона, его лицо. Одни регионы России отличаются высокой численностью населения и по уровню экономического развития сопоставимы с некоторыми государствами зарубежной Европы, другие только начинают осваиваться, но при этом выделяются большой площадью своей территории и природно-ресурсным потенциалом.

Знания о регионах России закладывают основы для формирования интернационализма молодых граждан России, их уважения к культуре и истории своей страны и населяющих ее народов. Региональная часть курса «География России» вносит большой вклад в воспитание географической культуры личности, формирование образа страны во всем ее многообразии и целостности, развития таких качеств личности школьника как патриотизм, духовность, гражданственность, становления активной жизненной позиции гражданина, участвующего в решении ключевых проблем своего государства. Особую актуальность эта позиция приобретает в связи с требованием усиления воспитательного потенциала школьной географии, которое отражено в новом ФГОС ООО. Научное содержание географии в этом нормативном документе рассматривается как база личностного развития школьников. [6]

Идея реализации развивающей и воспитательной направленности географического содержания через усиление комплексного подхода, культурологической, геоэкологической, историко-географической составляющих при изучении регионов России нашла отражение в содержании учебников географии 8-9 классов Издательского центра «Вентана-Граф». [2, 4]

При рассмотрении регионов России авторы учебников исходили из того, что к 9 классу у учащихся уже сложились образы регионов России, которые сформировались под влиянием огромного потока информации, поступившей из прочитанных книг, фильмов, материалов СМИ. При этом следует отметить, что отечественные СМИ зачастую грешат тем, что усиливают в своих публикациях акцент на негативную информацию, еще большее ее приукрашивая, что не всегда соответствует действительности. Таким образом, при изучении региональной части курса «География России» задачей учителя

является формирование у учащихся объективных представлений о территориях, насыщение сложившихся образов регионов достоверной географической информацией. При этом решается важная развивающая задача – научить старшеклассников комплексному мышлению, свободному от стереотипов.

Опыт работы школы в данном направлении и многочисленные исследования показывают, что формирование положительного отношения к стране в целом и отдельным регионам России у школьников возможно, если они получают разностороннюю, комплексную, многоаспектную характеристику этих регионов, знакомятся с современными социально-экономическими проблемами, рассматривают возможные пути дальнейшего развития территорий России. При этом особенности и социально-экономические проблемы развития рассматриваются не только на локальном и региональном (регион проживания – субъект РФ – комплексный регион), но и на глобальном уровне (Россия, как часть мирового пространства).

Благодаря своей проблемности и тесной связи с жизнью изучение регионального раздела не требуют специальной мотивации. А его проблемное, зачастую дискуссионное содержание позволяет использовать разнообразные активные формы уроков – игры, дискуссии и пр., что обусловлено не только проблемностью изучаемого материала (большие возможности для организации дискуссий, экспертиз, решения проблемных ситуаций), но и возрастными психолого-физиологическими особенностями учащихся, их стремлением самоутвердиться, выразить свое мнение, психологической потребностью данного возраста к общению.

Перечисленные выше содержательные и методические аспекты нашли свое отражение в содержании учебных и методических пособий по курсу «География России» ИЦ «Вентана-Граф».

Литература

1. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс] // Правительство России: [сайт]. [2016]. URL: <http://government.ru/info/6217/>

2. Пятунин В.Б., Таможняя Е.А. География России. Природа. Население: 8 класс: учебник для учащихся общеобразовательных организаций / В.Б. Пятунин, Е.А. Таможняя; под общ. ред. В.П. Дронова. – 4-е изд., дораб. и доп. – М.: Вентана-Граф, 2014. – 336 с.: ил.

3. Таможняя Е.А., Белолова Е.А. География России: Хозяйство: Регионы: 9 класс: Методическое пособие. М.: Вентана-Граф, 2015. – 136 с.

4. Таможняя Е.А., Толкунова С.Г. География России. Хозяйство. Регионы: 9 класс: учебник для учащихся общеобразовательных организаций / Е.А. Таможняя, С.Г. Толкунова; под общ. ред. В.П. Дронова. – 4-е изд., дораб. и доп. – М.: Вентана-Граф, 2014. – 368 с.: ил.

5. Таможняя Е.А., Смирнова М.С., Душина И.В. Методика обучения географии: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2016. – 321 с.: ил.

6. ФГОС ООО [Электронный ресурс] // Министерство образования и науки Российской Федерации: [сайт]. [2016]. URL: <http://xn--80abucjiihbv9a.xn--p1ai/documents/543>

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ
АКТИВИЗАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРЕПОДАВАНИИ
ГЕОГРАФИИ БЕЛАРУСИ

*VISUALIZATION OF EDUCATIONAL MATERIAL AS ONE OF WAY OF ACTIVATION
OF ACADEMIC ACTIVITY IN TEACHING GEOGRAPHY OF BELARUS*

Тиханьчик К.А., Сологуб Н.С.
Tikhanchik K.A., Sologub N.S.

Белорусский государственный педагогический университет
им. Максима Танка, г. Минск, Республика Беларусь
*Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk,
Republic of Belarus*

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы визуализации географической информации на уроках. Приводится краткая информация из истории возникновения понятия «визуализация» и конкретные примеры ее использования на уроках по географии Беларуси.

Abstract. *In the article questions of visualization of the geographical information are considered. Brief information is provided from the history of the concept of «visualization» and concrete examples of its use in lessons on the Geography of Belarus.*

Ключевые слова: визуализация, визуализация информации, наглядность, онлайн-ресурсы, география.

Keywords: *visualization, visualization of information, visibility, online resources, geography.*

В современной культуре, теоретической мысли, практической деятельности, в том числе и образовании, растет интерес к наглядности, визуализации, визуальному мышлению. Например, это проявляется в повсеместном использовании компьютерных мультимедийных презентаций, которые используются на всех этапах и типах уроков.

Появление и перманентное качественное развитие информационно-коммуникационных технологий вносит существенный вклад в активизацию внимания к феноменам наглядности, визуализации, визуального мышления вообще, применительно к образовательной сфере деятельности [3].

Как утверждает американский исследователь Наст Джейми, линейная передача информации, линейное мышление, линейное решение проблем, линейные записи – все это не отражает особенностей обработки информации

человеческим мозгом [2]. К сожалению, линейная передача информации – это основной способ, все еще используемый 98% человечества в бизнесе, образовании и в жизни в целом.

Слово «визуализация» происходит от латинского *visualis* – воспринимаемый зрительно, наглядный. Термин «визуализация информации» впервые был предложен в работе Робертсона, Гарда и Макинлея в конце 80-х годов прошлого века, чтобы описать представление абстрактной информации средствами визуального интерфейса [1].

Визуализация информации – это процесс представления данных графически, для лучшего зрительного восприятия абстрактных данных человеком. При этом абстрактные данные включают как числовые, так и нечисловые данные, текстовую и пространственную информацию. Благодаря возникновению образов и соответствующих ассоциаций, визуализация информации позволяет пользователям эффективно извлекать данные из абстрактных понятий. Визуализация является мостом, связывающим зрительную систему человека и компьютер, помогая идентифицировать образы, строить гипотезы и извлекать идеи из огромных массивов данных, что способствует научному исследованию и прогнозированию [4].

Известный дидактический принцип наглядности Я.А. Коменского, по сути, выступает историко-логической точкой отсчета понимания, оценки современного роста внимания к феноменам наглядности, визуализации, визуального мышления [3].

Существует принципиальное отличие «наглядности» от «визуализации». Педагоги часто говорят о наглядности, наглядных материалах, однако, картинка с подписью не всегда включает визуальный интеллект. Визуализация – это работа, которая позволяет преобразовать информацию в целостный, хорошо организованный образ.

Наглядный – это то, что можно непосредственно созерцать и понимать, доступный и убедительный для непосредственного наблюдения, понимания – наглядный пример. Наглядность – это иллюстрация какого-то предмета или явления. Визуальность подразумевает создание символа, за которым может стоять большая группа данных, фактов, эмоциональная оценка информации. С ростом количества и доступности данных визуализация информации становится все более важной.

Существует два основных типа визуализации данных: исследование, которое помогает найти историю, сообщаемую вам, и объяснение, которое рассказывает историю аудитории. Оба типа визуализации данных должны учитывать ожидания аудитории.

В этих двух основных категориях существует множество различных способов визуализации данных: иллюстрации, образы, диаграммы, таблицы, инфографика, ментальные карты, картоиды и т. д.

По значимости и информативности к самым первым примерам визуализации пространственной информации можно отнести географические карты.

Годы		Насялёныя ў тысячач:					
		1860	1870	1880	1890	1900	1910
Мэсты	Годы						
Вiльня		50	60	88	125	165	200
Дзвiнск		25	29	57	70	77	108
Менск		25	36	48	70	95	105
Вiцебск		24	31	45	60	80	100

Рис. 1. Рост больших городов Беларуси [5]

Так, в первом учебнике по географии Беларуси, написанном А. Смоличем, также содержатся определенные элементы визуализации для наглядной подачи статистической информации: таблицы (рис. 1), столбиковые и площадные диаграммы (рис. 2, 3).

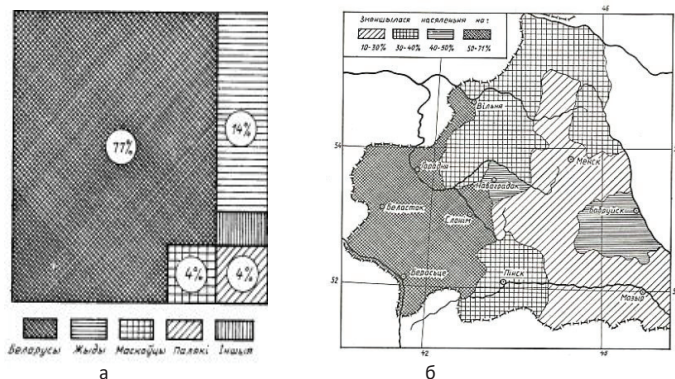

Рис. 2. Примеры визуализации из учебника А. Смолича «География Беларуси» (1919 г.):

а – диаграмма «Национальный состав населения Беларуси»;

б – картосхема «Изменение населения в западной Беларуси за период войны (1914-1919 гг.)» [5]

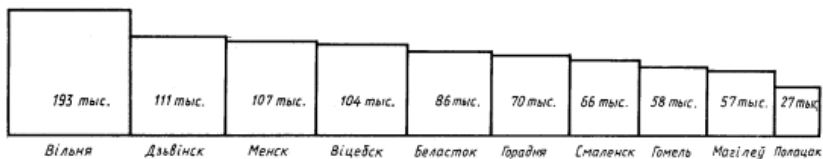

Рис. 3. Примеры столбиковой диаграммы из учебника А. Смолича «География Беларуси» (1919 г.) [5]

Таким образом, мы можем сделать вывод, что визуализация давно используется в подаче информации пользователю. Стоит отметить, что

методы визуализации, как и сам продукт – изображение, проходили «эволюционное» развитие. Так, в первом учебнике по географии Беларуси 1919 г. также использовались методы визуализации, однако, иллюстрации были черно-белыми, современные же технологии позволяют визуализировать информацию как в разных форматах, так и различной цветовой гамме.

Существует множество сервисов для визуализации пространственной информации, мы можем рекомендовать использовать онлайн-ресурс «Countrymeters». В этом проекте вы можете найти статистику текущего состояния населения любого государства: счетчики населения, количества рождений и смертей, числа мигрантов и общего роста населения в реальном времени. Данные о численности населения большинства стран основаны на публикациях Отдела народонаселения при Департаменте по экономическим и социальным вопросам ООН [6].

«Population Pyramids» (пирамиды населения), также называемые «возрастными пирамидами», представляют собой графическую иллюстрацию, которая показывает распределение различных возрастных групп в форме пирамиды. Этот инструмент может быть использован для визуализации полового и возрастного состава населения конкретной страны [8].

«Worldmapper» – это совокупность карт мира, где на каждой карте пересматриваются территории по предмету интереса.

Онлайн-ресурсы педагог может использовать как при подготовке к уроку, так и непосредственно на уроке. Так, ряд описанных выше онлайн-ресурсов позволяет применять визуализацию на уроках географии Беларуси. Приведем ряд примеров.

При изучении в школьном курсе географии Беларуси в теме «Население» мы можем использовать онлайн-ресурс «Countrymeters.info». Он позволит нам сравнить несколько стран-соседей Беларуси, стран бывшего СССР, со схожими тенденциями естественного прироста.

На рис. 4 цветовой гаммой показана динамика населения в мире за год. Учащимся предлагается проанализировать информацию и ответить на вопрос: какое место занимает Беларусь среди стран бывшего СССР? (На рисунке показано, что Беларусь, Россия, Эстония, Туркмения находятся на одном уровне по росту численности населения – от 0 до 1,5% в год). Естественный прирост в этих странах положительный по сравнению с другими государствами, особенно странами Европы. Однако, для Беларуси характерны общеевропейские тенденции в половозрастной структуре населения: увеличение доли пожилого населения, суженный тип воспроизводства населения.

Онлайн-ресурс «Population Pyramids» позволяет сравнить половозрастные пирамиды нескольких стран, проследить динамику, сделать прогноз. Учащимся предлагается ответить на вопрос: как изменится половозрастная структура при сохранении современной тенденции?

На пирамидах (рис. 5) мы можем заметить существенные изменения: через 5 лет будет преобладать население, находящееся в возрастной группе 30-34 лет, численность населения в младшем школьном возрасте по-прежнему

будет невелико, а через 10 лет, преобладающая по численности группа белорусов будет иметь возраст 35-39 лет. Это может быть связано со снижением рождаемости и увеличением смертности.

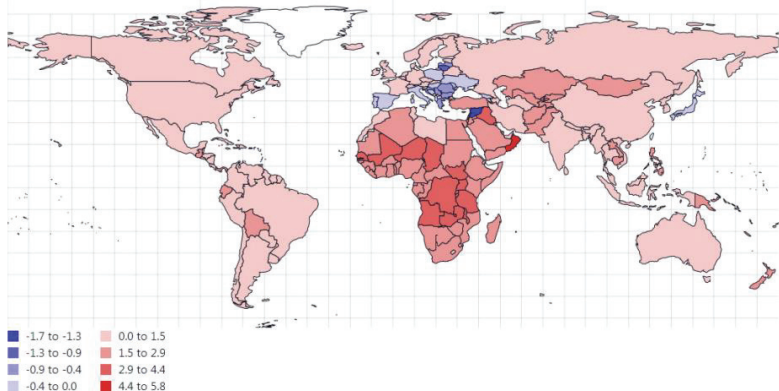

Рис. 4. Динамика населения (% в год) [6]

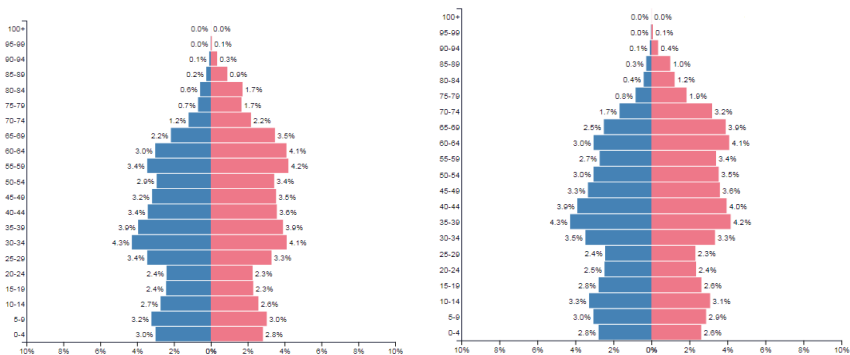

Рис. 5. Половозрастные пирамиды населения Беларуси в 2020 и 2025 гг. [8].

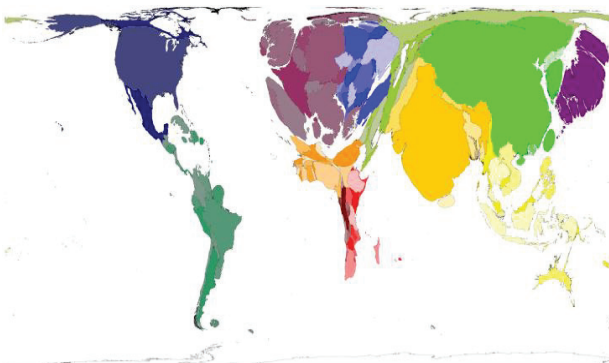

Рис. 6. Численность пожилых людей в странах мира [9]

Онлайн-ресурс «Worldmapper» позволяет быстрее воспринять большое количество информации с помощью карт-анаморфоз. Учащимся предлагается, используя рисунок (рис. 6), сделать вывод о численности пожилого населения Беларуси и сравнить его с другими странами мира. Какой регион мира является лидером по этому показателю и почему? Как изменится ситуация по этому показателю в Республике Беларусь при сохраняющихся демографических тенденциях?

Таким образом, подобные инструменты позволяют учителю визуализировать сложную для восприятия учащимися статистическую информацию, а без восприятия этой информации и понимания тенденций невозможно сформировать целостный образ страны и мира.

Литература

1. Визуализация информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-asveta.edu.by/index.php/distancionni-vseobuch/obuchenie-online/sredstva-vizualizatsii-informatsii/95-визуализация-информации>. – Дата доступа: 17.12.2017.
2. Джейми Н. Эффект визуализации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psy.wikireading.ru/91307/> – Дата доступа: 17.12.2017.
3. Маслов В.М. Наглядность и визуализация в парадигмальном и гуманистическом планах / В.М. Маслов // Современные проблемы науки и образования. – № 2. – 2014. – С.634-638.
4. Пескова О. Визуализация информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://peskova.ru/InfoVis.aspx>. – Дата доступа: 17.12.2017.
5. Смоліч А. Географія Беларусі / А. Смоліч. Пасьлясл. А. Ліса. – 4-е выданне. – Мн.: Беларусь, 1993. – 382 с.
6. Countrymeters [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Countrymeters.info – Дата доступа: 17.12.2017
7. Information visualization [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Information_visualization. – Дата доступа: 17.12.2017.
8. Population Pyramids [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.populationpyramid.net/> – Дата доступа: 15.12.2017
9. Worldmapper [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldmapper.org/> – Дата доступа: 18.12.2017

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ
ПРАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ
С ГЕОИЗОБРАЖЕНИЯМИ
*SOME METHODOLOGICAL ADVICE ORGANIZATION OF PRACTICAL ACTIVITY
OF YOUNG SCHOOLBOYS WITH GEO-IMAGES*

Эмирова М.Е.
Emirova M.E.

ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»,
г. Москва
Moscow State Pedagogical University

Аннотация. В статье рассматриваются методические приемы работы младших школьников с геоизображениями: планом, картой, фотоснимками и фотопланами.

Abstract. *In the article methodical methods of work of younger schoolchildren with geoimages are considered: a plan, a map, photographs and photographic plans.*

Ключевые слова: картографическая грамотность, геоизображения, методические приемы.

Keywords: *cartographic literacy, geoimages, methodical techniques.*

Формирование основ картографической грамотности у младших школьников – это процесс, требующий особого внимания при выборе методических приемов и методов обучения. Главная задача учителя – научить детей практическим приемам работы с различными геоизображениями.

Термин «геоизображения» обозначает любую пространственно-временную, масштабную модель земных объектов или процессов, представленную в графической образной форме [2].

Методически верно организованная практическая деятельность с геоизображениями помогает формированию у младших школьников представлений, понятий, суждений и умозаключений, а также прогнозированию возможных явлений, процессов или ситуаций в природе или во взаимоотношениях природы и человека. Для того чтобы работа с геоизображениями осуществлялась на высоком качественном уровне, учителю необходимо применять на уроке различные методы и методические приемы обучения, выбирая оптимальные из них в соответствии с темой и задачами урока.

Методический прием – это элемент конкретного метода, выражающий умственные или практические действия учителя и учащихся в процессе обучения. Методические приемы применяются с целью усиления возможностей того или иного метода и вне метода теряют свое значение [1].

На данный момент в практике начальной школы существует много различных приемов работы с геоизображениями. Их можно разделить на три группы: приемы работы с планом, картой, фотоснимками и фотопланами.

К первой группе относятся следующие методические приемы работы с планом:

- сопоставление условного знака и его изображения;
- показ различных объектов на плане, рассказ о них;
- сравнение плана и карты по некоторым признакам: масштаб, условные знаки, определение сторон горизонта, размер изображаемой территории;
- привлечение впечатлений от наблюдений за объектами природы;
- практические занятия на местности: установить местоположение предметов по сторонам горизонта, определить расстояния между ними;
- составление собственного плана небольшого участка местности;
- обмен составленными планами местности с соседями по парте и последующая работа с планами: рассказ об изображенной территории, используя условные знаки.

Ко второй группе относятся методические приемы работы с картой:

- определение сторон горизонта и расположения относительно них различных объектов;
- определение своего местонахождения;
- определение соседних населенных пунктов;
- разработка маршрута движения от начальной до конечной точки следования, перечисление объектов, встречающихся на пути;
- показ на карте мест, где удалось побывать учащемуся, привлечение собственного опыта школьников;
- поиск аналогов. Называется географический объект, перед учащимися ставится задача найти как можно больше объектов со сходными признаками (название начинается на ту же букву, это столица, это страна, имеет выход к морю и др.);
- поиск объекта на карте: работают два ученика, один называет объект, другой показывает его на карте;
- нанесение на контурные карты названий и условных знаков;
- работа с политической картой: назвать страну и столицу, назвать соседние страны, реки, расположенные на территории страны, имеются ли водные границы и т.д.;
- работа с интерактивной доской: разместить на карте подписи, флаги, изображения достопримечательностей и др.

К третьей группе относятся методические приемы работы с фотоснимками и фотопланами:

- описание изображений и нахождение знакомых объектов;
- сопоставление с географической картой;
- нанесение на изображения названий знакомых объектов.

Все вышеперечисленные методические приемы работы с геоизображениями закладывают основы картографических знаний и умений: умения читать план и карту, ориентироваться на местности, пользоваться

некоторыми картографическими терминами. Необходимо помнить, что работа с фотоснимками и фотопланами в начальной школе осложняется тем, что на них отсутствуют надписи, цветовая гамма и условные обозначения к которым привыкли школьники. Изображенные объекты и территории необходимо узнавать, опираясь на уже сформированные представления и образ карты в воображении. Поэтому работа с данными геоизображениями является более трудной, чем работа с картами и планами, и должна осуществляться только на основе успешного усвоения методических приемов работы с планом и картой. Однако знакомство учащихся с данными геоизображениями позволяет сформировать представления о том, как выглядят географические объекты в реальности, и сопоставить их с условными обозначениями на карте.

Организация практической деятельности учащихся с геоизображениями обеспечивает высокую степень овладения картографическим учебным материалом и умениями применять полученные знания на практике.

Литература

1. Григорьева Е.В. Методика преподавания естествознания в начальной школе: учеб. пособие для студентов пед. вузов. – 2 изд., испр. и доп. – Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2015.
2. Конспект лекций по дисциплине системное картографирование. – Новосибирск, ФГБОУ ВПО СГГА, 2016.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК АВТОРОВ

Абдуллина Миляуша Фаиловна – магистрант ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа

Абрамович Александр Александрович – старший преподаватель кафедры геологии и географии Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, г. Гомель (Республика Беларусь)

Абрамович Ольга Константиновна – старший преподаватель кафедры геологии и географии Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, г. Гомель (Республика Беларусь)

Агафошин Максим Михайлович – ассистент кафедры экономической и социальной географии им. академика РАО В.П. Максакоского Московского педагогического государственного университета, г. Москва

Адамайтис Станислав Александрович – студент МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Акимова Варвара Владимировна – к.г.н., кафедра социально-экономической географии зарубежных стран МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Аришинова Марина Александровна – старший научный сотрудник кафедры физической географии мира и геоэкологии географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Бахчиева Ольга Александровна – д.п.н., профессор Московского государственного психолого-педагогического университета, г. Москва

Беловолова Елена Александровна – к.г.н., доцент кафедры методики преподавания географии Московского педагогического государственного университета, г. Москва

Богатуров Дмитрий Сергеевич – к.г.н., старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

Боголюбов Алексей Вячеславович – магистрант ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа

Василенко Тимур Султанович – студент факультета архивного дела ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», г. Москва

Воробьев Владислав Валерьевич – студент ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет», г. Омск

Галимов Мирас Амангельдиевич – к.г.н., старший преподаватель кафедры географии Западно-Казахстанского государственного университета им. М. Утемисова, г. Уральск (Республика Казахстан)

Гончиков Цыбен Дашицыренович – к.г.н., профессор кафедры географии и геоэкологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ

Горохов Станислав Анатольевич – д.г.н., старший научный сотрудник Института географии РАН, доцент кафедры экономической и социальной географии им. академика РАО В.П. Максаковского Московского педагогического государственного университета, г. Москва

Гусаков Тимур Юрьевич – магистрант МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Дмитриев Руслан Васильевич – к.г.н., старший научный сотрудник Института географии РАН, Института Африки РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Доронина Ксения Андреевна – студентка магистратуры ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Емельянов Александр Сергеевич – к.г.н., доцент кафедры социально-экономической географии и туризма Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, г. Ярославль

Емельянов Дмитрий Александрович – учитель гимназии № 2, г. Ярославль

Жигальская Лилия Олеговна – аспирант кафедры экономической и социальной географии географического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск (Республика Беларусь)

Завада Дмитрий Юрьевич – учитель географии СОШ № 100, г. Воронеж

Закиров Ильнур Вагизович – к.г.н., доцент кафедры туризма, георурбанистики и экономической географии ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа

Закирова Алия Ильнуровна – студентка ФГБОУ ВО «Башкирский государственный медицинский университет», г. Уфа

Захаров Иван Андреевич – младший научный сотрудник ФГБУН «Институт Африки РАН, аспирант кафедры экономической и социальной географии им. академика РАО В.П. Максаковского Московского педагогического государственного университета, г. Москва

Иванов Алексей Викторович – кандидат геолого-минералогических наук, заведующий кафедрой геоэкологии и инженерной геологии Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина, г. Саратов

Казаков Николай Александрович – к.г.н., заведующий кафедрой экономической и социальной географии ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», г. Чебоксары

Ключников Михаил Игоревич – аспирант кафедры социально-экономической географии зарубежных стран, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Коваль Полина Александровна – студентка ФБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет», г. Воронеж

Коновалова Анна Витальевна – аспирант кафедры экономической, социальной и политической географии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар

Коновалова Вера Анатольевна – преподаватель географии высшей категории, ФГКОУ «Пермское суворовское военное училище МО РФ», Пермский край, пос. Звездный

Кузнецов Виктор Викторович – к.г.н, доцент кафедры государственного и муниципального управления Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Владимир

Кузьмин Георгий Владимирович – студент МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Куликова Наталья Юрьевна – студентка магистратуры ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва

Лавров Никита Андреевич – аспирант кафедры экономической и социальной географии им. академика РАО В.П. Максаковского Московского педагогического государственного университета, г. Москва

Леоненко Никита Сергеевич – студент МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Лобанов Григорий Владимирович – к.г.н., доцент кафедры географии, экологии и землеустройства Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск

Лобжанидзе Александр Александрович – д.п.н., заведующий кафедрой экономической и социальной географии им. академика РАО В.П. Максаковского Московского педагогического государственного университета, г. Москва

Лопатников Дмитрий Леонидович – д.г.н., профессор кафедры экономической и социальной географии им. академика РАО В.П. Максаковского Московского педагогического государственного университета, г. Москва

Михайлов Александр Александрович – студент МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Музафина Миляуша Джалиловна – студентка ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа

Нагирная Анастасия Викторовна – к.г.н., научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва

Обедков Анатолий Павлович – доцент кафедры государственного и муниципального управления Коми республиканской академии государственной службы и управления, г. Сыктывкар

Осипенко Галина Леонидовна – старший преподаватель кафедры экологии Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, г. Гомель (Республика Беларусь)

Острикова Нина Игоревна – студентка магистратуры ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет», г. Москва

Паневина Галина Николаевна – к.п.н., заведующая кафедрой Хабаровского краевого института развития образования, г. Хабаровск

Панкратов Алексей Алексеевич – аспирант кафедры макроэкономической политики и стратегического управления МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Паришина Любовь Сергеевна – аспирант Института географии РАН, г. Москва

Петрова Анна Сергеевна – студентка МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Петрова Светлана Игоревна – студентка МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Пономарева Зинаида Васильевна – к.г.н., доцент кафедры географии и туризма ФГБОУ ВО «Воронежский государственный педагогический университет», г. Воронеж

Роготень Наталья Николаевна – к.г.н., доцент Московского педагогического государственного университета и Московского государственного психолого-педагогического университета, г. Москва

Романов Михаил Сергеевич – аспирант кафедры экономической и социальной географии им. академика РАО В.П. Максакского Московского педагогического государственного университета, г. Москва

Романова Эмма Петровна – д.г.н., профессор, заведующая кафедрой физической географии мира и геоэкологии географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Самусенко Дмитрий Николаевич – к.г.н., научный сотрудник Института географии РАН, г. Москва

Сафронова Лариса Евгеньевна – доцент кафедры биологического и географического образования Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир

Соколов Александр Сергеевич – старший преподаватель кафедры экологии Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, г. Гомель (Республика Беларусь)

Соколов Сергей Николаевич – доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии ФБГОУ ВО «Нижевартовский государственный университет», г. Нижневартовск

Сологуб Наталья Станиславовна – старший преподаватель кафедры географии и методики преподавания географии Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка, г. Минск (Республика Беларусь)

Таможняя Елена Александровна – д.п.н. доцент, заведующая кафедрой методики преподавания географии Московского педагогического государственного университета, г. Москва

Титов Антон Николаевич – аспирант кафедры экономической и социальной географии географического факультета Белорусского государственного университета, г. Минск (Республика Беларусь)

Тиханчик Карина Александровна – студентка Белорусского государственного педагогического университета им. М. Танка, г. Минск (Республика Беларусь)

Тихоцкая Ирина Сергеевна – к.э.н., доцент кафедры экономической и социальной географии зарубежных стран МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва

Ткаченко Александр Андреевич – д.г.н., профессор кафедры социально-экономической географии и территориального планирования Тверского государственного университета, г. Тверь

Ушаков Евгений Александрович – младший научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток

Фахрисламова Мадина Ильдусовна – студентка ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа

Фелисеева Анна Андреевна – студентка кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург

Эмирова Марина Евгеньевна – ассистент кафедры методики преподавания географии Московского педагогического государственного университета, г. Москва

Эрдэнэсүх Сарнайцэцэг – аспирант кафедры географии и геоэкологии ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет», г. Улан-Удэ

Яшков Иван Александрович – к.г.н., доцент кафедры геоэкологии и инженерной геологии Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина, г. Саратов

Научное издание

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ:

теория, методология и практика преподавания

Материалы Всероссийской научной конференции

«ТРЕТЬИ МАКСАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

г. Москва, 18 мая 2018 г.

Под общей редакцией Д.В. Зайца

Статьи публикуются в авторской редакции

Компьютерная верстка Д.В. Заяц

Издательство «Перо»

109052, Москва, Нижегородская ул., д. 29-33, стр. 27, ком. 105

Тел.: (495) 973-72-28, 665-34-36

Подписано в печать 24.04.2018. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 17,56. Тираж 80 экз. Заказ 286.

Отпечатано в ООО «Издательство «Перо»